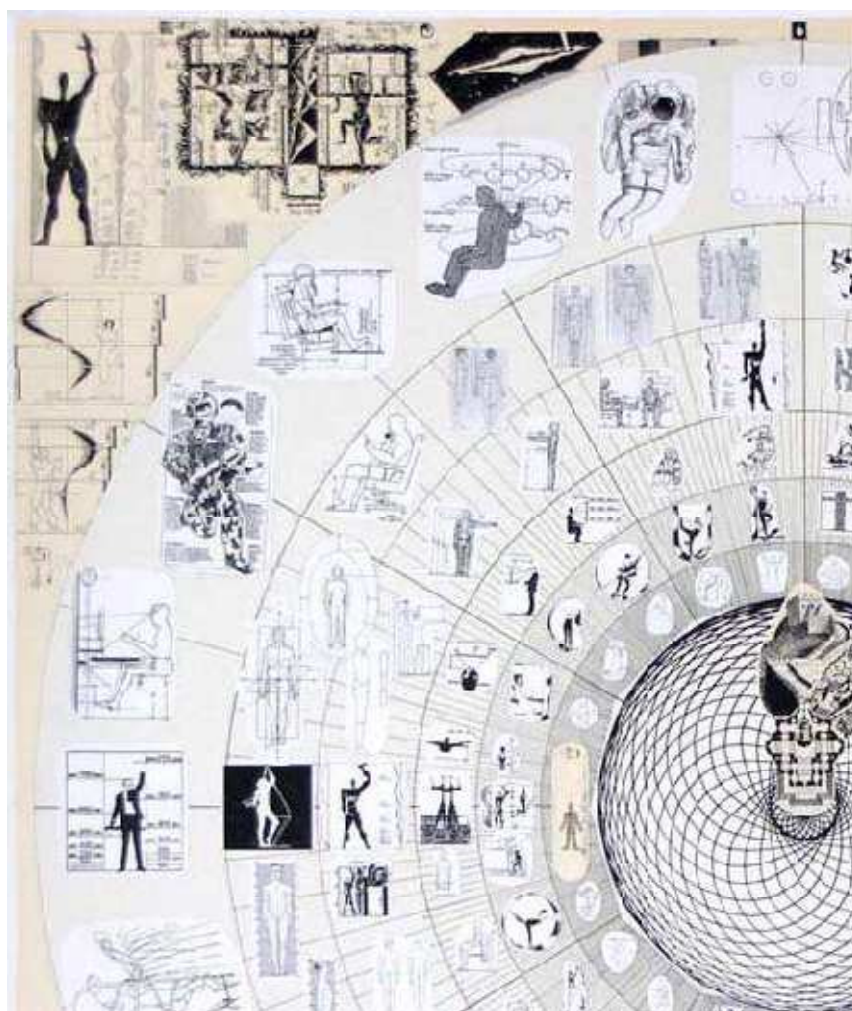

С. В. Норенков
Е. С. Крашенинникова

**АРХИТЕКТОНИКА ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛОВЕКА:
ХРОНОТОПЫ АНСАМБЛЕОБРАЗОВАНИЯ**

Монография

Нижний Новгород
2018

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

С. В. Норенков
Е. С. Крашенинникова

АРХИТЕКТОНИКА ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛОВЕКА:
ХРОНОТОПЫ АНСАМБЛЕОБРАЗОВАНИЯ

Монография

Нижний Новгород
ННГАСУ
2018

ББК 73/76.03+72.04.03

К 78

Н 82

УДК 7.01 + 168:001.5

Рецензенты:

Ахмедова Е. А. – член-корреспондент РААСН, доктор архитектуры, профессор, заведующая кафедрой градостроительства ФГБОУ ВО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет»

Айдарова Г. Н. – доктор архитектуры, профессор, заведующая кафедрой теории и практики архитектуры ФГБОУ ВО «Казанский государственный архитектурно-строительный университет»

Норенков С. В. Архитектоника пространства человека: хронотопы ансамблеобразования [Текст]: монография / С. В. Норенков, Е. С. Крашенинникова; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2018. – 295 с. ISBN 978-5-528-00293-4

Рассматриваются проблемные области феномена архитектоники пространства человека: от новейшей проектной тектоники науки и искусства по организации пространства до архитектурной культуры человека, которая неразрывно связана с гуманизацией всего его окружения. В архитектурном творчестве человека реализуется проявление в самой жизни проектно-технологического синтеза науки и искусства для жизнестроения. Архитектоническое как универсальный интегратор, иерархизатор и координатор ценностей развертывается в «тектонике» (конструктивной логике хронотопов) и в «архи» (высшем гуманистическом принципе разумного созидания ансамблей – ансамблеобразования). Многогранное понимание данных категорий в плане устойчивого развития хронотопов ансамбля выводят на новое качество осмысления архитектоники жизнестроения, созидания и ансамблеобразования пространства человека.

Адресована проектировщикам, философам, эстетикам, культурологам, градостроителям, архитекторам, дизайнерам, искусствоведам, управленцам.

ББК 73/76.03+72.04.03

ISBN 978-5-528-00293-4

© Норенков С.В.,
Крашенинникова Е.С., 2018
© ННГАСУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Часть 1. АРХИТЕКТОНИКА ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛОВЕКА: КУЛЬТУРФИЛОСОФИЯ * ИСКУССТВО * НАУКА	7
Глава 1. СФЕРЫ ПОЗНАНИЯ АРХИТЕКТОНИКИ	8
1.1. Познание архитектуроники пространства	9
1.1.1. Генезис и сущность архитектуронического	9
1.1.2. Отечественные толкования архитектуроники	17
1.1.3. Архитектоника интегрального пространства	21
1.2. Вариации интерпретации «архитектонического»	27
1.2.1. Классические идеализации	27
1.2.2. Бахтиноведческий опыт сборки	30
1.2.3. Продолжение границ (не)понимания	33
1.3. Архитектоника как культура жизнестроения	37
1.3.1. Путеводные нити в континууме	37
1.3.2. Иерархия универсализации смыслов	42
1.3.3. Пути к метакультуре жизнестроения	45
Краткие выводы по первой главе	48
Глава 2. АРХИТЕКТОНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛОВЕКА	49
2.1. Природа архитектуронического искусства	50
2.1.1. Полифункциональность архитектуроники искусств	50
2.1.2. Труд, творчество, искусство	53
2.1.3. Архитектоника эстетического произведения	56
2.1.4. Пределы архитектуронического искусства	59
2.2. Культурно-эстетический анализ архитектуронического творчества	62
2.2.1. Образ жизни как эстетический заказ творцам культуры	62
2.2.2. Внеэстетические аспекты творчества	65
2.2.3. Многоликость феномена полиискусства	68
2.3. Аксиологические проблемы архитектуроники артефактов в ансамблях	72
2.3.1. Ценность в контексте целесообразно целого	72
2.3.2. Критерии совершенства артефактов в системе ансамбля	76
2.3.3. Логика сочувственной квалиметрии	79
Краткие выводы по второй главе	82
Глава 3. АРХИТЕКТОНИКА НАУКИ О ПРОСТРАНСТВЕ	83
3.1. Научное творчество человека по формированию жизнеустройства	84
3.1.1. Множество жизней в отстраненной безжизненной науке	84
3.1.2. Архитектоника науки и архитектуроника качества науки	87
3.1.3. Возможна ли наука наук?	91
3.2. Архитектоника науки о гуманном жизнеустройстве пространства	96

3.2.1.	Жизнеустройство пространства знания как здания	96
3.2.2.	Мировоззренческая архе- и архитектуроника проектирования	99
3.2.3.	Проектный гуманизм науки	102
3.3.	Архитектоника проектирования пространства для людей	105
3.3.1.	Прогнозное проектное моделирование	105
3.3.2.	Тектология коммуникативной инфографики	108
3.3.3.	Синтез знаний для проектирования	111
	Краткие выводы по третьей главе	123
ЧАСТЬ 2. ХРОНОТОПЫ АНСАМБЛЕОБРАЗОВАНИЯ: АРХИТЕКТУРА		124
* ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО * ДИЗАЙН		
Глава 4. АРХИТЕКТОНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЛОВЕКА		125
4.1.	Хронотопы формирования архитектуронической культуры личности	126
4.1.1.	Многоликость хронотопа личности	126
4.1.2.	Культурные парадоксы хронотопообразования	132
4.1.3.	Гармонизаторы многовекторности персональной архитектуронической культуры	138
4.2.	Пространственно-временные закономерности развития архитектуронической культуры людей	144
4.2.1.	Прогнозы из прошлого через многоликое настоящее	144
4.2.2.	Актуализация тенденций настоящего	148
4.2.3.	Опыт продвижения с учетом особенностей стабилизации	159
4.3.	Архитектоника пространства в циклах поступков личности	163
4.3.1.	Архитектоника бахтиноведческого ракурса человеческой пространственности	163
4.3.2.	Культурфилософский ресурс нейро-лингвистического потенциала личности	169
4.3.3.	Опережающая идеализация реальности	173
	Краткие выводы по четвертой главе	177
Глава 5. МЕТОДОЛОГИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВИЗУАЛИЗАЦИИ АРХИТЕКТОНИКИ ХРОНОТОПОВ		178
5.1.	Обозреваемость средового хронотопа: предметно-субстратная ситуация	180
5.1.1.	Ситуативность бытия хронотопов	180
5.1.2.	Предметно-субстратные типологии	184
5.1.3.	Визуализируемая ситуативность среды	189
5.2.	Функционально-деятельностный хронотоп: процессуально-циклическое делопроизводство	193
5.2.1.	Человек как изменчивый хронотоп деятельности	193
5.2.2.	Архитектоническая деятельность	195
5.3.	Системно-полисемантический хронотоп: единство общей теории систем, системологии, систематики, синергетики в синархии	199
5.3.1.	«Син» в единстве системных подходов	199
5.3.2.	Полисемантическая системология хронотопов	203

5.3.3. Системодетерминистские компоненты среды как системы	205
Краткие выводы по пятой главе	212
Глава 6. ИНТЕГРАЛЬНОСТЬ ХРОНОТОПОВ	213
6.1. Интегральная синергия хронотопов	213
6.1.1. Умо- и зримая архитектура пространства	217
6.2. Информационно-интеллектуальный хронотоп: программно-компьютерная телематика	221
6.2.1. Информационный подход к анализу хронотопов	223
6.2.2. Иерархическая подвижность информедиц	226
6.2.3. Телематическое программирование	230
6.3. Архитектурно-организационный хронотоп	232
6.3.1. Хронотопы реорганизации архитектуры	232
6.3.2. Экстратурные способы связи оргструктур	235
6.3.3. Тектолого-технологическая метаархия	238
Краткие выводы по шестой главе	242
Глава 7. АРХИТЕКТУРА НООСФЕРНОЙ МОДЕЛИ ХРОНОТОПОВ АНСАМБЛЕОБРАЗОВАНИЯ	246
7.1. Архитектура визуальная и умозримая	247
7.1.1. Архитектуры ноосферного моделирования	247
7.1.2. Визуальная и умозримая персонификация	250
7.2. Ноосферно-философская архитектура культуры созидания	253
7.2.1. Ноосферно-философская парадигма	253
7.2.2. Ноосфероцентризм срединной иерархии архитектуры	256
7.2.3. Полевые сети ноосферного континуума синергии	260
7.3. Культурфилософия образования: хронотопия архитектурная	264
7.3.1. Образовательная культурфилософия	264
7.3.2. Программирование хронотопов культуры	268
7.3.3. Образовательно-созидательные импульсы	271
Краткие выводы по седьмой главе	283
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	284
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	287

ВВЕДЕНИЕ

Человек в своем труде, творчестве, товарищеской деятельности стремится полнее развить способности и удовлетворить свои потребности, достичь наибольшей гармонии мер с миром и внутри себя. С этой целью он осуществляет множество операций, создает все более сложные и разнообразные предметно-вещные формы, существенно изменяет свое пространственное окружение. В проектной деятельности, предваряющей формирование пространств по проекту как закону для реализации, люди руководствуются множеством наук, принимают во внимание нормы общественного сознания и производственных стандартов, средствами искусства пытаются раскрыть для себя новые горизонты. В связи с этим возникают проблемы культуры созидания в единстве субординации и координации, размежевания и интеграции огромного количества реальных свойств и отношений. Архитектоника со всей необходимостью выступает как всеобщий координатор и интегратор взаимодействий человека с организуемым пространством.

Разные деятельности взаимоопределяют и взаимодополняют друг друга. Причем творчество человека в аспекте его архитектурного взаимодействия с окружающим миром осуществляется не только спонтанно, а закономерно, с учетом необходимой научно-художественной, культурной и технологической эффективности. Анализ иерархической структуры предметно-пространственной среды особенно важен сейчас, когда вещи «как бы» оказываются важнее человека. В современной культуре возникает устойчивый фетиш самооценности вещей. Через возвышение человека над предметным миром возрастает роль общечеловеческого и социогуманитарного в усложняющейся жизни людей.

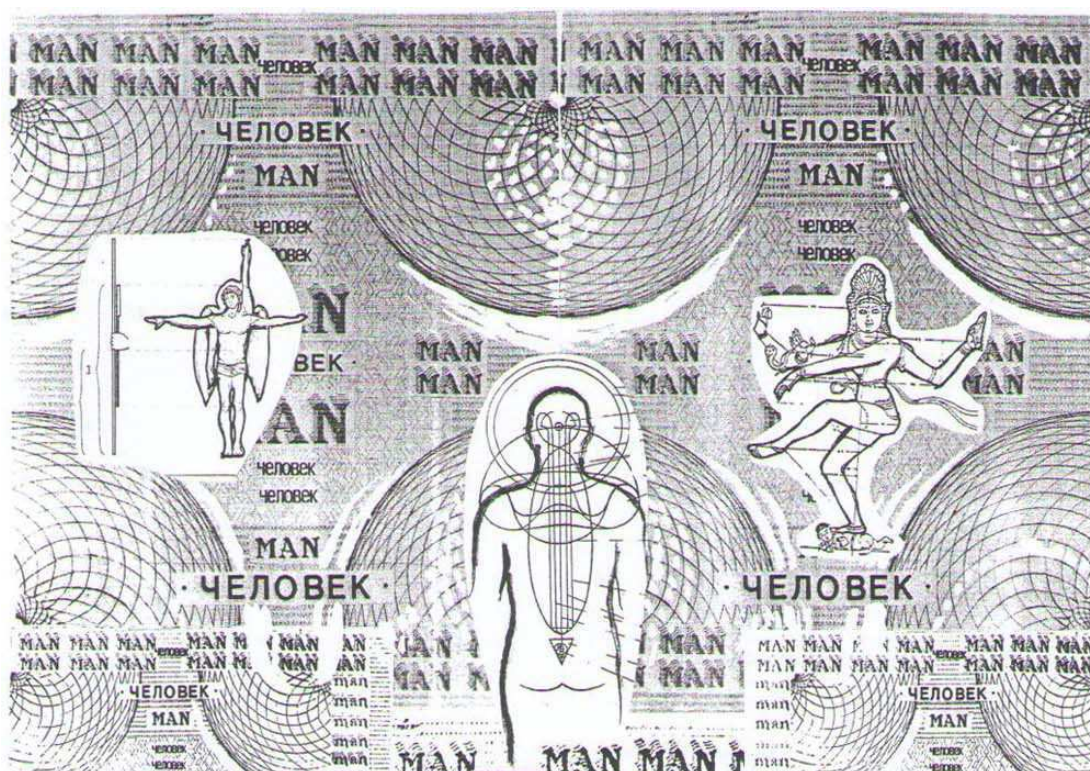
Окружающий мир раскрывается как предметный результат пространствосозидательной (архитектонической) деятельности человека, а сам человек – как универсальное созидающее существо, творящее новые, более высокие ценности (*Homo architectonicus* – лат.). Ведущей характеристикой этого субъекта – «архитектоника» является включенность его в систему деятельности общества, направленной на формирование «второй природы». Важнейшим категориальным звеном в анализе диалектического взаимодействия человека и предметного мира является «архитектоничность», которая рассматривается как философско-культурная и общенаучная категория. Архитектоническое взаимодействие человека и пространства разворачивается и реализуется в динамике временных процессов их противодействия и содействия для становления хронотопов ансамбля.

**ЧАСТЬ 1. АРХИТЕКТОНИКА ПРОСТРАНСТВА
ЧЕЛОВЕКА:
КУЛЬТУРФИЛОСОФИЯ * ИСКУССТВО * НАУКА**

Архитектоника – суть начал («А» – альфа), построения (тектоника, «Текто») и вершителей жизненных судеб («Ника» – героев – победителей). В понимании жизнестроения привносит новые горизонты распознавания идеалов и идолов, идеологий и религий, наук и искусств, культур и цивилизаций. Архитектоника касается, затрагивает важнейшие пласты как персональной культуры человека, так и жизнестроительной, ансамблестроительной, созидательной культуры общества. Важнейшими для познания архитектоники являются культурфилософия, искусство, наука.

ГЛАВА 1. СФЕРЫ ПОЗНАНИЯ АРХИТЕКТониКИ

В данной главе обосновывается категориальный статус понятия «архитектоника». Основания и поиски критериев развертывания рабочей гипотезы в дальнейшем будут синтезироваться в связи с теоретическими и методологическими, онтологическими, гносеологическими, аксиологическими культурологическими проблемами архитектонического творчества человека. Действительно, чтобы считать «архитектоническое» философской, культурологической и общенаучной категорией, необходимо доказательство его всеобщности. Архитектоническое служит для обозначения одной из существенных сторон действительности, и ключевыми ориентирами здесь могут выступать не только собственно закономерности и особенности структурной организации форм развития материи, но и то, как использование данного понятия

в истории философии способствовало движению на пути к истине, в проектном развитии искусства, науки и культуры. Ключевыми фигурами для познания архитектоники являются И. Кант, Г. Гегель, М. М. Бахтин. Известные по публикациям подходы обозначают представительный ряд, который отражает всеобщий характер архитектурных закономерностей в научном познании, в философско-культурологических исследованиях, их широкий социокультурный смысл. Для полноты обоснования статуса архитектоники в отношении организации пространства со стороны всеобщих и общих культур, связей, культурфилософский подход особенно важен. Попытку рассмотреть «архитектоническое» в гипотезе его категориального статуса следует понимать не как уже однозначно доказанное, а как тенденцию уверенного самодвижения понятия на путях взаимодействия междисциплинарных поисков разными авторами и проектировщиками новых пространств самого мироздания.

1.1. Познание архитектоники пространства

1.1.1. Генезис и сущность архитектурного

Поиски сущности архитектурного концентрируются в отношении анализа возможностей и путей возвышения человека над миром ограниченных и неограниченных пространств. Человек поднимается и становится в центре современного культурфилософского, в том числе научно-технического и эколого-технологического знания. Необходимость гуманизации информационных потоков и сверки всех проблем с человеком, его творческой активностью по преобразованию себя и всего, что его окружает, может быть обозначена посредством понятия «архитектоническое». К этой мысли подводит исторический генезис и сама этимология слова, а также образующих его терминов: «архи» - сверх, главенство, связь и «тектоническое» – созидательное искусство, тектоническое творчество, организационное начало или деятельность, направленная на созидание гуманного предметного мира. Тенденцию к универсализации в самодвижении и развитии законосообразности данного понятия можно видеть в истории философии (начиная с древнеиндийской философии начал и китайской категории «ли», аналогичной категории «архи» в древнегреческой философии).

Архитектоническое не ограничивается сферами действия или приложимостью к конкретной области исследования. Однако наиболее полно и рельефно оно проявляется в предметно-созидательной активности человека. Отсюда особый интерес к проявлению архитектурного в сферах практических искусств: градостроительства, архитектуры, дизайна, монументального и прикладного искусства, ремесел, народного и элитного

творчества. В качестве определенных аспектов, моментов, составляющих архитектурное проникает в многообразные сферы науки (иерархичность, структурность, субординационность), религии (епархиальность, ранжированность, патриархальность), культуры (тектоничность, техничность, архитектурность). Все это находит свое выражение в архитектонике пространства человека, в высших его воплощениях, в культурфилософии создания многолюдных пространственных ансамблей. Человечество в течение всей своей сознательной истории пыталось найти философский камень. На самом деле люди не замечали, как в течении длительного времени они по сути своей и создавали реальные философские камни, запечатленные в прекрасных городах и их ансамблях, самой мудрости хронотопов пространства (рис. 1, 2).

Слово «архитектоника» греческое и первоначально означало строительное искусство. Архитектоническое – прилагательное от греч. слова *architectonike* – строительное искусство, состоящее из двух терминов: «архи» – сверх, главенство, над, высшая степень чего-либо и «тектоника» –художественное выражение закономерностей строения, относящееся к строительному искусству.

Известно, что понятия, равно как и категории, рождаются, живут, переходят одно в другое, а иногда уходят из общения. Есть случаи, когда понятие, казалось бы, ни при каких обстоятельствах не способное вместить в себя больше, чем оно уже содержит, получает такой значительный импульс, что может охватить целую научную область, общие законы диалектики или обозначить целую эпоху. В данном случае подразумевается искусство диалога и спора, которое обозначается словом «диалектика».

Освоение мира, его преобразование имеет свою иерАРХию. В последнем слове тоже есть «архи». В трехчастной структуре оно присутствует и в слове матриАРХат (материнский род; лат., *mater* – мать, материя (греч. вещество, начало); греч. *arche*– власть. Отсюда разные производные смыслы слова архитектурника. К примеру, два из них наиболее устойчивых: АРХИтектоника –1) греч., высший «по чину» мастер какого-либо ремесла; 2) высшая власть человека, творящего, созидающего, мироосваивающего; создание, творчество.

Имеется также и целый ряд частных значений. Близко по смыслу к греческому слову «архи» категория «ли» в китайской философии, которая обозначает высший принцип действительности. В противопоставлении архаического как сохранения прошлого в дошедших до нас системах архитектурное приобретает смысл возвышения над ним и трансляцию на будущее с удержанием более высоких форм развития тех или иных систем.

Рис. 1. Архитектоника пространства в идеализированной схеме материалистического подхода к формированию хронологической модели, построенной по правилам наглядной геометрии и серединной иерархии важнейших категорий философского и общенаучного знания

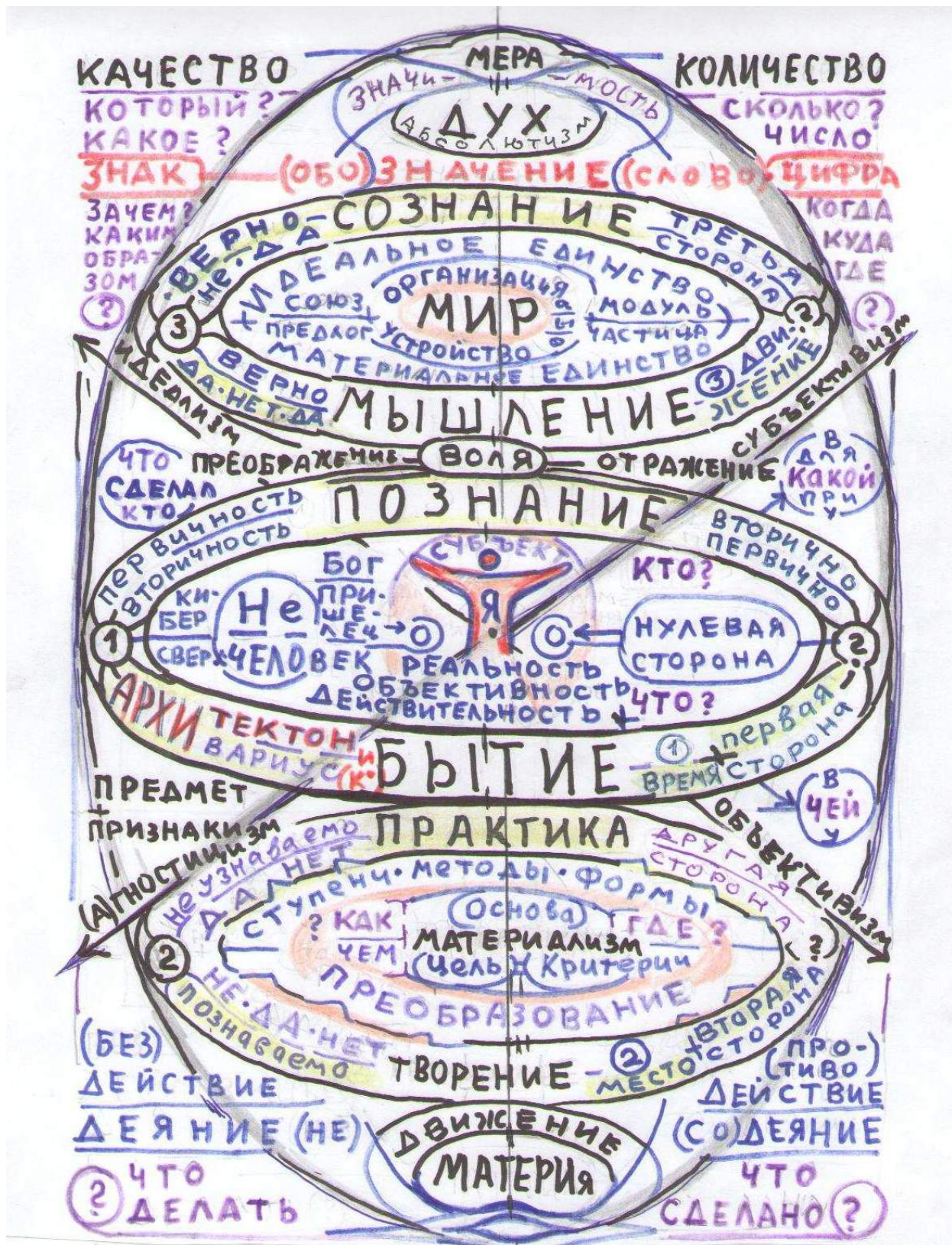

Рис. 2. Схематически-выразительное решение графического концепта основного вопроса философии с прообразом человека и «наконечника иглы в яйце», дают одновременно четыре хронотопа архитектуроники пространства (3 вектора и 1 вектор времени), с дополнениями вопросов по частям речи в русском языке

В древней Греции жили несколько философов под фамилией Архит. Ряд идей некоторых из них выходят на вопросы философского осмысления «архи» [160]. Сегодня анализируемое понятие имеет широкий спектр толкований и раскрывается гораздо шире и глубже. Существуют самые разные обоснования понятия «архитектонического» как междисциплинарной категории, используемой на стыке философии с рядом научных направлений исследований: тектология, геотектоника, тектофизика небесных тел.

Можно выделить несколько «этажей» содержательного типологического определения архитектурного на уровне общего, особенного и единичного. Наиболее общие закономерности данной категории рассматриваются в философском, эстетическом и искусствоведческом планах. В следующих разделах монографии на основе анализа идей И. Канта, Г. Гегеля, М. М. Бахтина архитектурное будет показано, в разных гранях и аспектах: философском, культурологическом, архитектурном, проектном.

Немного опередим события и зафиксируем кардинальные направления их смыслов. И. Кант выделял категорию «архитектоника», и она позволяла ему характеризовать человеческое мышление как определенную универсальную целостность в познании явлений [69]. В гносеологическом аспекте исследование понятия «архитектоническое» Кант раскрывал как ключевое в познании человеком общих законов и в построении методологии науки. Исходным моментом его философской системы следует считать антропное пространство. В нем абстрактное и конкретное уживаются и могут одновременно существовать, абсолютное пространство Ньютона независимое от человеческих ощущений и представлений, а также пространство Юма, связанного с психологическими привычками человека.

Здесь возникает вопрос о значительных различиях в трактовке понятия «архитектоническое» даже одним философом. Как философское понятие его использовал Кант в своей книге «Критика чистого разума». Он понимал «архитектоническое» как искусство построения целостной философской системы и считал, что весь человеческий разум по своей природе архитектурен. В шестом томе собрания сочинений в своих последних письмах Кант писал о захватившей его идее создания единой науки, где в качестве ключевого понятия он использовал понятие «архитектоническое» (рис. 3).

В третьем томе лекций по эстетике Г. Гегель использовал это понятие при анализе многообразных искусственных форм, создаваемых человеком. Он писал об архитектурном принципе и о том, что архитектура, соединенная с измененным ландшафтом и садово-парковым искусством, создает архитектурно целостное окружение человека, которое можно рассматривать как «вторую природу» [33, 34]. В этом суть диалектики отрицания отрицания.

Рис. 3. Схематический конструкт трансцендентального идеализма разумной организации души и духа архитектоники пространства и времени в теории познания человека И. Канта

Рис. 4. Схематический конструкт архитектурности в идеалистической системе объективной диалектики учения Г. Гегеля для алхимии духа целостности основных частей и главных аспектов логики абсолюта

Во Вселенной это закон. Главная же ценность системного учения Гегеля составляет абсолютный дух. Для бесконечности реального пространства в космосе все формы материй конечны, представляя собой лишь антитезис диалектического цикла поэтапной истории духа.

Гегель не забывал и про людей, например, он считал, что проведенный во французском садово-парковом искусстве «архитектонический принцип» позволил преобразовать саму природу в обширное жилище под открытым небом. Он хотя и не выделил в специальный раздел архитектурное искусство, но был первым, кто поставил в эстетике проблему многообразия архитектурных форм. Гегель не вводил понятия архитектурная деятельность, архитектурное искусство, архитектурное произведение, но он все же, ввел в науку и ее раздел – эстетику, понятие «архитектоническое» (рис. 4).

В онтологическом плане Гегель рассматривал результаты труда человека в связи с многообразием архитектурных форм, образующих вторую природу. Понимание природы архитектуры пространства и его производных образующих имеет свои специфические особенности. Понятие «архитектоническое» имеет разный смысл, и его очень трудно трактовать совершенно однозначно даже в рамках одной категории. Гегель подходил к тому, что человеком создаются самые многообразные формы: архитектурные произведения, малые формы, преобразованный ландшафт. Он поднимался до осмысления искусственной среды как рукотворного образования.

Как бы продолжая эту логику, К. Маркс считал, что сама искусственная природа может являться производением, поскольку она выступает как продукт труда человека, и человек удваивает себя, создавая в пространстве себе подобный предметный мир [106]. В марксистской традиции позднее были заложены и развиты основы построения общей архитектуры социального проектирования.

Собственно, впервые понятие «архитектоническое» в том смысле, в котором его пытаются развернуть авторы, использовал Г.-В.-Ф. Гегель. Он говорил о многообразии архитектурного формообразования. Используя его в качестве главного прообраза созидания многоявленного мира, пространства он описывал архитектурные естественные и искусственные объекты. В тенденциозных перспективах это и позволило ряду теоретиков говорить о технических искусствах и об архитектурном искусстве. Идеи тектонических или архитектурных искусств впервые развил Г. Земпер в книге «Практическая эстетика» [61].

На рубеже веков О. Шпенглер, свободно оперируя понятием «архитектонического», так оценивал потенциал своего общества: «Мы цивилизованные люди, а не люди готики или рококо; мы должны считаться с жесткими и холодными фактами поздней жизни, параллельно которой являются

не перикловые Афины, а Рим эпохи Цезаря. Для западноевропейского человека уже нечего ожидать великой живописи или музыки. Его архитектурные возможности вот уже сто лет как исчерпаны. Ему осталось только территориальное расширение. Но я не вижу вреда в том, что рассудительное и преисполненное неограниченных надежд поколение заблаговременно узнает, что часть этих надежд должна рушиться» [170, с. 212]. В данном случае архитектурные возможности скорее имеют смысл в аспекте понятия металогии псевдокультуры, экспансии, упадка и разрушения.

Раскрывая причинность и судьбу «Заката Европы» О. Шпенглер утверждал: «Феномен стиля, кто умеет понимать значение этого слова, тот не станет относить к всеобъемлющей определенности стиля отрывочные и хаотичные произведения искусства первобытного человека. Стиль присущ только искусству великих культур, производящему целостное впечатление; притом он присущ не одному искусству» [170, с. 242]. Целостность стиля связана у него с архитектурной целостностью не только самого пространства, но и устоев его создателей. Считал, что для языка души «нет ничего невозможного». Далее он писал: «Египетский стиль абсолютно архитектурен вплоть до того, что здесь исчерпывается египетская душа». Раскрывая выражение духа египетской культуры, О. Шпенглер отмечал: «И государство есть элемент архитектуры». Если с этим согласиться, то мы приходим к парадоксальному по своей сложности выводу о том, что предметность определяет социальное устройство общества, а не наоборот. В запредельных фантазиях современных теоретиков машины так или иначе победят человека.

Надо заметить, что понятие архитектурного в традициях, идущих от Гегеля, от анализа архитектуры, имеет очень широкий спектр толкований, особенно в работах западно-европейских философов, культурологов, эстетиков М. Гартмана, Р. Ингардена, Д. Лукача, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр, Ж. Делез, Х.-У. Гумбрехт и др. [29, 113, 114, 47].. В частности, Д. Лукач ставит проблемы иерархичности науки и искусства, их соотношений с действительностью. Он использует понятия «архитектурное начало», «общая архитектура строительства», «архитектурный принцип» и др. [21]. Размышляя о господстве архитектурного принципа, он выводит его за пределы сущности архитектуры и через категорию «сада» придает ему глубину и масштабность, восходящую к миру человека.

1.1.2. Отечественные толкования архитектуры

Бахтин М. М. совсем иначе понимал архитектурное. Следуя его логике, организация и даже типология предметности обусловлены поступками человека,

имеющими архитектурную природу [9-15]. Правда, эти подходы могут далеко увести от вопросов архитектуры пространства, но и без широкого подхода в ней ничего нельзя понять. Собственно культурфилософия жизнестроения по своей структуре устройства может активно воспользоваться архитектурным подходом. По сути Бахтин М. М. рассматривал архитектурный принцип как высший в поступках человека. Исходя из его логики, архитектурный принцип может быть развернут как высший и для всей деятельности человека. В монографии этот подход реализуется в разделах и главах, где речь идет об архитектурной культуре персоны и личности, социальной общности и обществе в целом (рис. 5).

В отечественной науке понятие «архитектурное» рассматривается и раскрывается многопланово. В качестве одного из центральных оно используется в ряде общенаучных направлений исследования. Выдающийся исследователь структуры объективных знаний Кедров В.М. в ряду форм движения материи рассматривал геологическую ее форму [71]. В одном из крупных научных направлений геологии тектоники Земли – понятия «тектоническое» и «архитектурное» используются в анализе процессов, происходящих в земных недрах. Геотектоника нашей планеты по сути есть не менее значимая архитектура, чем частные тектоники ансамблей и городов, располагающиеся лишь на ее поверхности.

В экологии и теории эволюции, системном подходе и исторической науке с помощью понятия «архитектурное» характеризуются крупные процессы. Если так можно выразиться с позиций современной науки, в этих характеристиках прослеживается целостность (социо-гуманистической, технико-технической, природно-экологической) форм движения материи. Сейчас известно, что тектология Богданова А. А. первенствовала в системологии и предваряла кибернетику Н. Виннера [22]. По ряду высказываний относительно недавно тектонике в толковании А. А. Богданова не было места в науке. Теперь эта неопределенность тектологии устраняется в архитектуре как общей системологии.

Особый интерес об истоках использования в отечественной науке, перенимающей идеи, идущие от греческой культуры, от Витрувия, от западноевропейской культурной традиции, представляют работы Ф. В. Каржавина [129]. Важные для нас стороны этой личности, в том числе и в связи с «Архитектурным словарем» раскрывает в своих исследованиях В. И. Рабинович [134]. Говоря о существовании различных исторических и искусствоведческих прецедентов широкого использования понятия «архитектурное», следует обратиться к частным дисциплинам. У данного понятия достаточно широкая междисциплинарная трактовка.

Рис. 5. Тектоническая модель графологического осмысленная в результатах дела и в контексте духовной ауры человечности в душе человека по архитектонике поступка М. М. Бахтина

Категория «архитектоника» многопланово используется во множестве специальностей: медицина, психология, в теории архитектуры и градостроительства (см. труды: братья Веснины, М. Я. Гинзбург, Я. М. Чернихов и др.) [111]. Понятие «архитектоническое» применяется и в теории композиции, которая сегодня по существу является сквозной для технической эстетики, теории архитектуры и градостроительства, теорий оформительского искусства и прикладных видов искусств. Параллельно в науковедении развивается также понятие «тектоника» как одна из модификаций усеченного понятия «архитектоника». Например, работа Курта Зигеля «Структура и форма» посвящена анализу тектоники [62]. Научные разработки в области специфических проблем организации систем разной степени сложности связаны с естественнонаучной тектологией. В определенной мере категория «тектоническое» соотносится с исследованиями в области тектоники Земли.

Значительный пласт, использующий понятия архитектоника, связан с искусствоведением. На постоянной экспозиции выставки «Советское искусство 1917-1930 гг.», в выставочном комплексе Союза Художников СССР на Крымской набережной г. Москвы представлены, две работы известного художника-конструктора Поповой Л. С. под названием «Живописная архитектоника» (1918 год). Известны также архитектурно-строгие композиции Я. М. Чернихова, которые по существу представляли собой целое направление на стыке архитектурного и «бумажного» проектирования, нарождающегося дизайна и живописи [165].

Здесь можно вспомнить и о взлетах, и о наших утратах. Например, министр культуры 60-х гг. XX в. Н. Фурцева подарила А. Хаммеру картину К. Малевича «Супрематическая архитектоника» стоимостью в то время 1,5 млн долларов. В одной из своих публикаций К. Малевич писал: «Все что творит человек – деталь, элемент его общей коллективной картины мира» [96]. Многие интересные идеи К. Малевича о новых системах архитектуры визуального мышления еще не получили должного освещения. Любопытны его идеи об архитектонике супрематизма [97]. «Архитектоны» К. Малевича – весьма яркая страница для русского авангарда, да и всей отечественной культуры в области формообразования вещей и изделий.

В различных публикациях понятие «архитектоника» означает искусство построения и организации городов, сооружений, изделий, книг и т.д. Понятие «архитектоническое» также используется в связи с термином «искусство» (архитектоническое искусство – синтез градостроительного искусства с архитектурой, дизайном, садово-парковым искусством, народными ремеслами всеми видами предметно-пространственных искусств). Для обозначения совершенства организации, а также характеристики объектов градостроительства,

архитектуры, скульптуры, техники, дизайна и т.д. понятие «архитектоническое» использовали И. Араухо, К. Гонзик, Л. Донати, М. С. Каган и др.

1.1.3. Архитектоника интегрального пространства

Рассматривая с философских, эстетических и искусствоведческих позиций архитектурные искусства как виды художественной деятельности человека, М. С. Каган придает тем самым понятию «архитектоническое» новое качество – всеобщую включенность в систему творческой деятельности, предметосозидательной общественной жизни. В его великолепной монографии «Морфология искусства» архитектурное творчество вбирает в себя пространственные искусства. Если искусство интегрально, то и один из эпицентров интеграции пространства находится в сфере художественного.

Например, словосочетание «архитектоника города» в различных уточняющих его словосочетаниях не придумано авторами. К. Плицка, описывая архитектурные ансамбли города Праги, начинает свою книгу с заголовка «Архитектоника Праги». Далее он конкретизирует это понятие в его эстетических модификациях: «архитектонически сложный синтез», «архитектонические кульминации», «архитектонически богатый ансамбль», «архитектоническое оформление», «архитектонические акценты» и т.д.

Иногда под архитектурной понимают целостность художественного стиля или выражение закономерностей строения произведения, особенностей его композиции. Вот один из примеров характерного определения ключевого для нас понятия. «Архитектоника – общее строение произведения, расположение и взаимосвязь его частей; то же, что композиция... Одной архитектурной ... довольно, чтобы поглотить всю умственную деятельность автора: соображать, обдумывать участие лиц в главной задаче, отношение их друг к другу, постановку и ход событий ... и т.д.», пишет И. А. Гончаров (см. С. В. Тураев, Л. И. Тимофеев, К. Д. Вишневский и др.). При всей видимой широте границ определения смысловое поле данного понятия существенно занижено рамками литературно-лингвистического подхода.

Проблемы построения, организация различного рода произведений в связи с категорией архитектурного очень часто встают с проблемами композиции. Так, например, переходя от более широкого понятия «архитектоника литературного произведения» к понятию «архитектоника книги», в книге с одноименным названием Н. Гончарова использует терминологию: «архитектоническая значимость», «архитектонический ряд», «архитектоническая роль» и др. Архитектоничность в книжном искусстве через конструктивное и образное начало рассматривает В. Н. Ляхов.

Можно констатировать обилие публикаций по проблемам тектоники в архитектурном формообразовании. Лишь за 1975-1981 гг. число таких публикаций составляло сорок пять. Понятие тектоники в архитектурном формообразовании можно фрагментарно проследить в Указателях литературы за многие годы. Если учесть, что количество информации удваивается каждые пятьдесят лет и проблемами тектоники занимаются специалисты более десяти научных дисциплин, то можно смело заключить, что уже сегодня количество публикаций по проблемам тектоники составляет сотни фундаментальных и тысячи прикладных источников [76, 81, 94, 142, 143, 146].

Формулирование смысла понятия «тектоническое» неизбежно накладывает свой отпечаток и на формирование содержания понятия «архитектоническое», а оно в свою очередь влияет на объем производимых от него терминов, в том числе понятий «архитектоника человека», «архитектоника пространства», «архитектоника предметного мира», «архитектоническое искусство», «архитектоника науки», «архитектоническая культура», – ключевых в данной работе.

В различных текстах слово «архи» встречается в качестве приставки к самым разным словам. В. И. Ленин любил слово «архиважно». В русской классической философии (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, В. С. Соловьев, П. Л. Лавров, Н. П. Федоров, С. Н. Трубецкой) слоговое понятие «архи» существует на правах гражданства в науке по философской литературе. В отечественной христианской епАРХИальности архи пронизывает ряд иерархических структур. Архи – феномен масштаба узловых категорий. Через него организационно структурно могут быть понятийно соотнесены категории «освоение и «отчуждение», «фетишизм» и «аскетизм», «опредмечивание» и «распредмечивание», «объективация» и «субъективация».

Родственные понятия «архи» сущности ее начало и (сверх) и «архе» (высший принцип) души и духа, применяемые еще древнегреческими философами, например Аристотелем, получают свое подтверждение и развитие в современной философии и физико-математических науках [3, 87]. Обращаясь к мысли о жизни понятий, можно проследить, что архитектурное как сущность жизнестроения обладает высоким потенциалом изменчивости и устойчивости. Рассматривая определения «архе» и его производных соотносительно с понятием «архи» и его производными и исходя из системного подхода, вполне логично термины «архитектоническое» и «архетипическое» считать синонимичными соотносительно диалектической паре «структура – компонент».

Для нас интересен и ряд слов с приставкой «АРХЕО... (от греч. archaios – древний)», что и в современной лексике означает «древний», «относящийся к древности». Отсюда важны и его производные. Например, «АРХЕОГРАФИЯ (от

архео ... и графия) – вспомогательная историческая дисциплина, разрабатывающая теорию и методику издания письменных, исторических источников. АРХЕОЛОГИЯ (от археологос и логос) – наука, изучающая историю человеческого общества по материальным остаткам жизни и деятельности людей». «АРХЕТИП (от греч. arche – начало и typos – образ), 1) в позднеантичной философии (Филон Александрийский и др.) – прообраз, идея. В аналитической психологии К. Г. Юнга – изначальные, врожденные психические структуры, образы (мотивы); ... 2) наиболее древний, неизвестный нам текст, к которому восходят обычно тексты письменного памятника; 3) гипотетически реконструируемая или фактически засвидетельствованная языковая форма ...».

Изначально единые исходные термины и понятия, образованные от «арх», начинают как бы разбегаться и в некоторых случаях приобретают очень разные значения и смыслы. Кардинальная трактовка «архе», определенная Юнгом, получает современный лингвофилософский смысл. Сложности практического различения понятий «архитектоника», «иерархия», «артефакт», «архетип», «архитип» можно проследить по серии публикаций Кактаханова А., Штейнбаха Х., Малахова С. А., Зеленова Л. А., Норенкова С. В., Фролова О. П. и др. Примером могут служить и народные сказки, отражающие породившие их события в сравнении с их пересказом, который дают новые интерпретаторы в выдумках, фантастических вымыслах, мифах и метафизических построениях.

Нечто похожее происходит и с образом бытия того или иного архитектурного явления в зависимости от ситуаций, условий, деятельностей, в которых он функционирует суть устройства пространственных феноменов: энергии, света, иконы, обряда, мифа. Несовпадение образа и прообраза в откровениях отечественной священной истории, вероятно, и задает начальное несовпадение «архи» и «архе», как ценностного и оценочного целостно-целевых отношений. Многообразие же качественных состояний бытия объективных, субъективных и объективно-субъективных явлений предметного мира еще ждет своей конкретизации с позиций архитектуры пространства построения самого философского и научного знания (рис. 6-8).

Деяния и поступки человека в ряде философских, культурологических, эстетических подходах и концепциях просматриваются в связи с приставками «архи» и «архе». Общий для них корень «арх» указывает не только на их изначальное родство, например, в («археологос»), но и позволяет совершать перевод смыслов из разных плоскостей анализа. «А» (начало) и «Арх» (высший, максимум) для философского анализа архитектуры пространства вместе с человеком и его окружением столь же значимо, как соборность для религии.

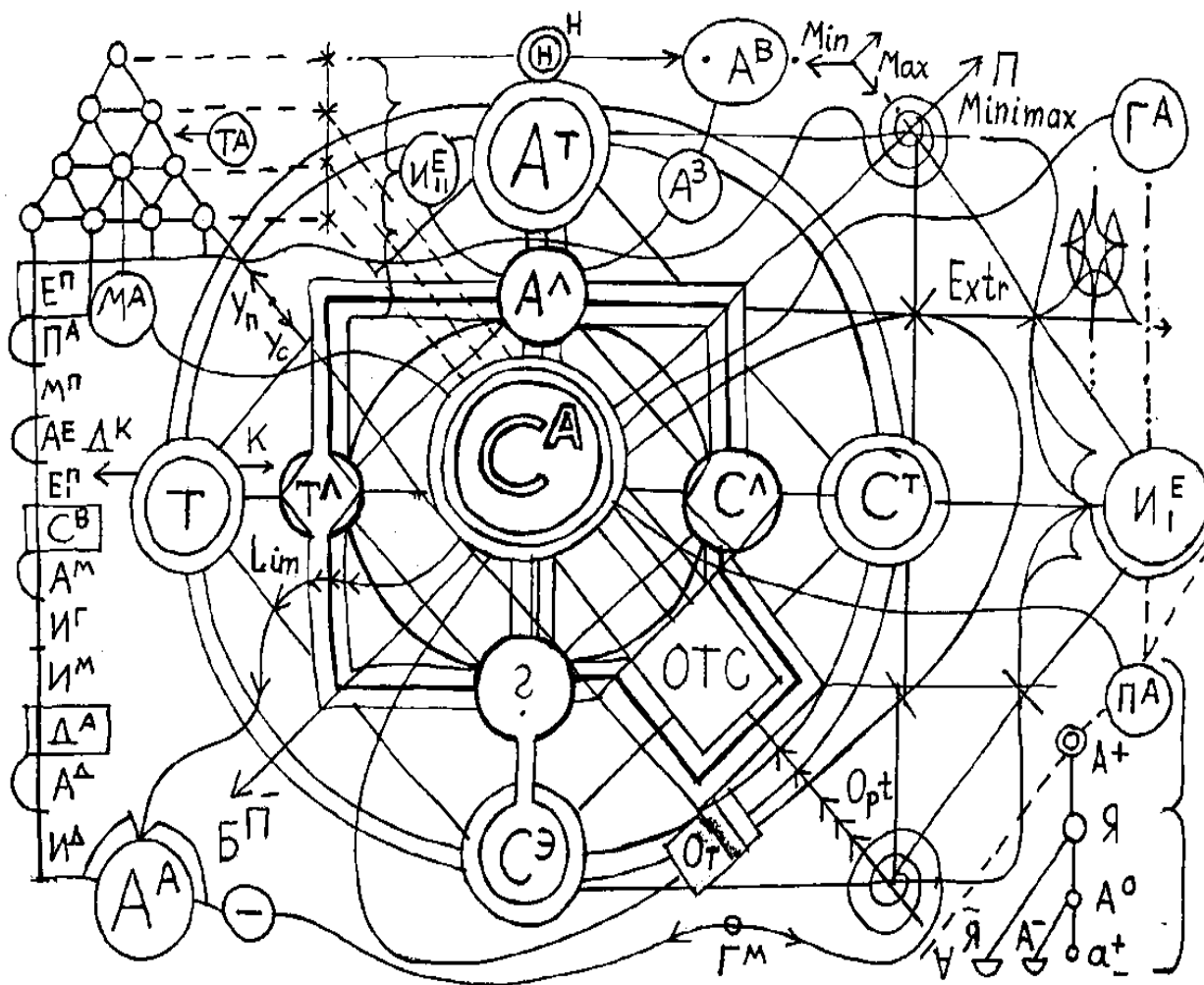

Рис. 6. Структурная модель трактовки квадратуры круга для центричности категорий «Архитектоника» и «Синархия», построенная по синкретизму отношений к систематике, синергетике, тектологии, тектонике, общей теории систем

Сокращения: СА – синархия; Тл – тектология; Ал – архитектонология; Сл – систематология; ОТС – общая теория систем; Ат – архитектоника; Ст – систематика; Сэ – синергетика; Т – тектоника; Ав – архитектоведение; Аз – архитектознание; От – оптимология; Гм – гармонизация; К – конструктивизация; Дк – деконструкция; Уп – упрощение; Ус – усложнение; ТА – «тетраксис»; «ИВП» – иерархия второго порядка; Нн – начало начал; П – порядок; ГА – гиперархия; ИПП – иерархия первого порядка; ПА – псевдоиерархия; БП – беспорядок и отсутствие порядка; АА – анархия; МА – метаанархия; Min – минимум; Max – максимум; Minimax – минимакс; Extr – экстремум; Opt – оптимум; Lim – ограничение, лимит. На шкале слева показана церковная иерархическая лестница, представленная по мере убывания трех степеней старшинства священнослужителей «черного духовенства»: Еп – епископство (ПА – патриарх, Мп – митрополит, АЕ – архиепископ, Еп – епископ); Св – священство (Ам – архимандрит, Иг – игумен, Им – иеромонах); ДА – диаконство (Ад – архидиакон, Ид – иеродиакон); А, а, я – подчиненные структурные элементы иерархии.

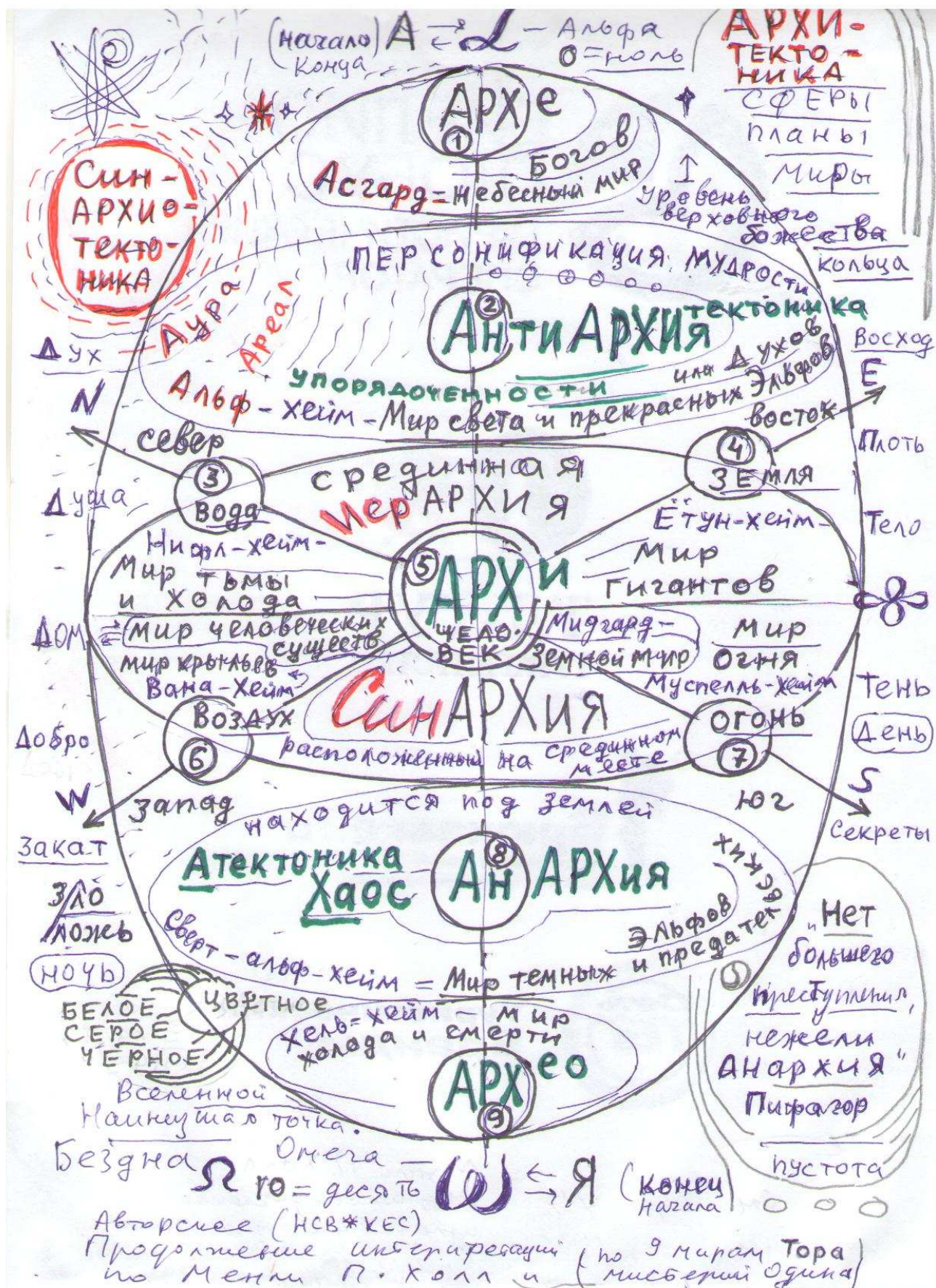

Рис. 7. Поисковая мистическая лабиринтика тороидных путей прошлого для будущего

Рис. 8. Схема архитектоники во взаимодействии с универсалистикой синархии

1.2. Вариации интерпретации «архитектонического»

1.2.1. Классические идеализации

В истории философии и науки, а также в неразрывном взаимодействии философии науки и философских наук (онтологии, диалектики, эстетики, этики, логики и т.д.) понятие «архитектоника» занимало многие умы. В силу многозначности данного понятия трактовка его весьма различна и ее можно попробовать упаковать в лингвофилософии. Для того чтобы иметь более прочную основу для дальнейшего исследования, обратимся к классикам – И. Канту, Г. Гегелю, М. М. Бахтину.

Понятие «архитектоническое» И. Кант использовал при построении своей философской системы. В произведении «Критика чистого разума» он дает любопытные аналогии, в частности, между искусством построения науки и построением зданий. Он рассматривает совокупность всех знаний как умозраемое здание. Составление «сметы», определение «высоты» и «прочности» словесно описываемого такого рода гипотетического здания, вероятно, нужно И. Канту для обращения к изначальному смыслу высоких абстракций абсолюта универсума посредством умозраемого воплощения архитектурного. Архитектонический принцип позволяет ему образно представить и проследить всю сложность пути построения единой науки. «Человеческий разум по природе своей архитектурен», – заключает Кант [69, с. 440]. Видимо, для построения общего структурируемого «каркаса» общей сути пока еще пустого дома науки (знания как здания) ему, прежде всего, и потребовался термин «архитектоническое».

Архитектоника выступает у него и как своеобразная система знаний. Для Канта «архитектоника есть учение о научной стороне наших знаний вообще, и, следовательно, она необходимо входит в учение о методе» [69, с. 680]. (Выделено авторами). Уже здесь возникает вопрос о значительных трудностях в узкой пространственно-конструктивной трактовке понятия «архитектоническое». Кант также использовал его как собственно философское понятие в ряде своих работ. Он понимал «архитектоническое» как искусство построения целостной философской системы. В своих последних сочинениях и письмах Кант писал о захватившей его идее формирования методологии наук, где в качестве ключевого понятия он использовал понятие «архитектоническое».

Глубокая мысль о создании универсальной и целостной науки с единой структурной подчиненностью архитектурному принципу – одна из гениальных догадок Канта. «Если одну главную науку превращают в цель, а все другие знания рассматриваются лишь как средства к ее достижению, то знание приобретает известный систематический характер. Но чтобы при расширении познаний дело шло по такому упорядоченному и целесообразному плану, нужно,

следовательно, постараться распознать эту связь знаний друг с другом. Руководством для этого служит архитектура наук, которая является системой согласно идеям, где науки рассматриваются со стороны их родства и систематического соединения в одно целое знаний, интересующих человечество» [70].

В письме Канта Герцу мы читаем: «Находимся ли мы в сфере разума или умствования, необходимы: критика, дисциплина, канон и архитектура чистого разума, т.е. формальная наука, для которой из того, что уже есть в наличии, ничего использовать нельзя и для основания которой необходимо разработать даже особые технические термины» [70, с. 542]. Эта его особая наука как бы имеет искусственную природу наподобие проекта. В какой-то мере здесь можно усмотреть предтечу, последующего источника на этом пути – тектология А. А. Богданова.

В движении к этой высокой цели Кант не совсем последовательно проводил мысль об организационных основах, обеспечивающих интеграцию наук в единой науке. В одном из своих последних писем он отказывал в праве создания науки наук: «Уже само заглавие «Наукоучение» – (см. Фихте) – не обнадеживает читателя, поскольку каждое систематически продуманное учение есть наука; это было бы наукой науки и вело бы в бесконечность» [70, с. 616]. Строжайшая противоречивость суждений Канта в том, что, с одной стороны, он руководствуется систематическим соединением знаний в одно целое, а с другой – не видит быстро обозримых путей фиксации этой целостности.

Иную крайнюю возможность в отношении раскрытия диалектики архитектурного взаимодействия материальных и духовных сторон действительности мы встречаем в гегелевской трактовке понятия «архитектурного». В его толковании данное понятие развертывается как принцип, характеристика и способ формообразования в освоении человеком «второй природы». Гегелевский подход более сродни проектной деятельности, предъявляющий в знаках будущие физические построения в цепи умозаключений Гегеля. Логика абсолютной идеи позволяет пройти круговорот от Философии природы к Человеку, от него к Философии духа и вновь вернуться к себе самой.

В своей классификации искусств Гегель из числа архитектурных искусств, к важнейшим из которых сегодня мы относим градостроительство, архитектуру, дизайн, рекламу, декоративно-прикладное искусство, лишь одну архитектуру удостоивал чести быть ее первым видом. Правда, из текста следует, что он не понимал архитектуру узко, только как здания и сооружения. Он рассматривал не столько разновидности зодчества, но и в целом организацию пространства. Причем организация эта, по его мысли, совершается человеком и для человека. Архитектурное расположение предметов природы в садах и

парках, по мнению Гегеля, устраивается «ради удовлетворения потребностей человека и доставления ему удобств».

Он описывал архитектурное в многообразии искусственных и искусно создаваемых человеком форм, способов освоения им природы – архитектурная обработка почвы», «различные архитектурные формы» и т.д. Архитектурное Гегель связывает не только с архитектурным пространством (внешним и внутренним). Он широко раскрывает архитектурное окружение зданий, которое образуется садово-парковой архитектурой, заново создающей «окружение» для духа, как вторую внешнюю природу» (выделено авторами), и вовлекаемую в круг этих преобразований ландшафтную сторону самой природы».

Переходя к анализу скульптуры, Гегель, положивший в основание своей классификации переход от телесности, пространственной материальности к духу, его идеальному абсолюту, считал возможным освобождение от ее архитектурного назначения. Это освобождение неполное хотя бы потому, что скульптура сохраняет «связь с архитектурным пространством». Рассматривая способы формообразования одежды в скульптуре, Гегель вновь обращается к архитектурному началу и прослеживает в этом принцип, согласующийся с механической природой. Об архитектурной рассудочности и проницательности Гегель упоминает в отношении музыки и поэзии, которые он ставил на вершине пяти важнейших искусств в силу их приближенности к абсолютному духу.

Завершая анализ архитектуры в лекциях по эстетике, посвященных исследованию системы отдельных искусств, Гегель писал: «Но более всего архитектурный принцип (выделено авторами) проведен во французском садово-парковом искусстве, которое обычно недалеко от больших дворцов насаждает деревья в строгом порядке, образуя большие аллеи, подрезает их, создает из них прямые стены живой изгороди. Так оно преобразует саму природу в обширное жилище под открытым небом» [33, с. 91-92]. Материальное, телесное, пространственное – все то, что связано с неорганической природой, Гегель рассматривал как бы через призму архитектурного подхода к анализу пространственных форм предметного мира, создаваемых людьми. Гегель не порывает «созвучие архитектурного формирования с внутренним духом ...» [34, с. 76]. В этом видится своеобразная особенность осмысления им архитектурного формообразования, пронизывающего все пространство.

В соответствии с последним уточнением все же можно говорить об ограниченности гегелевской трактовки архитектурного как многозначной философско-эстетической категории в отношении к анализу духовных явлений, идеальных образований, восходящих как к художественным образам, так и к

философским обобщениям, научным моделям. Любопытно также и то, что он в отличие от Канта шел в понимании архитектоники от искусственных пространств архитектуры.

Кант первый из великих мыслителей дает совершенно оригинальную интерпретацию архитектурного принципа, которая не укладывается даже в столь емкий и широкий спектр значений данного понятия, где привлекаются десятки аспектов. Создается впечатление, что Гегель либо не знал, либо не принимал кантовскую трактовку архитектурного принципа, идущего от естества логики духовности мышления человека.

1.2.2. Бахтиноведческий опыт сборки

Бахтин, также не ссылаясь на авторитеты и продолжая собственную логику, отличную от логики Канта или Гегеля в плане осмысления архитектурного (понятия, принципа, критерия, поступка, закономерности), самым кардинальным образом вводит его в свою концепцию понимания сущности и путей случайного освоения действительности.

Раскрывая многоплановость проявления архитектурного в действительности и в мирах его образующих, М. М. Бахтин пишет: «Высший архитектурный принцип (выделено авторами) действительного мира поступка есть конкретное архитектурно значимое противопоставление Я и другого. Два принципиально различных, но соотнесенных между собою ценностных центра знает жизнь: себя и другого, и вокруг этих центров распределяются и размещаются все конкретные моменты бытия» [12, с. 137]. На первый взгляд М. М. Бахтин дает совершенно неожиданную трактовку понятия «архитектурное», находящегося в центре самого жизнепостроения судьбоносных путей формирования одухотворенной плоти человека. Но это только на первый взгляд. В литературоведении и эстетике архитектурный принцип едва ли не закономерно отражает самые начала реальности и по праву восходит к вершинам философского категориального аппарата.

Постановку проблемы соотношения автора и героя Бахтин начинает следующей фразой: «Архитектурно устойчивое и динамически живое отношение автора к герою должно быть понято как в своей общей принципиальной основе, так и в тех индивидуальных особенностях, которые оно принимает у того или другого автора в том или другом произведении» [10, с. 121]. Раскрывая смысловое целое героя и эстетическую значимость установки героя в бытии, активно отражающее бытие действительное, М. М. Бахтин пишет: «Архитектоника мира художественного видения упорядочивает не только пространственные и временные моменты, но и чисто смысловые; форма бывает не

только пространственной и временной, но и смысловой» [10, с. 128]. Архитектоника мира пространства самого человека – вот ключ, который через искусство открывает новые пути в осмыслении реального мира.

Бахтин имел по сравнению с Кантом и Гегелем преимущество: он мог обращаться к их идеям. Делал он это основательно, но не как интерпретатор. Судя по текстам, анализ «архитектонического» по М. М. Бахтину – это прежде всего свой собственный самобытный подход. Совершая литературно изящный путь восхождения от эстетического анализа к философскому, М. М. Бахтин разводит «экспрессивную» и «импрессивную» эстетику, (соотнеся их со структурой самой эстетики, которая в свою очередь определяется из существа эстетической деятельности)» [15]. Бахтин по-своему характеризовал эстетику и Канта, и Гегеля. Некоторые их идеи могут приоткрыть завесу преемственности его архитектурной логики и методологии перетекания коммуникативной чувственности пространства, замыкающего энергетику, эстетического автора и его рационалистического антипода.

Опираясь на положения гегелевской диалектики, М. М. Бахтин писал: «Диалектика родилась из диалога, чтобы снова вернуться к диалогу на высшем уровне (диалогу личностей)». Имея в виду импрессивную теорию эстетики, далее он отмечает: «Если мы превратим диалог в один сплошной текст, то есть сотрем разделы голосов (сменим говорящих объектов), что в пределе возможно (монологическая диалектика Гегеля), то глубинный (бесконечный) смысл исчезнет (мы стукнемся о дно, поставим мертвую точку)» [15, с. 384]. Сам собой возникает вопрос, а не исчезнет ли вместе с тем архитектурное начало деяния? Кант же, по мнению М. М. Бахтина, «занимает двойственную позицию» в самом структурировании перетеканий идеального и материального, сливающихся в тринитаризме одной личности [15, с. 103].

Напрямую эти фрагменты «круглого стола» классиков, умозрительно организованного М. М. Бахтиным, не затрагивают собственно пространственных модусов архитектурного, но в них ключи к анализу осмысления архитектуры мира, в котором живет и действует человек. Взаимодействие человека с предметным миром не обязательно строится только в практической плоскости локального пространства. Диалектика этого взаимодействия может разворачиваться в самых разных аспектах и моментах. Материальное и духовное, предметный и человеческий миры архитектурно сопрягаются между собой в многомерном пространстве. В значительной мере это возможно за счет архитектуры поступка человека [11]. В этой же сопряженности, структурной (архитектонической) взаимозависимости сопрягаются и принципы Канта, Гегеля, Бахтина. Все они выделяли архитектурное начало, которое как система трехмерных и единых в своей целостности координат, состоящая в формальном

плане из трех взаимодополняющих осей, образует новое качество – систему всеобщего отсчета в развитии мироздания при условии необратимости времени.

Любопытно заметить ряд общих черт и особенностей, которые при всем различии трактовок понятия «архитектонического» у Канта, Гегеля и Бахтина роднят их позиции. Их объединяет архитектоника динамики разнокачественных хронотопов бытия человека в жизни.

Во-первых, это глобальная всеобщность в понимании категории архитектурного. У Канта она имеет гносеологические корни – способ познания законов мира в учении о методе. У Гегеля – онтологический статус, основанием которого являются исторические результаты вклада человека. И у М. М. Бахтина – деятельностный ракурс – кардинально преобразовательный модус самого поступка человека, исходящего из собственного принципа ценностных приоритетов.

Во-вторых, утверждение универсальности критерия архитектурного. У Канта – в его интерпретации всего человеческого разума, ключа познания человеком методологии мышления. У Гегеля – в отношении формирования человеком второй природы. У Бахтина – в отношении жизни и деятельности человека, однозначно определяемой архитектуроникой его поступков.

В-третьих, концептуально новые подходы к анализу архитектоники явлений. У Канта – создание единой науки. У Гегеля – формирование «второй природы». У Бахтина – разрешение противоречия между должным и сущим в деятельности человека, в самой реальной жизни.

В-четвертых, в трактовках архитектонической методологии Канта, Гегеля, Бахтина имеются всеобщие социально-эстетические, культурологические и искусствоведческие аспекты и ракурсы.

В-пятых, значение архитектонического принципа у всех троих выходит за рамки эстетики, логики, социологии и т.д. и приобретает общеполитический смысл. Оно несет в себе черты общенаучной категориальности, важной для человеческого жизнестроения, устойчивого жизнеобразования окружения людей.

Сравнивая трактовки трех великих мыслителей, можно сделать вывод, что каждая из них явилась необходимой частью целого в осмыслении полноты и философской универсальности понятия «архитектонического». В дополнение можно заметить, что архитектуронический подход Бахтина интегрирует в себе потенциал, заданный Кантом и Гегелем в их глубоко различном понимании истоков архитектуроники пространства действительного мира. Исходя из кардинальной лингвофилософской логики М. М. Бахтина, архитектуронический принцип как высший в поступках человека, может быть принят как высший и для всей деятельности человека, всего универсума организации пространства.

Осмысление архитектурного в системе понятий, принципов, критериев закономерностей деятельности человека сообщества еще предстоит. Из сказанного выше далеко не все непротиворечиво и однозначно, поскольку в самих началах имеются существенные разночтения классиков одного и того же феномена архитектуры пространства. Важно, однако, что традиции, которые сложились в системе культур-философского, научно-технологического, художественно-эстетического знания в самых разных трактовках проблемного поля архитектурного, должны быть продолжены и глубже раскрыты в коммуникативных системах человеческого общежития достойного и счастливого жизнеустройства. Старые и новые трактовки могут быть раскрыты не только в их противоречивой, но и во взаимодополнительной, обусловленной единством мира, архитектурной целостности.

В богатстве своих метатеоретических, фундаментальных и прикладных направлений исследований современная научная картина мира становится необычайно многоплановой. Единым организующим началом в этой многоплановости с умноженными возможностями выступает архитектура. Так же как физика и химия в качестве взаимопереходных «мостиков» имеют физическую химию и химическую физику, между философией и наукой существуют и продолжают формироваться связующие их архитектурные начала. Конструктивным методологическим началом здесь с полным основанием мог бы служить архитектурный принцип, а далее и закон синархии как универсального целого. Как всеобъемлющий принцип, он несет в себе огромный философско-математический, системный и научно-художественный потенциал. В своем триединстве, берущем истоки в идеях и учениях Канта, Гегеля, М. М. Бахтина, он представляется одним из ключевых в исследовании диалектики взаимодействия человека и предметного мира пространства.

1.2.3. Преодоление границ (не)понимания

Предмет архитектуры трудно или вовсе невозможно однозначно зафиксировать, обозначив какие-либо жесткие границы. Эта задача не менее сложна, чем установление унифицированных границ для таких деятельностей как искусства и науки, проектирования и техники, цивилизации и культуры. Видимо, требуется немало условностей и ограничений, чтобы провести своеобразные демаркационные линии, отделяющие архитектурное и не архитектурное, атектоническое и антитектоническое от совсем уж анархического и хаотического (рис. 9, 10). Однако если не будут определены критерии и доминанты, задающие архитектурное в существенных признаках, то само наше исследование, возможно, теряет смысл.

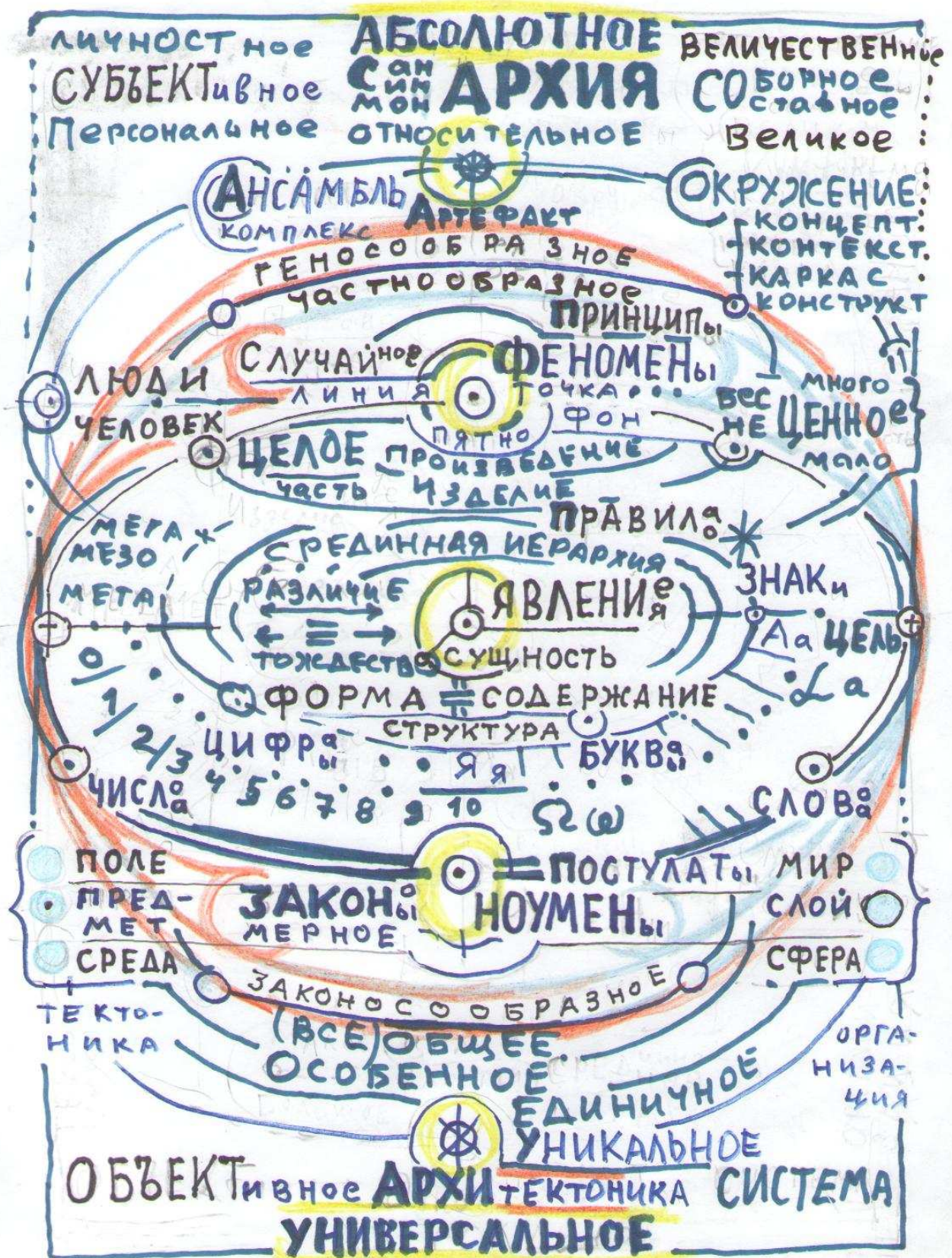

Рис. 9. Принципы, правила и постулаты в системной архитектонике циклов ноуменов и феноменов, действующих в поле «абсолютное – универсальное»

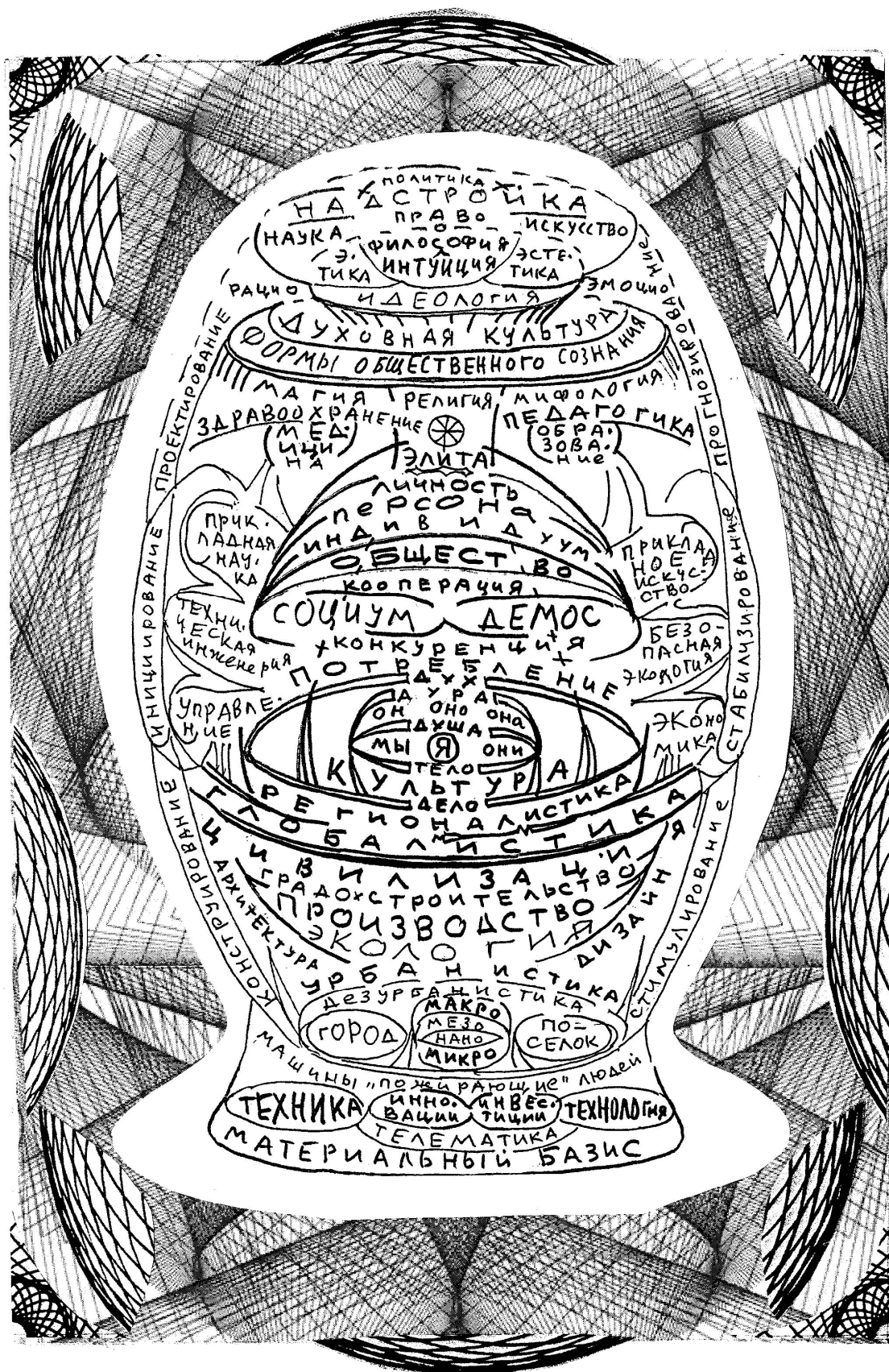

Рис. 10. Модуль-модулятор соотносительности материального базиса и духовной надстройки
 разномасштабных хронопов и их вибромодуляции перетекания «Я» и «не Я»
 в эгрегорах метасфер

По-видимому, выход на системность в анализе архитектоники пространства следует искать в степени универсального овладения человеком сферами деятельности. На примере изложения проблемы истины в применении к познанию искусства Х.-Г. Гадамер сумел поднять герменевтику до области философского знания. Он активно ссылался на учение Канта о вкусе и гении и распространял проблематику понимания, за которой стоял еще мифический герой Гермес, бывший посредником между людьми и богами, на вопрос об истине на понимание в науках о духе.

В свою очередь возникают вопросы определения аспектов, моментов, критериев для фиксации в предметном мире иерархичности структур, степеней овладения, горизонтов удаления конкретного места пребывания человека. Происходит рефлексия, умножение проблем. В самом деле, как полно в архитектонике пространства человека соотносятся «кантовская архитектоника науки», «гегелевские архитектонические формы», «бахтинская архитектоника поступка»? Архитектоническое оказывается в однородном эпицентре разнородных качеств. В действительности они могут сопрягаться самым причудливым образом, и едва ли все векторы архитектонического могут быть сильны прогнозируемой современной науке и непредсказуемому «прогрессу» искусства. Вполне может оказаться вне возможностей современного научного знания и тот богатый опыт освоения проблемного поля архитектоники, который был накоплен в сферах религии, мифологии, магии, мистерии, обыденного сознания.

Тем не менее говорить о том, что описание это совсем не нужно или невозможно, также явно преждевременно и не обоснованно. Важно вести исследования в контексте всех видов знаний человека о мироосвоении, сферовразумлении. В самой логике идеальных построений у классиков, титанических натур, каждый из которых по-своему интерпретировал интересующее нас понятие, само оно объективно соотносительно в архитектонике жизнеустройства.

Фиксированность архитектонического можно также дополнительно проследить через определенную находимость и вненаходимость. Кропотливая исследовательская работа может быть связана с находимостью фиксированных границ архитектонического, ранее известного в истории человеческого знания. Во всем информационном потоке можно найти точки соприкосновения, которые позволят идентифицировать любые понятия и тем самым обозначить их границы. Правда, это относительное знание, которое не всегда гарантирует истинность точки взаимодействия информации. Подобные методы экстраполяции научного знания в некоторой мере могут помочь выявить определенность и конкретность истинной и ложной абстрактной информации.

В качестве примера абсолютности информационной находимости и применимости экстраполяции в научном познании правильности обнаружения «истины» можно сослаться на тексты, в которых пересекаются представления об архитектурном Иммануила Канта и Михаила Михайловича Бахтина. Анализируя архитектуру в заданном единстве познания как завершенного целого, М. М. Бахтин пишет: «Интересна задача рассмотреть с этой точки зрения архитектуру такого произведения, как «Критика чистого разума», и определить происхождение моментов завершения в ней. Без особого труда можно убедиться, что они имеют эстетический и даже антропомический характер, ибо Кант верил в возможность закрытой системы, закрытой таблицы Категорий» [13]. Это высказывание М. М. Бахтина особенно любопытно, если вспомнить, что именно в этом произведении Кант говорил о единой архитектонике науки. Архитектоника разных планов здесь как бы совпадает и в какой-то мере проявляется в систематизированном снятом виде через творческие результаты двух великих мыслителей.

Если продолжить эту логику, то можно прийти к другой позиции – вненаходимости, опять же пользуясь терминологией М. М. Бахтина. Именно она «... делает впервые возможным обнять всю архитектуру: ценностную, временную, пространственную и смысловую – единой, равно утверждающей активностью» [9]. Активность здесь рассматривается в контексте диалога автора и читателя. В этом контексте мы преимущественно и продолжим исследование, сохраняя в качестве центрального ориентира вопрос «Что же представляет собой архитектура пространства вездесущего человека?»

1.3. Архитектоника как культура жизнестроения

1.3.1. Путеводные нити в континууме

Прежде всего попытаемся аргументировать необходимость многовекторного введения в категориальную систему знаний о гуманизируемом предметном мире пространства многогранного понятия «архитектоническое». Существуют закономерные иерархически усложняющиеся ряды понятий («красивое – прекрасное – совершенное») и наук («искусствоведение – эстетика – культурология»). Между ними есть разноплановые связи и отграниченности. Есть и то, что в них заключено в виде общего момента, аспекта, т.е. то, что служит для их объединения. Архитектоническое позволяет одновременно фиксировать начало (истоки), взлет (вершину) и их гармонизацию (рис. 11, 12).

Для объединения интеграции чего-либо существуют понятия и категории, как бы лежащие и в иной плоскости.

Рис. 11. Пространство социально-интеллектуальных идееповоротов мысли в созидательном разрушении

Рис. 12. Авторские позиции и пропозиции в путях, способах и установках реализации идеалов и образов в замыслах формирования артефактов

Такого рода понятия служат для оптимизированных изменений, гармонизации переходов на жизненном пути человека. Следование более эффективным путем осуществляется по тем или иным правилам. Переход от одного к другому предполагает выбор своих путевых маршрутов. В философском плане они чаще всего либо абстрактны, либо охватывают в качестве предмета значительные целостности. Архитектоническое затрагивает все поле анализа развития действительности, весь способ существования человека в предметном мире многомерного пространства.

«Архитектоническое» – понятие, которое дает человеку путеводную нить в его многоплановом взаимодействии с миром протяженных пространств. Разнокачественность места и территории задает иерархию заповедей для творческой личности, которая все время стремится к более высоким, глубоким и отдаленным сферам освоения реальной действительности. Возвышающее движение человека по ступеням мироздания при одновременном созидании все новых и новых искусственных ступеней в более отдаленное неизведанное – это есть основание для содержательного толкования архитектурного.

Но ведь есть и другие многозначные понятия. Например, понятие «перестройка», которое довольно часто употреблялось ряд лет, приобрело на определенном этапе нашего государства качества многопланового понятия. Мера, схваченная в данном слове, превысила некогда его привычные границы нормы, и стала очевидна несоизмеримость двух его смыслов – первоначального, традиционно взятого из архитектурно-строительного лексикона, и тогдашнего его толкования, имеющего несоизмеримо больший масштаб. Нечто похожее происходит с понятием «архитектоническое» при более привычной его интерпретации, как, например, категории в архитектуре, в композиции, а в ином качестве и как философско-эстетической и общенаучной категории, обозначающей сверхсложные созидательные процессы, совершаемые человеком на жизненном пути.

Нарождающийся смысл, который может быть найден в истории становления понятия «архитектоника», – это и то новое, которое представляет собой хорошо забытое старое. И историческое «воскрешение» его в ином качестве как категории возможно не менее оправдано, чем, например, придание слову перестройка того глобального смысла, который взбудоражил на какое-то время умы советских людей, получил отклики людей из разных стран на планете.

В науке существуют аналоги, доказывающие необходимость введения новых понятий. К их числу, достаточно связанному и с понятием «архитектоническое», можно отнести неологизмы: «ноосфера» (качественно новая сфера, возникающая в результате разумной человеческой деятельности), «социальная инфраструктура» (новообразование, связанное с процессами

урбанизации и социализации), «средства массовой коммуникации» (система средств сообщений посредством печати, радио, телевидения, кино, звукозаписи, видеозаписи).

В истории формирования прогрессивного научного знания бывали случаи использования и неудачных, недолговечных, «ошибочных» терминов. Так, в двадцатых годах прошлого столетия для описания взаимодействия человека с машиной было введено понятие «антропоника». Позднее оно было заменено на понятие «эргономика». Последнее понятие оказалось ключевым для создания новой науки – эргономики. Или советскими учеными было предложено понятие «биогеоценоз». Впоследствии международное признание получил однопонятийный термин «экология», а о прежнем почти позабыли.

Такого рода понятийно-терминологические изменения новых или полузабытых слов лишней раз подтверждают, что за термином должно быть реальное содержание, и если оно еще не достаточно полно и всесторонне осмыслено, то спор может идти не совсем о термине, а о существе дела и его корректной вербальной фиксации, отстраненной от спекулятивных структур псевдоопыта. Критерием здесь выступает подвижное тождество явления и понятия, его обозначающего. В данном случае речь идет и о необходимости графосемантического единства принимаемой терминологии.

Даже если с самых строгих позиций понятие «архитектоническое» пока еще не обрело должного статуса и не дотягивает до общепризнанной философской категории, оно имеет общий, чрезвычайно широкий философский смысл. Так, по аналогии, например, с соотношением понятий «общество» и «социум» можно достаточно смело говорить о подобном соотношении «структура» и «архитектоника», или «гармония» и «тектоника».

В истории философских наук такой или примерно такой смысл в отношении понимания данной проблематики можно встретить у Аристотеля, Канта, Гегеля, а из более современных авторов – у А. А. Богданова, Г. Лукача, М. М. Бахтина. Многоуровневое восхождение архитектурного имело место, и оно продолжается во многих науках. Однако, на этом пути есть свои сложности: изолированность направлений и областей применения понятия, дифференцированность научного знания и т.д. Например, понятие «архитектоника коры головного мозга» принято у нейрофизиологов, но пока оно не выходит на связь с Кантовской идеей о том, что весь человеческий разум архитектурен. Вероятно, в будущем здесь можно найти много сопряжений единой логики построения сверхсложного пространства мозга человека.

В данном случае задача современной философской терминологии заключается не только в том, чтобы увидеть многообразие проявления архитектурного (как это, например, увидел Н. Баумгартен в отношении

эстетического), обозначить проблему и предложить гипотезу ее решения, но и попытаться определить его сущность и специфику. Но и на этом рано останавливаться, нужен адекватный метод, который может быть превращен в способ развития разных состояний архитектоники пространства.

В философии, эстетике, теории культуры, а также на уровне более частных наук и теорий (городской дизайн, техническая эстетика, теория архитектуры и градостроительства, теория декоративно-прикладного искусства) на сегодня мы не имеем однозначных определений ключевых понятий и категорий, описывающих архитектурное взаимодействие человека с создаваемым им для себя миром предметов. На качественно различных уровнях этого взаимодействия соответственно нет однозначности и в возникающих на их основе понятийно-терминологических системах. Однако в перспективе все более широкое их использование в практической деятельности заставляет искать пути философского осмысления осторожного внедрения этих знаний. Категория архитектурного является одной из исходных и базовых. Изначально она позволяет описывать иерархию структур мира предметов, творимых людьми и плотно заполняющее окружающее их пространство. Заполнение может быть негативным, например, идет замусоривание планеты, свалки в России составляют размеры Швейцарии.

1.3.2. Иерархия универсализации смыслов

На интегральную обобщающую роль категория «архитектоника» может также претендовать в силу универсальности двух образующих ее категорий («архи» – сверх, высший и «тектоника» – созидание, организация). Данная категория приобретает не только универсальный, философский и междисциплинарный, но и общенаучный смысл. Основываясь на нем, она распространяет свое действие на самые разные сферы: религию, мифологию, этику, экологию, системный подход и т.д. Особенно частое использование термина «архитектоника» в искусстве и проектной культуре (правда, чаще в более узком смысле) делает возможным распространение иных смыслов, отработанных в его отношении в более частных областях. Примеры подобного не всегда глубокого, но многоуровневого и всестороннего толкования понятий есть. Например, категория «форма» имеет множество смыслов и уровней (философский, обще- и частнонаучный, общепотребительский, житейский и т.д.). Будучи задействованы в отражении процессов формообразования, весь контекст слова «форма» справедлив (философская пара «содержание» и «форма», морфология русского языка, архитектурная морфология, морфология животных и т.д.).

Понятие, ставшее субъективным критерием в деятельности субъекта, так или иначе, превращается в аналогичный принцип. Системные качества категории архитектурного переводятся в системность архитектурного принципа. Архитектурный принцип хотя бы в соединении его триединых трактовок Кантом, Гегелем, Бахтиным поясняет и служит руководством не только в поступках или деяниях, но и в любой деятельности человека. Его специфика - в иерархичности и возвышаемости творческих человеческих начал, ищущих по всем уровням взаимодействие человека с миром если и не доминантного положения, то не самого неудобного для него, скорее центрального (рис. 13).

Архитектурный принцип позволяет в отношении любых сколько угодно сложных иерархических систем находить для человека высшее предназначение и новые, определяющие его свободу аспекты, моменты, уровни. В архитектурном принципе по жизни людей находит свое отражение и продолжение главная концептуальная идея архитектурного, ее основные признаки и черты – верховенство гуманистического, интегральность, универсальность, иерархичность, высшее организующее начало, возникающее во взаимодействии человека с пространствами реальными и мнимыми. Разные смыслы и аспекты, заимствованные в архитектурном принципе, имеют свою организационную структуру и могут соответственно вводиться поэтапно, пофрагментно, в перспективе складываясь в пазлы целой картины.

Архитектурный принцип по-разному, иногда со значительными отличиями, освещался в истории философии. Однако, при всем несходстве в его интерпретациях есть то общее, что делает его сквозным, общеприменимым. На практике в этом плане архитектурный принцип специфически дополняет и даже в определенной мере развертывает, конкретизирует принцип развития, становления от себя до иного. Он обозначает и задает цель всякого бытия сущего предмета, объекта, в котором участвует человек. Этот принцип ставит абстрактного и конкретного человека в качестве подчиненного тела или самоцели развития, но ставит его не в чисто абстрактно-антропологической интерпретации, а в связи с переустройством своего пространственного места. В замечательной монографии А. Ф. Лосева «Миф, число сущность» вообще не дается логика переходов понятий «архитектоника», «пространство», «человек», но в его гениальной таблице на с. 100 есть место, заполняющее почти все шестьдесят четыре клетки для этих живых иерархических сущностей (рис. 22).

Архитектурный принцип распространяется на то, как подкрепляются возможности свободного и всестороннего развития человека его способностью усваивать и подчинять себе свое окружение, согласно не рекламируемой всеобщей мере, а в соответствии со своей индивидуальной мерой.

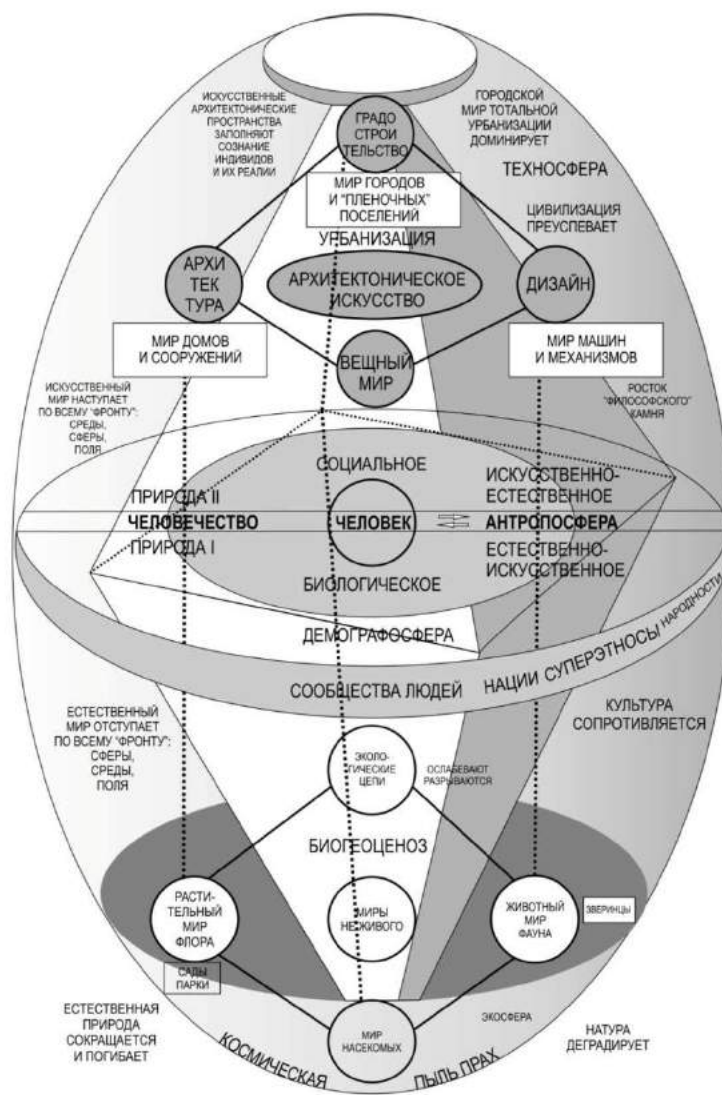

Рис. 13. Обобщенная модель включения человека в архитектуру пространств и архитектурное искусство

Посредством данного принципа принципы гармонии и меры приобретают новое значение и полноту. Необходимость привлечения этого принципа в философско-эстетическом анализе задает его способность вычленения главного, доминантного в отношении живого человека; мужчины, женщины, ребенка. Возможно, философия все меньше интересует обычного живого человека, потому что она не видит за абстрактным человеком его живые модификации.

Категориальный статус архитектурного позволяет развернуть его не только во всеобщий принцип, но и в жизненный архитектурный подход. Опрокидывание субъективного начала на деятельность и закрепление его в объективных формах результатов труда определяет творческий метод созидания человеком своего нового окружения. В значительной мере архитектурный подход может быть рассмотрен и как методология в познании и оценке творческих актов людей, изменяющих пространство планеты.

В философских традициях, идущих от немецкой классической философии, обозначение многообразия создаваемых человеком искусственных форм реализуется через возможность совершать логические операции анализа пространств через восхождение от абстрактного к конкретному. Посредством архитектурного подхода эти операции могут проходить достаточно эффективно. Начиная анализ с философских аспектов архитектурного взаимодействия человека с предметным миром пространства, последуем по аналитическому пути от общего к частному.

Под анализом архитектурного взаимодействия человека с пространством в данном случае имеется в виду знание искусной организации гуманного окружения человека. Обобщенное ядро такого рода знания составляет информация об архитектурном искусстве и архитектоники как науке о гуманизации среды обитания. Идеальная проектная работа в данной проблемной области совершается с использованием архитектурного подхода. Она позволяет предвидеть будущую организацию пространства под иные требования человека, обусловленные динамикой, комфортностью, новизной.

1.3.3. Пути к метакультуре жизнестроения

В широком плане для универсализации метакультурных смыслов архитектурного подхода, прежде всего, могут быть задействованы понятия и части слов, которые определяют их масштаб и значимость: «арх», «арха», «архе», «арх», «арт», «арк», «архео», «а», «ан», «анти», «тектоника» и др. В русле архитектурного подхода возникает система понятий: «иерархия», «археология», «анархия», «архипелаг», «олигархия» и т.п. Последние служат ориентирами в логике рассуждений об архитектонике формообразования идей, образов, концепций, проектов, вещей. В узком плане архитектурный подход может быть ограничен рамками той или иной проблемы, в частности, композиционного строя предметно-пространственного формообразования. Это справедливо и в отношении некоторых философских проблем внедрения знаний, обращенных на проектирование, формирование и потребление предметно-вещного окружения человека.

Вряд ли можно рассчитывать только на то, что благодаря удачно найденной и теоретически аргументированной категории, на основе которой в данном случае выстраивается архитектурный подход, удастся сразу решить важнейшие проблемы философского анализа жизнестроения человечества. Тем не менее думается, что, как минимум, такой подход позволит увидеть еще один неожиданный ракурс в анализе жизненно значимых для людей явлений, создаваемых в процессе развития духовной и материальной культуры.

Точка зрения, на которой стоят авторы, а также сторонники и единомышленники понимания необходимости многомерного выделения «архитектонического», сегодня уже не совсем нова. Но если вспомнить исторические метаморфозы этого подхода от обозначения деятельности до высшего принципа, то мы увидим, что эта идея медленно, но настойчиво реализуется в новых теориях и концепциях именно вокруг категории «архитектоника». Хотя ее использование Кантом и Гегелем весьма противоречиво и почти не согласуется с тем, что писал Земпер о технических искусствах еще в середине прошлого века, все же позиции у них обозначены весьма четко. То, что уже было наработано советскими исследователями в архитектоноведении (Л. А. Зеленев, М. С. Каган, Л. Н. Безмоздин, М. А. Коськов, О. П. Фролов и др.), также существенно отличается в крайних точках зрения от работ нового поколения (И. А. Стеклова, О. Баркова). Все это значительно усложняет фиксацию архитектурного подхода, но вовсе не говорит о его непригодности.

Действительно, не только у классиков персональные исторические интерпретации архитектурного чрезвычайно различны. После их детального анализа можно отыскать и иные варианты трактовок архитектурного на сайте РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). Тем не менее одна из основных особенностей данного понятия в том, что оно исторически модифицировано. Может быть сделана попытка не исключать все другие предлагаемые варианты архитектурных подходов, а выстроить по эпохам и этносам. Есть возможность найти компромисс, позволяющий гармонизировать и экстраполировать уже имеющиеся значения. Причем за основу вполне можно взять естественное происхождение термина для обозначения строительного, а шире – созидательного творчества человека. Градостроительные бумы известны не только в прошлом столетии и никем не отрицается со времени Древней Греции важность архитектуры и строительства.

Оставаясь эволюционно поступательными, различные архитектурные подходы применительно к многолюдным пространствам постоянно изменялись. За историю человеческой цивилизации архитектурное как искусство строительства и созидания как бы совершило виток и в своем развитии вернулось к прежнему, но на качественно новом уровне. Вершиной той, прежней, или изначальной архитектуры было строительство храмов для богов. Такая потребность была порождена еще воображением архаичного человека применительно к мифологизации героев.

Пришло время, и современный человек-меценат может делать то, что раньше делали боги: «метать» молнии, созидать башни до небес и покровительствовать. Для давно ушедших поколений цивилизованный человек, оснащенный техникой, это человекобог. Он тоже может строить «храмы», но уже

по своей мере. Мера, правда, не та, что была раньше. Эта мера все более приобретает, с одной стороны, космический масштаб, а с другой – миниатюризируется до трансформируемого домика на колесах.

Отсюда яснее ориентиры архитектурного подхода в том ракурсе, как они видятся не только в собирательной и обобщающей форме, но и приземленном обыденном менталитете. Создавая новый себе подобный и гуманизированный мир, человек все более свободно чувствует себя в нем. В идеале это, конечно, не рабство перед вещами и не поклонение им. Это свободное владение их производством и потреблением. Цивилизация как бы захватывает человека в воронку архитектурного взаимодействия со все более податливым, на первый взгляд, пространством. Вырваться из этой технизированной гонки порождения и использования вещей он уже вряд ли может. Мифологическими символами восхождения служат Вавилонская и башня Татлина. Видимо, на этом направлении лежит столбовая дорога развития человечества к его концу на путях перепроизводства излишеств.

Многие опасения о технизированной цивилизации, которые высказывали философы и ученые, архитекторы и дизайнеры, вполне справедливы. Но они не могут стать основой, опираясь на которую следует пытаться остановить неизбежный путь развития человечества. Так же как жестокость, присущая людям, которая следует за ними по пятам из формации в формацию, не есть обязательное основание для катастрофы, апокалипсиса, самоуничтожения всех и вся (Щуров В. А., Дахин А. В. «Апокалипсис технического объекта»). Человек без современного архитектурного творчества не может и далее возвышаться над предметным миром. В развитии человека есть эффективные возможности использования самых различных материалов, технологий, конструкций. Они лежат за пределами физических возможностей человеческого тела, они же обеспечивают ему новые способности. Конец истории по Фукуяме может быть, как минимум, отложен по соображениям феномена чувственности [113-114].

Подобно эстетическому, этическому, политическому, экономическому и т.д. архитектурное – одно из существенных составляющих в понимании пространственных метаморфоз действительности. Это всеобщий момент, отражающий возможность всякого тектонически организованного перехода явления от низшего к высшему. Если по качеству оно также глобально, как, например, управленческое действие, то специфика его – в опоре на очеловеченную предметность пространства. Чем больше эта предметность гуманизирована, тем больше шансов для возвышения человека над своим окружением и над самим собой. Правда, в эпоху постмодернизма есть и иные точки зрения на архитектуру жизнестроения.

Известный российский философ В. А. Кутырев, попавший в ограниченный список популярных российских философов, имеющий в РИНЦ индекс Хирша равный 19, активно продвигает идеи отчуждения человека от технического прогресса, губительного по его мнению для всех людей. Это, правда, не мешает ему пользоваться всеми благами цивилизации, которые он считает по сути негативными. Есть и более последовательные философы и мудрецы с житейской закалкой, которые на деле пытаются доказать возможность отказа от технических благ, поселяясь в глухомани и удовлетворяясь минимумом благ, сродни строительным умениям живых существ: пчелы – улей, медведь – берлога, птица – гнездо, муравей – муравейник, термит – термитник.

Краткие выводы по первой главе

В тексте предварительно намечены основные иерархии сфер, в которых отражается шкала возможностей проникновения архитектоники в суть пространственных построений мира людей. В них отражена логика взаимодействия законов и принципов в пределах от абстрактному к конкретному, от философии к науке, от культуры к художественно-эстетическим явлениям. Архитектоника пространства человека по сути охватывает единство трех стихий близкой к логике теории «трех миров» К. Поппера: 1 стихия – ПРОСТРАНСТВО – включает в себя материальные субстраты и физические явления реальности, творимые людьми предметы и самих людей; 2 стихия – ЧЕЛОВЕК – посредством индивидуального сознания стремится найти свое благодатное место в первой стихии путем поиска; 3 стихия – АРХИТЕКТОНИКА – интеракционно обеспечивает взаимодействие человека с пространством, включая механизмы взаимопроникновения первых двух стихий по ступеням подвижной иерархии и тектоники построения разных по сути ипостасей: жизнеустроения, ансамблестроения и мирозидания. Предметы – меты продолжения человека в пространстве, а поскольку он стремится неограниченно себя продолжать, то все структурные сети тектоники организации пространств освоения людьми своего неограниченного габаритами окружения, то и само расширение становится его частью. Интерес почти всегда опережает реальность экспансии человека в пространстве, потому и проектирование становится эпицентром интеллектуального продвижения людей на путях расширения границ познания и преобразования реальных территорий в разных средах. Культурфилософия дает возможность с уровней высоких абстрактных идеалов развивать понимание синергии архитектоники пространства как целостность с позиций метанауки и искусства проектирования будущих состояний действительной реальности в ее умоглядном совершенстве, представляемым для творческого человека.

ГЛАВА 2. АРХИТЕКТОНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛОВЕКА

О революциях в социальной философии сказано много добрых и злых, уважительных и уничижительных слов. Исторический опыт показал, что ориентироваться на социальные революции в надежде на лучшее будущее означает на практическом опыте безнравственно, не гуманно. Даже если иметь в виду, что революции у людей бывают двух типов, протекающие мирным путем, и ориентироваться на мирный путь быстрого, скачкообразного развития социальных отношений, то и в этом случае становление прогрессивных новых качеств, как правило, идет за счет человека. Как показала практика, сам человек в результате социальных революций не меняется качественно как антропоморфное существо. Значит, надо делать все, чтобы изменение его жизни к лучшему осуществлялось, главным образом, за счет других революций: научных, технических, технологических, культурных и художественных. Свободное творчество человека, направленное на созидание ансамблевых пространств, – вот приоритетный путь движения вперед. Развитию творческих индустрий соответствует способ созидания, ориентируясь на который можно было бы избежать значительных человеческих жертв за лучшее и действительно светлое будущее человечества. Важнейшим средством достижения этой благородной цели является созидательно-творческое преобразование архитектоники пространства.

Условно будем называть данный род деятельности архитектурным творчеством. Совокупный результат этого рода человеческой активности будет соответственно в целом именоваться архитектурным искусством.

2.1. Природа архитектурного искусства

2.1.1. Полифункциональность архитектуры искусств

В специальной литературе, посвященной проблемам философии и культурологии искусства, созидательные искусства, непосредственно выходящие на самую жизнь людей, обозначались и обозначаются по-разному: как пространственные (Е. Б. Мурина), экспрессивные (Я. Вуек), прикладные (Г. Н. Поспелов), выразительные (А. Я. Зись), бифункциональные, архитектурные (М. С. Каган), пластические (В. В. Ванслов), малые и большие функциональные искусства (А. Банфи), тектонические (архитектура), технические искусства (ремесла) (Г. Земпер) и т.д. (см. Банфи А., Ванслов В. В., Земпер Г., Зись А. Я., Каган М. С., Поспелов Г. Н.). Отличительные особенности каждого из этих терминов требуют специального рассмотрения.

Не менее важно, однако, не только то, как правильнее в логике языка назвать те или иные предметные формы, создаваемые людьми и составляющие элементы второй природы, но и то, как адекватно отразить их включенность в структуру пространства, формируемого человеком. Возникает вопрос – каким образом выразить их гуманистическую сущность? Многообразие форм архитектурного искусства открывает новый аспект в восприятии и осознании всей архитектуры пространства. Как органическая целостность оно связывает первую (естественную) и вторую (искусственную) природу.

Архитектурное искусство широко представлено в повседневной жизни современного человека в многообразных рукотворных явлениях и машинотворных произведениях, артефактах. Оно все более вовлекается в поле внимания представителей различных научных областей. Современной задачей поисковых исследований является содержательный анализ методологических подходов в познании его результатов. Решение ее следует начать с понятийных модификаций архитектурного как субстратного фрагмента организации предметного мира пространства. Уже потом можно перейти к философским аспектам рассмотрения феномена многообразия произведений архитектурных искусств с позиций культурологии, эстетики, искусствознания различных научных дисциплин (рис. 14).

Суть дела не в том, как терминологически соотнести еще далеко не однозначно разграниченные в литературе термины: архитектурное, тектоническое, бифункциональное, прикладное, техническое и т.п. Впоследствии

авторы, озабоченные проблемами разных областей жизни и деятельности людей, будут это делать более аргументированно и однозначно. Главное, идти не от частных «эстетики формы» и «этики вещизма» и не только синархически (от абстрактного к конкретному и наоборот) или дедуктивно (от общего к частному), а сверять эти движения реальностями архитектурной организации материальной среды.

Вещи, произведения, артефакты, включенные в систему среды деятельности общества и взятые в их полноценном социально-экономическом и эстетическом бытии, в связи с процессами деятельности и жизнедеятельности (труда, быта, отдыха) человека, неизбежно попадают в поле прикладных научных исследований. Поскольку эти явления представляют цель и результат архитектурного творчества и в них находят свое отражение все его составляющие, постольку они являются непосредственной предпосылкой и для проектных исследований.

На сегодня нет однозначных определений ключевых понятий и категорий, описывающих взаимодействие человека с создаваемыми им сферами пространства. На качественно различных уровнях этого взаимодействия соответственно нет однозначности и в возникающих на их основе модификаций понятий: «предмет», «вещь», «изделие», «произведение зодчества», «произведение дизайна», «симулякр», «инсталляция». Все более широкое использование этой группы понятий в практической деятельности заставляет искать единоположенность данных научных определений, основания для их идентификации.

Категория «архитектурного» и ее производные понятия описывают иерархию структур организации предметных сред. В пересекающихся философских традициях, идущих от идеализированной эстетики Гегеля и практической эстетики Земпера, обозначается многообразие создаваемых человеком искусственных форм. В свою очередь, в логике научного познания человеческого пространства это позволяет реализовать принцип восхождения от абстрактного к конкретному.

Собственно всякое архитектурное образование, составляющее конкретную основу и единичное содержание отдельного вида архитектурных искусств, важно осознать как живое явление материально-эстетической культуры, проанализировать с помощью философских и эстетических понятий: переживание и жизнестроение, знак и образ, содержание и форма, гармония и дисгармония, художественное и утилитарное, стиль и метод, бытийность и понятность. Именно эти теоретико-методологические вопросы являются основополагающими в предлагаемых теоретических исследованиях, ориентированных на реальную жизнь людей.

Рис. 14. Человек в моделировании культурно-цивилизационных компонентов

Конечно же, различные виды произведений архитектурных искусств имеют много различий, но содержат и много сходств, а в этой диалектике несут единое функционально-морфологическое начало как художественных произведений, так и сугубо утилитарных вещей. Ранее обращалось внимание на то, что бифункциональная природа многих продуктов труда человека раскрывается на самых разных уровнях общения людей. Традиции понимания неразрывной связи искусства и действительности, их исторической взаимосвязи и прослеживаются в ряде работ, посвященных пространственному анализу предметного мира (см. Моррис Уильям, Рескин Джон, Чернышевский Н. Г., Шефтсбери).

Необходимость осуществления единого подхода к формированию архитектурно-целостной среды обитания человека вряд ли требует доказательств. Скорее здесь следует провести уточнение ряда исходных понятий, характеризующих спектр предметных элементов составляющих, образующих архитектурное искусство. Прежде всего, к числу «первокирпичиков» архитектурного искусства, характеризующих его как вещно-результативное образование творчества человека, могут быть причислены: «изделие» и «произведение», «артефакты» и «архитектурная форма». Из них уже собираются ансамбли и города.

В данном случае слова, соединенные союзом «и», в чем-то различаются степенью утилитарности или художественности деятельности, результатом которой они являются. Однако это условие не определяет непреходимых границ между искусством создания вещей и предметным пространством. Подвижность этих границ в историческом становлении искусства, как социально-коммуникативного феномена, отражена в книге А. Ф. Еремеева «Границы искусства», где, в частности, утверждается, что «предмет искусства является частью объективной реальности, но он представляет собой не мир как таковой, а «очеловеченную» действительность...» [53].

2.1.2. Труд, творчество, искусство

Многие ученые сходятся на мысли о том, что искусство непосредственно произошло из сферы трудовых процессов человека. Одновременно оно выделилось из нее в сферу искусства труда. Традиционно в философии, философии искусства, культурологии, эстетике и искусствознании искусство рассматривается в качестве творческой самостоятельной области действительности и формы общественного сознания.

Несколько в стороне от поля внимания исследователей оставалось художественное начало в сфере современного механизированного и

телематизированного труда. Причины этого, главным образом, герменевтические, гносеологические и онтологические. Не вдаваясь в специальное их изучение, достаточно назвать высокий профессионализм цеховых ремесел и производств, который дошел до постиндустрии наших дней в форме секретов фирм, технологических и технических тайн производства. В итоге, наблюдается значительный разрыв специальных знаний и прикладных наук с фундаментальными науками и с философией. Обращает на себя внимание и значительный прикладной сдвиг западной науки в область жизненных интересов людей.

Возможность выхода за жесткие рамки рассмотрения труда связана с пониманием его истоков как целесообразного взаимодействия человека с предметным пространством. В этой системе отсчета труд оказывается моментом деятельности, включенным в нее как в более широкую систему. Отсюда и позиция философского анализа труда, понимаемого как формирование окружения человека или в более широком контексте, как высшей потенциально продуктивной формы активной деятельности человека.

В ходе созидательного труда производитель не все ресурсы переводит в продукт труда. Отчужденный результат труда человека складывается из продукта и отхода (затрат, не нашедших места в продукте). Соотношение продуктов и отходов выступает одним из ведущих критериев в суждении о художественных, эстетических и утилитарных качествах труда человека. Здесь могут быть отмечены две крайние позиции: «разбазаривание», а также «передобор» ресурсов, и оптимизация в использовании ресурсов в процессе их переработки. Если в результате труда появляется «бракованная продукция», то продуктом ее назвать уже нельзя. В этом случае, вероятно, можно утверждать, что и качество труда низко. Любопытно отметить прямое негативное воздействие растущей степени отчуждения результатов труда от человека. Возвращаясь как бумеранг, она и в перспективе резко снижает качество его усилий, влияет на производительность труда.

Анализ взаимодействия человека и пространства с целью выяснения качеств искусства труда и предметов труда как искусства в советский период неразрывно связывается с проблемой способа производства материальных благ, с исследованием диалектики производительных сил и производственных отношений. В этой преемственной связи проблема предметных и человеческих качеств, отражающихся в архитектурном искусстве, приобретает многоплановость в ее исследовании с позиций пространственно-средового, функционально-деятельностного и системно-информационного подходов. Рассмотрение в теории человека и теории пространства качественной стороны

предметной и человеческой мер поможет развернуть существенные предпосылки дальнейшего развития общей теории архитектурной деятельности человека.

Труд и степень его искусности соотносимы с его результатами. В свою очередь, предметные результаты в качестве произведения есть средства возвышения и искусства, и жизни. По мере возвышения труда до истинного творчества, предметы труда становятся индикаторами качества самой жизни. В этой связи далее рассмотрим понятия «изделие» и «произведение» и покажем, что между ними нет, да и вряд ли может быть строго фиксированная граница. Для этого обратимся к изначальному смыслу этих слов. Изделие – это то, что вышло в результате ремесла, из дела, а произведение – это прежде всего то, что было произведено. Труд, производственная деятельность человека роднит и изделия, и произведения в их умноженности на творчество.

Конечно, разницу в этих словах можно усмотреть хотя бы в том, что если бы они ни в чем не отличали свой предмет в действительном мире, то одно из них могло бы быть упразднено. Этого явно не происходит. Термин «изделие» относится к сфере товарного производства, определяется в ГОСТах, и под него подводятся такие понятия, как «вещь», «здание», «сооружение». Термин «произведение» чаще встречается в эстетической и художественной литературе, и соответственно как продукт творчества, имеет свою специфику, допустим, в уникальности, в нетиражированности, неповторимости и выразительности, авторской принадлежности и т.д.

Поскольку охватить и развернуть понятие «архитектурное произведение» невозможно вне человеческой деятельности, то первая исходная предпосылка заключается в том, что если это произведение, то оно произведено. Отсюда «произведение» – это нечто созданное в творческой производственной деятельности, это продукт и творчества, и производства. В этом смысле слово «произведение» является производным от слов «производство» и собственно «произведение» (умножение или возведение в степень). Последнее имеет не столько математически-количественный смысл, сколько умножающий эффект творческого деяния.

Здесь также важно отметить существенный признак возникновения всякого произведения как искусственно рожденного творения. Его преднамеренность, рукотворность, искусственность носят общественный характер в отличие от естественного характера природных явлений. Искусственность и рукотворность в создании очеловеченных пространств предполагают определяющую роль общественного над природным и творческого начала над эволюционным, в процессе которых и воспроизводится, и возрождается предметный мир. Они вносят эстетическое начало в то, что производится и вовлекается даже в простое товарное производство. Говоря словами К. Маркса: «Благодаря этому

производству природа оказывается в известном смысле его (человека – авторы) произведением и его действительностью» [107, с. 94].

Глубже раскрыть понятие «произведение» принципиально важно для дальнейшего исследования. Заметим, что в ряде случаев мы с Вами, читатель, еще находимся во власти традиционных положений искусствоведения. В самых разных формах, а где-то даже и в рамках соцреализма, оно относительно полярно отлучало искусство от жизни в залы официального искусства или андеграунд. Это крайности параллельны и обратны абсолютизации «искусства для искусства». В качестве одного из примеров неправомерно узкого и не адекватного толкования фундаментального понятия искусства является толкование понятия «произведение», как бы раздвоенного и рассеченного по полочкам «прогрессивной» действительности [49].

Традиционно проводилась линия на сведение произведений только к обозначению самых лучших, «достоинейших» продуктов художественной деятельности. Но ведь содержательный смысл этой категории значительно шире как в отношении различных материальных и духовных продуктов человеческого труда, так и в плане характеристики природы, изменяемой человеком. К тому же есть искусствоведы, которые полагают неоднозначность утверждения за художественными произведениями только позитивных значений. Они называют любое явление абстракционизма, дадаизма, ташизма и тому подобных «измов» высокохудожественными произведениями искусства.

В новейшей эстетике уже менее активно разрабатываются не только традиционные проблемы художественных произведений, но и проблемы бифункциональных или утилитарно-художественных произведений, а разделение наук разделяет специалистов. В какой-то мере эти проблемы сопрягаются с анализом утилитарности продуктов труда. Вспомним хотя бы унитаз Дюшана как уникальное «произведение искусства». Раньше это было предметом шуток, а теперь это признаки новаций в инсталляциях, перформансах, постмодернитских ребрендингах, синулякрах – имеющих унитарный нулевой отсчет.

2.1.3. Архитектоника эстетического произведения

В видовом различии произведений можно выработать единое для них понятие через обнаружение у них общей эстетической природы. Для этого могут быть использованы понятия «феномен культуры» или «культурно-эстетическое произведение». О необходимости использования данного понятия в структуре человеческой деятельности со всей определенностью заявляет Л. А. Зеленев: «Объективация в эстетической сфере завершается созданием эстетически значимого продукта деятельности, ... эстетическое произведение можно

рассматривать как материальное эстетическое образование, как объективированное эстетическое Сознание» [55, с. 137].

Эстетическое произведение – результат специфической деятельности человека, материализованное чувственное сознание, обладающее эстетическим значением. Данное абстрагированное понятие видимо может являться общим термином для произведений искусства, художественно-утилитарных изделий, чувственно воспринимаемых и измененных человеком явлений природы и самой жизни. Диалектика соотношения эстетического произведения и архитектурного произведения – это соотношение общего и особенного, рода и вида. Отсюда и преобладающий философско-эстетический характер рассуждений по связующим нитям объективации и субъективации.

Архитектоническое произведение является одним из компонентов творческой предметно-созидательной деятельности и одновременно ее результатом. Поэтому все особенности данной деятельности отражены в произведении как целостной предметной форме (характеристика субъекта, его мировоззрение, эстетический идеал, особенности объекта, способ проектирования, производственные средства и т.д.). Вместе с тем, архитектурное произведение как эстетическо-цивилизационное явление и как архитип обладает утилитарно-художественными признаками и выражает в предметно-пространственной форме специфическое единство материальной и духовной культуры. Общие признаки архитектурного произведения рассматриваются также через порождающую его экономическую деятельность, которая является моментом интеграционной деятельности общества, а само произведение может быть адекватно понято как компонент в ее многомерной структуре и как пространственно обособленный элемент материальной среды, обладающей определенной степенью совершенства.

Может быть сформулировано рабочее определение архитектурного произведения как продукта архитектурного творчества, произведенного для удовлетворения потребностей общества в искусственной предметно-пространственной среде, образующей целостную неразложимую чувственно-интеллектуальную единицу организованной материальной сферы. Уточнение основных производных понятий и их конкретизация будут показаны далее при раскрытии модификаций отношений архитектурного искусства к действительности.

«Все отрасли промышленности, все ремесла, имеющие целью удовлетворять «вкусу» или эстетическому чувству, мы признаем «искусствами» в такой же степени, как архитектуру, когда их произведения замышляются и исполняются, под преобладающим влиянием стремления к прекрасному и когда другие цели (которые всегда имеет и архитектура) подчиняются этой главной

цели» [166, с. 138], рассуждал Н. Г. Чернышевский о особой мере принадлежности архитектуры, промышленности и ремесел к «искусствам». Его сомнения о принадлежности практических деятельностей и их результатов к сфере искусства нисколько не противоречат тому, что бифункциональные произведения, выполненные «под преобладающим влиянием стремления к прекрасному», выступают как эстетические явления. Поэтому более конкретным и в большинстве случаев адекватным будет причисление архитектурных произведений к разновидности эстетических произведений, нежели к произведениям искусства.

Понятие «архитектоническое произведение» лежит на стыке наук. Эстетика специально не занимается исследованием понятий «архитектурное произведение», «произведение дизайна», «произведение декоративно-прикладного искусства», но к эстетике они имеют прямое отношение как специфически архитектурные эстетические явления. Поскольку предметом эстетики являются и архитектурные искусства, постольку и архитектурное произведение можно рассматривать как элемент в системе эстетической деятельности.

Архитектоническое произведение является в различных своих обликах, смысловых энергиях. Они могут выступать в качестве характеристик объекта теории архитектуры и в качестве признаков памятника или экспоната - в историческом аспекте становления архитектурных и технических систем, или в качестве объекта градостроительства – как моменты элементов городской среды, наконец, в качестве благодатных индикаторов эстетического явления. В структуре эстетической деятельности как таковые чувственно дополненные формы в деятельности человека многофункциональны и многопредметны.

Считать или не считать ту или иную предметную форму произведением зависит от системы отсчета, от меры проявлений эстетической деятельности, в которую оно включается в процессе формирования, реализации, функционирования, утилизации. Это, в свою очередь, предполагает многоуровневое системное рассмотрение объекта исследования и с позиций герменевтической соединенности метода и истины. В определенной мере все зависит от конечной целевой установки того, как действительно взаимодействует архитектурное, произведение и человек.

Развернутый ответ на вопрос об объеме и категориальном содержании понятия «архитектоническое искусство», по сути дела, дается в связи с анализом всего многообразия образующих его произведений, артефактов, изделий. В краткой форме можно сказать, что искусство архитектурной организации пространства определяется представленностью его и как момента предметосозидательной творческой деятельности человека, и как глобального

фрагмента эстетически организованной материальной среды. Отсюда разделенное содержание понятия «архитектоническое искусство» раскрывается в содержательном единстве многоплановых, сверхсложных категорий «архитектоника» и «искусство». Содержание данных понятий является объектом не только философских, культурологических, эстетических и искусствоведческих исследований, но и концептуального, технико-технологического, рабочего проектирования, без которых не обходятся архитектура, градостроительство, дизайн.

2.1.4. Пределы архитектурного искусства

В этой части исследования необходимо обратить внимание на современные границы искусства, попеременно очерчивающие контуры словосочетания «архитектоническое искусство». Поддержим суждение ряда крупных художников и специалистов в области искусства (режиссеров, критиков, драматургов и т.д.), что только несколько процентов всей современной художественной продукции может претендовать на то, что это настоящее искусство.

Настоящее искусство здесь не берется в пропорциональном соответствии со стоимостью. Хотя и такой аспект довольно любопытен, допустим, из возможности выделения лучших произведений, скажем, после черты в один миллион долларов их стоимости. И в этом случае количественная точность пограничного критерия совершенства не была бы безупречной. Однако нет гарантии, что сюда не попали бы унитаз Дюшана, баночка Мацони или подобные им «сверхценности» по цене псевдоавангардного искусства. В данном случае авторы не против того, чтобы причислить их к результатам архитектурного искусства, но не согласны с тем, что это высочайшие образцы, а тем более в отношении всего искусства.

Подлинное искусство чрезвычайно редко. Оно составляет едва ли малую долю от всей его многоплановой совокупности. С такой точкой зрения вполне можно согласиться. Но если быть последовательным, то тогда надо существенным образом менять отношение к основной массе продукции собственно художественной деятельности.

Если последнее положение признать однозначно, то необходимо будет почти полностью отказаться от термина искусство. Видимо, как минимум, потребуется отправить в дальние запасы хранения значительный ряд некогда массовых периодических журналов: «Искусство кино», «Театральное искусство», «Декоративное искусство СССР» и др. Это лишь один шаг с чисто внешней стороны постпостперестроечного понимания значительности изменений самой жизни российских людей. Дальнейшее движение в направлении отказа называться

искусством 97, 98 – 99 % художественных работ, как это предлагают нынешние сторонники «чистого» искусства, могло бы принять разрушительные масштабы. Тогда возможно и последует согласие с теми подзабытыми теоретиками искусства, провозглашавших «смерть искусства».

Но следует ли пугаться высоких или даже завышенных критериев истинного искусства? А может быть для движения в этом русле еще не пришло время? На современном этапе развития культур и цивилизаций на нашей планете еще нет того взаимопонимания и единства, которые бы могли обеспечить корректный отбор лучшего из лучших. Отсюда и актуальная задача – определение четких критериев для общепринятого выделения высоких образцов искусства.

Надо признать, что в этом направлении уже многое делается. Присуждение высшей награды киноискусства: в США – Оскара, в СССР и в России – Ники, во Франции – золотой пальмовой ветви, в Германии – Медведя. На многочисленных выставках и презентациях в качестве ведущих ориентиров демонстрируются образцы лучших произведений вершин искусства, открываются новые проявления художественных начал. Правда, следует заметить, что здесь в ряде случаев едва ли не большую роль играют политические и коммерческие мотивы, которые опять же не имеют ничего общего с настоящим искусством.

Качественно разнообразные ориентиры оценки возникают в литературе, архитектуре, дизайне, декоративно-прикладном искусстве. Выбор лучших образцов не менее сложен, чем выделение урана из руды. Кстати, подобная аналогия обыграна в поэтической форме В. В. Маяковским о том, как трудно добыть в поэзии «радий» ради нескольких слов. В России вновь набирает силу престижная премия президента в области искусства и литературы. Политика в явной и неявной форме входит в архитектуру искусства своего времени: сталинские высотки, заменившие авангард и конструктивизм и предложение В. В. Путина о созидании парка Зарядье как модели страны. Идея успешно реализована.

В решении новых задач, надо полагать, существенную роль сыграет определение иерархических ступеней в искусстве. Возможно в чем-то они могут быть подобны архитектонике усложнения структуры химических элементов. В периодической системе выделяются металлы и неметаллы (металлоиды), черные, цветные и благородные металлы (золото, серебро, платина) или отграничивающиеся от них радиоактивные элементы (технеций, прометий, полоний и все следующие за ними). В какой-то мере, так же как и в металловедении, в искусствознании изучаются закономерные связи между составами, строением и свойствами современного искусства.

Согласно данной аналогии утверждение за лучшими произведениями качеств энергетической силы благодати, своеобразного «свечения» предполагает

ряд весьма существенных следствий. В частности, из этого вовсе не следует, что после разделения искусства на качественные ступени, ведущие к его вершинам, где совершается высвечивание истины, элементы низших иерархических ступеней не принадлежат к искусству. Более того, если в самой жизни чаще всего и большее значение имеют самые обычные металлы, то и массовые произведения имеют право не только на существование, но и привнесение в них качества более высокого художественного порядка.

Перенося эти рассуждения непосредственно на архитектурное искусство, следует заметить, что, например, за архитектурными шедеврами почти всегда признавались качества «художественного свечения». Ряд философов и искусствоведов не отрицали этих свойств и за произведениями декоративно-прикладных искусств и ремесел. Сегодня ремесла и промыслы на иной технической и научной основе получили свое дальнейшее развитие в дизайне. Эта развивающаяся преемственность обеспечила возможность «свечения» в лучших образцах дизайн-произведений постиндустрии.

Таким образом, используя приведенную аналогию с архитектурной матрицей металлов, можно выстроить подобную логику в искусстве организации архитектуры пространства человеком по двум линиям: во-первых, по выделению наиболее «тяжелых», «благородных» и «радиоактивных» произведений, образующих вершины архитектурного искусства, и во-вторых, по намеченной иерархии, охватывающей весь спектр артефактов, создаваемых людьми с применением индикатора «свечение».

Данная исследовательская концепция «по аналогии» с удержанием мифологических феноменов и религиозных святынь не претендует на всеобщность и универсальность. Она дает возможность лишь ориентироваться в мире искусства и намечает закономерные тенденции, где доминируют иерархические уровни художественной полноценности системных объектов. Конечно, оценка их ценности обуславливается (не)профессионализмом народных и элитных авторов, специалистов и профессионалов рефлексотерапии искусства в обществе. Вместе с тем, есть разумные границы искусств, которые не так строги, как в периодической таблице химических элементов. В некоторой мере это определяет дополнительный критериальный принцип доходчивости искусства до каждого человека независимо от его профессиональной подготовленности.

Представленные рассуждения лишь обозначают проблемное поле архитектуры пространства и проявления в нем множественных полей действия архитектурного искусства. И все же большее значение имеют характеристики этих полей, чем поиски «рудноносных» слоев, отличающихся высоким процентом «светимости» от стоимости, цены вещи. Думается, что это касается в большей мере искусствоведов, культурологов и критиков, нежели философов-эстетов.

Более всего устойчивость ценностно-целевых критериев затрагивает проектировщиков. Важнейшими ориентирами данных проектных полей намечаются философские, эстетические и культурологические критерии, которые дают обобщенные представления о комплексных объектах. Центральной проблемой устойчивого развития социума становится стремление удержать архитектурное искусство как явления художественно-эстетической культуры. Однако в новейшее время это дополняется в связи с новыми качествами компьютеризированного труда, имеющего свою цену.

Если в общем виде философско-эстетическое содержание понятия «архитектоническое произведение» есть не что иное, как узловая клеточка архитектурного искусства, то в своей развернутой конкретности оно раскрывается через процессы формообразования специфических продуктов творческой деятельности человека. В этом значении оно близко к смыслу понятия «архитектоническая форма». Последнее отличается тем, что в качестве выражения содержания обладает относительной нейтральностью как эстетическая ценность. Для конкретной систематизации архитектурного искусства необходимо более подробно проанализировать механизмы архитектурного формообразования как творчества в единстве типологии, композиционной организации и пространства артефактов.

Человек создает вещи и окружает себя ими в ближних и дальних пространствах. К сожалению, тем самым он одновременно обесценивает и отодвигает многообразные и необходимые для его жизни природные формы на второй план. Следуя от истоков и первоэлементов архитектурного искусства, мы видим, что проблемы их анализа во времени не просто увеличиваются количественно, они качественно приобретают бесконечное многообразие. Учитывая их множественную безграничность, следует при этом, во-первых, четко придерживаться правила соблюдения меры в выявлении качественной определенности рассматриваемых артобъектов и, во-вторых, продолжить исследование с определения общих исторических и теоретических особенностей возникновения собственно артпроизведений, образующих центральный комплекс архитектурных искусств (архитектура, градостроительство, дизайн).

2.2. Культурно-эстетический анализ архитектурного творчества

2.2.1. Образ жизни как эстетический заказ творцам культуры

Мастера архитектурного искусства взаимосвязано с жизнестроением порождают новые объекты. Сам по себе более эффективный, не менее свободный и красивый труд сохраняет творческое начало. Оно рождается под эстетическим воздействием процессов возникновения результатов предметного

формообразования и значимых социокультурных тенденций человеческой деятельности. В понятии «архитектоническое искусство» выражена принадлежность к сфере искусства самой творческой деятельности. Уже это делает одухотворенным всякий труд и приближает саму жизнь к сфере искусства.

Однако следует заметить, что при таком подходе привычное толкование классификации полифункциональных искусств оказываются не эффективным. Возникает необходимость разработки новых нетрадиционных подходов, идущих не от произведений, а от творцов, их порождающих. Уже здесь начинается разделение представителей элитарной власти, ориентированной на деньги, финансы, рынок и структурно разных масс людей со своими представлениями о подлинных храмах искусства, нравственно-эстетическими ощущениями, представлениями и переживаниями.

В классификации традиционных видов творчества отечественная эстетика отталкивалась от пяти видов искусств Гегеля, выстроенных по цепочке в последовательности заданной его идеалистической системой. Тем самым она как бы изначально оказалась под «гегелевским колпаком» объективного идеализма. Понимая это и стремясь сознательно уйти от схем гносеологической интерпретации в онтологию искусства, исследователи не гегелевского направления все же – оставались в плену других догм, штампов, в частности, узких рамок искусствознания. Парадокс «околпаченности», видимо, заключается в самой философии искусства Гегеля, имеющей много позитивного (обобщающего, логически выверенного, закономерного) и одновременно неоднозначного (идеалистического, абсолютного, «законченного»). Основная сложность негативного, по всей вероятности, в том, чтобы удержать позитивное и заменить устаревшее новым. В чем же заключается основная новизна в этом переходе на современный уровень системно-архитектонического осмысления искусства в самой жизни?

Прежде всего, возникает потребность в выяснении детального онтологического статуса современного искусства. Его обусловленность и неразрывность связей с трудовой деятельностью человека вряд ли требует доказательств. Причем, что особенно важно и подтверждается всей историей искусства, не в выборочном отношении к каким-либо деятельности («особо прекрасным»), а ко всем в целом и к каждой в отдельности. Не претендуя на всеохватность, возникает необходимость показать это на примере развития архитектурного творчества.

Философско-эстетическую проблематику в анализе творческого созидания искусного предметного мира организационного пространства затрагивали Сократ, Платон, Аристотель, Августин Блаженный, Фома Аквинский, Адам Смит, Леонардо да Винчи и многие другие. Но это был не строгий научный анализ, а

эстетические рассуждения, растворенные в обобщающих общественно-научных знаниях. Развертывание эстетического анализа созидания предметного мира как целостности ни в античности, ни в средние века и даже позже не было в том виде, в каком оно представлялось например, советским ученым (см. Асмус В. Ф., Боров Ю. Б., Волькенштейн В. М., Еремеев А.Ф., Каган М.С.).

В разборе концепций эстетического, несомненно, подлежит принципиальной критике теологическая трактовка эстетического как божественного начала, озарения или гения Фомы Аквинского и Августина Блаженного. Следует также сказать и о вульгарно-материалистическом подходе, сводящем эстетическое к чисто физическим и метафизическим свойствам объекта. В советской эстетике идеалистическим и метафизическим трактовкам ключевых эстетических категорий противопоставлялось, хотя и недостаточно аргументировано, диалектико-материалистическое их понимание. Эстетика в паспорте ВАКовской специальности 09.00.04 развертывается как система законов, категорий и понятий, что заставляет видеть в иррациональной чувственности не только случайное.

Приверженность эстетов к субъективно-идеалистической трактовке эстетического характерна для современной зарубежной эстетики. Гегель, на эстетическое учение которого оказал существенное влияние Кант, в свое время был подвергнут Н. Г. Чернышевским критике за нежизнеутверждающую интерпретацию основных эстетических понятий. Однако не следует упрощать и считать, что противоречивая современная эстетика решила все проблемы чувственной архитектоники пространства однозначным модным приговором.

Немаловажную роль в раскрытии особенностей эстетического анализа современные философы и эстетики отводят критике работ, посвященных творчеству. Профессор А. Бегиашвили, раскрывая существо методов анализа современных философов, приходит к закономерному выводу: используемая «техника анализа» часто приводит к путанице, порожденной злоупотреблениями языка. Тем не менее, теория и критика в едином историческом процессе все более приоткрывают нам завесу к тайнам механизмов творческого анализа развертывания архитектоники взаимодействия человека, чувствующего и переживающего пространства, его движения и движения в нем.

Эстетический анализ становится все более признанным методом исследования создания продуктов труда человека. По существу, весь предметно-пространственный мир служит объектом пристального изучения на современном этапе развития науки. Вычлняя эстетический аспект мирозидания и осуществляя его эстетический анализ, различные авторы используют понятия: «эстетическое исследование», «объект эстетического анализа», «эстетический эксперимент». Специалист в области эстетики Е. В. Волкова раскрывала

содержание произведения искусства как предмета эстетического анализа в системе понятий развивающегося эстетического знания [55]. В серии публикаций этого интересного автора можно отметить тенденцию вывода анализа произведений в более широкий контекст развития культуры.

Не утрачивает актуальность значительный ряд работ, посвященных анализу отдельных видов искусств и их произведений. Ученый-структуралист Ю. М. Лотман тонким анализом поэтического текста раскрывал красоту (поэтику) литературных произведений. Монография В. Ждан развивала методы анализа кинопроизведений. Искусствоведы Л. А. Мазель и В. А. Цуккерман в совместной работе углубляли композиционно-художественный анализ музыкальных произведений (см. Лотман Ю. М., Ждан В., Мазель Л. А., Цеккерман В. А. и др.).

Можно продолжить аналогичные публикации, посвященные отдельным видам искусства, чтобы убедиться, насколько отличается представленный в них вид художественного анализа от эстетического анализа как более высокого уровня. Иногда эстетическую проблематику приравнивают или даже отождествляют с художественной. Для художественных произведений с достаточным допущением это может быть не вполне правомерно. Для эстетического анализа такого широкого круга явлений, таких как архитектурные произведения, берущих свое начало, и в искусстве, и в действительности одновременно, требуются дополнения и уточнения. Для описания творческих актов по созиданию архитектуры пространства необходимы привлечения существенно иных гуманитарных подходов.

2.2.2. Внеэстетические аспекты творчества

Исследование процессов человеческого труда как эстетического явления достаточно сложно и может быть осуществлено лишь в связи с предварительным выяснением понятий «эстетическое» и «внеэстетическое». Анализ пограничных рубежей эстетического – коренная проблема эстетики. Различные точки зрения в решении этой проблемы активно обсуждаются на протяжении всей истории науки. Вопрос остается открытым и по сей день. Что такое эстетическое и чем оно отличается от неэстетического – утилитарного и экономического, этического и правового, художественного, художественно-утилитарного, культурного и культурологического, цивилизационного?

Ответ Ксанфа, сделанный по подсказке Эзопа по поводу того, что ему надо выпить море, подсказывает отгадку всей сложности разделения эстетического и неэстетического. Было сказано, что он выпьет море, если люди смогут разделить воду рек и ручьев, впадающих в море, и морскую воду. Продолжая эту аналогию, можно обратиться к факту, известному со школьных уроков географии о море без

берегов. Саргассово море, с одной стороны, граничит с течением Гольфстрим, а с другой стороны, взаимосвязано с Атлантическим океаном. Если в мировой водной системе моря можно уподобить эстетическому, то художественное – это их течения, а культурологическое – это океаны. В этой аналогии польза – морское дно. Как бы наверху не бушевала «стихия», границы сред проецируются и определяются по устойчивым основаниям. Для человека же по-прежнему приоритетом остается суша, а в нашей аллегории это экономико-цивилизационные проблемы достойной среды обитания людей.

Понятие внеэстетического прослеживается и на примере другой аналогии с архитектурой строения человека как сверхсложного организма. Органическая целостность человека состоит из взаимосвязанных целостных систем: кожный и волосяной покров, лимфатическая и кровеносная система, мозг и сердце и т.д. Эстетическое по данной аналогии можно было бы уподобить нервной системе человека. Все, лежащее вне «нервной системы», является внеэстетическим. Конечно, нервная система как живая действующая, плоть может быть рассмотрена изолированно лишь в научной абстракции, поскольку она имеет системные связи с кровеносной и лимфатической системами, с кожным покровом, с головным мозгом и т.д.

Представим себе прозрачную модель человека, в которой цветным пластическим стеклом были бы обозначены все системы жизнеобеспечения. Там нашлось бы место и нервной системе. Образующие цепи нервной системы – нейроны (структурные единицы), периферическая и центральная ее части (головной и спинной мозг) действуют рефлекторно на изменения внутри и вне организма человека. Эта аналогия показывает, насколько сложны могут быть связи эстетического и неэстетического. Она наглядно демонстрирует необходимость создания моделей, фиксирующих ту или иную специфическую систему, ее связи с другими системами. В современной эстетике пока используются только простейшие модели, а точнее схемы (рис. 15).

Свои эстетические характеристики архитектурное творчество получает через понятие «эстетическое». Поскольку «эстетическое» является центральной категорией эстетики, то все прочие эстетические понятия обретают смысловую значимость в связи с этим прилагательным: «эстетическая деятельность», «эстетическое восприятие», «эстетический анализ». У некоторых понятий отсутствует прилагательное «эстетическое», но оно существует имплицитно, в завуалированном, скрытом виде. В частности, в понятиях художественное произведение, архитектурное произведение, произведение прикладного искусства прилагательного «эстетическое» нет, но, тем не менее, оно отражает их сущность.

Перевод на русский язык термина «эстетическое» как чувственное и тот смысл, который вкладывает в него А. Баумгартен, выделив эстетику в специальную область знаний, является для науки эстетики понятием аналогичным понятиям философии как «любви к мудрости» и логики как «науки познания». Чувства человека также изучают специалисты по физиологии, психологии, нейропсихологии, социальной психологии, этики и других наук. Вслед за А. Баумгартеном такие философы как Кант, Шеллинг, Гегель начинали выстраивать новое направление эстетической науки – логику эстетики.

В современной эстетической науке много последователей Канта, которого в какой-то мере можно считать родоначальником научного этапа в осмыслении методологии эстетического. Последователи Канта зачастую перенимают противоречивые стороны его учения. Интерпретаторы Э. Штайгер, В. Кайзерн, Г. О. Бургер, В. Эмрих в исследовании творений человека акцентируют внимание на методологии субъективного подхода. Свобода воли как один из эпицентров безграничности приращений горизонтов творчества человека далеко уводит от чувственных начал эстетического.

Проверка значимости эстетических категорий жизнью является реальной основой для методов, разработанных в гегелевской эстетике. Справедливое положение Н. Г. Чернышевского о том, что «прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям; прекрасен тот предмет, который выказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни ...» [166], является принципиально важным в рассматриваемой жизнестроительной концепции эстетическо-прикладного анализа. Не менее важным являются и его мысли о родовом совершенстве предметов и о родстве произведений прикладных искусств – (архитектуры, промышленности, «мебельного и модного искусства», садоводства, ювелирного искусства).

Дополнительным ключом к проведению эстетического анализа творений человеческого труда является теория отражения. В архитектурном творчестве важно не просто отражение, но и его проектно-преобразовательные выразительные возможности [87]. Методологическую основу в проведении эстетического анализа архитектоники пространства составляет различие предметного и гуманистического, субстратного и целесообразного. Есть зависимость от предпосылок красоты в живой (биотической) и неживой (абиотической) природе и прекрасного как особых социальных отношений. Такое разделение в понимании важнейших модусов эстетического по объекту вполне правомерно. Вероятно, где-то здесь следует искать истоки объяснений непримиримого спора по проблеме эстетического между «природниками» и «общественниками».

Насколько полно была раскрыта советскими учеными история эстетической мысли, настолько теория в ее систематическом представлении не развернута в объеме всей науки. Шаги в этом направлении намечены современным ВАКовским паспортом специальности. Однако многие вопросы остаются непроработанными, особенно в аспекте междисциплинарных взаимосвязей специальностей: искусствознания, эстетики, этики, культурологии, политологии, конфликтологии, цивилизологии. Объяснение социогуманистического аспекта в функционировании произведения кроется не только в эстетической потребности человека. Причем, как отметил А. Н. Илиади, эстетическая потребность – это не потребность в каких-то конкретных эстетических вещах, а «потребность в высокой степени упорядоченности, ритмизации, соразмерности, гармонизации всех без исключения видов деятельности человека, и, соответственно, потребность в особой организованности, оформленности всех продуктов любых видов деятельности» [64, с. 164]. В данном случае архитектурное проявляется и раскрывается в организации (композиции) произведения и в пространственной организации (управлении и самоуправлении) творческих актов деятельности.

Опираясь составляющими среды – предмета и человека – при анализе прикладных, пространственных, архитектурных произведений, важно выделить художественный и эстетический аспекты. Они возникают на базе взаимодействия предмета и человека как моменты общей целостности – художественной и эстетической. Их различение, по существу, – дело философских исследований художественной, эстетической и культурной деятельности (см. Банфи А., Завадский С. А., Новикова Л. И., Зись А. Я., Лукач Д., Поспелов Г. П. и др.).

Проблема многообразия форм, видов бытия искусств традиционно является прерогативой эстетики и искусствознания. Но значит ли это, что она решается только в рамках эстетических и искусствоведческих подходов. История философии дает примеры того, как эти вопросы основательно решались и с философских позиций. Основы подобных исследований заложены в классической немецкой философии Кантом (учение о вкусе, философская эстетика), Шеллингом (искусство как высшая философия, философия искусства), Гегелем (философия – эстетика – искусство). Работы ряда авторов показывают устойчивость подобных тенденций глубокого изучения границ и сфер искусства (см. Еремеев А. Ф., Коротков Н. Я., Андреев А. Л.).

2.2.3. Многоликость феномена полиискусства

Четыре основных утверждаемых в данном исследовании толкования полиискусства – философское, культурологическое, эстетическое,

искусствоведческое – закономерно выводят на расширение границ в осмыслении самого архитектурного творчества. Доказательством и ведущим критерием здесь выступает связь искусства с жизнью (см. Вагнер Р., Гирн И., Моррис У., Плеханов Г. В., Рескин Д. и др.). Рассматривая соотношение утилитарного и эстетического, А. В. Цай пишет: «На современном уровне знаний художественная деятельность есть эстетическая, но не всякая эстетическая деятельность – художественная» [41]. То, что эстетическое – более широкое понятие, чем художественное, утверждали многие эстетики (Л. Н. Безмоздин, Л. А. Зеленев, В. И. Рабинович, Л. Н. Столович).

Многоаспектный характер продуктов труда человека объясняется их одновременно действующей утилитарной, утилитарно-эстетической, утилитарно-художественной и художественно-собирающей природой. Соответственно, согласно традиционного искусствоведческого анализа, изделие или комплекс, обладающие качествами архитектурного произведения, безусловно, имеют и художественную ценность, и относятся к высоким образцам сферы искусства. Методологическую основу их художественного анализа составляют художественные закономерные тенденции синтеза искусств, в реальности чаще всего на базе архитектуры, градостроительства, дизайна.

Философско-эстетический анализ в отношении формирования различных произведений затруднен в силу бесконечности проявлений феномена очеловеченного пространства, по самой природе продуктов человеческого труда эстетическое является неотъемлемым их аспектом. Однако, если оно не может существовать независимо от развития утилитарного, то соответственно в акте творчества эстетическое не придается произведению как дополнительный элемент, как украшение. В рамках исследования создаваемой человеком материальной среды эстетический анализ преимущественно раскрывается через соотношение художественного и утилитарного, регулируемых социально-человеческими функциями.

Изучение проблем материальной культуры в эстетике выступает в исследовании форм самой жизни, а не только ее образного отражения или выражения. Данное обстоятельство исторически приводит к расширению философско-эстетической проблематики и изменению методов культурологического анализа. В связи с этим академик А. Е. Егоров справедливо критиковал деление эстетического отношения человека к действительности на два типа: «высший – в искусстве, низший – в сфере материального производства» [57]. Вместе с тем он указывает на необходимость отличия понятий «эстетическая культура» и «культура художественная» [51]. При всей их относительной самостоятельности «художественная культура входит в состав эстетической, но не исчерпывает ее». Отсюда следует субординационно-координационная

зависимость. Двойственный, бифункциональный характер эстетического анализа (культурологического и художественно-искусствоведческого) еще не означает кардинальную необходимость противопоставления двух и более относительно независимых типов или уровней анализа (рис. 15).

Значительный вклад в обсуждение проблемы понимания эстетического и, соответственно, методологии проведения эстетического анализа внесли отечественные эстетики. В частности, А. Ф. Лосев характеризует эстетическое как предмет эстетики через непосредственную данность или внешнюю чувственную «выразительность внутренней жизни предмета, которая запечатлевает в себе двухсторонний процесс «опредмечивания» природы и которая воспринимается как самостоятельная, бескорыстная содержательная жизненная ценность». Особенно важен здесь выход на интересующие нас эстетико-аксиологические проблемы. Тем не менее, в решении проблем собственно эстетического анализа остается много неясного без познания общей архитектоники пространства.

Со временем споры вокруг центральной проблемы эстетики, в том числе о сущности и природе эстетического в науке, принимают все более многоплановый характер. Однозначного ответа по этой проблеме нет и быть не может без построения единой картографии наук. Существуют объективные сложности определения и предмета эстетики, поскольку ключевое понятие любой науки раскрывается всей ее историей как процесс кристаллизации предмета данной науки.

Эстетическая наука в процессе своего развития продолжает углублять и понимание эстетического. Так же как история теории архитектуры и градостроительства – это поиск и углубление понятий «архитектура», «градостроительство»; история теории дизайна – поиск определения термина «дизайн»; а история теории декоративно-прикладного искусства – одновременно и раскрытие содержания термина «декоративно-прикладное искусство».

Другая объективная трудность понимания эстетического заключается в факте его эмпирической данности и трудности теоретического выражения бытия эстетического. На эмпирическом уровне существует ложная упрощенность объяснения эстетических явлений, выражаемая, например, в форме таких определений, как «прекрасный интерьер судна», «выразительный комплекс зданий», «красивый проспект», «изящно одетый человек». На основе относительной независимости эстетического суждения возникла точка зрения, согласно которой утверждается, что эстетическое зависит от индивидуального наблюдателя, а значит, существует столько его вариантов, сколько субъектов наблюдения. Данная точка зрения на эстетическое может завести эстетический анализ в тупик при несовпадении суждений по поводу одного и того же произведения, артефакта, ансамбля. Эстетическая наука не может опираться

только на субъективные критерии в понимании эстетического и в этом качестве не способна давать оценку истинной значимости эстетических явлений. Собственно, сама практика профессиональных экспертиз так или иначе определяет эстетическую меру результатов труда человека. Герменевтика объединяющая онтологию и лингвистику характеризует процесс устойчивого развития предметосозидательной деятельности. Эстетическая наука оказывается в большом долгу перед эстетической практикой, в составе которой специалисты еще говорят на разных языках.

Схематичные описания различных моделей, исходящих из типологии понимания эстетического, несмотря на все их положительные стороны, не выдерживают проверки по следующим основным моментам: фрагментарности, постулативности, невыводимости и эмпиричности. Анализ меры архитектурных явлений предполагает четкое определение сущности и специфики именно эстетического анализа, а это требует методологической ориентации на основополагающую концепцию эстетического обусловленной построением целостной архитектуры пространства человека. Проблема эстетического остается дискуссионной до сих пор. Однако ряд дискуссий по вопросу о природе эстетического определил конструктивный подход в оценке, основанный на идеях К. Маркса о творчестве человека «по законам красоты» (см. Маркс К., Энгельс Ф., Кох Г., Павлов Т., Гиндев П., Шептулин А. П., Молчанова А. С., Зеленов Л. А., Куликов Г. И., Новикова Л. И., Тюхтин В. С., Урсул А. Д., Кутырев В. а., Буева Л. П.).

Специфику человека многие авторы видели в его универсальной способности преобразовывать мир не только по своей собственной мере, но и по мере любого предмета. Эта гармония предметной и человеческой мер выступает сущностью их взаимодействия в творчестве человека. Данная концепция в специальной отечественной литературе обсуждалась и развивалась на протяжении десятков лет в работах ряда ученых: А. С. Молчановой, Л. А. Зеленова, Л. Н. Безмоздина, А. Г. Дмитрука, С. Н. Шангина, Т. В. Лебедевой и других. Практическая значимость перспективности данного подхода подтверждается конкретными примерами искусства, градостроительства, архитектуры, дизайна, прикладного искусства.

Исходя из концепции эстетического профессора Л. А. Зеленова как значимого отношения меры предмета и меры человека, архитектурные явления исследуются через эстетические целостности, обладающие определенной мерой социальной ценности. Анализ механизма гармонизации мер достигается использованием диалектических принципов исследования архитектурного творчества. Именно они определяют меру целостности и социальной значимости архитектурных произведений. Значимость поляризуется на негативную и

позитивную как ценность и антиценность и раскрывает функции вещей в системах «предмет – человек», «субъект – объект», «среда – деятельность – система». Далее, согласно герменевтики Гадамера, расширение эстетического измерения идет в область трансцендентного (истина и метод), а также трансцендентальное отличие вкусов.

В современной эстетической науке нет единой объединяющей модели, в которой увязывались бы воедино утилитарное и художественное, эстетическое и неэстетическое, утилитарно-эстетическое и утилитарно-прикладное, материально-эстетическое и художественно-нехудожественное.

В рецензии на книгу М. С. Кагана «Морфология искусства», а также в своей последней книге «В мире дизайна» Л. П. Безмоздин предлагал рассматривать эстетическое в логике объемной модели [84, 17]. Развитие такого рода «эстетического тела» позволило бы снять многие разногласия теоретиков как терминологического, так и содержательного плана. На сегодня нет такой общепринятой модели. Целесообразно ориентироваться на основные проявления эстетического: в сфере искусства – на художественное, в сфере практической деятельности – на проявление художественного в связи с утилитарным. Такая несколько упрощенная позиция позволит «не утонуть» в проявлениях архитектурного творчества человека в его модификациях.

Что касается понимания художественного как сущностного феномена эстетического, к которому склонялись А. Ф. Еремеев, Л. А. Зеленов, В. И. Рабинович, Л. Л. Ткемаладзе, то такой подход является логичным следствием понимания эстетического. В какой-то мере этот феномен объясняет феномен самого искусства. В объемной модели, предполагаемой логики сопрягаемого целого, верхняя плоскость усеченного конца «эстетического тела» символизирует художественное начало. Этим и определяется особое место искусства, художественного в системе эстетического, культурно-эстетического. Проектно-последовательное архитектурное творчество в этой объемной модели представляет собой идеальное пространственное поле, на котором разворачивается архитектурное взаимодействие человека с человеком посредством перетекающих пространств предметного мира.

2.3. Аксиологические проблемы архитектуры артефактов в ансамблях

2.3.1. Ценность в контексте целесообразно целого

Ценность архитектурных произведений может быть раскрыта как значимая множественная целостность и одновременно как целостность множества значений культурного и экономического плана. Такого рода разнообразие целостностей существует в диалектическом единстве не только содержания и

формы, но и предметного и человеческого, общего и отдельного, части и целого, качества и количества. Анализ меры конкретных произведений показывает, что их невозможно правильно истолковать вне предметных и гуманистических оснований, вне человека, как субъекта творческой деятельности, для которого и во имя которого они создаются. Имя в поисковых системах ценностей проявляется в свете добра, истины, красоты действительно современных архитектурных форм.

Одним из характерных моментов меры целостности произведений архитектурных искусств является множественность аспектов целостности, заложенная в единстве социально-функционального и культурно-художественного, прежде всего пользы и красоты. Красной нитью целого ряда исследований целостности произведений архитектуры, дизайна, декоративно-прикладного искусства проходит идея взаимообусловленности художественного и практического, идея красоты полезного и пользы красоты. Свое развитие эта идея получает через взаимосвязь с целесообразностью.

Углубление и детализация методологических предпосылок целостно-аксиологического анализа значимых продуктов человеческого труда продолжает дальнейшее развитие в освоении формирования пространства как определенного этапа становления архитектуры, градостроительства и вовлеченных в их сферу художественно значимых полифункциональных предметных форм. Исторически поиски целесообразной целостности, слагающейся из основополагающих составляющих предметно-пространственной среды и ее произведений по дошедшим до нас источникам восходят, к античности. Едва ли не впервые проблемы зодчества трактуются у античных авторов в сложной и глубокой связи с философскими и практическими вопросами. Основы материалистического понимания эстетических проблем зодчества изложены Витрувием в его знаменитой триаде «все должно делать, принимая во внимание пользу, прочность и красоту» [26].

По логике крупнейшего советского теоретика М. Я. Гинзбурга, эти элементы могут быть раскрыты на первом «конструктивном» этапе через преимущественное освоение предмета и преодоление его «прочности», на втором – через «органичное» взаимодействие человека и предмета на основе принципа «полезности» и на третьем этапе – максимального обращения к человеку, когда «декоративность» становится фактором «красоты».

Определенным достижением в разработке методики по проведению анализа произведения с использованием художественно-эстетических критериев представляется книга Б. Г. Лукьянова «Методологические проблемы художественной критики». Основой ее служат «содержательные категории анализа» (правдивость, типичность, идеал), «формальные категории анализа»

(форма, композиция), а также «собираемые критерии» («художественность», «выразительность»). Особенностью в решении проблем эстетической целостности является сущностная общность категории эстетического по отношению к произведениям архитектурных искусств.

Одинаково прекрасными являются церковь Покрова на Нерли как камерное произведение и собор Василия Блаженного как монументальное произведение с той лишь разницей, что в обоих случаях мы имеем дело с разномасштабностью прекрасного. Различные авторы характеризуют архитектурные произведения разнообразными эпитетами, раскрывающими их культурно-эстетические особенности: «безупречность», «величие», «величественность», «монументальная величавость», «изящная легкость», «пространственная открытость», «торжественность».

Целостность социально-функциональных и художественно значимых произведений многопланова. Существуют различные ее варианты. Н. Гартман, например, выделяет два крупных плана – «передний» и «задний» [29]. Выясняется и другая закономерность, если одни элементы («реальное», «морфологическое») целиком характеризуют субстанцию произведения как предмет или объект, то другие раскрывают, например, гуманистическое содержание через логику произведения («концептуальное», «символическое»), третьи же являются носителями чувственных характеристик произведения («перцептуальное», «логическое», «феноменологическое»). Всякая множественность потенциально стремится разрушить целостность, отсюда проявляется потенциал к снятию многоплановости. Описание уровней и составляющих целостности произведений объединяются информационно-коммуникативными подходами, сопрягающими аналитику с синтезом.

Информационный подход к анализу архитектурных произведений неразрывно связан с материальной природой искусственно создаваемой среды посредством знаковой системы, несущей информацию о произведении в процессе потребления его человеком. Данные исследования планов перетекания пространств и их фрагментов в виде знаковых структур могут обогатить и понимание эстетической целостности произведений отдельных видов бифункциональных искусств. Однако сам подход не следует абсолютизировать с целью избежания формальной стороны дела. Хотя формализация, наблюдаемая в работах зарубежных теоретиков архитектуры и дизайна (Ч. Александера, К. Линча, Ф. Тила и др.), имеет и свои позитивные моменты у практиков (А. Сизо, Р. Пиано, Т. Андо, Ш. Эндо).

В произведении элементы (фрагменты, детали, объемы) должны представлять собой законченное целое. Архитектура античной Греции – пример целостности, который по словам К. Маркса «в известном отношении служит и

нормой и недостижимым образцом» [100]. В чем же причина идеальной целостности данного феномена? В первую очередь, это единство всех необходимых и достаточных качеств произведения – утилитарности, художественности, целесообразности, пользы, прочности, красоты, выразительности, изобразительности, образности и многого другого.

Эстетическая целостность произведения определяется многообразным единством различных качеств и составляющих их свойств. Всякое архитектурное произведение обладает предметными составляющими, инженерными, конструктивными, техническими (прочность, целостность, долговечность), гуманистическими составляющими, социально-функциональными параметрами, назначением (гуманность, польза, удобство, экономичность). Их соотношение, обусловленное органичностью «дерева свойств», определяет эстетическую значимость произведения, специфические единство предметного и человеческого начал (красота, гармония, образ).

В связи с этим важно различать предметную, гуманистическую и эстетико-экономическую целостности произведения. Эстетическая целостность промышленной продукции является обобщающей характеристикой произведения в целом и определяется его способностью в высокой степени выражать в чувственно воспринимаемых признаках формы свою общественную ценность (совершенство, полезность, целесообразность, функциональность, культурно-исторический аспект и т.д.) [114-119]. Констатация свойств различных уровней, определяющих результирующую целостность произведения, принципиально важна. Причем эстетическое в произведении должно рассматриваться не наряду с другими группами свойств, а на их основе и в параллели с экономикой.

Важнейшее обстоятельство для решения проблем эстетической целостности, а на ее базе и эстетической ценности полезных вещей, заключается в том, что «анализу подлежит не просто художественная форма – носитель эстетической ценности, а форма полезной вещи, созданной из конструкций и материалов и используемой человеком по назначению» [153]. Возникает проблема функциональной целостности произведения в системе человеческой деятельности, не только с позиций потребительских свойств, но и в принадлежности к миру художественной культуры [27].

Сторонники функционального подхода в своих крайностях либо изгоняют красоту, либо сводят ее к функции («красиво то, что функционально»). Истина же в срединной архитектонике. Насколько красота независима от функциональных качеств произведения, настолько и эти качества независимы от его красоты. Однако гуманистическую основу произведения, в конечном счете, определяет включающая его реальная человеческая деятельность. Другими словами,

архитектонические произведения как составляющие пространственной среды раскрывают свое назначение в деятельности.

Критикуя сторонников концепции природной сущности эстетического вне его гуманистического аспекта и основной недостаток этой концепции – созерцательность, С. С. Гольдентрихт писал: «Гармония, порядок, симметрия как таковые образуют нейтральную основу и прекрасных дворцов и самых страшных тюрем» [39]. Эстетический фактор здесь выступает как грань по отношению к объективным факторам предметного мира. Однако в мире оживших предметов все грани их архитектуры активно проявляются через ценностное начало (см. Дробницкий О. Г., Здравомыслов А. Г., Риккерт Г. и др.).

2.3.2. Критерии совершенства артефактов в системе ансамбля

Существуют все данные для подтверждения выявленных ранее широко трактуемых объективных оснований в эстетическом анализе произведений. Это обстоятельство вводит в смущение отдельных авторов, полностью сводящих аксиологическую проблематику эстетического анализа произведений всего лишь к инженерно-технологическим, экологическим, архитектурно-техническим достоинствам материального субстрата. Отсюда правомерны критические высказывания в плане концепций предметного совершенства и родового совершенства эстетических явлений. Существуют виды и классы произведений, далеко не прекрасные по функциональным качествам: концентрационные лагеря, гетто, бидонвили, публичные дома, тюрьмы. Тюрьма может быть красивой в эстетическом плане, но безобразной в этическом. Аналогичные рассуждения правомерны и по поводу морфологических качеств, до конца раскрывающихся в более высоких уровнях социально-функциональной обусловленности: идеологии, политике, юриспруденции, нравственности, религиозной канонистике.

Критерием совершенства произведений является жизненный опыт человека. На его основе можно составить шкалу предпочтительных мест пребывания для различных групп населения. Причем в структуре каждого конкретного города те или иные предпочтения будут занимать в шкале доминирующее положение. Склонность человека к конкретному окружению может меняться под действием материальных и духовных факторов, и личная привязанность является выражением его индивидуальности. Как известно, шкалы преимуществ выбора человека (излюбленные цвета, формы, вещи) изменяются в течение всей его жизни в связи с качеством жизни (см. Бестужев-Лада И. В., Батыгин Г. С., Печчеи Аурелис, Тодоров А. С.).

В аксиологическом анализе, строящемся на универсальности архитектурных явлений, особое методологическое значение обретает

категория «меры». Всеобщее проявление меры в действительности и выражение этого проявления в законе перехода количественных изменений в качественные в процессе эстетического отражения находит свое специфическое выражение в законе меры в искусстве, в конкретных устойчивых закономерностях эстетических явлений. Мера как качественно-количественная целостность предметных явлений позволяет на основе устоявшихся отношений действительности и искусства определить их значимость.

Истолкование произведения как эстетической ценности требует проведение его анализа в соответствии с определенной мерой. Причем мера эта раскрывается многопланово, т.к. в эстетической оценке мера предмета диалектически взаимодействует с мерой самого исторически конкретного человека, побуждая его к творческому действию [77]. Ценности архитектурного искусства не тождественны эстетическим ценностям, но они обретают свой эквивалентный статус в данной градации.

Что же определяет проблему меры? Нет ли между понятиями «эстетическая мера» и «диалектика чувств» мостика художественной метаморфозы, нежели научной основы? Сложность классификации искусств, как иерархии области чувств, вряд ли может принадлежать только сфере науки. Тем не менее теоретико-практические истоки в экспертных оценках должны быть определены (рис. 14 – 19).

Может ли эстетическая мера претендовать на роль меры для всех мер? Если согласиться с Г. И. Куницыным, что эстетическое рождается как общечеловеческое, то универсальность его проявления в отношении к архитектонике пространства не имеет фиксированных границ [79]. Отсюда строится логика и действительное проявление эстетической меры как относительно универсальной меры мер. В философском плане категория «меры» занимает верхний уровень по отношению к категории «эстетической меры», однако последняя в идеале стремится к полноте первой. Категория «мера» позволяет характеризовать понятийную содержательность как самого произведения, так и его отдельных относительно самостоятельных элементарных фрагментов. Использование понятия «мера», например, в анализе ордерных систем как самостоятельных художественных целостностей исторически было вполне оправдано.

Диалектика природы предмета исследования обязывает учитывать при анализе типическое разнообразие отражения меры предмета и меры человека. Исходя из определенного количественного и качественного соотношения социальных, эргономических, инженерных, экологических, экономических и пронизывающих их архитектурных составляющих и аспектов, отражается и реализуется и эстетический идеал создаваемой человеком второй природы. На

основе раскрытия родовых качеств меры предмета и меры человека начинает решаться сущностная, а не мифологическая проблема объективности эстетической меры произведения, оценки качества продукции (см. Крапивенский З. И., Кураченко Ю. П., Шпекторов Д. М., Шибанов Г. П.). На пути познания соотношения образности и реальности лежат дальнейшие поиски совершенства организации произведения, уровня его социально-эстетической значимости.

Эстетическое освоение человеком действительности определяется богатством художественной и эстетической культуры общества. На замысел и создание произведения огромное влияние оказывает личность творца, его мировоззрение, нравственность, политические взгляды, темперамент, психический склад. В равной степени это сказывается и на восприятии произведения. Но сущность красоты архитектурного произведения, главным образом, определяется при потреблении социально-психологическими закономерностями социальной жизни, общественно-эстетическими идеалами, социально-классовой структурой, образом жизни людей. Рассматривая роль образа как важнейшее подвижное звено в эстетическом познании архитектурных произведений, важно не абсолютизировать его, а видеть связь с другими сторонами действительности.

Труд и эстетическое чувство гуманизируют облик жизненной среды человека. Возможен переход из одного эстетического состояния произведения к прямо противоположному. Например, Поганые пруды на улице Мясницкой в Москве, загрязняемые проживавшими здесь мясниками, по строжайшему указу Петра I превратились в Чистые труды. Пространственная среда облагородилась. А поскольку пруды в городе создаются руками человека и одновременно являются экологическими явлениями, то это лишний раз подтверждает, что произведения архитектурных искусств вступают в синтез с искусственными и естественными объектами и становятся органической частью целого, тем самым проявляя качество взаимодополнительности, универсальности и уникальности.

Предлагаемая методика анализа и оценки определения соотносительной и взаимокорректирующей значимости произведений архитектурных искусств базируется на трех основаниях – предметном, гуманистическом и на их взаимодействии, сохраняющем или разрушающем целостность произведения. Проведенное выше рассуждение дает возможность выходить в профессиональной экспертизе на эстетический анализ и оценку многофункциональных продуктов творческой деятельности с привлечением семи основополагающих поляризованных принципов: социодемографического, цивилизационно-экономического, антропоэргономического, инженерно-технического, экологогеологического, культурно-эстетического и архитектурного (Л. А. Зеленев, О. П. Фролов). Эти принципы в синергической сборке одновременно

работают в трех разноректорных координатах: средовом, деятельностном и системном.

Эстетическая наука при всей ее логичности доказательна чувственным подтверждением. Эстетическое чувство, по существу, является критерием истинности эстетических суждений. Это справедливо хотя бы потому, что эстетика начиналась как наука о чувствах человека и противопоставлялась логическому и нравственному (этическому). Даже в самых категоричных эстетических суждениях мы можем найти момент, который вводит нас в сомнение, поскольку чувственное нельзя полностью перевести на язык логики, лежащий в основании аксиологического подхода.

И все же в подлинном искусстве последнее слово остается за переменной логикой чувств и чувственной логикой смыслообразования. Однако и здесь нельзя упрощать проблему. Неслучайно сомнение особенно усиливается, когда мы лишь чувствуем различие каких-либо явлений или суждений, но не можем их однозначно определить. Возникает чувство неопределенности и, в частности, в отношении ключевых понятий: «эстетическое» и «мера». Далее необходимо рассмотреть их выход на решение аксиологических проблем в более конкретном проявлении, в частности, в переходах количественных изменений в качественные.

2.3.3. Логика сочувственной квалиметрии

В чем различие эстетической меры и меры эстетического? Вероятно, некоторые различия, правда, с оговоркой на условность, можно провести в плоскость аксиолого-герменевтического анализа. Во-первых, различие правомерно в отношении расстановки акцентов в соотношении понятий «мера» и «эстетическое». В связи с этим встает очередной вопрос и о том, что в одном случае измеряется эстетическое, а в другом – эстетическим измеряется сама мера. Различные словосочетания дают два выхода: внутренний – «в себе, для себя» и внешний – «для другого, иного». Во-вторых, эстетическая мера может представлять собой определенный модуль и единицу измерения в оценке динамически меняющихся эстетических хронотопов («в себе и для себя», «для себя и для иного»).

Исходя из аналогии с математикой, где математической мерой выступают основные разделы в их качественном отличии: арифметические действия, алгебраические действия, дифференциальное исчисление, следует определить исходную единицу измерения эстетической меры и меру самого эстетического. Вряд ли это аналогично единицам измерения, скажем, в физике (метр, килограмм, ангстрем), или закономерностям операций в математике (логарифмирование на постоянном основании, возведение в степень, интегрирование).

Скорее всего, единицами отсчета эстетических ценностей могли бы стать общечеловеческие ценности сферы искусства, воплощенные в шедеврах мировой архитектуры, в литературе, в живописи. Например, для соизмерения юмористического, по мнению Л. А. Зеленова, подошел бы добрый юмор Швейка, для соизмерения трагического – атомный дом в Хиросиме, а в качестве изобразительного абстрактного начала – «Черный квадрат» К. Малевича. Не в подобных ли «модульностях» заложен своеобразный отсчет в установлении меры не только эстетического, но и не этического, а в их единстве – калокагатического?

Различить качественные уровни и модификации мер помогает количественная характеристика. Коснемся ее особенностей на примере архитектуры и ее ярчайших выразителей и толкователей. В отличие от теоретиков архитектуры Витрувия и Альберти, Виньола был более прагматичен в рассуждениях об эстетическом совершенстве классических форм. Свое понимание прекрасного он выразил вполне определенно, «... оставив в стороне у писателей многое из того, что порождает между ними немалые противоречия, я, дабы иметь наиболее прочную опору, поставил перед собою те античные украшения пяти ордеров, которые можно видеть в римских древностях; рассмотрев таковые в их совокупности и обследовав их при помощи тщательных обмеров, я пришел к заключению, что те из них, которые, по суждению большинства, кажутся более красивыми, и являют нашему взору большее изящество» [25]. Отсюда логически вытекает своеобразный «закон большинства», который как бы предполагает создание произведений для основной массы потребителей.

Особенности такой сугубо практической позиции в отношении к ценностям материально-эстетической культуры имели и соответствующие исторические последствия. Удачно выявленные в пропорциях и архитектурных построениях типы ордерных систем многократно реализованы в различных странах. Однако правила пяти ордеров, превратившись в застывший канон, в конечном итоге оказались для архитектуры прокрустовым ложем. Попытки же привнести новую канонизацию для советской классики выглядят несколько искусственно. Они напоминают перенос религиозных канонов в советскую идеологию почитания массами новоявленной элиты.

Проблему «красоты и количественной меры» А. Г. Раппопорт определил жестко: «Красоту сегодня нельзя изменить количественно». Если эксперты выставляют баллы, а экономисты оценивают даже непререкаемые шедевры искусства – значит, все же можно. Пожалуй, более прав оказался В. И. Рабинович, выразив свое мнение следующим образом: «Количественные критерии, как показывает современный, практический научный, и художественный опыт, неприменимы абсолютно ко всем моментам, «категориями сферам эстетики», но в

то же время, возможно, применимы и, более того, необходимы» [131]. В прошлом были, а в настоящем разрабатываются различные подходы к количественной оценке объектов архитектуры и дизайна с привлечением к анализу математического аппарата (см. Азгальдов Г. Г., Божко Ю. Г., Бочков В. Е., Гликин Я. Г., Евреинов Ю. Г., Задесенц Е. Е., Лаврик Г. И., Тиц А. А., Федоров М. В., Шевелев Н. Ш. и др.).

Если в самой реальности, в каких бы то ни было формах, есть архитектурное искусство, значит должно быть познание перспектив его развития. Наличие реального процесса архитектурного творчества предполагает его детальное описание как того общего и ценного, то, присутствует в каждом из отдельных его видов. Особую сложность в осмыслении искусства архитектурной организации пространства составляют вопросы синтеза искусств и творчества, направленного на его реализацию, выходящего за грани научно-технического прогресса.

С точки зрения определения конкретной ценности продукции и работ архитектурной деятельности следует учитывать диалектику субъективного и объективного, индивидуального и общественного, человеческого и предметного. Г. Б. Минервин отмечает «трудность, которая стоит в, «объективном» подходе к значимости и весомости» эстетических качеств в комплексной оценке предметно-пространственной среды и указывает «по крайней мере, на два уровня «учета» человеческого фактора» [119]. Однако в различных аспектах конкретных пространств учет этого фактора оказывается еще более многоплановым, например, в аспекте гендерного принципа.

Ценность предметно-пространственных комплексов можно синтезировать в диалектическом единстве ценностных начал предметных и пространственных комплексов, в единстве произведений архитектуры и дизайна. Хотя и те и другие обладают относительно самостоятельной значимостью, в комплексе их следует рассматривать как целостность. Это обусловлено и единством акта деятельности по изготовлению произведений архитектурного дизайна и дизайна архитектурной среды. Их ценность взаимообусловлена и определяется целостностью архитектурных произведений в ансамбле города, поселения, агломерации.

Эстетико-аксиологическое является гранью, аспектом любого предметно-пространственного комплекса, взятого в его отношении к человеку. Эстетическая ценность архитектурного произведения выражается не просто суммарной эстетической значимостью отдельных произведений, а определяется на интегративных началах. Предметно-пространственные комплексы обладают определенной совокупностью ценностных начал – исторической, социальной, культурной, экономической, технической, научной, художественной. Интегральная же ценность предметно-пространственных комплексов как

архитектонических произведений является универсальной и эксплицируется в единстве всех ценностей (см. Василенко В. А., Карнап Р., Тугаринов В. П., Чухина Л. А., Шелер, Чухина Л. А.).

Деятельность, в основном связанная со сферой труда, предъявляет «жесткие» требования к архитектурным произведениям, и они максимально проявляются в утилитарном и рациональном (целесообразном) аспектах данных произведений. Жизнедеятельность, протекающая в сфере быта, предъявляет «менее жесткие» требования к соответствующему виду архитектурного произведения, и ценность складывается как примерное равновесие утилитарного и художественного, рационального и эмоционального. Жизнедеятельность в сфере отдыха предъявляет «размытые» требования к архитектурному произведению, и ценность максимально проявляется через художественное, логическое и эмоциональное состояние авторской свободы.

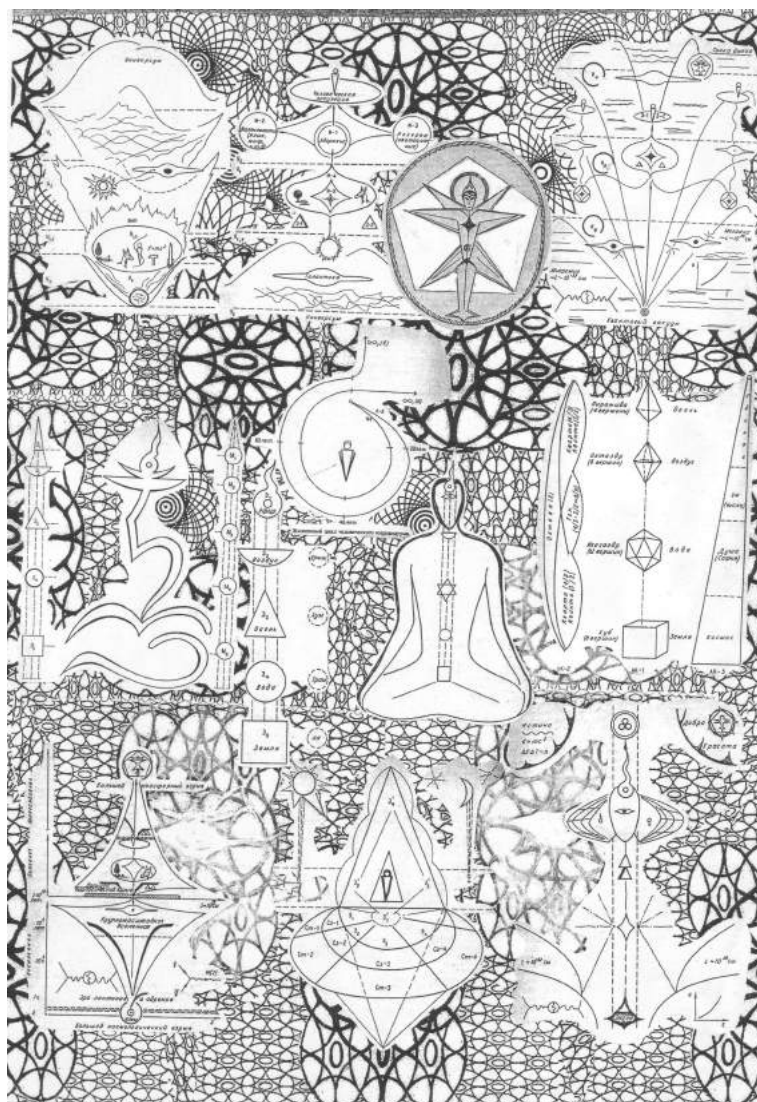
В подтверждение искусства как духовной свободы человека обратимся к книге Василия Кандинского «О духовном в искусстве», где в итоговом VIII разделе «Произведение искусства и художник» он пишет: «Истинное произведение искусства возникает таинственным, загадочным, мистическим образом «из художника». Отделившись от него, оно получает самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным, духовно дышащим субъектом, ведущим так же и материально реальную жизнь; оно является существом».

Краткие выводы по второй главе

В данной части работы схематически были намечены основные историко-критические и теоретико-методологические подходы к пониманию архитектурного искусства как выходящего в само пространство жизни искусства и искусства самой жизни. В целом обобщены модели имеют свои подтверждения в специальной литературе, на которые представлялись ссылки, дающие возможность сверки спорных моментов.

Завершить же главу можно тем, что конструировать искусство в сравнении с наукой, культурой, проектной деятельностью более всего субъективно, индивидуально и по-настоящему человечно. Человек искусства мыслит эмоциями, чувствами, образами, справедливо сверяемый восторг с любованием своим творением с мистическими критериями совести, души, духа. Поскольку, обращаясь к сфере архитектурных искусств, он не может этим ограничиться, то он же становится и ученым, исследователем, изобретателем. По мере становления в человеке проявляются параллельные осевые линии его жизни и творчества, но искусство лишь одна из них.

ГЛАВА 3. АРХИТЕКТОНИКА НАУКИ О ПРОСТРАНСТВЕ

Содержание творчества человека, направленного на организацию новых современных пространств, составляют процессы исследования, проектирования, производства. Архитектоническое формообразование представляет собой диалектическое единство в профессиональной культуре процессов художественного, научного и технико-технологического порядка. Архитектоника пространства формируется в духовно-практическом творчестве людей, и наука является необходимым ее моментом. Формирование «архитектонической науки» с целью организации гуманных сред, по мнению авторов, имеет для «технических» искусств такое же значение, как переход от исследований в рамках конкретных фактов биологии к более глобальному обобщающему уровню – экологии. У необходимости выделения архитектурных направлений исследований есть аргументы в пользу широких и глубоких междисциплинарных исследований. Подобные работы могут идти не только в системе отдельных наук, но и в системе культурфилософского и экономико-цивилизационного знания,

например, на стыке специальных наук и теорий пространства с философией, эстетикой, культурологией. С позиции «Структуры научных революций» Куна можно предположить новую парадигму архитектоники, способную произвести переворот в целостности построения структуры науки в соответствии с архитектурой пространства человека, определяемой открытым проектом самопознания человека через архитектуру (рис. 14, 15).

3.1. Научное творчество человека по формированию жизнеустройства

3.1.1. Множество жизней в отстраненной безжизненной науке

Наука, как систематическая выработка знаний об объективной действительности, подобно искусству нуждается в творчестве. Круг интеллектуальных проблем целесообразного формирования искусственных предметных систем разворачивается в связи с архитектурным творчеством человека, охватывающим науку и искусство организации пространства, а также культуры людей, неразрывно связанную с гуманизацией среды, окружающей человека. В созидательном творчестве человека проявляются всеобщие законы развития материи, базирующиеся на общечеловеческих ценностях. К этим ценностям, в частности, относится и научное творчество человека по формированию искусственных предметных систем. Новое качество в осмыслении архитектурного творчества человека по созданию искусственных систем во многом обусловлено наукой, научно-техническим прогрессом. В результате деятельности ученых возникают новые научные области исследований: синархическая архитектоника, ноосферная системогенетика, феноменология пространства, нейролингвистическое программирование, политико-юридические теории, визуальная семиотика, теология иконописи, психографология, урбанистические утопии.

Все природные и технические, биологические и социальные системы, воспроизводимые человеком, могут быть представлены в единстве естественных и искусственных систем. Под искусственными предметными системами, прежде всего, следует понимать продукты производственной и объекта потребительской архитектурной деятельности. Биотические естественные системы являются продуктом естественного эволюционного процесса. В процессе совершается биоэволюция, люди используют научно-технический прогресс. Неразрывно с эволюцией социализации человека исторически развиваются и искусственные системы. Совершается техноэволюция (см. Маркс К., Энгельс Ф., Епископов Г. Л., Кириллин В. А., Кузин А. А.). В процессе биоэволюции и техноэволюции выживают и совершенствуются более гармонические и оптимальные системы.

Несовершенные обречены на вырождение и их замену, хотя временные интервалы тех и других разные.

Прежде чем попытаться емко отразить совершающиеся рывки в интеграции целых отраслей научного знания, необходимо обозначить и сформулировать конкретную и локальную задачу. В частности, проследить возможные механизмы формирования искусственных пространств с общих позиций архитектурного формообразования. Ведущей особенностью архитектурного творчества специалистов является их взаимодействие с наукой и техникой. Путь научно-технического прогресса может быть достаточно «прямолинейным», даже революционным, и в этом заложена возможность того, что отстающий в свободе взаимодействия с окружающим миром может обогнать того, кто живет с ним в естественной гармонии. Однако этот путь постоянно, так или иначе, корректируется социальным прогрессом во всех его модификациях: культурном, нравственном, эстетическом и т.д.

Правда, здесь тот, кто пытается догнать или обогнать, может существенно ошибаться или сознательно строить свои действия, исходя из антропоинтуитивизма или технократизма. В соотношении приоритетов развития художественно-эстетического и научно-технического, неразрывно связанных в архитектурном искусстве с экономическим, гуманистическое так или иначе оказывается содержательной стороной всякого прогресса или регресса. Диалектика архитектурного взаимодействия человеческого и предметного в конкретных учениях определяет конкретную их расстановку.

Так, с точки зрения технической и технологической эффективности в улучшении деятельности людей, жизнеобеспечении каждого человека, проще всего построить бесконечно длинный типовой дом, оборудованный всем необходимым, протянуть вдоль него коммуникации, а параллельно разбить «райский сад». Практика формирования архитектурных комплексов показала, что города, где в сравнении с мелкими поселками архитектурное формообразование выступает наиболее зримо, как правило, развиваются концентрически, преимущественно по структурной спирали. Правда, с учетом новых видов транспорта начинают действовать их комбинации, которые хорошо видны в НЭР (Новом Элементе Расселения), предлагавшиеся А. Э. Гутновым и его единомышленниками.

В градостроительных образованиях – крупнейших городах или малых деревнях – идет непрерывный процесс «сплавления» или интеграции архитектурных искусств. Например, строительство метро предполагает вмешательство в планировочную структуру города, а сопутствующие реконструктивные работы влияют на деятельность в области градостроительного и архитектурного дизайна. Последние находятся в тесной связи с произведениями

узко прикладных сфер деятельности и оформительскими искусствами. Подобный многоуровневый синтез также образуемый предметными системами реализуется в искусственно-естественных системах в единстве представленных в них утилитарных и художественных начал, науки и техники.

Анализ морфологии субстратного феномена архитектурных образований исходит из того, что города, техника, вещи – овеществленная сила знания. В своей совокупности архитектурные образования образуют архитектуру предметного мира. Актуальность гуманизации предметного окружения человека обуславливает потребность разработки научных вопросов организации и обеспечения всей деятельности человека. Это определяет добавочные выходы на архитектурное творчество, отличающееся высокой мерой социально-экономической и эстетической прозорливости совершенствования предметосозидательной культуры общества. В проектировании, предваряющем строительство и производство, теоретические вопросы переводятся в плоскость актуальных жизненных проблем взаимодействия человека с предметно-вещными пространствами (жилимыми, общественными, промышленными, культовыми).

Достигнутый уровень научных исследований в области организации окружающей человека среды уже сегодня позволяет говорить об активизации взаимодействия теории и практики. В каждой вновь защищенной кандидатской или докторской диссертации намечаются границы и структуры в организации архитектурных объектов, определяются новые подходы к разработке научных моделей и концептуальных проектов. Системное изучение научно-технического прогресса позволяет с позиций всестороннего охвата территориальных объектов решать важные проблемы архитектурного формообразования. Это способствует формированию ряда теорий архитектурного творчества и оказывает прямое влияние на эффективность и сокращение сроков внедрения в практику научных результатов. В качестве яркого примера позитивной социотехнологической комплексности можно назвать строительство крымского моста.

Архитектурная деятельность человека является наиболее общим и существенным основанием для развития искусственных предметных систем. Родовые признаки этих систем позволяют группировать их в комплексы. Развитие комплекса архитектурных искусств (градостроительство, архитектура, дизайн, прикладные искусства, народные промыслы) неразрывно связано с социальным прогрессом, научно-техническим прогрессом (см. Виленский М. А., Зеленов Л. А., Фролов О. П., Ильичев Л. Ф., Сохань Л. В., Тихонович В. А., Ануфриева Р. А., Мелещенко М. С., Шухардин С. В., Фурман А. Е., Ливанова Г. С.), научно-техническими революциями современности (см. Марков Н. В.,

Милейковский А. Г., Парыгин Б. Д.). Не забывается и опыт после столетия Российской революции 1917 года.

Развитие искусственных предметных систем через главный ориентир и критерий архитектурного – человека – реализуется в его творчестве. Архитектурное пространство в данном контексте и конструкте выступает как механизм очеловечивания человека. В многоликих воплощениях оно становится тем универсальным свойством, или высшим знанием, которое манило исследователей прошлого подобно флогистону, теплороду, великому магистеру или все тому же «философскому камню», предвещавшему его открывателям превращение обыкновенных металлов в золото и драгоценности; в изготовление гомункула. Ведь изменение среды обитания кардинально меняет и человека.

Если сегодня исходить из результатов предметных преобразований, то сверхцель алхимиков достигнута: из угля получают алмазы, из нефти – белки, золото в лабораторных условиях делают искусственным путем, правда, это непомерно дорого. Генная инженерия начинает влиять на наследственность людей, ставятся опыты по искусственному выращиванию из клеток человека точных копий его органов. Словом, в определенной мере человечество стоит на пороге решения задачи индивидуального бессмертия человека. На уровне трансформации форм предметного мира в этом нет ничего сверхъестественного, поскольку это закономерное и целенаправленное управление глобальными процессами взаимопревращений вещества, энергии и информации (см. Вернадский В. И., Загладин В. В., Фролов И. Т.).

Сознательный процесс регуляции и гармонизации взаимодействий пространства с человеком – вот подлинная задача философии проектирования архитектурного формообразования среды. Целесообразность сознательных процессов творчества человека обусловлена накоплением банка алгоритмов. По своей сути алгоритмы – это «листья» на развивающемся «дереве» архитектуры предметно-пространственных сред. В качестве такого образа архитектурное совсем не претендует на роль замены философского камня. Даже если оно как философский камень окажется фиктивной целью лженауки, позитивные моменты останутся столь же полезными, как и открытия алхимиками фосфора и животворящих лекарств.

3.1.2. Архитектоника науки и архитектоника качества науки

Пройдено немало этапов конструирования науки как универсального алгоритма, основанного на принципе архитектуры, подобной архитектонике природы. Идет эволюция мегаструктур научного понимания мира

(см. Гайденко П. П., Кузнецов Б. Г., Мамчур Е. А., Налимов В. В.). Узловыми понятиями становятся: архитектура науки (Кант), наукоучение (Фихте), наукология (Гегель), тектология (А. А. Богданов), кибернетика (Н. Виннер), наукознание (Г. М. Добров) [30-32, 2, 148]. Философские науки, науковедение, информатика, наука о науке и другие виды организации научного знания имеют свою координацию и субординацию, иерархию и структуру – свою многомерную архитектуру.

Любопытно проследить сходство и различие в современном отечественном и зарубежном опыте самоосознания, саморефлексии науки о формообразовании и формообразование самой науки из отечественных работ см.: Андреев И. Д., Баженов Л. Б., Вартофский М., Нарский И. С., Панин А. В., Уткина Н. Ф., Швырев В. С., из зарубежных работ см.: Кун Т., Ламарк Ж. Б., Поппер К., Хилл Т. И. Стрoение науки является узловым моментом архитектурного формообразования подобно ариадновой нити, ведущей от идеальных структур организации знания к его воплощению в натуре. Путь от общей архитектуры научного знания к архитектуре предметного пространства для людей лежит через творчество во всех его сложностях, через анализ гармонизации композиционных и типологических качеств объектов окружающей среды.

Основой науки архитектуры пространства являются алгоритмы формообразования, принципы структурной и иерархической упорядоченности развития предметного окружения человека, критерии целесообразности. Существо интеллектуализации архитектуры пространства составляет единство науки и искусства. Примером их высокого содружества является многолетняя научная организация экспозиций в Эрмитаже [78].

Научное творчество, обращенное на архитектурное формообразование, все более многосторонне охватывает процессы бытия произведений архитектуры, градостроительства, дизайна и декоративно-прикладного искусства. Сюда же может быть включено становление и развитие произведений пространственных искусств (скульптура и живопись) и предметов, являющихся частью общего глубинного ансамбля всякого города. Как правило, определяющим признаком принадлежности искусственной системы к предметно-пространственному ансамблю выступает градостроительная ситуация или относительно самостоятельные пространственные предметно-пустотные образования (интерьер, улица, площадь, квартал, комплекс).

О сложности продуктов архитектурной деятельности можно судить хотя бы по одному из этапов архитектурной деятельности – проектному, и возникающих в результате этого проектных форм произведений. На данном этапе архитектурного творчества человека интеллектуальные образные начала наиболее значимы: ум, интеллект, мудрость, совет, истина. Научная сторона

архитектонического формообразования здесь также подвижна, как и поиск образности (информатизация, вещество, энергия, слово, технология). Научное и художественное в проекте сопрягаются не как противоположные начала, а как то, что создает некоторую новую целостность (имя, сила, свет, благодать, откровение).

В системе проектной деятельности возникает взаимосвязанная цепь произведенных продуктов, имеющих относительную аналогию с некоторыми видами художественных произведений. Пояснительная записка к проекту тяготеет к литературному произведению, хотя имеет научный характер, проект близок по характеру к графическому произведению, макет в чем-то приближается к скульптуре. Данные аналогии достаточно условны и определяются скорее ассоциативными признаками. Хотя несомненно, что в проектных видах произведений по воле автора (авторского коллектива) присутствует художественное начало. Особенно важно это на этапах концептуального проектирования и сдачи проекта в экспертизу.

Существуют архитектурные и художественно-конструкторские проекты, в которых авторы стремятся создать красоту на весьма специфической основе. На выставке или в музее эти проекты сами по себе могут представлять художественную ценность. Например, проектные работы В. Е. Татлина, Эль Лисицкого, Я. Г. Черникова часто выставляются как самостоятельные архитектурные формы всемирно популярного русского авангарда. Более того, некоторые работы этих авторов заведомо не предназначались для производства, строительства. Таким образом, в отличие от других этапов творческой деятельности по созданию материальной среды, в проектной деятельности создаются самостоятельные проекты-произведения. Даже без реализации они представляют ценности в системе художественной эстетической культуры общества.

Но возникает вопрос: является ли архитектурный или художественно-конструкторский проект полноценным архитектурным произведением? Все его формы концентрируют в себе интеллектуально-образное начало? Поэтому на вопрос можно ответить, исходя из этапов архитектурной деятельности. Проект является продуктом лишь одного из этапов деятельности – продуктом проектирования. Архитектоническое произведение является продуктом этого творчества на этапе производства. Между ними устанавливается последовательная связь. Одно является необходимым этапом существования другого. Поэтому если быть до конца последовательным в этой цепи логических рассуждений – проект является не вполне законченным архитектурным произведением. Но поскольку проект сам по себе может доставлять эстетическое наслаждение, а также является основой для развертывания научных подходов,

работающих на реализацию каких-то идей, заложенных в проекте, то можно заключить, что этот вид произведения принадлежит сфере научно-художественного творчества. В ней он может представлять промежуточный итог творческой работы.

В художественно-утилитарной, а также и в архитектурной деятельности, в отличие от художественной – живописной, музыкальной, литературной, – основополагающей является процессуальная сторона. Если в художественной деятельности, в основном, представлены два процесса: художественное творчество и художественное восприятие (производство и потребление), то в художественно-утилитарной самому производству и его результату предшествуют стадии научного исследования и проектирования. Все эти этапы, в том числе и пространственные, связанные с поиском инвестора, скорее несут творческое научно-прагматическое начало.

Конечно, и художник-творец (композитор, писатель, живописец) до акта творения самого произведения совершает духовные акты аналогичные исследованию и проектированию в архитектуре и дизайне, но они не имеют обязательного значения для самого создания образа произведения. Научно-исследовательский этап в сфере художественного творчества не обязателен. В литературе обычно говорят лишь о художественном творчестве и восприятии.

Разумеется, если углубить анализ самого научно-художественного творчества, то в нем можно выделить этап духовного творчества (формирование замысла) и этап материального творчества (воплощение замысла). Соответственно этим этапам Л. А. Зеленов выделяет эстетическую субъективацию и объективацию [59]. Но в самой объективации, в процессе формирования замысла в художественной деятельности не рождается ни проектного задания, ни самого проекта, предваряющих появление произведения в архитектуре или дизайне. Любопытно заметить, что в подготовительной работе художника (префигурации) художественное начало еще только зреет. В творчестве же, направленном на создание искусственных предметно-пространственных систем, интеллектуальное начало превалирует, и привлечение наук обширной нормативной базы является не просто устойчивой тенденцией, но профессиональной обязанностью.

Для художника как представителя искусства в самом формировании образа-замысла имеют место и исследование, и проектирование как имманентные моменты, неотделимые ни от единого субъекта, ни от единого процесса. В архитектуре или дизайне исследование может осуществлять один субъект, проектирование другой, а непосредственное воплощение в форме – третий. И сами процессы в меру этого обретают относительную самостоятельность особенно при высокой степени компьютеризации работ и услуг. В

архитектоническом искусстве процесс формообразования может так и оставаться в рамках строгой целесообразности и не являться искусством. Более того в обыденной проектной работе нормативно-технологические операции явно доминируют.

Вещи могут нравиться, но не быть утилитарными. Они могут служить людям, но не способствовать нравственному возвышению пользователя. Как писал Су Ши: «...вещи стираются, портятся и разрушаются; если их взять в оборот, то они истребятся вконец» [144, с. 59]. Книга, как зеркало мира, может жить очень долго. Она вбирает в себя науки самого высокого порядка. Множество поколений передавали строжайший этикет Ли - сохранение книг «без всяких утрат, повреждений, ущерба». Сейчас целые библиотеки переводят на компьютерную базу, а книги сдают в макулатуру.

Сколь ни трудна была наука ученых древнего времени, она хранилась, передавалась, развивалась при помощи книг. Наука во все времена нуждается в своих носителях. Есть прогнозы, по которым крупнейшие библиотеки мира регламентировано будут переводить информацию с книг на компьютерные диски, и пользователи будут ее получать на экранах дисплеев. Уже сейчас значительная доля информации хранится и эффективно обрабатывается на электронно-вычислительных машинах. На смену и в помощь архитектонике книги идет архитектоника ЭВМ и их программное обеспечение. Научное творчество продолжается, но в динамике иных информационно-энергетических форм, например, инвариатронных (Э. П. Григорьев).

3.1.3. Возможна ли наука наук?

Еще Аристотель ставил сакраментальный для научного знания вопросу «...исследует ли все рода причин одна или многие науки?» [3, с. 60]. Двойственность рассмотрения проблемы бытия и статуса науки в ее частях и целостности заключена в самом вопросе и рассчитана на двойственное толкование. С одной стороны, в лоне мудрости главенствует довлеющая наука, «которой все другие науки, словно рабыни, не смеют прекословить» – наука о цели и о благе, наука о первых причинах, наука о сущности. С другой стороны, в противовес «науке о сущности» разворачивается «наука о началах». Множественность начал и проникновение в них сущностей ставят под сомнение не только возможность приоритета одной из сторон, но и степень сохранения единства.

В матрице перетекания фиксированных позиций изволений, догматов, властных установок есть своя архитектоника. Вопросов по данной проблеме Аристотель ставит больше, чем дает ответов, поскольку по его собственному

замечанию ответить на них крайне трудно. На помощь приходит принцип отражения как высший в познавательной активности человека. Раскрывая этот принцип И. Я. Лойфман пишет: «Творящее зеркало человеческого сознания в практике возникает и изменяется, в практике функционирует и реализуется» [61]. Посредством методологии и языка науки идет процесс зазеркально структурированного формирования науки о совершенном символическом отражении – клона реального пространства (см. Попович М. В., Ракитов А. И., Рузавин Г. И., Штофф Б. А.).

Архитектоника пространства – это своеобразная целина для архитектоники как науки. Разгрызание «гранита науки» можно сравнить и с тем как надобно «пахать» на целине? Дискованием резать тонкий слой – безотвальным способом или основательно переворачивать землю и делать глубокую борозду традиционным отвальным плугом (отвальный способ)? Длительные теоретические споры на просторах советской целины «разрешили» пыльные бури, утвердившие, в конце концов, безотвальную технологию. Нечто подобное в реальной жизни случилось и с философией во многом властвовавшей над советской наукой. «Глубокая борозда» марксизма на практике оказалась чреватой пыльными социальными бурями. Как в фундаментальных и прикладных науках, так и в самой жизни людей, «пикирующей перестройки».

Революционные изменения в Восточной Европе и в нашей стране конца 80-х начала 90-х годов показали неизбежность значительной социально-экономической переориентации. Спустя годы многие пытались ответить на вопрос: «В чем же корни этой осознанной необходимости?». Если даже не вдаваться в длительные теоретические рассуждения о соотношении рыночной и плановой экономики, частной и общественной собственности, диалектики производительных сил и производственных отношений, можно заметить то, что лежит на поверхности и понятно простым людям, которые не захотели жить по-старому. По образному истолкованию Питирима Сорокина – буря начинается с пылинок. «Цветные революции» это подтвердили.

Доказательством изначальности малых перемен послужило то, что после того, как стали открываться границы, люди с завистью хлынули не с Запада на Восток, а с Востока на Запад. Особенно показательным это шло при открытии границ ГДР и ФРГ. Архитектоника полярных пространств благо- и комфортаобустроенности предметного мира оказалась значительно более высокой в ФРГ. Там восточных немцев привлекали свободный образ жизни, значительно лучшее материальное обеспечение, большая продолжительность жизни, более высокое качество продукции. Таким образом, практика в очередной раз подтвердила прагматичность науки, часть которой, как и запретные фильмы, оказалась на пыльных полках (это не открытая во время логика объективного

знания). Как в случае с «пыльными бурями» она же является и теперь третьей стороной в теоретических и практических спорах.

Практикой подтверждается необходимость корректировки теоретических постулатов, десятилетиями занимающих определяющее неизменяемое положение. Жизнь доказывает необходимость своевременного решения философских проблем развития науки. Безусловно, человек должен стать и действительно становится центром философии, следовательно, и архитектоники пространства можно понять, исходя из общечеловеческих ценностей, главной из которых является гуманизм, а не только из классовой борьбы, утверждаемой десятилетиями. Вместе с тем, перемещая в центр философской системы человека, опасно сводить изменения науки в одну плоскость, пусть даже и идеально иерархически выверенную по численности человечества на перспективу. В самом деле, числа 12 или 25 миллиардов людей будут по-разному определять и приоритеты для каждого человека будущего к концу XXI века. Человекоцентризм по актуализированной философской концепции В. А. Кутырева очень трудно удержать, начиная с позиции эгоцентризма и потребительского, производственного неравенства всех людей.

Рядом с человеком-деятелем непрерывно встает новый пространственно-предметный мир, создаваемый им. Игнорируя эту связь, мы вынуждены тем самым начинать историю сначала, т.к. отношения людей опосредованы опредмеченными, объективированными результатами их труда. Иллюстрацией данного положения является рассказ-притча Остапа Бендера своим попутчикам-журналистам о том, что после того, как старый мир был разрушен, двое членов партийной ячейки, вступив в законный брак, встали перед вполне реальным фактом – повторить историю человечества. Намеренная «забывчивость» грозит разрушением цивилизации. Чтобы сполна использовать накопленный опыт, необходимо развернуть всю систему архитектурных отношений и свойств взаимодействия человека с предметным миром по законам ноосферной синархии.

Формируются новые уровни практической реализации системы познания. Характеризуя связь знаковых форм с предметной деятельностью, В. В. Ким пишет: «Существенное усложнение структуры исследуемой реальности, обуславливая абстрактный характер теоретических исследований, определяет необходимость разработки ряда дополнительных этапов, стадий, ступеней при переходе от фундаментального теоретического знания к общественно-исторической практике. Чтобы стать производительной силой, научное знание проходит ступени от абстрактной теории через более частные теории к прикладным отделам знания» [72]. Перевод архитектоники научного знания в архитектуру вновь создаваемых пространств чрезвычайно сложный процесс, непосредственно связанный со структурой творчества человека и особенностями

самоустраненной архитектоники формообразования (не)гуманного предметного мира (рис. 20).

В результате творческой деятельности человек преобразует пространство и изменяет себя. Искусственные предметные системы являются компенсаторами ограниченности среды человеческой деятельности. В соответствии с социальной и биологической ограниченностью человека искусственные системы можно рассматривать в качестве биологических и социальных компенсаторов. Интеллектуальная компенсация в деятельности человека за счет искусственных систем совершается как всеобщий момент. Наряду с интеллектуальным моделированием предметных, физических, предметно-математических, знаковых форм мира пространства следует выделить широко представленное особое моделирование по гармонизации деятельности человека и искусственных систем, в том числе и интеллектуальных. Именно в этой сфере человеческой деятельности наиболее активно формируются новые области научного знания (см. Бирюков Б. В., Геллер Е. С., Глушков В. М., Эшби У. Р., Ладенко И. С.).

В системе взаимодействия «архитектоническая деятельность человека – интеллектуальные искусственные системы» последние благодаря собственным параметрам сами могут быть рассмотрены как особые универсальные модели мира. Данные искусственные системы, отражая компоненты, структуру и функциональные связи в деятельности человека, сомасштабно ее моделируют, хотя и созданы, как правило, не для изучения человека, а для интеллектуального содействия в его творчестве.

В техноэволюции искусственных систем как особых моделей деятельности человека следует выделить архитектурные закономерности. Они вытекают из компонентного, структурного и функционального подобия искусственных систем с деятельностью человека. Например, в архитектурном творчестве структурные и функциональные закономерности выражают соответствие структуры объектов структуре процессов, протекающих в них. Следовательно, результаты архитектурного творчества можно рассматривать как своеобразные модели той деятельности человека, для которой они предназначены. У продуктов архитектурного творчества человека можно заметить компонентное, структурное и функциональное подобие в самом строении человека: дисплей – зрение, манипуляторы – руки, ЭВМ – мозг.

Внутренняя модель мира, непрерывно присутствующая и обновляющаяся в высокоинтеллектуальной системе, в идеале может нести всю полноту информации взаимодействия человека с пространственным миром. «Творческая одаренность» компьютера в качестве своего предельного критерия имеет человека с его способностями зрительной и слуховой ориентации, владения языками,

понимания действительности в ее оптимально возможных путях трансформации [63].

Искусственный интеллект выступает высшей формой в развитии искусственных систем. Философское содержание искусственного интеллекта неразрывно связано с развитием вычислительной техники в ее пятом и следующих поколениях. Диалектика развития естественного и искусственного интеллекта человеко-машинных систем снимается в образно-модельной картине мира, адекватно репродуцируемой средствами науки и искусства. Эра «разумных и эмоциональных машин» в значительной мере прогнозируется в сфере научно-фантастической литературы, поскольку фиксируемые в конечном итоге идеи в значительной мере реализуются. Причем центральной фигурой, но уже с множеством оговорок продолжает выступать человек, а не робот или машина (см. Ананьев Ю. В., Волков Г. Н.).

Степень интеллектуальности компьютера во многом зависит от его «творческой» способности принимать самостоятельные компетентные решения в условиях неопределенности и значительного дефицита информации. Корректность выбора в широких рамках прогнозно-проектной вариативности коррелируется способностью создавать качественно новые тектонические структуры. Ведущим критерием морфологического совершенства искусственных интеллектуальных систем является наличие у них все более совершенных программ. Одна из ближайших целей развития машинного творческого потенциала связана с гармонизацией характеристик искусственных интеллектуальных систем и интеллектуальной деятельности человека. Существенным и необходимым моментом этой проблематики является научное мировоззрение и познание человеком собственного места в пространстве (см. Буянов В. С., Мелюхин С. Т., Свириденко В. М., Причепий Е. Н., Спиркин А. Г., Филатов В. П., Черноволенко В. Ф., Дрыгин В. И., Исаченко И. И., Кочетков Г. В., Могилевкин И. М., Мелешенко Ю. С., Омаров А. М.).

Центральный субъект созидания пространства – архитектон, – будь то потребитель окружающей среды или деятельная творческая личность, оказывается в авангарде организации нового мира. Отсюда вполне возможно, что архитектон, разумно (ноосферно) использующий универсальный интеллектуально-действенный интегратор, в качестве которого выступает архитектурный принцип, сам представляет собой тот предел, за которым стоит человек будущего. В прошлом о нем лишь иносказательно возвещали выдающиеся умы человечества (Кант, Гегель, М. М. Бахтин, А. К. Лосев, А. Л. Богданов). В будущем то, о чем они говорили, может быть опредмечено в природободобных искусственных интеллектуальных системах, управляемых сознанием, волей, мудростью людей, в качестве приоритетов руководствующихся

любовью – а не ненавистью, добром – а не злом, истиной – а не ложью, красотой – а не уродством, знанием – а не невежеством в целях спасения, благодати и жизнеустроения человека.

3.2. Архитектоника науки о гуманном жизнеустройстве пространства

3.2.1. Жизнеустройство пространства знания как здания

Учитывая сложности в развитии структуры современной науки, изволения мудрости на пути к свету, следует согласиться с необходимостью «внешнего взгляда» на данную проблему. В первую очередь внешний импульс может быть особенно эффективным со стороны парных диалектических оппозиций: философии и математики, идеологии и лингвистики, телематики и кибернетики. Наука переживает переломный информационно-постиндустриальный период, активно формируясь из социо-человековедческой проблематики и различных теорий формирования предметных пространств. Последние выделяются относительно безболезненно под флагом научно-технического прогресса. Объединение усилий ученых в рамках естественных и технических наук ведет к становлению общих теорий, созданию новых наук, открытиям устойчивого системообразования знаний.

В развитии философских наук идет сложный и противоречивый процесс накопления, интеграции и дифференциации знаний. Совершается непрерывное развитие и перестройка в науке классической в постнеклассическую. Этот процесс сопровождается нарушением привычных норм, общепризнанных понятийно-терминологических систем. Ломаются устоявшиеся стереотипы представлений о взаимодействии человека с пространством, взаимосвязях первой и второй природы. Количественное и качественное разнообразие вещных и строительных объектов, произведений искусств и научно-технических инноваций в жизни – непостоянная величина. Следовательно, и в науке необходим пересмотр рядов базовых постулатов, установок традиционных и привычных положений. Жизнь человека в меняющемся предметном окружении является эмпирической основой развития общей теории формирования новой архитектоники пространства. В дальнейшем исследовании необходимо четко обозначить философский анализ полииерархических структур архитектурного творчества и его организационно оформленные результаты в повороте наук в сторону человека как совершенно упакованного универсального пространственного существа, реагирующего на космопланетарные феномены.

«Здание» науки, как, впрочем, и ее концептуального проекта – философии науки, возводится тысячелетиями поколениями философов и ученых разных эпох и народов. Труд их сродни труду людей, возводящих пирамиды, замки, города и

мегаполисы. Однако творцы науки более свободны в выборе «гранитного материала» и его организации. Хотя зависимость от объективной логики истории не менее существенна и зачастую однозначно определяет их творческую судьбу. Поскольку каждый из творцов предлагает свой проект, то в результате, возникают новые области созидания идеальных интеллектуальных конструкций с широкими базами проектных данных (рис. 21).

Пространственные параметры философских и научных, образных и модельных построений, несмотря на свою возможную привлекательность, стройность и законченность, не раскрываются тотчас во всем своем великолепии, как это имеет место в шедеврах архитектуры, градостроительства и дизайна. Тем не менее незримая архитектоника может быть не менее стройна, чем зримая. Углубленному анализу взаимодействия смысловых и зрительных форм мышления способствуют выразительные искусства и начертательная философия. Благодаря им совершенствование организации философии, философии науки и науки как архисложных систем сравнимо с величественными умными, умозримыми и проектными сооружениями особого рода. По большому счету архитектоника их призвана пленять наше сознание своей ясностью, простотой и стройностью. В связи с этим возникает проблема носителя идеального образа (см. Жуковский В. И., Пивоваров Д. В., Рахматулин Р. Ю.).

Как некоторая однозначная, всеми признанная целостность философии как наука не определена и по сей день. Так же как величественные сооружения требуют ухода, реставрации, а в ряде случаев обновления, реконструкции и даже перестройки, философия дискретно или постоянно, но развивается. Философия как наука и философия науки способны существовать в форме открытой целостности (см. Ленин В. И., Аскин Я. Ф., Зотов А. Ф., Воронцова Ю. В., Франк Ф., Хайдеггер М.). Перестраиваясь, они по возможностям переустроителей сохраняют и удерживают все истинное. Это, правда, не означает исключительную прямолинейность и позитивность развития, а на практике иногда приводит просто к утратам.

В истории философии можно отметить множество целостных моделей-образов философских систем. Классики-философы: Аристотель, Сократ, Платон, Кант, Гегель – каждый по-своему представляли «здание» философской науки. Сами по себе, а также их последователи выступали в качестве персональных архитектонов идеальных структур (см. Лейбниц Г. В., Ньютон И., Фейербах А.). Особенность же единого здания философской науки в том, что отдельные «проекты» не всегда и не во всем накладываются на единую конструкцию – законы действительности.

Концептуальными конструктивными аспектами законы, философемы, принципы, идеологемы, алгоритмы формируют философию как органически

единую и неделимую симбиотическую целостность. Даже в тех случаях, если их системы были идеалистическими и метафизическими, их труд не был напрасным, так как образный ум не всегда в ладах со смыслами символов. Парадоксальность метаморфоз «ненужных» и «ложных» систем, не включающихся в диалектику и материализм в философском единстве, правомерна подобно ряби отраженной в воде целостности реального мира.

Особенностью отдельных теоретических построений выдающихся философов в науках о гуманном предметно-пространственном мире является, с одной стороны, их неповторимость и законченность как самостоятельных учений и, с другой стороны, их органическая слитность с единым зданием существующей философской науки. Поэтому каждую отдельно структурированную философскую систему в форме концепций, идей или теорий следует рассматривать двояко – внутри и вне всей архитектоники научно-философского знания. В самом деле структуры самих содержаний философских трактатов разных выдающихся философов весьма различаются даже по сути предмета.

Другой особенностью развития архитектоники науки о гуманном мире является закономерное наличие наряду с истинными, и ложных путей построения философии. Центральной «антиномией» в философии традиционно выступал материализм и идеализм. Но специфичность философской науки в том, что она не может сбросить «измы» и уйти от этого противостояния. Подобно отраженному в воде облику церкви как бы плывущей, рисунок, являясь иллюзорным в смысле предметности, тем не менее существует зримо. Как в жизни нельзя игнорировать вещь и ее отражение в иной среде, так и в познании есть свои отражения – дубликаты, иллюзии, фракталы [87, 138, 77, 75, 157, 4].

Наряду с устаревшим делением научной истории философии на две эры – до возникновения марксизма и после – внутри них просматриваются более конкретные и многогранные толкования философии. Для полновесной истории философии эта весьма спорная и схематичная периодизация требует переосмысления с позиций множественности подходов. Древнегреческой философии около трех тысяч лет. Но так и остается открытым вопрос, когда и где заложили фундамент философии. Возможно на Востоке – в Китае или Индии? Сложность состоит в том, что философские системы строились в разных системах ценностей, которые иногда разворачивались в противоположных направлениях. Однако и ложные линии в развитии философии имеют самостоятельную ценность, поскольку предостерегают будущих исследователей от заблуждений. В архитектонике знания обозначаются тупиковыми направлениями в познании мира, как в математике есть место иррациональным и отрицательным числам.

Итак, предположим, что на прочном фундаменте построено три этажа философского здания науки: древняя протофилософия, классическая и

неклассическая. Развитие его продолжается подобно сооружению Петродворца, проектировавшегося одноэтажным, доведенного до двух, а в центральной части и до трех этажей не только не без ущерба для целого, но поистине во имя его органического завершения. Спускающиеся по склонам фонтаны Петродворца в свободной игре ума способны символизировать в философской науке идеалистические и иррационалистические учения, которые при кажущейся самостоятельности и оторванности от комплекса сооружений дворца дают его отражения. Свободы в воображении имеют свои достоинства, но не могут быть изъяты без ущерба для целого. Самсон же, разрывающий пасть льва, может быть уподоблен отказу от идеалистической диалектики Гегеля, которую по разным критериям ума и мудрости разрывают случайные интерпретаторы глубоких истин. Конечно, при абсолютизации данного подхода аналогий есть опасность закрепления крайностей фетишистского сознания.

Аллегоричность подобных сравнений не является буквальным тождеством философской системы подобной архитектурному ансамблю знаний. Не следует забывать условность и относительность всякого метафорически образного сравнения. Всеобщность проявления архитектурных начал в науке и в ансамблевом искусстве могут и дополнить данную аллегорическую аналогию и более углубленным содержанием.

3.2.2. Мировоззренческая архе- и архитектоника проектирования

Мировосоздание в философии совершается постоянно дискретным сохранением в «памяти» ее исторических завоеваний различных направлений и движений мысли, ее выдающихся творцов, крупнейших мыслителей прошлого. Архитектоника философской науки родственна структуре научной картины мира, но она может быть более объемна и даже «голографична», т.к. не исключает, но более того, предполагает вненаучные возможности в отражении пространств действительности. Хорошим аналогом здесь могут служить «зеркальные нейроны» человеческого мозга, многократно ускоряющие передачу информации.

Любая философская фраза подлежит исследованию согласно ее логике на историческую обусловленность теоретическую точность, методологическую выдержанность. Четкость и конструктивность мышления фиксируется в виде схем и моделей. Этим моделям может быть бесконечное множество, поскольку они представляют развертывание разных систем и отражают моменты общего смысла синархии ноосферной архе- и архитектоники (см. Копнин П. В., Лекторский В. А., Ракитова Л. И., Кондаков Н. И., Юдин Б. Г., Субетто А. И., Пищик А. М., Зеленов Л. А., Александров Н. Н).

В отдельности и вместе со словарями и энциклопедиями они образуют так называемые первокирпичики архе, архи- и тектонической организации мысли. В совокупности то или иное философское «сооружение» формирует структуры слов, имен, смысловых символов, образных моделей, матриц. Если из совокупных структур пытаться выстроить интегральные знания о гуманной картине пространственного мира, то через формирование единой архитектоники науки можно продвигаться к формированию системной целостности архитектоники как науки. Аналогом такого движения является, например, переход от отдельных архитектурных произведений до их ансамблей.

Диалектическая логика имеет развитую систему условных обозначений, позволяющую графически фиксировать основные моменты теоретических построений различной сложности. Методологический потенциал ее опирается на строго выверенную и фиксированную в знаковой системе тектонику и архитектонику научных знаний. Архитектоника как наука о пространствах предметного мира может быть развернута и обращена на иерархическую организацию процессов взаимодействия человека с предметным миром в их артефактах и хронотопах архитектонизации (процессуально-временное) и архитектоничности (пространственно-топологическое). Соответственно в русле этой логики если архитектонизация как методология представляет собой выделение главного на пути восхождения от явления к сущности, то архитектоничность как системология есть состояние и результат процесса движения к структурно многомерной пространственной истине.

Существует возможность сведения одних наук к другим по их иерархическим ступеням. Предмет и человек как два исходных начала различных систем знания соответственно предполагают и уровни разведения их анализа и синтеза. Человек и предмет как центральные категории философии и религии весьма своеобразно соотносятся Л. Фейербахом: «Категория, которой оперирует теология, сводится к отношению, основная категория философии - субстанциональность. Философия относит предмет, представляющий предмет всех предметов, непосредственно лишь к себе самой и только опосредованно и косвенно связывает его с человеком, теология же относит его непосредственно и только к человеку» [156]. Стремление закрепить в абсолютном пространстве за предметом или человеком определенный статус еще не решает проблемы. Следующий шаг должен быть связан с тем, чтобы проследить взаимодействие пространства человека с пространством предметного мира.

Во взаимодействии человека и предметного мира можно просмотреть три возможных варианта. Во-первых, предметный мир включает в себя человека как свою предметную часть. Во-вторых, человек и предметный мир противостоят друг другу, как субъект и объект. И в-третьих, человек выделяется из предметного

мира и универсально творит его по своей мере и мере предмета, подтверждением чему является высказывание Л. Фейербаха:

«...что имеет силу по отношению к человеку, имеет силу и для всякой другой вещи». Все ступени противопоставления человека и предметного мира связаны с тождеством, противоположностью и единым основанием. В современной архитектонике науки реализуется прогностическая мысль

К. Маркса о том, что со временем «естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включает в себя естествознание: это будет одна наука» [101]. Тенденция к созданию единой науки определяет; саморефлексию научного знания (см. Добров Г. М., Кедров Б. М., Копнин П. В., Микулинский С. Р., Родный Н. И., Налимов В. В., Мульченко Б. М., Семенов Н. Н., Сичивица О. М., Старостин Б. А.).

Поучительны рассуждения М. А. Бакунина о взаимодействии философии и науки, о возможностях и путях развития наук. Единство мира для него очевидно, и в связи с этим он утверждает: «... наука, которая есть не что иное, как познание и понимание мира человеческим умом, также должна быть единой» [6]. Правда, далее в его философской мысли возникает предел: «Чтобы охватить научное Единство во всей его бесконечной действительности, нужно было бы иметь возможность познать в частностях все сущее, прямые и косвенные естественные отношения которых образуют мироздание, что, очевидно, превосходит способности человека, поколения, человечества в целом».

Суждения М. Л. Бакунина непоследовательны, более того, противоречивы. Во-первых, для формирования единой науки не обязательны знания всех действительных отношений. Во-вторых, вряд ли «очевидны» пограничные способности человека и человечества в целом. Они могут быть безграничны, например, за счет искусственного интеллекта, как зеркального отражения пространства. Отсюда представляется сомнительным и следующее его утверждение: «Мировая наука есть, следовательно, идеал, который человек никогда не сможет осуществить». И все же развитие человеческих способностей по М. А. Бакунину имеет «целью построение мировой науки, понимание единства, действительной всеобщности миров, научное воссоздание великого Целого, Мироздания».

Бунтарская натура М. А. Бакунина прослеживается в отрицаниях себя как позитивиста и кандидата в какое-либо правительство. В целом его логика и подкупает, и настораживает. Последнее особенно неприемлемо в отношении возможности перенесения ее в качестве анархического начала в логику науки и в философскую интерпретацию места человека в мире. Архитектоника мироздания вновь создаваемого и, должно быть, более гуманизованного пространства скорее предполагает иерархичность, чем анархичность.

Современное наукознание представляет собой относительно новое направление в науке, обобщающее практически ориентированные историко-научные исследования. Характеристику основ анализа общего наукознания предлагает Г. М. Добров. «Предметом этого анализа, – считает он, – является научный процесс в целом и научная деятельность как профессионально самостоятельный род деятельности» [50]. При столь широком подходе к формированию данного обобщающего направления научного поиска существенно важными моментами выступают: собирание разрозненного опыта научных исследований, конкретизация информационной проблематики как интердисциплинарной отрасли научного знания и выработка алгоритма синтетического знания, способного переводить и трансформировать научное знание в практическое, а практическое в научное, т. е. для начала соотноситься с науковедением как с целостностью.

3.2.3. Проектный гуманизм науки

По некоторым исходным моментам практическое науковедение, видимо, берет свое начало со времени зарождения ремесел. В эпоху верхнего неолита появлялись островки здравого смысла, но не было соответствующих носителей для их сохранения. Было время, когда бурно развивались догматика, протонауки, лженауки, околонаучное практическое знание, метафизика, алхимия. Науковедение как новая научная дисциплина об общих закономерностях овладения человеком научными знаниями и их практическим использованием по существу, в наше время еще только начинает свое формирование.

Значительный вклад в это общее дело внес Нижегородский философский клуб «Универсум» под бессменным руководством профессора Л. А. Зеленова, поместившего человека в центр всякого научного знания. Опубликовав «Антропономию» как концептуальное изложение общей теории человека (2-е звено) в Человековедении, связывающее «Философию человека» и «Систему общих и частных наук о человеке» (3-е звено), Зеленов разворачивал гуманистическую целостность науки.

Таким образом, во-первых, создание науки всех наук – наукознания и, во-вторых, – его практической применимости – науковедения – в истории человечества возникало неоднократно и в разном качестве. Иногда это были ложные, тупиковые поиски. Вспомним хотя бы вариант поисков толкования философии как матери всех наук, а архитектуры как матери всех искусств. Методом проб и ошибок формировались устойчивые связи знания и жизни.

Одним из главных, в конечном плане, становится вопрос о роли практических и прикладных знаний на базе фундаментальных наук. При всей

возможной несостоятельности поиски интеграторов в архитектонике науки вне зависимости от их преобладающих духовных или практических форм, имеют вполне объяснимый смысл и практическую значимость. Известны противоречивые высказывания двух классиков XIX столетия. С одной стороны, К. Маркс утверждал: «Принимать одну основу для жизни, другую для науки – это значит с самого начала допускать ложь». С другой стороны, Л. Н. Толстой считал следующее: «Задачей науки должно быть познание того, что должно быть, а не того, что есть». Отсюда начинается парадокс хронологической реальности.

Функционирование науковедения в его современных способах существования представляется далеко не бесспорным, однако, опыт интеграции научного знания окажет, безусловно, позитивное влияние на развитие конкретных наук. Произойдет это либо, скажем, в форме отдельных обобщающих концепций, либо выверенных теорий, что, в конечном итоге, будет реализовано в практической деятельности, на которую ориентируются науки. Зачинатель формирования общего наукознания Г. М. Добров подводит итог научного поиска: «Мы глубоко убеждены, что вне зависимости от судьбы отдельных кораблей огромная и все возрастающая флотилия современной науки никогда не придет в свою последнюю гавань, чтобы навечно бросить ржавеющий якорь у последнего исследованного ею факта» [50, с. 250].

Берлинский еженедельник «Sonntag» в середине 60-х годов прогнозировал к 2000-му году общее количество наук порядка 500. Однако, М. Ф. Ребров тогда же считал это ошибкой, т.к. уже в середине нашего столетия их было больше пятисот [133]. Если расхождения столь значительны, то вопрос, следовательно, и в том, что считать и что не считать наукой. Д. И. Менделеев считал началом науки точные измерения. Последние годы своей жизни он посвятил метрологии, практически подтверждая действенность закона перехода количественных изменений в качественные при сопряжении всех наук в единой науке. Однако, при неизбежном существовании границы мер, объективным основанием всякой классификации является взаимодействие человека с миром, а следовательно, и все знания приобретают бесконечную вариативность. Как бы там ни было в логике соединения, интеграции и дифференциации наук, но ВАКовских специальностей на 2017 год насчитывается более 600.

«Экономическую науку «подарила» Англии ее высокоразвитая экономика, социально-политическую науку «подарил» Франции ее огромный и классический для своего времени политический опыт. Развитие немецкой философии было тесно связано с «бедностью» немецкой общественной жизни конца XVIII – начала XIX вв.» (см. Ильенков Э. В., Емельянов Б. В., Любутин К. Н.). Эта мысль Э. В. Ильенкова наглядно иллюстрирует роль общественной практики, определяющей относительную свободу той или иной науки. Ту же мысль в иной интерпретации

подчеркнул и Л. Фейербах: «Дух науки – это универсальный дух, просто дух, безымянный дух – не христианский, но также и не языческий дух» [156, с. 70].

И. Я. Лойфман, продолжая линию графопроектного представления взаимосвязи фундаментальных наук в поисках обобщающих иерархических моделей системы научного знания в научной литературе (см. Джихая Л. Г., Венцковский Л. Э., Косарева Л. М.) и предваряющих его выводов, предполагал «схематическое представление системы современного научного знания, ... учитывающее три уровня этой системы: уровень частных наук, включающий группы естественных (1), общественных (2), технических (3) и психологических (4) наук; уровень логико-математических наук, включающий математические дисциплины, символическую логику, кибернетику и другие науки об абстрактных схемах (5); уровень философских наук, включающий диалектический материализм (внешняя окружность – 6) и примыкающие к нему философские учения о природе (7), об обществе (8), о технике (9), осознании (10)» [88, с. 71].

Философия истории науки неоднократно играла роль ее авангарда. Она прокладывала ей путь ценой заблуждений и открытий, например, на этапе метафизики – Ньютон и Ломоносов М. И. С одной стороны, утвердившись в «позитивном» научном знании, философия окапывалась ненужной и отваливалась как «высохшая скорлупа» с плода, раскачивающегося в сторону приближения к истине, с другой стороны, «переселялась» в новые неведомые области прокладывать целеполагание как своеобразного азимута компаса к новому знанию. В узловых моментах целесообразности целостности ценностей проверялась качественной определенностью действительности и тем самым утверждалась как истинная или отбрасывалась как ложная. Невозможные фигуры могут помочь в понимании разрывов, искривлений и переходов от смыслов к истине фактов.

Важнейшие этапы в развитии философии можно проследить одновременно в ее двух моментах: первопреходческой роли кристаллизации знания и в роли «лженаук»: натурфилософии (философии природы), метафизики и алхимии. Не повторяет ли и философия науки подобную участь в направлениях позитивизма, неопозитивизма, эмпириомонизма, эмпириокритицизма? Едва ли не вся история взаимодействия философии и науки – это опыт изгнания философии в разных ее вариациях из науки, а в ряде случаев одновременного возвышения над ней. Здесь берет свое начало парадокс возможностей очевидного, невозможного.

Подобные парадоксальные закономерности относятся не только к самой философии, но и к научным направлениям обобщающих и прогнозирующих знаний – социальным утопиям, утопическому социализму, футурологии, а также прогностики, научного социализма, вариативным экстраполяциям исследований будущностей. В концепциях В. В. Кима рассмотрены механизмы перевода

научных структур познания в практику взаимодействия человека с практическим миром: «В условиях превращения науки в непосредственную производительную силу общественного труда, а труда – в прикладную науку, диалектическое взаимодействие практики и научного познания выражается во все большем включении фундаментальных исследований в систему практической деятельности. Вместе с тем конкретное развертывание процесса связи практики и научного познания, реализуя эту тенденцию, демонстрирует все большую степень опосредованности взаимодействия между фундаментальными научными результатами и теми практическими структурами, обоснование и прогнозирование функционирования которых заключено в теоретических системах» [72]. Эти размышления лишней раз подтверждают то, что путь, который предопределен для формирования архитектоники единой науки, тернист и обманчив в плоскостных матрицах, схемах и моделях.

Построение архитектоники как науки о гуманизации пространства берет свои истоки в идеях Аристотеля, Канта, Гегеля, Г. Земпера и продолжается в работах А. А. Богданова и М. М. Бахтина. Духовное отражение человеком многоликих пространств предметного мира с позиций гармонизации мер проявляется в архитектонике науки. Гносеологический аспект проблем интеграции и дифференциации наук выстраивается в русле идей Канта, А. А. Богданова и В. Шмакова, их понимания «архитектонического», «тектологического» и «синархического».

Праксиологическая проблематика отношений предметных и человеческих мер сопрягается с аксиологическими ориентирами, заложенными в научных аспектах языкового понимания архитектоники пространства человека. Предпосылки построения целостной науки о пространственно-гуманном предметном мире отражаются в «призме мер» его архетипов, в образности архитектонических форм и духовного творчества человека. Мера иерархии архитектонических теорий, учений, наук определена в философских, фундаментальных и прикладных уровнях познания.

3.3. Архитектоника проектирования пространства для людей

3.3.1. Прогнозное проектное моделирование

Согласуясь с формами движения материи, можно, как и принято в науке, констатировать усложнение предметно-пространственных форм развития систем: неживых или абиотических, живых или биотических, технических и социальных. Здесь есть своя иерархия, которая, начиная с физической формы движения систем, как более однозначной, «жесткой», восходит к социальной, как в высшей степени сложной. То же самое можно сказать и в отношении описывающих их

моделей. Различной степени сложности пространственные модели могут характеризовать развитие артефактов, вещей и изделий. Посредством проектирования реализуется возможность не просто описания, но, прежде всего, изменения реального мира, пространства [41, 122, 132].

Неисчерпаемое богатство явлений действительности и раньше находило свое отражение в научных моделях (таблицах, матрицах, графиках, схемах, макетах). Химические закономерности развития вещества, зафиксированные в периодической системе Д. И. Менделеева, выстраиваются в своеобразные алгоритмизированные строго фиксированные матричные ряды. В органической химии модели строения молекул носят необычайно разветвленную тектоническую структуру. Применительно к этим областям человеческого знания проектирование материалов с заранее заданными свойствами носит весьма специфические формы, приводящие к версиям объемно концентрической системы периодики химэлементов.

В бионике, например, известна модель развития естественных и искусственных систем, образованная соответственно «конусом роста» и «конусом тяжести» [82]. Согласно принципа «конуса», биологические пространственные закономерности формирования органических систем, как правило, обусловлены, с одной стороны, «конусом тяжести» – ограничивающем становление и экспансии пространства согласно гравитации, а с другой стороны, «конусом роста» – идущим от стремления единичных основ сущего. В дизайне и архитектурном проектировании эти закономерности образуют основу проектного творчества в морфологическом плане согласно технологических программ.

Социальные системы также описываются, моделируются, программируются в соответствии с пространственными закономерностями их развития. Такие модели носят как метафорический характер, например, «крутые виражи современной политики», «масштаб социальных преобразований», так и конкретные статистические ведомостные хроники, например, «циклические колебания цен на бирже». Технические факторы развития общества более определенно моделируются на основе самых разных параметров контракции (сборки в непроявленном виде) и экспликации (описи всего известного). Современные версии теории катастроф, например, позволяют предвидеть те или иные неблагоприятные события намного точнее, чем это делают хироманты и предсказатели.

На проектных моделях конкретно могут быть проиграны слабые и сильные стороны самого пространственного моделирования и проектирования переустройства фрагментов предметного мира в его устойчивых и неустойчивых вариациях. Здесь не предлагается однозначных схем, в которые можно было бы уложить все богатство законов развития объективной реальности, или рецепта, по

которому можно безошибочно спроектировать любой объект. Жизнь всегда богаче, сколько бы точно ее не списывали различные модели. Но знать границы развития системных объектов, иметь о них пространственное представление надо. Пространственное моделирование должно способствовать управлению процессами архитектурной организации деятельности людей.

Иерархичность, «глубина» и «объемность» знаний об объекте многократно умножается в случае, когда смысловой текст моделей строится по закономерностям и особенностям проектной культуры. В качестве примера можно привести архитектурный проект. Как правило, в нем ядро композиции в центре листа. Свернутая или развернутая (эксплицированная) в определенном масштабе информация об объекте располагается по своим структурированным по воображаемым диагоналям правилам. Допустим, в верхнем левом углу – исходная информация, графически самая визуально «тяжелая» информация – в левом нижнем углу, переходная глубинно-пространственная находится в правом верхнем углу, и информация, выводящая на конкретику – в нижнем правом углу смыслового поля всего «текста» проекта. Выход за пределы объектного поля листа и его начало в основном предполагаются справа сверху и снизу слева (штамп и итоговая сборка данных) (см. Григорьев Э. П., Гуськов А. А., Зейтун Ж., Порада Ж., Зоколей С. В., Джонс Дж. К.).

Специфические правила, которые действуют в иконописи, книжной графике, графическом дизайне, рекламной информации, могут быть использованы (а на практике активно используются профессионалами) в качестве алгоритмов визуальной информации об объекте. Это может быть тем более полезно, что концепций, науки теорий о взаимодействии человека с координатами пространства великое множество. Причем очевидно, что при проектировании есть потребность в их интеграции и дифференциации (экспликация). В творческом развертывании применительно к решению конкретных задач визуально целостное видение мира упакованного в проекции пространства (фасады, планы, разрезы, перспективы, аксонометрии) может стать необходимым этапом подготовки специалистов. Нечто схожее делается в Центре по изучению изобразительного искусства при Гарвардском университете, где готовят юристов, экономистов, медиков, химиков, философов.

Визуальная архитектоника как научно-художественное направление графического представления сколько угодно сложной информации может стать важным связующим элементом философской интерпретации проектной культуры. В философии проектирования будущее человека и его окружения способно приобретать зримые черты. В проектной деятельности философские и научные концепции и идеи могут органично входить в проектное произведение. Собственно, этот процесс уже подспудно идет в концептуальном проектировании.

Философия проектирования будущего человечества находит свое отражение в архитектуре и дизайне, где компьютерное прогнозирование, планирование и проектирование становятся нормой в творческом процессе предвидения пространства будущего.

Для того чтобы успешно плавать в океане знаний о человеке и пространственном мире, нужна лоцманская карта «континентов» (философских систем и фундаментальных наук), «островов» (частных научных направлений и школ), глубин «дна», скрытого от глаз наблюдателя (иррациональных и идеалистических учений). Продолжая такую аналогию, можно вспомнить, что для практических целей освоения планеты люди сначала тысячелетия назад делали карты, а четыре века назад выделили в системе научного знания тектонику. Нечто похожее можно создать в проектной тектонике и картографии информации, способствующих прогнозируемому моделированию.

3.3.2. Тектология коммуникативной инфографики

Сегодня тектоника является важной научной областью изучения развития земной коры в целом. Тектонические карты имеют в качестве объекта реальный предмет – внутреннее строение земной коры. Они отражают его в специфических формах языка графики. Философия и наука также имеют свой предмет. Правда, этот предмет отражается в них в специфических языковых формах. Но ведь нет ограничений для того, чтобы и в отношении вторичного предмета, отражающего сущность мира, имеющего духовную природу, применять графический язык.

Эти рассуждения целиком могут быть отнесены к системе проектных знаний, имеющих формализуемое содержание. Авторы пришли к убеждению в необходимости создания архитектурных карт-лоций, которые бы визуально отражали знания о предметно-пространственном мире человека. Так же как возможно условное выделение горизонталей на поверхности планеты, начертательное представление сечений земной коры с показом полезных ископаемых и всей необходимой сопутствующей информации, так же условно можно графически выражать различные потоки знания. Это можно делать в границах условностей соответственно степени сложности конкретизации решаемых проблем, подобно космическим снимкам фиксирующим целые города и русла рек в конкретный миг.

В проектных рисунках, моделях, схемах, чертежах нет и вряд ли будет та строгость, которую предполагает формальная логика и вся совокупность междисциплинарных связей наук. Визуальная информация целенаправленно выполняет роль обеспечения проектного языка. Поэтому, с одной стороны, значительные ограничения в проектах вызваны условностью представления

информации, а с другой,- выборочным перечнем научных дисциплин, которые ориентируют специалистов во множествах направлений предпроектных, проектных и послепроектных исследований. Особенности представления конкретной графической информации также определяются спецификой приобщения проектировщиков к основам наук, доминантно обращенных к локальной предметно-пространственной области.

В связи с анализом проектирования, как правило, действует тенденция привлечения комплексов наук и научных направлений. В современной системе интегрирующегося знания их более крупных сотни, тысячи и десятки тысяч средних и мелких. Выборочное привлечение наук к проектированию лишней раз говорит об эвристическом, поисковом характере самих проектных подходов, ориентированных на максимальную возможность внедрения научного знания. В непосредственном процессе проектирования необходимо оперативное управление реальной и планируемой проектом деятельностью. Здесь проектно-графическое начало как коммуникативно-осмысленная чувственность подсказывает возможные кратчайшие пути движения к решению частных тематических задач и крупных хозяйственных проблем. Подобная методология работает достаточно эффективно в градостроительстве, архитектуре, дизайне (см. Коротковский А. Э., Волчок Ю. П., Малахов С. А., Линч К., Мерлен П., Фридман И.).

Не будем абсолютизировать композиторскую морфологию проектных моделей. Безусловно, в них видится инструмент, средство работы в различных сферах человеческой деятельности. Однако если изображаемые на проектах заместители натуры не могут быть справедливы для всех ситуаций, то логично предостеречь и от другой крайности - от чрезмерно свободного обращения с ними в целях защиты ложных идей, манипуляции информацией при экспертизе, критическом разборе или выборе возможных вариантов организации будущего объекта. На основе более совершенной методики анализа возможно подтасовывание фактов разной весомости и значимости. Особенно манипуляции заметны в информационных войнах с фейковой графоаналитикой.

Выше названные предостережения не могут служить в качестве аргумента для отрицания необходимости использования в визуальной архитектонике закономерностей переустройства пространственных коммуникаций. Подобное отрицание не состоятельно хотя бы на том основании, что это не собственно вопросы истинности и достоверности научной информации, а вопросы профессиональной культуры и нравственного уровня человека ей владеющей. В связи с последним отступлением еще раз подтверждается ориентация в привлечении информационных основ к проектированию не только на науку, но и на ее объективно обусловленные связи с искусством, различными формами общественного сознания, идеологией, социальной и индивидуальной

психологией, философией. Особенно пестрая картина описываемых возможностей информпотоков приближенных к реальности в интернете. Яркий пример агрессивной рекламы: на выдуманном фоне низвергающихся потоков воды по откосам реального города с надписью: «Мы воплощаем даже бред».

Необходимость создания зримых карт, фиксирующих средствами визуального мышления организационную структуру проектной проблематики, только начало пути бесконечной конкретизации в обобщении иерархических «горизонталей» наук, теорий, концепций, идей, истин не только технического, но и гуманитарного знания. В данном случае речь пойдет о принципиальных подходах к решению сложных и сверхсложных проблем. Решение этих проблем напрямую связано с возможностями визуальной архитектоники гуманитарного знания, находящегося под прессингом технико-технологических достижений.

Оппоненты могут возразить или поставить под сомнение эффективность предлагаемого подхода в области гуманитарного знания. Попробуем встать на их точку зрения. Допустим, они могут предложить визуально изобразить такие группы понятий, как «вера – надежда – любовь», «свобода – равенство – братство», «логическое – чувственное – телесное», «страдание – вина – смерть», «свобода – необходимость – ответственность». Да, сегодня в однозначных картинках это невозможно в принципе по целому ряду причин. Они лежат за пределами конкретных возможностей современной интеллектуальной деятельности, в том числе и проектной. Однако, когда еще не было кино, люди придумывали иллюзии движения в виде игрушек (движение лошади, бег человека, полет бабочки). Сейчас, в качестве одного из путей приближения к истине из прошлого можно назвать фильм «Собибор» режиссера и актера К. Хабенского (2018 г).

Попытаться все же ответить на предложенный вопрос о подвижном графомоделировании истины можно через допущение. Допустим, тысячу лет назад один человек предложил бы другому предоставить ему возможность поговорить с человеком, который находится далеко за видимым горизонтом, показать обратную сторону Луны и убедиться, что там не живут люди, увидеть органы человека, не делая ему операцию, и т.п. Тому мечтателю тогда ничего бы не оставалось сделать, как развести руками в знак неразрешимости проблем. Сегодня казавшееся некогда невозможным делается при помощи телефона, смартфона, космической аппаратуры, рентгена, тепловизора, компьютерного томографа. Причем подобного рода информация вполне может быть графически представлена, модифицирована, передана на огромные расстояния.

Этим отвлечением в сторону от прямого вопроса в какой-то мере можно и ответить оппонентам, сомневающимся в возможностях широкого применения графоинформационной визуальной архитектоники. Такой ответ справедлив

только частично, т.к. он мало что решает в отношении более конкретных проектных проблем. Но так ли это безнадежно отодвигает использование архитектурного подхода в визуально-начертательном плане? Попытаемся далее аргументированно показать неоспоримость преимуществ визуальной архитектуры в проектной деятельности, ориентированной на переустройство человеком пространства.

Проектирование – это многомерная полиуниверсальная интеллектуальная деятельность. Набирает силу тенденция включения в процесс проектирования компьютерной техники. Множества программ дают возможность проектирования виртуальных пространств. Этот процесс тотален не только в тотальном дизайне. Уже в самом прагматическом определении философии проектирования как универсальной интеллектуальной деятельности зреет ответ на вопрос об универсальности ее языка. Во-первых, искусство проекта может достаточно условно переводиться на тот или иной научно выверенный искусственный язык. Во-вторых, если даже делать проектные модели только на основе слов и графических связей между ними, то это уже качественно более высокий визуально-графический язык. В обозначении связей вполне естественно в нем привлекается и язык формальной логики. Последняя возможность напрямую связана с символикой математической логики, топологии и начертательной геометрии.

Количественная составляющая в диалектике меры проявляется относительно простой в компьютерную эру, где господствует 0 (ноль) и 1 (единица), но и одновременно абсолютно сложной. Это связано не только с языковыми обозначениями знаковых и реальных единиц знания, но и с выделением единичных составляющих бесконечных по модификациям пространств.

3.3.3. Синтез знаний для проектирования

Известно, что человек, как правило, находится в центре проектной деятельности, а следовательно, он и функционирование людских потоков требуют графических представлений, применимых в проектировании. В ряде гуманитарных направлений, теорий, концепций уже потенциально задан синтез текстов с формально-логическими построениями графо-геометрического типа: «антропоцентризм», «антропометрия», «антропоморфология», «морфология человека», «антропономия».

Необходимым средством фиксирования изменений в области проектных знаний об архитектурном взаимодействии человека с пространством может стать комплекс наук и современные научные подходы: моделирование,

квалиметрия, квалитология, медицинская статистика, прикладная демография, психометрия, криминальная статистика, теория качеств жизни (см. Азгальдов Г. Г., Ванд Л. Э., Яргина З. Н.). Архитектоника философских и научных знаний о сферно структурированном взаимодействии человека с пространством в какой-то мере сформирована в уже имеющихся текстах. Проблема в значительной мере связана с синтезом знаний, выведением информации на дисплей и эффективной работой с ней.

Всякие ассоциативные и смысловые аналогии имеют пределы своих возможностей использования. Это тем более справедливо, если они переносятся на картографирование архитектоники знаний о таком сложном объекте проектирования, как человек и его предметно-функциональное окружение. Множество практически необходимых в деятельности людей слоев, срезов, локальных моделей – вот ближайшие ориентиры данного научного направления в графическом представлении и проектировании информационных карт – моделей. В системе проектирования той или иной предметно-пространственной среды – это ключ к ее гуманному формированию, например, концептуальный проект центра творческих индустрий в Нижнем Новгороде (рис. 47 а, б).

Решение проблем пространственного развития предметных образований предполагает многомерный системный подход, включение разнообразных гносеологических планов, проекций, срезов. Пространственные модели различных типов объектов часто являются исходными для проектирования параметров создаваемых комплексных объектов: архитектурно-градостроительных, городского дизайна, архитектурного ландшафта. Обобщая критерии визуально-архитектонического подхода применительно к проблеме пространственного развития территорий, могут быть сформулированы принципы иерархичности, многоплановости, организованности, упорядоченности, интегрированности.

Множественность углов зрения, под которыми раскрывается единый процесс развития организованных пространств, затрудняет развертывание классификации его проектных метаморфоз. Они обладают разной степенью и глубиной преобразовательных воздействий на объект, конкретную территорию. Описание моделей развития, как развития «по спирали, а не по прямой линии», богато представлено в многочисленных интерпретациях предшествующим опытом человечества. В отличие от простейших моделей развития, многомерные пространственные модели полнее отражают реальные переходы. Они обладают вариативной гибкостью, которая весьма существенна для разных видов проектной деятельности. Проекты как результаты проектирования доводят моделирование до реализации, и почти весь современный предметно-пространственный мир, создаваемый человеком, так или иначе в своем становлении проходит через

проектные формы, этапы становления (Гропиус В. «Круг тотальной архитектуры»).

Возможности визуально-графических и модельно-начертательных направлений в отражении проектной информации могут быть значительно увеличены, если они смогут совмещаться с достижениями науки и развитием компьютеризации. Особое значение для крупных концептуальных проектов приобретают философские и математические науки, поскольку именно они отражают многомерную сторону архитектоники пространства подвластного человеку. Однако если концептуальные философские идеи не будут соединяться с реальными проблемами, они окажутся не востребованными. Философия математики и математика философии еще не развернуты во всей своей структурной глубине применительно к проектированию.

Утверждаясь в центре всех усилий по преобразованию мира, человек в своей универсальности стремится пространственно универсализировать предметный мир по своей мере. Закономерные тенденции таких совокупных действий людей приводят к необходимости универсальной интеграции всех знаний. В проектной деятельности эти знания снимаются в специфических формах, в том числе и в визуальных. В них нет ничего такого, что не могло бы быть заимствовано из всех областей знаний. В этих процессах архитектура выступает гармонизатором и регулятором организационных усилий в творчестве человека. Отсюда архитектура – это теория и практика созидания человеком гуманного предметных пространств. В своем высшем проявлении она превращается в идеологию возвышения человеческого начала.

Внимательное отношение к мудрости поколений и богатые возможности соединения их с аппаратом математической логики таят в себе неограниченные возможности общественного развития. На весах проектной культуры культурфилософская сторона деятельности не уступит информационно-компьютерному обеспечению. Проектирование, подкрепленное научно-техническими достижениями и соединенное с математическим аппаратом, обеспечивает взлет потенциальных возможностей гуманизации городов и сел.

Перестройка и в нашем государстве, начатая в 1985 году, шла невероятно трудным путем. Постперестройка с 2000-х годов тоже идет не просто. Возможно, это происходило и происходит так потому, что ее посменные организаторы не смогли использовать те знания, которые уже были известны. Не вдаваясь в анализ политических, социальных, экономических, культурных, экологических и прочих аспектов этих сверхсложных, а зачастую катастрофических преобразований, можно высказать следующее: значительные изменения не были задуманы и спроектированы, исходя из целостной архитектоники предстоящих шагов созидания. Синтез знаний в системе проектирования может способствовать

возможности открыть новое разнообразие отражения человека в его окружении и воображении (рис. 15 – 23).

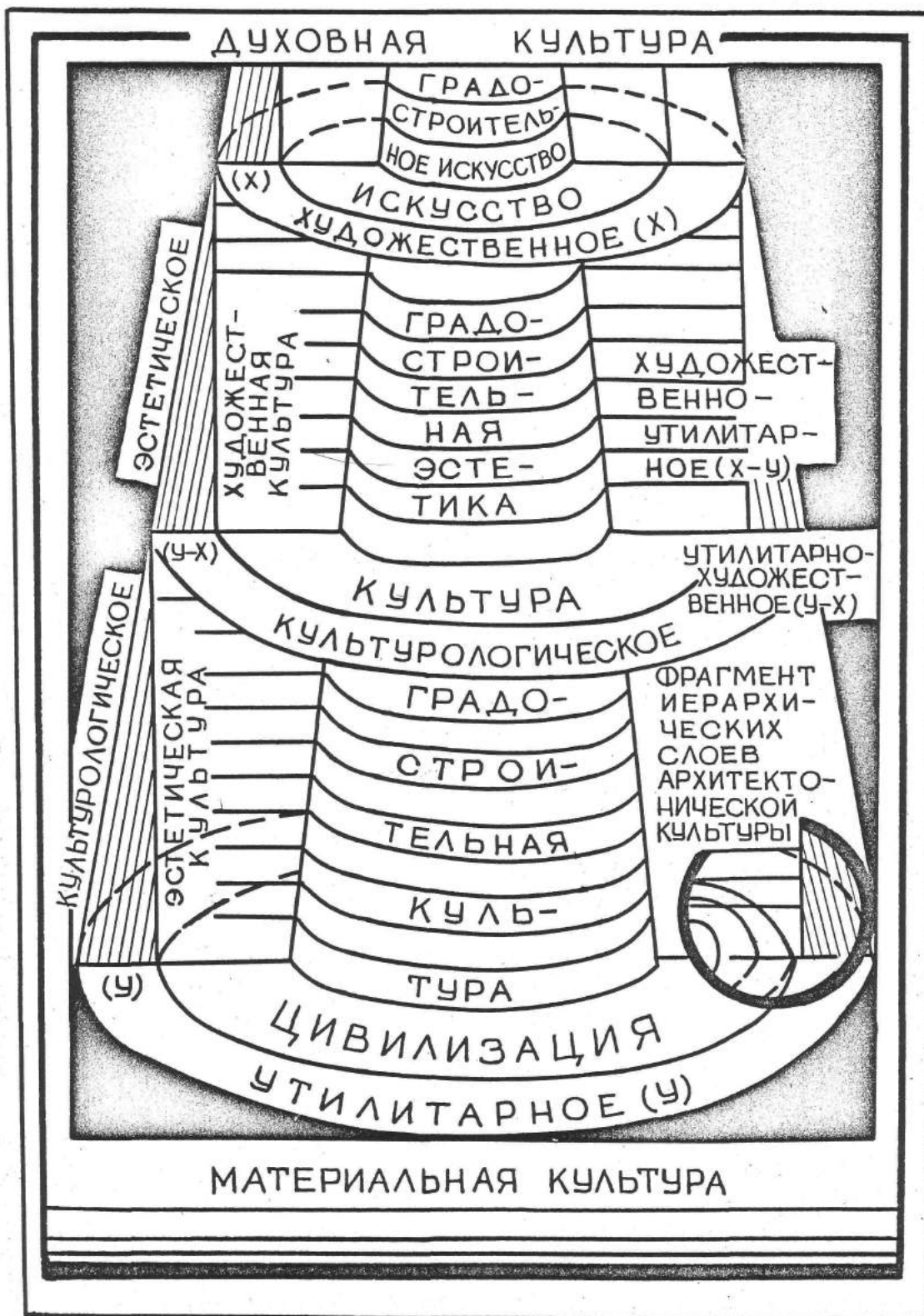

Рис. 15. Объемная модель культуры в иерархии цивилизационного, эстетического и художественного

Рис. 16. Архитектоническое искусство в единстве архитектуры, градостроительства, дизайна

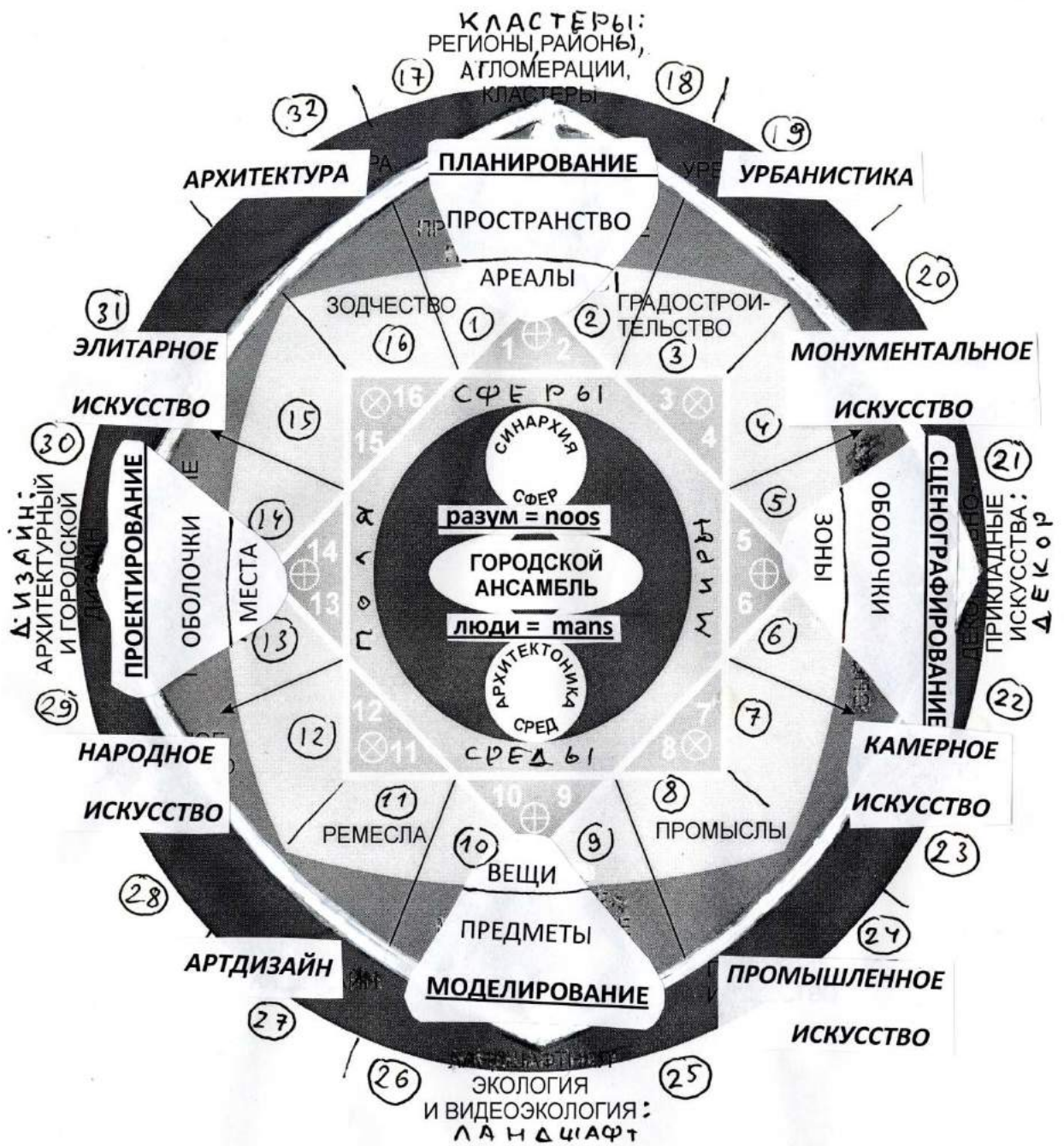

Рис. 17. Модель интеграции ведущих компонентов архитектурного искусства в синтезе искусств пространства городского ансамбля

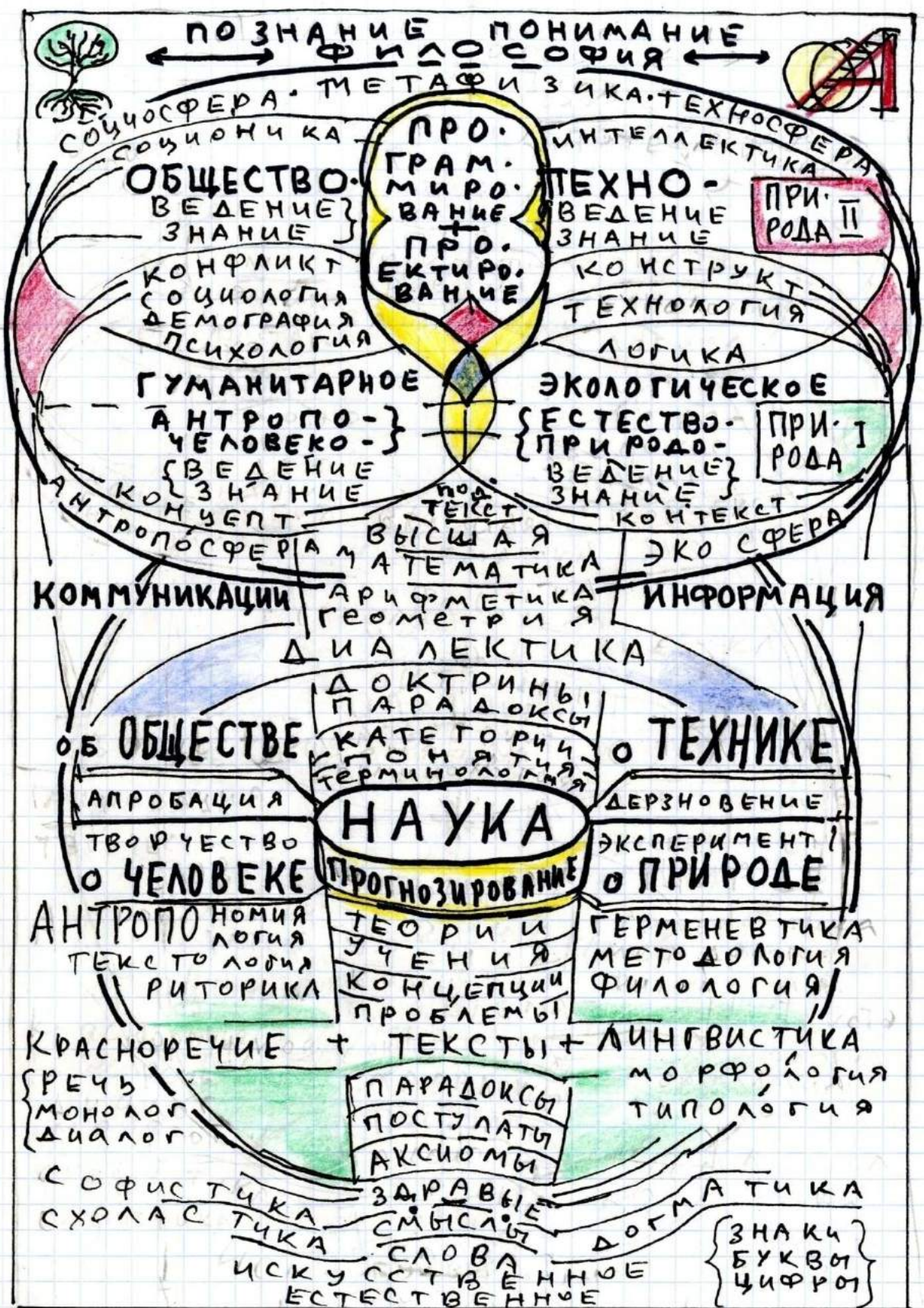

Рис. 18. Матрешечно-стволовая модель приращения практических и научных знаний

Рис. 19. Архитектоника дизайн-структуры (не)решаемых проблем архитектурно-градостроительной науки (аналог решения – 7 мудрецов и междисциплинарный «слон»)

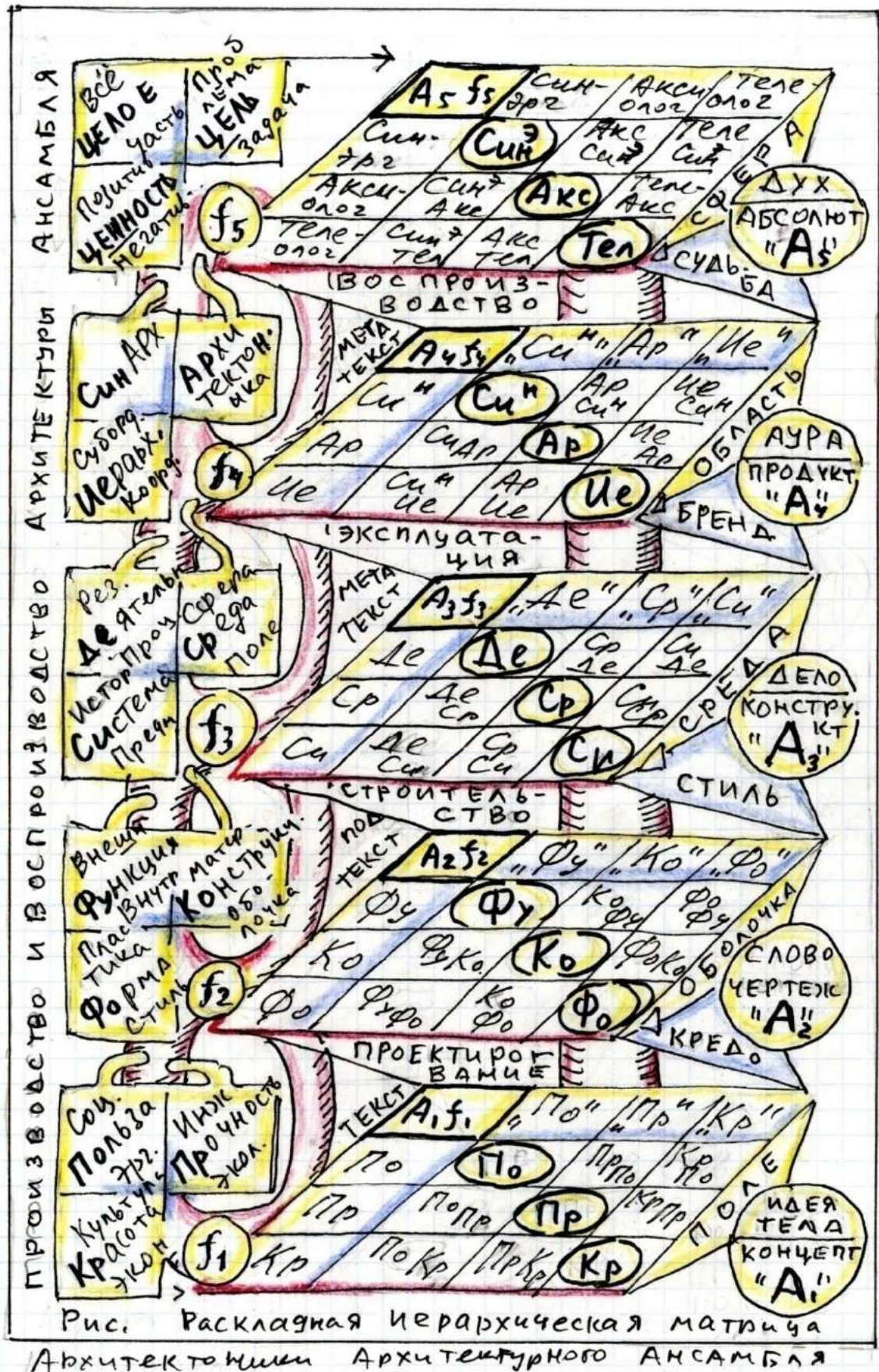

Рис. 20 Общая архитектоника архитектурного ансамбля иерархическом единстве компонентов

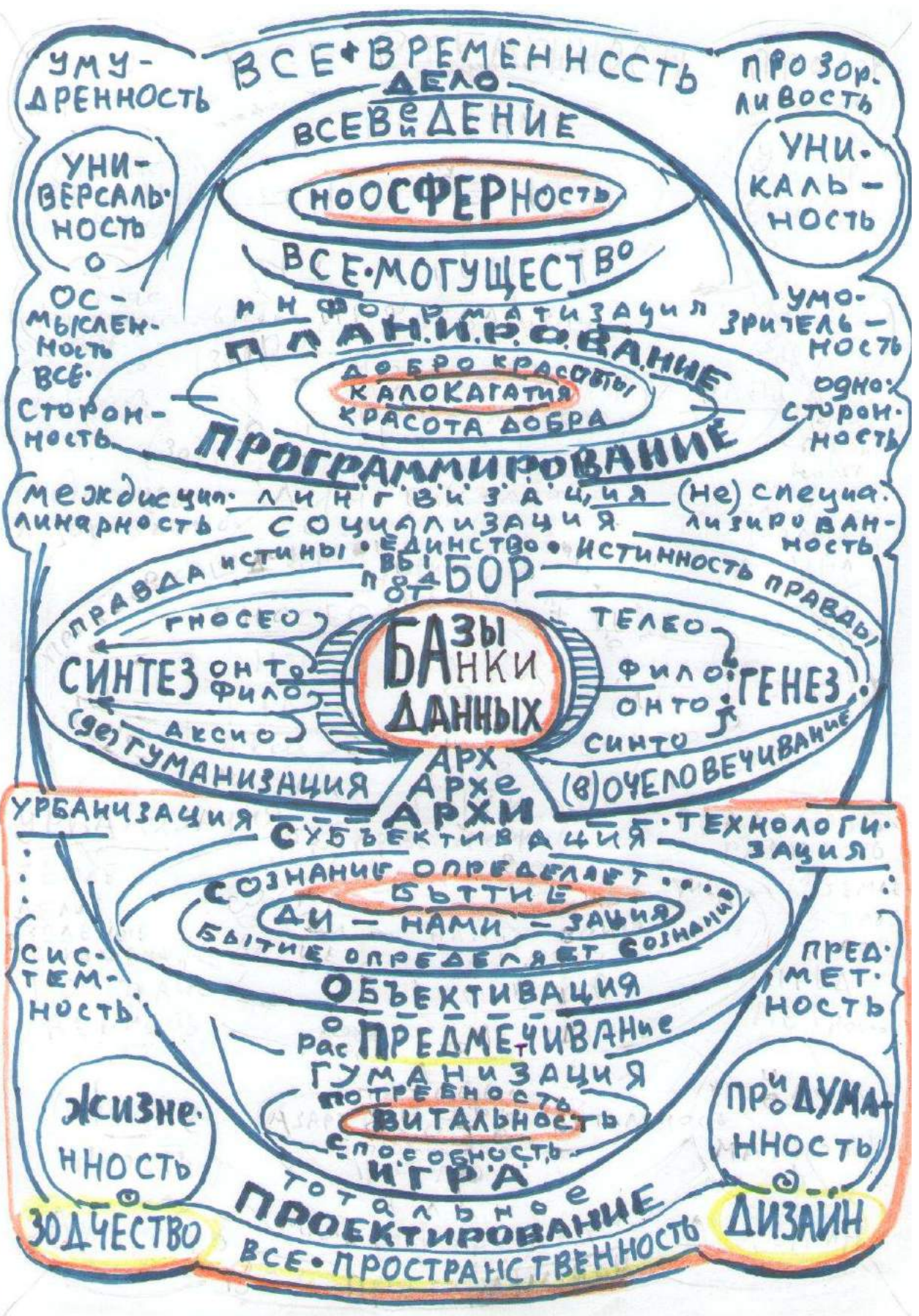

Рис. 21. Модель баз и банков проектных данных

Д	58	59	60	61
	54	55	56	57
	50	51	52	53
	46	47	48	49
	42	43	44	45
	38	39	40	41
Г	34	35	36	37
	30	31	32	33
	27	28		29
В	25			26
	21	22	23	24
	20			
Б	19			
	17	18		
	13	14	15	16
А	9	10	11	12
	5	6	7	8
	1	2	3	4

Рис. 22. Таблица А. Ф. Лосева ("Миф, число, сущность")

А - В себе (Одно); Б - Для себя (Сущее); В - В себе и для себя (Становление); Г - Для себя и для иного (Ставшее, Субстанция); Д - Для иного (Выражение, Символ); 1 - Смысл; 2 - Одно; 3 - Сущее (Бытие); 4 - Становление; 5 - Субстанция; 6 - Основа; 7 - Форма; 8 - Действие; 9 - Символ; 10 - Начало; 11 - Образ; 12 - Выражение; 13 - Интеллигенция; 14 - Сверх-инт. (Сердце); 15 - Ум; 16 - Ощущение; 17 - Тело; 18 - Органы интеллигенции; 19 - Понимание; 20 - Стремление (Влечение); 21 - Живое существо (Дыхание); 22 - Рождающее и нерождённое; 23 - Рождение; 24 - Пневма Исходящее; 25 - Слово; 26 - Утешитель; 27 - Чувство; 28 - Власть; 29 - Любовь; 30 - София (Личность); 31 - Довление (Отец); 32 - Мудрость (Сын); 33 - Святость (Святой Дух); 34 - Имя; 35 - Добро; 36 - Истина; 37 - Красота; 38 - Энергия (Смысловая); 39 - Сила; 40 - Свет; 41 - Благодать; 42 - Энергия (Лик) чисто софийная (Явление); 43 - Знамение; 44 - Икона; 45 - Обряд; 46 - Осмысление, София (Лик); 47 - Царство; 48 - Слава; 49 - Церковь; 50 - Выражение к энергии; 51 - Изволение; 52 - Догмат; 53 - Миф; 54 - Выражение к энергии (Лик) чисто софийная; 55 - Совет предвечный; 56 - Откровение; 57 - Священная история; 58 - Магич. Имя Выраз.; 59 - Спасение; 60 - Эвхология; 61 - Мистерия.

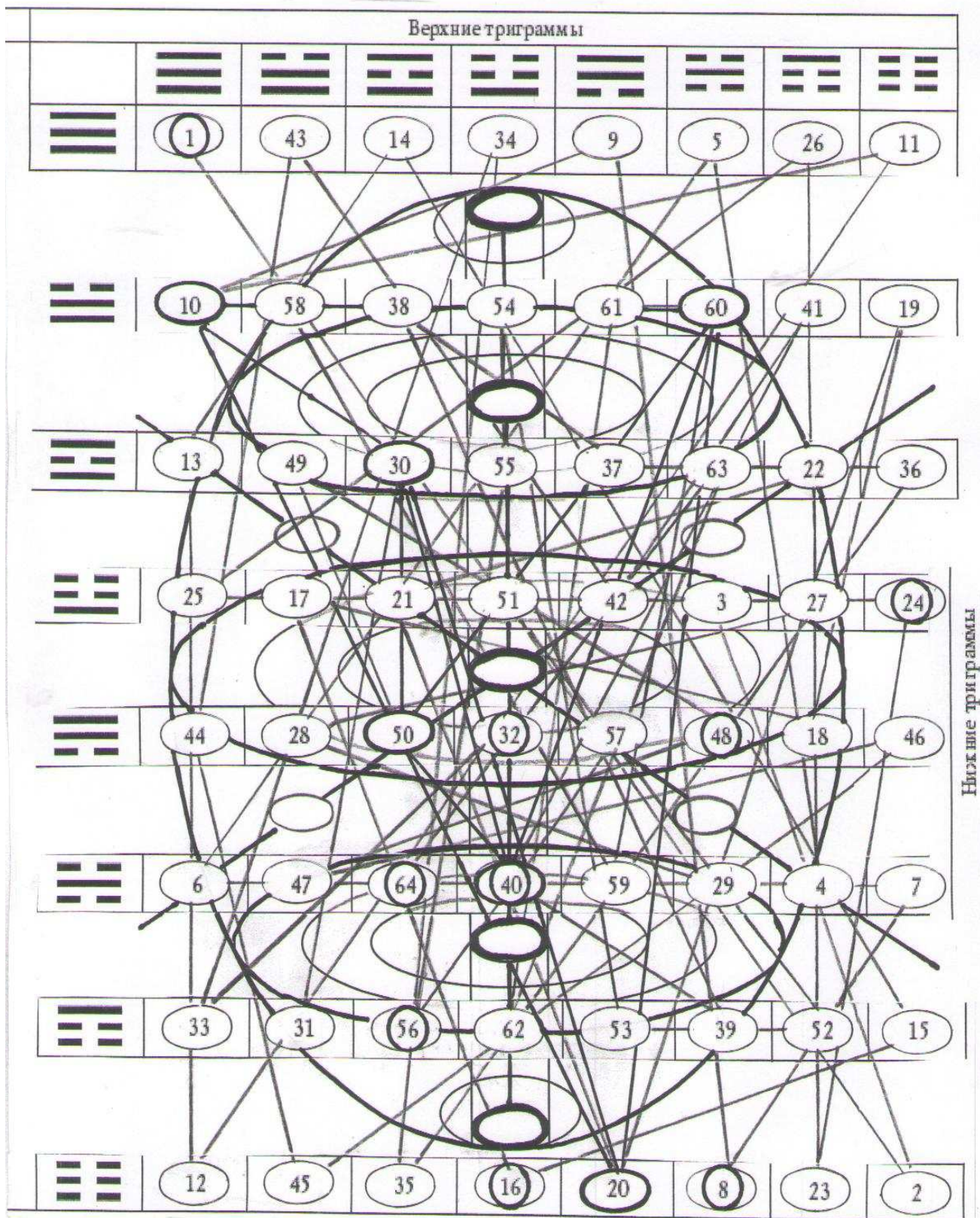
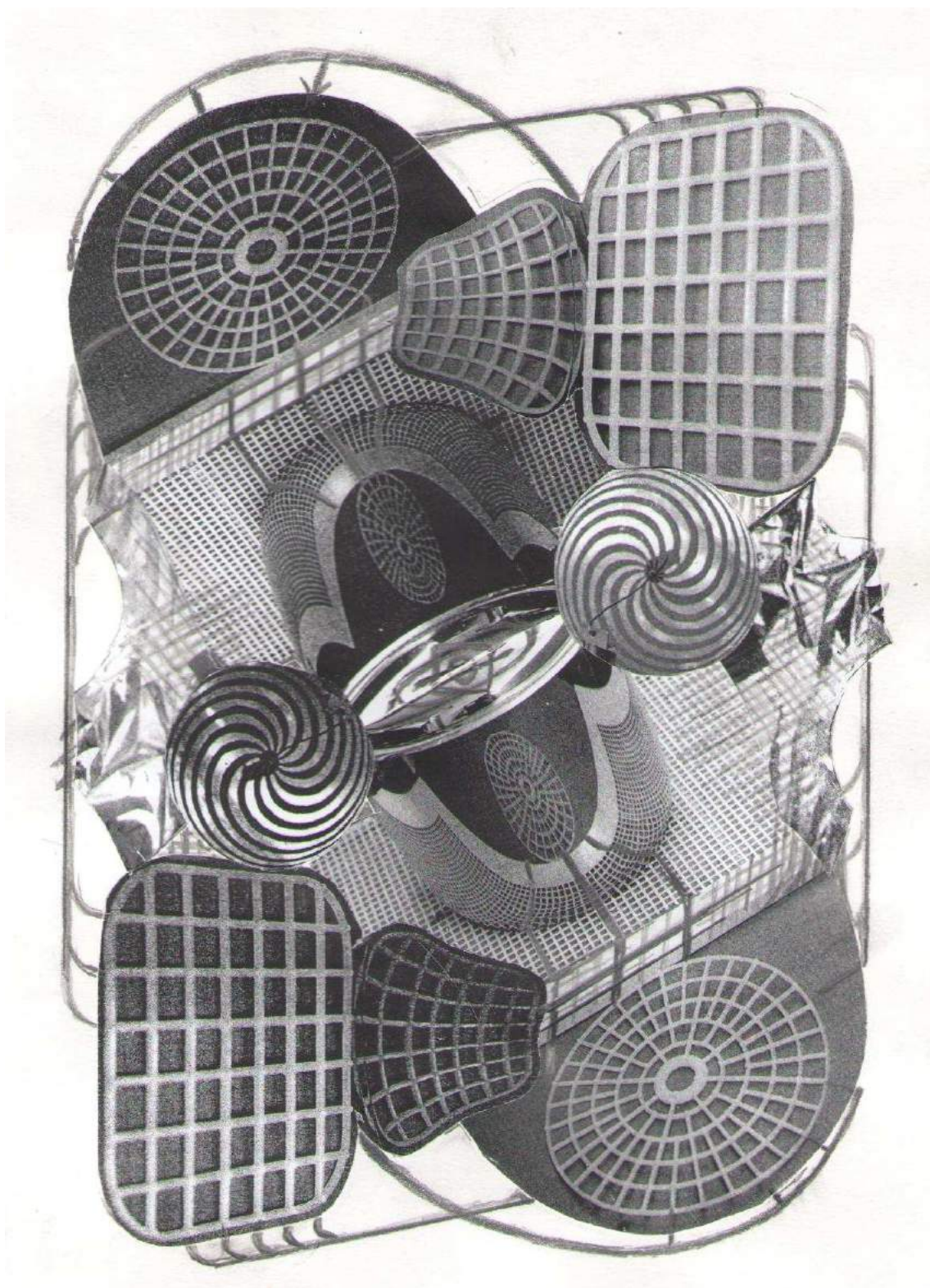

Рис. 23. Синергетический эффект сопряжения прямоугольной матрицы с тороидальными кольцами яйцеобразной модели (концентрированная таблица А. Ф. Лосева «Миф, число, сущность»)

Краткие выводы по третьей главе

Самые простейшие размышления любого живого человека начинаются со следующего. Есть Я – то, что внутри меня; есть то, что вне меня и то, что происходит между мной и всем остальным. В этой же логике рассуждал И. Кант, утверждающий, что «весь человеческий разум архитектурен». В продолжении этого утверждения в каждом человеке есть как главное во мне нравственный закон, та космическая бесконечность перед ним и множество путей, связывающих эти ипостаси. Исходя из всеобщей логики организации единой науки, речь аналогично должна идти об архитектонике человека, архитектонике пространства и архитектонике пространства человека. Следовательно, развивая многомерное качество монополицентричной организации структуры научного знания, его дополнения, расширения и уплотнения, параллельно следует поднимать, расшифровывать, дополнять коды, ключи, алгоритмы архитектоники. В упрощенном варианте это: А (Исток, начало + альфа) архе и архи (подъем и взлет от «а» до «архе» – духа и «архи» – силы), тектоника (организация «тех + кто» стремится к победе – Ника + знания того, что все имеет завершение – омегу). Перспективы превращения архитектоник в действительную могущественную производительную силу науки, техники и идеологии пока определяются началами: математическими и геометрическими прогрессиями, жизнеутверждающими философемами и культурами. По сути же в триаде «пространства – человек – архитектоника» – одновременно самое сильное и слабое звено есть человек. От него во многом и будет зависеть (не)стабильное будущее, архитектоника пространства человека.

**ЧАСТЬ 2. ХРОНОТОПЫ АНСАМБЛЕОБРАЗОВАНИЯ:
АРХИТЕКТУРА*ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО*ДИЗАЙН**

ГЛАВА 4. АРХИТЕКТОНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЛОВЕКА

Архитектоническая культура всякого человека закономерно характеризуется интегральной шкалой мер. Отсюда и проблема интегративных мер духовно-практического взаимодействия человека с пространством ареалов и аурных полей предметного мира. В архитектурной культуре целостного человека мера как интегративный его показатель задана рефлексией меры мер человеческого и предметного, гуманитарного и технического, социального и урбанистического начал. Традиции бахтиноведения в познании способа взаимодействия человека с миром дают ключ к изучению его как личности. Закономерности формирования архитектурной культуры личности основаны на объективной и субъективной диалектике всестороннего и узкоспециального гармоничного развития и образования человека. Бумажная архитектура русского авангарда из далекого советского прошлого подсказывает решения будущего. Основу архитектурной целостности второй природы, сформированных из хронотопов, прежде всего образует единство архитектуры, градостроительства и дизайна. Хронотопом ансамблеобразования может выступать как сам человек, так и любой артефакт предметно-пространственной среды, встроенный в общую архитектуру пространства где этот человек функционирует.

Ведущими критериями прогрессивности созидательной деятельности являются ценности культуры, проявляемые в цивилизованном творчестве человека по формированию архитектуры пространства ансамблей. В процессе

познания мироосвоения не должно быть жесткого противопоставления материального и идеального, предметно-вещного и духовно-образного, т. к. они неразрывны. Гармонизация их мер – это основа становления культуры общества, обращенная на сознательное регулирование архитектурного взаимодействия человека с пространством огромных просторов нашей страны. Благодаря этому в ансамблеобразовании современной России осуществляется гуманизация окружающей среды средствами искусства, науки, техники в интересах народа.

4.1. Хронотопы формирования архитектурной культуры личности

4.1.1. Многомерность хронотопа личности

Сам человек зависит не только от себя самого. Человек зависит от своего окружения, но и оно само зависит от человека. Полностью люди не сводимы к элементам предметного мира. Выделение их из многообразия мира и даже некоторое противопоставление предметности обусловлено особым местом персон и личностей в мире. Взаимоотношения человека и ограниченного пространства, согласно ряду философских систем, становятся «клеточкой», из тесноты которой на свободу выводят множества взаимосвязей и взаимозависимостей интересующих философов и специалистов-профессионалов действительности (см. Ананьев Б. Г., Батенин С. С., Григорьян Б. Т., Давидович В. Е., Зеленов Л. А., Кутырев В. А., Любутин К. Н., Нажнудинов Г. М.).

Выдающийся отечественный культуролог-филолог М. М. Бахтин писал: «Архитектоника – как воззрительно необходимое, неслучайное расположение и связь конкретных, единственных частей и моментов в завершенное целое – возможна только вокруг данного человека – героя». Стремление философски осмыслить Человека-Творца нового мироздания, более совершенного устроителя планеты, не может быть достаточным, основываясь лишь на анализе самого человека. Перемещаясь в центр современной философии, проблема человека трактуется все более емко, многопланово и универсально (см. Дорожкин А. М., Руткевич А. М., Субетто А. И., Сулима И. И., Фатенков А. Н., Шапошников Л. Е., Шитиков М. М.; Агацци, Леви-Стросс К., Убальдо Н).

Наряду с традициями философской антропологии, идущими еще от Фейербаха и советских классиков марксизма, утверждается тенденция развития новых философских интерпретаций человека как творца себя и своего пространственного окружения, благодаря мудрости Востока и Запада. Традиции, заданные приоритетом социального детерминизма, классовым подходом, доминантностью экономического осмысления сферы материального производства при всех своих преимуществах уже не отодвигают на второй план общечеловеческие ценности. Если на практике робкие ростки самодеятельности в

каждом человеке, его возможности самореализации и всестороннего развития не получают выхода, то, соответственно, и на более высоком уровне социальных, политических закономерностей они, складываясь, дают свои самые разные результаты (Адлер А. «Индивидуальная психология», Леви-Стросс К. «Структурная антропология»).

Декларирование освоения и преобразования мира человеком не освобождает результаты человеческого труда от генетической связи с их творцами. Если же волевым путем идет отчуждение, то это непременно сказывается и на них самих, и на их создателях. Тем самым, мы подходим к ключевой мысли данной монографии, которая заключается в том, что есть возможность посредством превращений узнать о человеке больше, чем он знает о себе сам из результатов его труда. До нас дошли вещи, которые создавались сотни и тысячи лет назад, образуя архитектуру рукотворного пространства. Они и их создатели, рассмотренные в ракурсе всемирной истории человечества, определяют, а в какой-то мере и предопределяют истинность и полноту различных метаморфоз философских и культурологических теорий человека (см. Уисслер К., Малиновский Б. К., Мосс М. «Социальная антропология», Мунье Э. «Персонализм», Хейзинга Й. «Человек-играющий»).

Человек без пространства предметного мира все равно, что дерево без земли, взрастившей его. Они просто не могут существовать друг без друга. Отсюда понятна главная идея: увидеть и понять человека, не только исходя из него самого, а и из того, что он создал и что его окружает. Опредемяясь, объективируясь, умножая себя в предметно-пространственном мире, человек сам становится иным. Через реализацию своего иного он познает себя в новом качестве, в том числе и как творческую жизнеутверждающую и мирозозидающую личность (анимизм – учение о жизненности души, бихевиоризм – теории поведения).

Многие философы мира во все времена обращали свои помыслы на человека. В последнее время непосредственно к нему достаточно часто обращаются отечественные философы, ученые, художники, технари. Но человека, как правило, хотят понять, исходя из него самого («человек есть то, что он ест»), или вывести из социальных отношений и свойств, хотя его нельзя достаточно глубоко узнать, основываясь только на его внутреннем и внешнем коммуникативном мире. Не все открывает и анализ деяний совокупности людей, проводимый на основе прикладного социологического исследования. Человек в значительной мере может быть глубже раскрыт в связи с познанием предметного мира, им и для него созданного пространства.

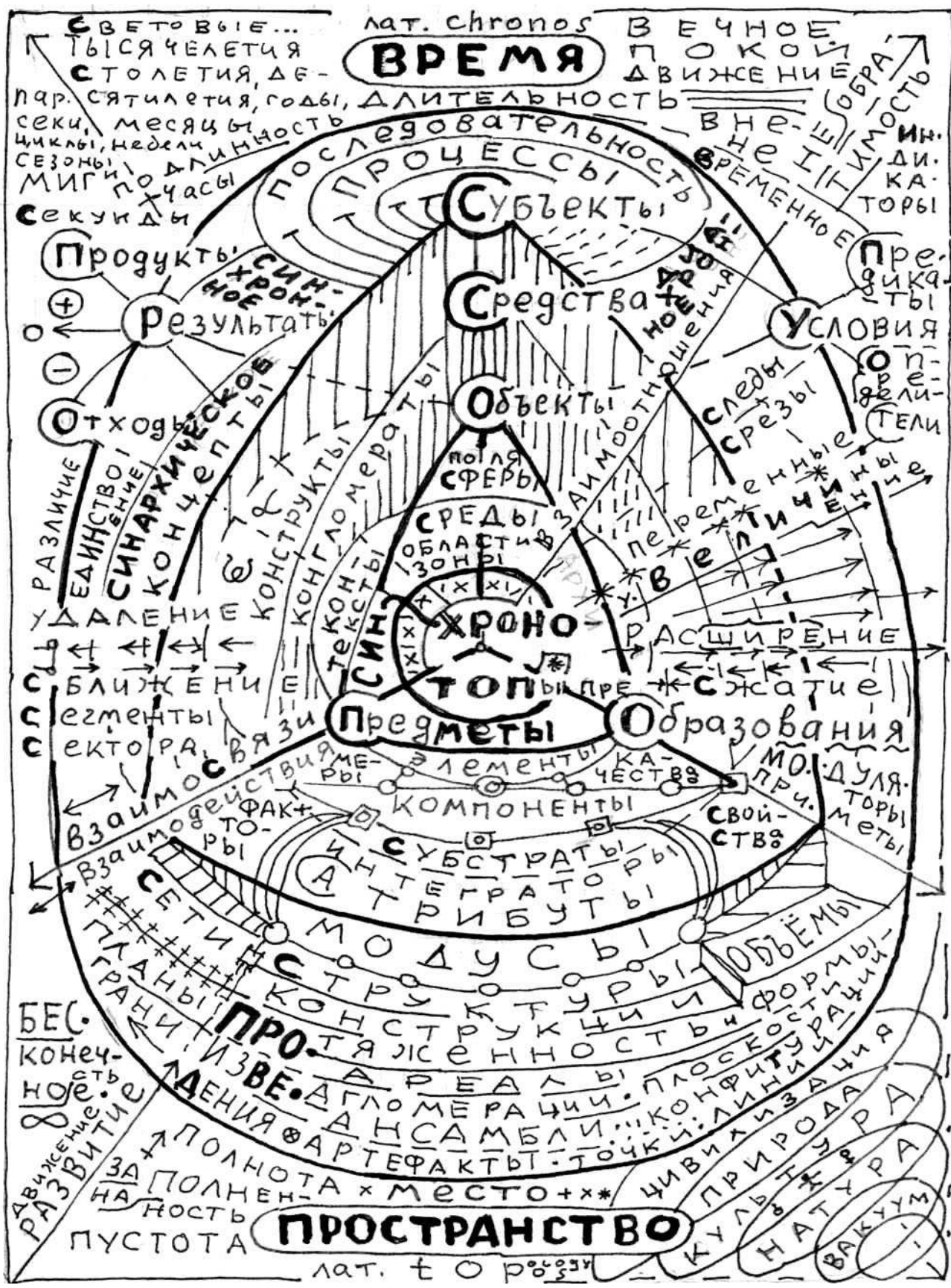

Рис. 24. Пространство и время в предметном единстве хронотопов, закодированных в векторных переходах по структурным модификациям сфер, сред, полей, областей, зон и конкретизирующихся в гранях, объемах, сетях

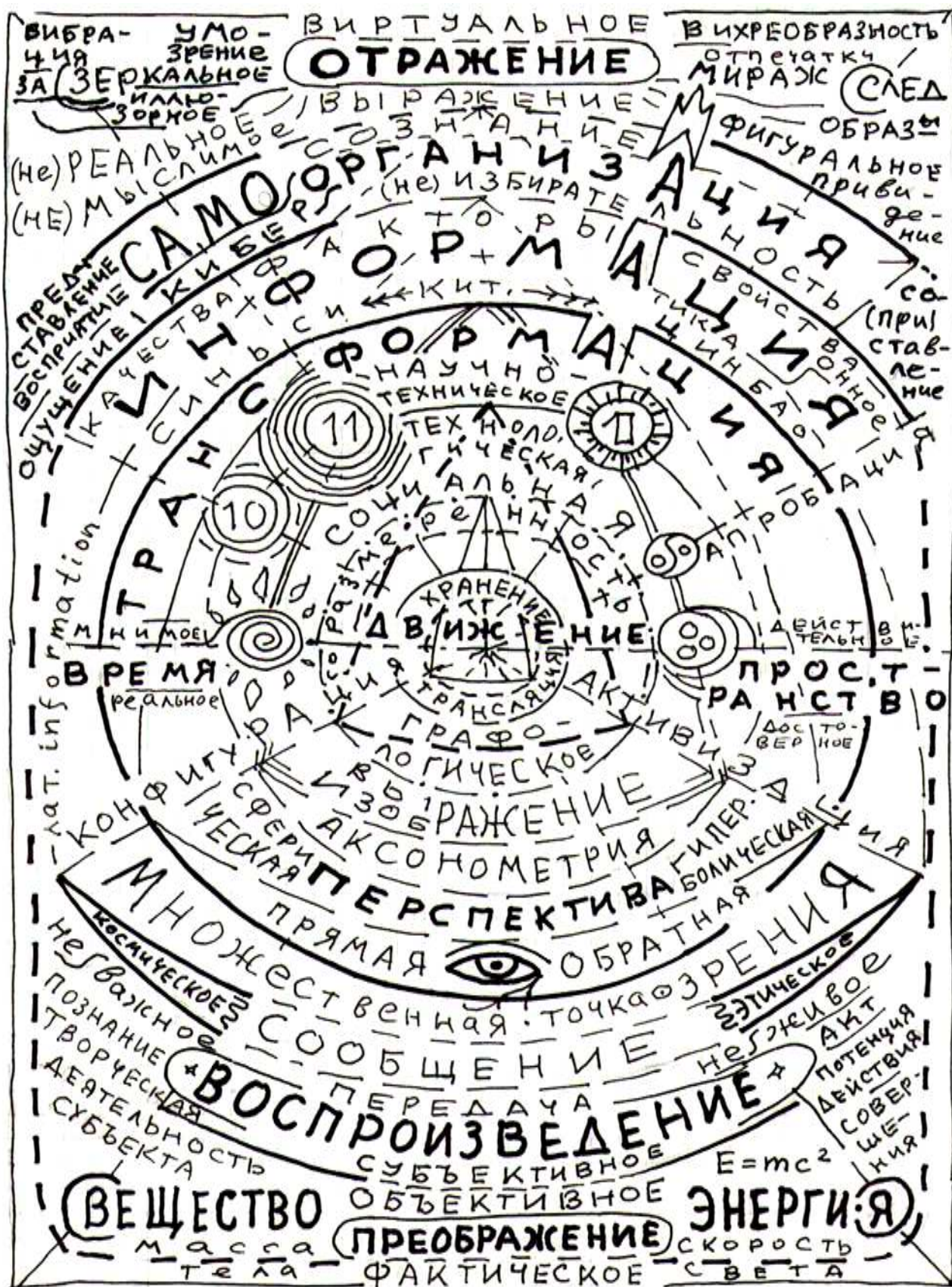

Рис. 25. Модуляции отражения и преобразования в иерархической концентрации воспроизведения самоорганизации во множестве подвижных точек зрения в разных типах перспектив информационных потоков научно-технических и социальных преобразований

В иерархии взаимодействий человек превращается в личность после того, как он неоднократно проявил себя в качестве субъекта деятельности, оставил след своего пребывания в тех или иных местах, включенных в них хронотопов (рис. 24, 25). Возможность реализации всестороннего и гармоничного развития человека в значительной мере обеспечивается за счет системной организации окружающего людей мира вещей. Человек отражается в пространстве, и здесь таятся неограниченные возможности для его внешнего познания.

Проблемы связи философии с практической жизнью и человеческой деятельностью особенно остро стоят в современную эпоху социальных и научно-технических революций, планетарных (тотальных) процессов урбанизации, глобальных экологических проблем. Именно они заставляют по-новому рассматривать фундаментальные вопросы философии: предмет, систему, метод. Философия науки, философия техники, философия человека уже в своей совокупности глубже раскрывают качества философии архитектоники пространства человека, работающей на познание и проектирование хронотопов ансамбля (см. Адорно Т. «Негативная диалектика», Бубер М. «Диалогический персонализм», Гуссерль Э. «Трансцендентальная феноменология», Кун Т. С. «Философия науки»).

Концепция человека как личности – ядро всей активно относящейся к жизни современной философии. Философы часто обращаются к политической экономии, политэкономисты философствуют. Художники визуальным языком говорят с философами, политики пытаются направлять в своих интересах развитие философии искусства. Человек может мнить себя царем и богом природы, но он принадлежит ей. Преодоление рабской принадлежности к окружению и созидание себе подобного предметного пространства делает человека человеком. Одна из важнейших стратегических линий не только на узкую специализацию, но на всестороннее развитие каждого члена общества предполагает совершенствование всех сфер общественной жизни на основе достижений научно-технического и культурного прогресса. Оптимальное функционирование общества возможно лишь на базе совокупности всех элементов материальной среды, которые находятся во взаимодействии с личностным элементом – с человеком. Вполне естественно, что эффективность деятельности человека, а также общества в целом, зависит от степени и уровня пространственной организованности материально-вещной среды обитания, эволюционного и революционного взаимодействия «человек – машина» (Ламетри Ж. О., Бердяев Н. А.).

Программы ускорения научно-технического прогресса, постоянно возобновляемые, в своей сущности требуют эффективной и всесторонне организованной системы предметно-пространственного обеспечения всей

деятельности человека. Это, в свою очередь, предполагает повышение художественного, эстетического и культурологического уровня всего, что окружает человека. Необходимо создание иного окружения, иначе и по-человечески построенного. Человек, развивающийся благодаря многообразным связям с предметным миром, оказывается в центре или в эпицентрах внимания философии. Современная философия человека находит свое развитие в философии индивида и личности. Причем значительный интерес в этих направлениях исследования приобретают проблемы, связанные с проблемами современной культуры и экономики. На стыке философии личности и культурологии обозначается и проблема прогресса архитектурной культуры личности (Каган М. С. «Архитектоническое творчество человека»).

В системе общества архитектурная культура человека в процессе личностной социализации охватывает в разной мере освоенный людьми предметный мир пространства. В деятельности отношение «человек – предметный мир» превращается в противоречивое единство субъекта и объекта, и если это два материка, то соединительным «мостом» становится экокультура. Гармонизация субъекта и оптимизация объекта – два обогащающихся процесса их взаимодействий (см. Орлов В. В., Васильева Т. С., Орлова Э. А.).

Духовная и материальная культура человека, претендующего стать личностью, по существу, представляет собой две взаимосвязанные стороны одного явления. Полноценно исследовать одну сторону без другой – такое же бесполезное дело, как представлять одну сторону медали, пусть даже основную, в качестве ее исчерпывающей характеристики. Персональная культура как активный способ ценностного взаимодействия с действительностью предстает и раскрывается через функционирование и развитие носителей (человек – предмет – природа – общество). Многогранность культуры общества обеспечивается и за счет ее пространственных образующих – урбанизированной архитектурной культуры людей (Вирильо П. «Социальная урбанистика»).

В архитектурной культуре общества как составляющей общего процесса культуры особенно остро проявляются противоречия, научного и технического, художественного и технологического, гуманного и антигуманного начал. Интеллектуальное ядро архитектурной культуры составляют взаимосвязанные комплексы наук и искусств. Посредством их создается вторая природа и гармонизируются в развитии архитектурные пространства мест пребывания людей. Архитектурная культура человека отражает и несет в себе созидательную целостность научного и художественного творчества.

Диалектика архитектурного взаимодействия человека и пространства развертывается в процессе их противодействия и содействия. Коммуникативным посредником их отношений выступает архитектурная культура социальных

общностей. Предметный мир раскрывается в новом своем качестве как результат предмета – и пространство созидательной деятельности. Человек опредмечивает, овеществляет, объективирует себя в пространстве, создавая осмысленную и чувственную среду обитания. Своей деятельностью он может себя либо гуманизировать, либо, создавая уродливое антитектоническое окружение, значительно принижать, дегуманизировать. Степень способностей людей становится степенью проявления их архитектурной культуры. Эти особенности «поздней культуры» можно наблюдать в позитивном и негативном воплощении на примерах АРТСТРИТ, заполняющих города планеты, подобно тому, как первобытный человек рисовывал пещеры (Гелен А.).

Архитектоническая культура как персоны, так и соцгруппы имманентно несет в себе аспекты духовной и материальной культуры, социальные и научно-технические основы. Устойчивые понятийные стереотипы, образующие жесткую дихотомию типа «культура и натура», «социальное и экономическое», «наука и искусство», как бы разрывают живой поток меняющейся и развивающейся культуры человека. Дело не только и не столько в том, чтобы найти парные категории и выделить антиномии, противоречивые суждения с целью зафиксировать полярные точки зрения и концепции. Основные проблемы заключаются в способности творческого индивида «окунуться» в практику. Применительно к рассматриваемой проблеме центральный вопрос заключается и в выяснении механизмов в пространственном формировании особенностей архитектурной культуры личности.

Взаимодействие архитектурных наук и искусств здесь чрезвычайно многопланово: лендморфная архитектура, экодизайн. Развитие архитектурной науки как целостности знаний об организации пространства предполагает высокое искусство, включающего целый ряд современных искусств (кино, телевидение, фотография, искусство книгопечатания). Без современной науки они вместе просто не могут прогрессировать в становлении. Что касается взаимосвязи науки и искусства как интеграционной культуры в архитектурном творчестве, то уже на проектном этапе в самой структуре архитектурного и градостроительного проектирования, во внедряющемся в них дизайне, можно видеть, как губителен их разрыв для развития выразительного пластического синтеза архитектурных форм.

4.1.2. Культурные парадоксы хронотопообразования

В архитектурной культуре общества зримо прослеживаются исторически утвердившиеся тенденции возрастания субъективно-личностного фактора в искусстве и уменьшение его в науке. Если процесс устранения человека

в науке совпадает с явным ускорением, то по отношению к искусству наблюдается иная картина. Но так ли очевидны эти тенденции при изменении критериев? Этот вопрос усложняется особенно в свете кибернетизации и телематизации всей архитектурной деятельности (Белл Д. «Концепция постиндустриального общества»).

В целом роль архитектурного начала в жизни каждого человека неизменно возрастает. Скажем, если прогресс искусства будут определять не результаты, имманентно возникающие в самом прикладном искусстве, а конкретные интерьеры зданий, улицы и площади городов, то он может быть поставлен в прямую зависимость от внедрения в жизнь достижений науки и техники. Архитектурная культура личности, отражая и концентрируя в себе архитектурное взаимодействие человека и пространства, интегрирует ценности духовной и материальной культуры, научные и художественные новации, технически и технологически прогрессивные решения. В ней находит свое яркое отражение социальный и научно-технический прогресс современности (см. Икэда Д., Логунов Л., Коган Л. Н., Красин А. Н., Маркарян Э. С., Серов И. В., Соколов С. В.).

Использование общечеловеческих ценностей является основой формирования архитектурной культуры каждого человека. Она включает в себя высокие достижения производственной культуры, культуры строительства, проектной культуры. Культура человеческой деятельности во всех ее разновидностях – это высочайшая ценность всякой общественно-экономической формации. Высокие достижения в космической технике и военной технологии способствуют повышению уровня технической культуры других сфер общественного производства. Эти процессы ускоряются за счет конверсии. Конвергенция (сближение капитализма и социализма) тоже заметный признак XXI века.

Важным моментом формирования архитектурной культуры личности выступает взаимосвязь социально-экономического и эстетического. Однако, критерии эстетической оценки произведений и ее экономического выражения требуют своего адекватного отражения. В этом отношении есть свои примеры. Это равноправные выставки-продажи изделий как профессионалов, так и любителей, аукционы, приглашение специалистов ведущих фирм и новые формы и организации международных выставок. Прекрасный пример позитивных решений в этой области являет Нижегородская Ярмарка. В одних и тех же павильонах на ней проводят выставки «Арт Россия», «Россия Единая», «Новые российские технологии».

Заслуживает внимания и примечательный факт комплексности проявления архитектурного искусства в продаже изделий. Важной составной частью ее

является разумная организация окружающей среды, экспозиций, выставок и ярмарок, обеспечивающих благоприятные условия для торговых сделок. Высокую оценку получило искусство оформления книг, представленных на традиционных международных выставках-продажах, что явилось новым импульсом для развития отечественной полиграфии. Однако во взаимодействии экономического и эстетического есть и «теневая» сторона, вытекающая из абсолютизации частных моментов. Не здесь ли таится опасное смыкание крайностей «чистого» искусства и чистогана? Не в фокусе ли денег ярко прослеживается разделение на элитарное и массовое искусство? Деньги делают искусство, искусство превращается в делание денег (см. Карцева Е. Н., Кукаркин А. В., Райнов Б.).

Нечто похожее, правда, с произведениями зодчества высочайшего качества уже было. Дельцы от искусства предлагали купить египетские пирамиды, лондонский Биг-Бен, Эйфелеву башню и другие национальные памятники общечеловеческой культуры. Это явно не тот ориентир архитектурной культуры, на который можно было бы равняться? Дельцам, делающим деньги на искусстве, способным на корню закупить шедевры мировой культуры, могут противостоять нравственные принципы людей, не позволяющие духовный мир разменивать на деньги. Есть ценности, которые нельзя купить. Все эстетические ценности могут быть соотнесены с определенной экономической стоимостью, но не все ценности возвышенной, высокой национальной культуры можно безнаказанно продать. Амбивалентная суть хронотопов проявляется многопланово в пространственно-временной динамике (рис. 26, 27).

Время от времени, чтобы убедить нас в ином, некоторые «искушенные» в купле и продаже драгоценностей спецы утверждали, что проданы те или иные наши национальные богатства. К сожалению, иногда это подтверждалось. Нет сомнения в том, что они смогли бы просчитать и предложили бы купить за баснословную сумму собор Василия Блаженного, колокольню Ивана Великого, церковь Покрова на Нерли, сокровища оружейной палаты. Но в том-то и дело, что в России есть произведения, ансамбли, которые создавались народом и могут принадлежать только ему одному. Будем надеяться, что никакие кардинальные изменения, перестройки и реформы денежных систем не отвергнут одну из непререкаемых ценностей русской нации российского суперэтнуса. Это тем более важно, что в истории нашего государства были периоды, когда про них забывали и вновь утверждали (см. Бердяев Н. А. «Русская идея», Лихачев А. С. «Русская культура», Трубецкой Е. «Русская иконопись»). Логика рассуждений об уровнях архитектурной ценности, гуманитарно обусловленной, справедлива и в отношении прекрасных в своей неповторимости исторических городов нашей страны: Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода (Горького), Казани, Екатеринбурга, Новосибирска, Владивостока и многих других.

Рис. 27. Синархия проектного прогноза в контекстуальном поле универсума

Архитектоническое искусство в полной мере раскрывается в них как непрерывность развития от интерьеров городских дворов и улиц до площадей и обширных городских панорам, ансамблей. В ансамблевой непрерывности пространства раскрывается единство среды и деятельности. В них реализуется позитивная значимость архитектурно организованным материальной среды. Тысячи успешных турмаршрутов по России подтверждают и закрепляют эту истину.

Особое значение в совершенствовании среды человеческой деятельности имеют вещественные элементы производительных сил – средства производства, средства потребления и средства труда. Они постоянно видоизменяются в неразрывной связи с промышленным искусством, артдизайном, архитектурой и градостроительством (см. Глазычев В. Л., Кешелава В. В., Коган Л. Н.). Функционирование их определяет материально-технический потенциал общества. Причем производство средств производства и производство предметов потребления смыкается, образуя повседневное и производственное окружение человека.

Опыт прошлого и современный этап развития искусства организации полноценной среды осуществляется на основе опосредованного единения человека и человечества. Прогрессивность и регрессивность организации пространства по З. Гидиону сверяются с идеалами вариантов будущего [36]. Представления о будущем, так же как и пути, ведущие к нему, существенно отличаются, и важно не утратить не только правильные ментальные ориентиры. Один из таких ориентиров – лучшие мировые образцы продукции. Решение проблем содержательности продуктов материальной культуры в жизни людей – составная часть формирования архитектурной культуры человека. Реальные практические задачи эстетизации окружающей человека среды – дело профессиональное и общенародное. В основе создания выразительного гармонического облика произведений, ансамблей лежит забота о формировании нового Человека российского суперэтноса.

Всестороннее и гармоническое развитие человека не придет само. Оно становится возможным в качественно новой эстетически организованной среде. Борьба за красивые произведения и ансамбли, значит борьба за красивых людей. Судьба современного человека неразрывно связана с судьбой его поселка или города. Закономерная тенденция гуманизации предметно-пространственной среды сопрягается с ликвидацией отчуждения от производителей результатов их труда (см. Куделин Е. Г., Нарский И. С., Сверчкова Л. П., Товмасын С. С.). Именно в этом состоит ведущая роль артефактов, произведений и ансамблей архитектурных искусств. Они оказывают сильное эмоциональное и интеллектуальное воздействие на человека, на его культурный уровень и светлое

мировосприятие. Из их полноценности, как из кирпичиков, складывается «здание» архитектурной культуры индивида, персоны, личности. Добротность этого «здания» служит верным залогом превращения каждого индивида в личность [58].

4.1.3. Гармонизаторы многовекторности персональной архитектурной культуры

Взаимодействие человека и технических систем, общества и второй природы выступает одним из узловых противоречий современности. Гармонизация этого противоречия в значительной мере является делом архитектурного творчества, снимающего в себе противоречие научно-технического прогресса и художественно-эстетической культуры. Многогранное развитие этих противоречий наблюдается в повседневном труде человека, как изначально необходимым моменте архитектурного формообразования. Всякое техническое изделие современности, будь то автомобиль, самолет или атомная станция, вместе с пользой способно принести человеку страдания и болезни. Задача связи предмета с человеком в трудовых процессах и заключается в том, чтобы снять негативные моменты, нести через архитектурную организацию пространства радость, наслаждение и счастье людям. Если эта цель достигается, то эксперты вправе утверждать о соответствии труда и его синхронических результатов критерию гуманизации и уровню дегуманизации пространства.

В овеществленной форме труда, включенной в предметный мир, отражается качественный уровень труда. Аналогично находят свое отражение в результатах труда и качества человека-производителя. В труде человек предстает в разных ипостасях: капитал личности, субъект труда, экономический субъект, главная производительная сила общества, носитель человеческой культуры. Создавая в пространстве по своему образу и подобию предметный мир, человек в процессе труда стремится повторить в нем свои гуманные – человеческие качества. Правда, известны факты обратных процессов – псевдогуманизации, дегуманизации и дисгармонии (Марсель Г. «Люди против человеческого», «Человек – проблема»).

Поскольку человек – суперсложная динамическая система, то и гуманистические качества, опредмеченные в процессе труда, каждый раз несут в себе многоплановые индивидуальные значения человека, совершающего этот труд. Между деятельным человеком (субъектом) и предметом труда (объектом), как правило, присутствуют средства труда, способные в процессе производства свести к минимуму индивидуальные качества – труженика. Однако гуманистические требования, запрограммированные в проекте, являются

целеполагающими и, следовательно, должны быть реализованы в результатах труда. Проект – закон для производства, но этот закон сам должен подчиняться законам потребления и производства.

Вместе с тем, технические системы в их современном отношении к человеку во многом противостоят ему. Человек вынужденно попадает под их влияние, и в этом смысле он выступает качественно новым «крепостным» и «рабом». Это отношение может и должно быть изменено. Человек придает искусственным системам новое более высокое состояние совершенства для самого себя. Не человек для вещи, а вещь для человека. Это является проблемой диалектики архитектурного взаимодействия человека и предметного мира, связанной с превращением второй природы в «бескорыстного» помощника человека. Неразрывная связь искусства с трудовыми процессами доказана всей историей становления искусства, но в архитектурном творчестве эти связи имеют свою специфику.

С макробиологической точки зрения за последние несколько тысячелетий человек мало биологически изменился, в то время как социальная организация общества изменилась существенным образом. Коренным образом трансформировалось технико-технологическое окружение человека. В самой природе произошли значительные качественные изменения в связи с антропогенным и техногенным воздействием на нее со стороны общества. Фактически современным человеком уже «сконструирована» и построена технологизированная техника инфраструктуры – вторая природа. На облик планеты существенным образом оказывают влияние многие территории с процессами гиперурбанизации. Чтобы оставаться человеком в современном быстро меняющемся мире, он должен учитывать и законы урбанизации, и нравственные императивы. Он должен изменяться в связи с теми существенными разрушениями и преобразованиями, которые сам вносит в окружающий мир. Достаточно взглянуть на каменные джунгли современных японских городов с редким сверхценными фрагментами зелени и пыльные мегаполисы Китая, чтобы убедиться, что с культурой сохранения естества природы дело плохо.

Человек все меньше непосредственно зависит от естественных экологических цепей первой природы, поскольку отделяет себя от нее искусственными оболочками (одеждой, жилищем, средствами передвижения), являющимися посредниками в непрерывном пути персонального обновления и развития. Но его качественное обновление не может быть бесконечным. Ведь человек, полностью изменившись за счет отчужденного труда и его результатов, перестанет быть человеком. Он станет кем-то иным – «сверхчеловеком», «гиперчеловеком», «техночеловеком», «роботом», «кибером», «репликантом». Кинофильмы на эти темы множатся неимоверно. Значит, есть такая мера

человека, выходя за грани которой он уже не сможет оставаться самим собой (Бжезинский З. «Техногенная эпоха», Ницше Ф. «Антихристианин», Тоффлер О. «Футурошок»).

Нигилистический кризис ценностей современной цивилизации, обусловленный «Смертью Бога» подвел Ницше к идее придумать «сверх человека». В продолжении этой идеи новый вид человечества, одаренного властью над первой природой, отойдет от гуманности. Однако гуманизация нового окружения человека является тем необходимым качеством, которое позволит сохранить человеческое в человеке. Общество вступило в фазу своего бифуркационного развития, когда вторая природа на сегодня становится главным и наиболее динамичным угрожающим безопасности фактором в диалектической изменчивости человека-труженика и человека-бездельника, зависящего от машин. А если это так, то особенности становления личности в значительной мере обусловлены спасением от жестких взаимосвязей именно с этим поляризованным доминирующим фактором современных процессов ускорения общественного техногенного развития.

«Вторая природа», созданная и создаваемая трудом многих поколений людей, является компонентом цивилизуемой культуры общества, и без нее нельзя обеспечить полноценность деятельности людей. Проблеме формирования безграничных территорий для человечества как позитивного результата его труда принадлежит весьма важное место. Работа по организации совершенной материальной среды, безусловно, предполагает создание гармоничного, целостного и гуманного в своей обращенности к будущим поколениям, позволяющего судить и о качестве самого труда, и об искусности его совершения в позитиве и негативе в контексте тектологии А. А. Богданова [22].

Говоря о позитиве, можно повторить, что опредмечивание и объективация человека-творца в предметном мире – основа качественного умножения потенциала его всестороннего и гармоничного развития. Созидательные способности людей, обусловленные архитектурной культурой социума, поднимают их на качественно новую и более высокую ступень цивилизации и делают неограниченными возможности всестороннего и гармоничного развития всех членов общества. Таким образом, архитектоника предметного мира как бы задает и почти автоматически обеспечивает становление личности в подлинно свободной человеческой универсальности. Однако есть и другая сторона некой условной социально-антропологической медали при моделировании эволюции личностных и коллективистских потенциалов (Конт О. «система позитивной религии, социологии, политики», Спенсер Г. «Эволюция социологии»).

Ограничение возможностей утверждения качественно нового состояния в развитии человека как личности в значительной мере зависит от совершенства

упакованности в организации окружающего – предметного насыщения пространства. Необходимость полного обеспечения потребностей и способностей людей ставит предметный мир по отношению к человеку в позицию своего рода антитезиса. Диалектика взаимодействия человека и предметного мира рождает некую третью целостность (синтез), посредством которой человек компенсирует свою ограниченность, где он не только многократно умножает свои возможности универсального развития, но и сжимает параметры для общежития людей. В качестве примера отметим слоган: «Квартира взрывается изнутри за счет перенасыщения мебелью».

В относительно недалеком прошлом физиологическая жизнь человека заканчивалась, как правило, к тридцати годам. Эти данные подтверждаются и современным состоянием демографической отчетности в экономически отсталых странах. Так или иначе, короткая или длинная жизнь становилась судьбой человека. Судьба современного человека по тексту Л. Н. Когана не только «представляет собой неразрывное диалектическое единство социальной детерминации жизненного пути и свободного выбора человека, естественного, в границах исторической необходимости и в соответствии с общественными интересами» [74, с. 183], она в значительной мере определяется научно-техническими достижениями, уровнем развития искусства архитектурной организации предметного мира. По данным статистики и философским изыскам продолжительность жизни человека существенно зависит от благосостояния, уровня потребления и комфортности проживания (Сартр Ж.-П. «Бытие и ничто», «Материализм и революция»).

Продолжительность жизни современного цивилизованного человека благодаря развитию культуры общества и совершенствованию предметного мира (комфортное жилье, здравницы, медицинские учреждения) продлена в два с лишним раза. Предел ли это, и где основной резерв продления жизни человека? Можно смело утверждать, что этот резерв в значительной мере заключается в развитии архитектурной, в отличие от антитектонической или атектонической организации окружающего пространства предметного мира человека. Отсюда закономерные и энергосообразные необходимости в формировании архитектурного сознания как общечеловеческой идеологии и конфликтологии цивилизованного общества (рис. 28, 29).

Созидание предметного мира современного пространства планеты принесло и свои негативные последствия – экологический кризис, промышленное загрязнение окружающей среды, смертоносное оружие колоссальной мощности. В определенной мере это становится результатом нетектонического развития пространства Земли.

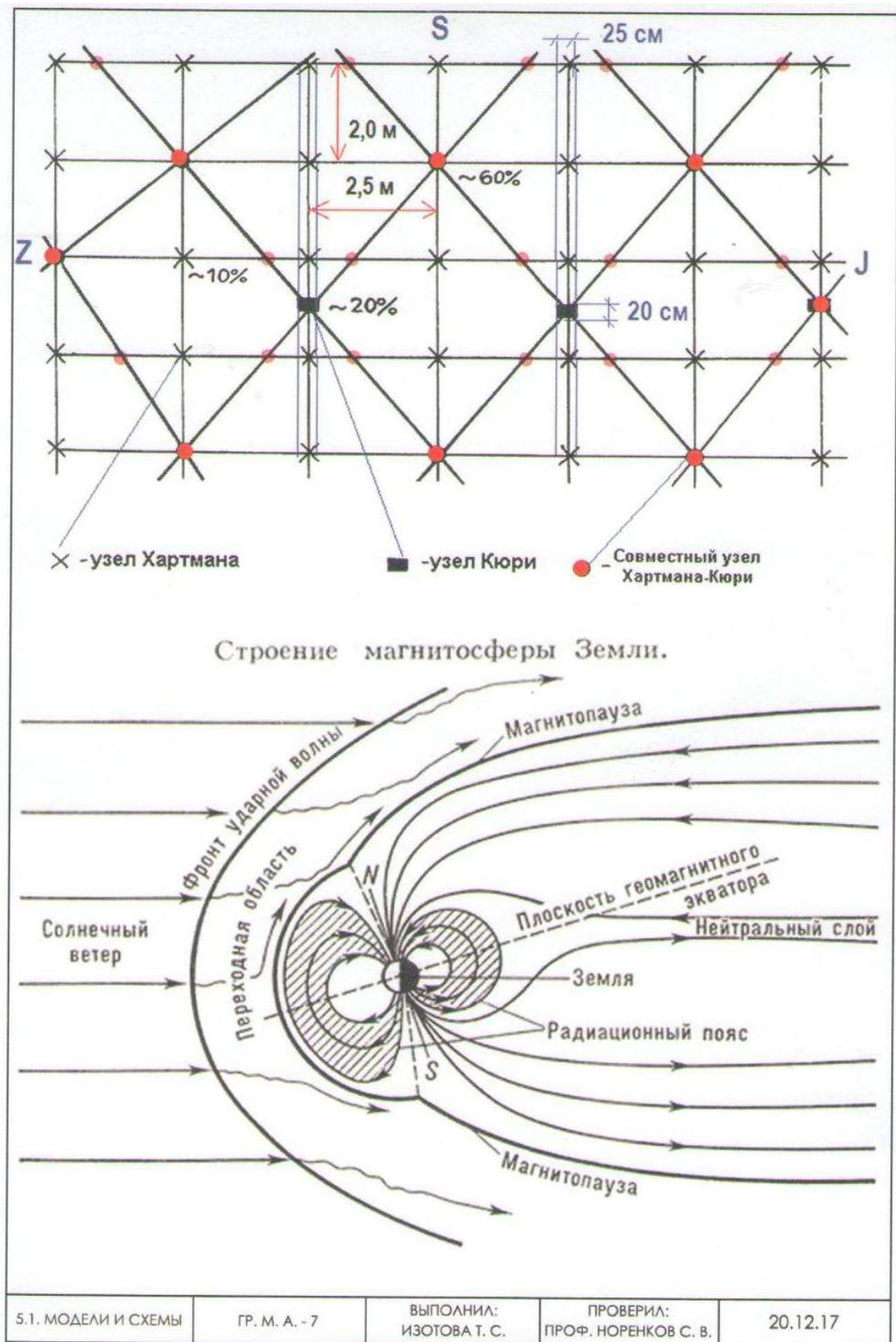

Рис. 28. Магнитноэнергетические сетки Хартмана и Кюри в структуре магнитосферы Земли на любой топографической поверхности

Рис. 29 Интро-экстро деловая и синхронно-игровая головоломка смысловых возвышений человека на житейских, жизненных и общечеловеческих путях цивилизационного плана.

Более того, есть опасность предопределенности судьбы человечества в связи с неуправляемостью энтропийных сил от создаваемого человеком обилия предметов. И все же мотивы фатума не в состоянии противостоять гуманному оптимистическому мировоззрению, если уметь не только верно рассуждать и понимать, но проектировать и реализовывать задуманное (Бекон Ф. «Новый Органон», Витгенштейн Л. «Логико-философский трактат», Гадамер Г. Г. «Философская герменевтика», Маклюэн М. «Человек в информационном обществе», Пригожин И. Р. «Синергетический подход»).

4.2. Пространственно-временные закономерности развития архитектонической культуры людей

4.2.1. Прогнозы из прошлого через многоликое настоящее

Феноменология Э. Гуссерля с его обобщенным девизом «Обращение к самим предметам» в явленном виде утверждает законность не только убеждения практиков «бытие определяет сознание», но и утверждения проектировщиков о законном характере своих принципов, по логике замысла менять будущее бытие людей. Челющность одномоментного бытия духа и материи когда-нибудь примирит материалистов и идеалистов.

Искусственная среда может быть источником жизни, но может стать и причиной гибели всего человечества (ежегодно только от транспорта в мире гибнет сотни тысяч людей). Отсюда и главная качественная закономерность, которая должна культивироваться при формировании предметной среды – ее проектно-прогнозируемая человекообразность (Тойнби А. «Постижение истории»).

Классики марксизма и марксисты начала XX века не предполагали возможность создания телевидения, компьютерных систем, не могли прогнозировать «информационный взрыв» или глобальный экологический кризис. Не поэтому ли перспективы развития человека они, в первую очередь, связывали с перспективами совершенствования его самого в системе бесклассового общества и, во вторую очередь, с преобразованием первой и формированием второй природы. При всей справедливости открытых ими закономерностей, нельзя не учитывать их прямую зависимость от современных последствий научно-технического и социально-культурного развития общества – урбанизации, механизации, технизации, кибернетизации, технологизации, компьютеризации, художественных и культурных нововведений на острие нейролингвистических программ зомбирования человека (Беньямин В. «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости»).

В последующем развитии идей классиков марксизма были не только победы, но и утраты идеала человека [161]. Этому способствовала и критика видных западных философов и ученых, верно подметивших значение производственно-экологических и технико-технологических доминант предметного мира земных «просторов», существенно влияющих на культурное развитие цивилизаций (Дюкрок А. «будущее сегодня», Тофлер А. «Третья волна». Конечно, их положения и не далеко не всегда бесспорны, но не обязательно без борьбы сдавать марксистские позиции в отношении уже открытых законов развития общества, особенно подтвержденных историей. Двухсотлетие со дня рождения К. Маркса, отмечавшееся в ряде стран 05.05.2018, при всей поляризации точек зрения подтверждает актуальность его трудов. Однако, нельзя не учитывать и рациональность идей, благодаря которым формируемая человеком архитектура пространственных сред определяет полноту и глубину его же развития. Позитивным моментом диалогичности в решении философских проблем этого плана является исследование фетишизма (см. Богданов А. А., Копалов В. И., Мотяшов В. П., Шеховцев А. В.).

С сожалением приходится признавать более высокую продолжительность жизни людей и уровень совершенства окружающего человека предметного мира в развитых странах, нежели у нас. Парадокс еще и в том, что производительность труда, эффективность промышленного производства и национальный доход в последние десятилетия были также в пользу реального социализма, например, в Китае, в Швеции. Обещанные в СССР скорые победы в экономическом соперничестве двух систем на практике вели лагерь социализма к кризисному состоянию, который разразился на рубеже последнего десятилетия двадцатого века. Однако, если есть позитивные итоги в соперничестве индивидуального и коллективного в пользу последнего, то надо быть строже и одновременно осторожнее к их балансу. Построение материально-технической базы коммунизма «затянулось», к тому же способ производства в странах бывшего соцлагеря оказался разнобойным, поливариантным и далеко не во всех сферах эффективным (см. Моисеев Н. Н., Полищук М. Л., Ширяев Л. Н.). Китай как параллельная реальность коллективно-кооперативной безопасности все же доказывает перспективность социалистического пути.

В конце жизни К. Маркс тревожно писал Ф. Энгельсу, не поторопились ли они и не допустили ли где-то ошибки в своих рассуждениях, если их выводы расходятся с практикой, и при их жизни так и не произошла социалистическая революция. Однако, предсказываемые ими социальные революции состоялись, хотя и произошли после их смерти. Идеи опередили реальные события. Но опережают ли современные философские воззрения пагубное влияние создаваемых моно- и полиискусственных систем и урбанизированных ареалов

планеты на общество? Думается, если и предостерегают, то далеко не в той мере, как того требует современное развитие техники и опасных технологий, например, генной инженерии. Есть и другая крайность, когда, почувствовав такую опасность, некоторые ученые начинают «бить во все колокола» и призывать к прекращению космических исследований, остановке научно-технического прогресса, нулевому росту промышленного производства, «нулевому росту» вообще, в том числе и человека.

Проблемы связи философии с жизнью стоят особенно остро в современную эпоху социальных и научно-технических революций, тотальных планетарных процессов урбанизации и глобальных экологических проблем. Они вновь и вновь возникают в неожиданных качественных ракурсах на нашей планете. Глобальные проблемы заставляют иначе рассматривать фундаментальные вопросы философии: ее предмет, систему, основной вопрос и т.п. Уже не следует искать в этом идеологические происки, которые имеют цель расшатывание строящегося здания философской науки. Если классики марксизма не предсказали экологического кризиса, технологическую революцию, «волны» технического прогресса XX века, то это можно объяснить состоянием развития общества в то время, когда они творили. Современная же наука в значительной мере должна работать на прогнозирование и на проектирование будущего. Наука, в том числе и современная философия, как область достоверного знания, уже не может ограничиться только систематизацией законов, категорий и открытием новых закономерностей многомерных мерных тенденций. Их задача – участие в проектном и достоверно прогнозируемом изменении мира (Лиотар Ж-Ф «Постклассическая наука, постмодерн»).

К. Маркс свои знаменитые «Тезисы о Фейербахе» закончил мыслью о том, что задача философов заключается не только в объяснении, но и в изменении мира. Это утверждение становится основополагающим в отношении преобразований всей архитектоники пространства. Философия искусства, философия науки, философия техники, философия культуры, философская теория человека и другие направления в современной философии выводят ее на новые рубежи. Узловыми проблемами выступают вопросы системной организации общества и иерархического формирования второй природы, встраиваемой в первую – естественную природную среду, которая также имеет свою архитектонику.

Философия как знание и о всеобщих законах, которым «подчиняется» материя и сознание, бытие и познание, в качестве центрального объекта имеет диалектическую пару «природа – общество». В своей целостной универсальности рядом с этой парой по логическому квадрату, предполагающему соотношение общего и частного, должно быть рассмотрено диалектическое взаимодействие

системы «человек – предмет». Не случайно проблема пространства, где все четыре элемента пребывают в неразрывном единстве, все более оказывается в центре внимания отечественных философов.

Противоречия природы и общества, человека и предмета были рассмотрены авторами на параллельном, переходном уровне в отношении «предметный мир – мир человека». Данная антитеза выявила зависимость человека от универсальности духовного и практического освоения им действительности. В пересечении этих отношений на передний план выступает архитектурная культура личности – способ формирования второй природы по мере человека, мере человеческих коммуникаций в социуме. Иерархия качеств меры человека, являющаяся по существу в значительной мере рефлексией на архитектонику мироздания – это особая проблема, которая еще ждет своего дальнейшего отдельного решения.

Следует исходить из общественно-исторического характера взаимодействия субъекта и объекта архитектурной культуры и изучать его как конкретное историческое явление. В. И. Ленин писал: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» [86, с. 81]. Эта взаимообусловленная конкретность определяет иерархический анализ и синтез познания архитектурной культуры пространства как развивающейся совокупности многофункционального творчества человека. Огромный практический опыт, накопленный в интересующем нас аспекте, может быть обобщен в системе философско-эстетических и культурологических знаний. Отсюда и обращение к методологии номологических проблем в познании видов архитектурного искусства, как отдельных «ручьев» и «рек», сливающихся в едином русле эволюционных и революционных закономерностей архитектурной культуры личности.

Закономерности развития архитектурной культуры пространства и его ядра – архитектурных искусств – неизбежно проявляются в самых различных сферах общественной жизни и, прежде всего, в сферах практики, экономики хозяйствования и управления, науки, искусства, культуры и педагогике. Недостатки в архитектурной организации материальной среды являются закономерным следствием как неразработанности культурологической проблематики в прикладных сферах, так и в недостаточно эффективном взаимодействии деятельности на стыках этих сфер. Совершенствование механизмов взаимовлияния науки и практики, управления и педагогики является важнейшей комплексной проблемой исторического самосознания россиян. Именно в этих мирах, сферах, областях, средах в первую очередь закономерности

развития архитектурной культуры личности осваиваются и совершенствуются (рис. 30, 31).

4.2.2. Актуализация тенденций настоящего

Обратимся к анализу закономерностей становления архитектурной культуры личности в сфере практики. Человек, отделяя себя от природы искусственными оболочками, все меньше зависит от естественного природного окружения. Это новое окружение – средство на пути социального прогресса и обновления, но одновременно и новое препятствие. Гармонизация нового и старого окружения человека – то необходимое условие, которое позволяет сохранить человека как человека. Таким образом, вторая природа, которая преимущественно складывается из архитектурных произведений, артефактов, симулякров, на сегодня – главнейший и наиболее динамичный фактор в диалектической изменчивости и устойчивости человека. А если это так, то ценности социального развития в значительной мере обусловлены взаимосвязью именно с этим доминирующим фактором ускорения общественного развития.

Архитектурные произведения отражают в себе как особенности человека, для которого они создаются, так и тектонические особенности материалов, конструкций, техники и технологий, при помощи которых они производятся. Ведь закономерности архитектуры субстанциональных основ – вещных образований не что иное, как закономерности приспособления материальной среды к закономерностям человеческой меры. Это следует из классического определения труда как приспособления природы к потребностям человека. Труд – это преобразование мер и мет предмета с учетом, как закономерностей самого человека, так и родовых закономерностей человеческого общества. Вот почему в продуктах человеческого труда, в том числе и в архитектурных произведениях, в объективированной и вещественной форме представлены как мера предмета, родовые меры вещей, изделий, артефактов, так и мера пространства человека.

Исходя из понимания эстетической культуры и культурно-цивилизационной природы продуктов труда человека, необходимо выделить группы закономерностей бытия архитектурных объектов: 1) самого произведения в отношении к аналогичным образованиям и в соответствии с их иерархизированной предметной мерой; 2) в отношении к человеку в связи с его родовыми сущностными силами и с мерой человека; 3) в качестве составляющих коммуникативной системы архитектурных образований как структурно-компонентного и функционально-временного единства предметной и человеческой мер (рис. 32, 33).

Рис. 31. Идеализированная модель хронотопов архитектурной науки

Комплекс закономерностей развития предметно-пространственных искусств неразрывно связан с социальным и научно-техническим прогрессом. Особенно наглядно и крупномасштабно это наблюдается в градостроительстве, где все искусства данного комплекса, по существу, представлены в полном объеме, включены в его внутренние территории. Взаимодействие архитектуры и дизайна следует рассматривать не только как продукт научно-технического прогресса, но и социально-цивилизационного прогресса. Причем последний является наиболее активной силой. Примером этого является опыт ряда государств, уверенно лидирующих в мировой экономике. Правда, ныне уже с опаской надо догонять и перегонять по ВВП на душу населения. Вторая природа в лице генной модификации товаров может и наказывать своих покупателей, а потом, вполне возможно, и производителей.

Поступательное становление научно-технического прогресса находится в прямой зависимости от прогрессивных изменений в обществе. Однако возникает противоречие, связанное с тем, что и к социальному, и к научно-техническому прогрессу применимы разные критерии. Закономерности социального прогресса обусловлены качеством и уровнем развития той или иной формации. В обществе по-разному осмысливаются явления искусства и научно-технические достижения, а прогрессивное в одном случае может расцениваться как регрессивное в другом. Тектонические фальсификации обуславливают анархизм в будущем. В самом понятии «прогресс искусства» нет того очевидного критерия, нежели в понятии «научно-технический прогресс». Что же является прогрессивным и в каком соотношении? Например, является ли искусство социалистического реализма прогрессивным по отношению к искусству эпохи Возрождения? (Джинджихашвили Н. «Искусство и прогресс»). Все еще нет однозначных критериев прогрессивности развития искусства, а возможно и не надо. Иначе дело обстоит с результатами архитектурной деятельности.

Утилитарный и прагматический подходы позволяют решать ряд прикладных проблем организации искусственно-естественной материальной среды. В рамках поставленных задач была предпринята попытка вскрыть и систематизировать объективные основания и принципы исследования, входящих в саму жизнь и меняющих ее архитектурных произведений. Это нашло выход в решении ряда аксиологических проблем, неразрывно связанных с закономерностями реального функционирования вещей и произведений. Творчество «по законам красоты» предполагает не только знание этих законов, но и умение их применения в практике. Высокий эстетический уровень организации архитектурных произведений во многом зависит от взаимообусловленности и взаимокоординации специалистов различных сфер, в которых протекает бытие архитектурных искусств.

Рис. 32. Вариативная структура торообразной трансформации объемных моделей информационных полей, в переплетениях теорий и методов «мягкой» архитектурной поступи антропомегамашин

КОНСТРУКТИВНО-ТЕКТОНИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СТРУКТУР НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТАХ
ТОРОВОЙ И АРТПРАГМАТИКИ

Рис. 33. Схематичная торсионная пентаграмма проектных модуляций в структурной связи с пирамидальными трехосевыми узлами современных трендов эффективного делопроизводства и документооборота

Формирование второй природы не только в идеале, но в реальной практике все более идет средствами профессионального искусства. Однако, закономерности сфер народного и профессионального искусства при совершенствовании компонентов предметного мира раскрываются в практике созидания весьма своеобразно для ручного, фабричного, индустриального пространства. А. В. Луначарский, говоря о производственных задачах искусства, находил в новых устройствах окружающей людей среды «бесконечные горизонты: строительство новых городов, проведение каналов, разбивка парков и садов, устройство народных дворцов во всем их внутреннем многозначительном великолепии, убранство клубов, обстановка жилищ, реформа и поднятие на высшую ступень изящества и радости человеческой утвари, человеческой одежды т.п.» [92]. Он писал, что преобразования должны происходить во всех сферах народного хозяйства и «кроме преследования непосредственной цели – удовлетворения потребностей человеческих (задача экономическая) – достичь еще и другой цели – давать человеку радость наслаждения» – что есть задача культурная.

Архитектоническая культура высокопрофессиональной личности формируется не только в системе проектирования, практики, но и в сфере управления. Новые повороты технологических революций в развитии социальных систем в неравномерных мировых условиях научно-технического прогресса означают разные результаты. Анализ предметных сторон и элементов управления рыночных механизмов, логистики открывает новые подходы движения продуктов человеческого творчества и технологий организации сфер производства, сбыта и потребления. Таким образом, в качестве всеобщего аспекта отражается важнейший феномен управления. Одним из новых подходов и к самому социальному управлению является его рассмотрение через сферу продуктов и отходов архитектурного производства и творчества.

При посредстве архитектурных искусств и их произведений человек многократно усиливает свои возможности практически во всех системообразующих родах деятельности. Это справедливо и для управления в структуре самих видов архитектурных искусств. Оно осуществляется в двух планах: непосредственно внутри самой сферы архитектурных искусств и при ее развертывании – в конкретных аспектах архитектурной культуры личности и общества.

Управление внутри сферы архитектурных искусств осуществляется по принципу режиссуры (в переводе с французского – управления). Градостроительная режиссура является высшей иерархической формой развития архитектурного искусства и существует как организация архитектурных ансамблей и монументально-вещных комплексов в пространстве.

Градостроительство как режиссура не умирает в архитектуре и промышленном искусстве. Это метафорически возможно справедливо для театрального искусства, где режиссура умирает с окончанием игры актеров. Город выступает универсальным средством в предметной системе средств социального управления. Отсюда одной из важнейших градостроительных функций является пространственное направление и управление субъектом жизни и деятельности.

Для управления субъектом в среде деятельности сначала необходимо определить лидера, который управляет созданием этого пространственно ведущего полифункционального элемента предметного мира. В сложившейся системе управления развитием городских комплексов и предприятий в структуре архитектурно-планировочных служб, административных управлений, художественно-конструкторских подразделений возникает необходимость создания архитектурной службы с назначением главного специалиста по архитектурной организации города. Вопрос о том, кто должен стать главным «дирижером»: главный архитектор, главный художник или главный дизайнер (города, отрасли, комплекса) остается открытым. Сегодня эти функции в значительной мере берут на себя многопрофильные хозяйственные работники и службы главного архитектора города. В будущем функцию управления эстетической организации предметно-пространственной среды города мог бы исполнять специалист нового типа – главный архитектор, вбирающий в себя ролевые многообразия архитектора, зодчего, дизайнера, менеджера проекта.

Управление социальными системами может казаться намного сложнее управления экологическими и техническими системами. Управленческое воздействие социальных систем на другие очевидно, но диалектика утверждает и возможность обратного воздействия. Сами архитектурные системы (гомогенные – отдельные произведения и гетерогенные – комплексы или ансамбли) в различной мере оказывают управляющее воздействие на социальные системы. Более того, в управленческой структуре городов-миллионников нашей страны технических специалистов несколько больше, чем гуманитариев.

Управление городской сферой архитектурных искусств, в конечном счете, означает управление развитием общества и личности посредством архитектуры пространства. Оно может быть осуществлено через различные воздействия на компоненты и структуры человеческой деятельности. В рамках взаимодействия системы управления и управляемой системы архитектурные формы выступают в качестве объектов, средств, результатов, условий и сред.

Агломерации, города, поселки в зависимости от их совершенства оказываются проводниками специфического архитектурного действия управления на человека. Механизм управления, реализуемый в запрограммированном поведении людей, задают проектанты, эксперты

архитектоники (градостроители, архитекторы, художники-конструкторы) через конкретные произведения. Градостроительные образования всегда выступали в качестве крупнейшего тектологического организующего начала всякой деятельности – безличного менеджер-проджекта.

Становление архитектурной культуры личности совершается также в сферах науки и искусства. «В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент» [105, с. 83], – писал К. Маркс. Философский анализ среды окружения человека имеет и практическое, и теоретическое значение. Эта среда существует в предметно-пространственной форме как совокупность произведений человеческого труда, и призвана найти отражение и в духовно-теоретической форме – в совокупности наук, отражающих практику создания и функционирования пространственного окружения человека.

Связь практики с наукой является определяющей в эффективно управляемом и перспективном развитии предметно-пространственных сред. «Главный недостаток всего предшествующего материализма заключается в том, что предмет ... берется только в форме объекта или в форме созерцания, а не как человеческая ... деятельность, практика» [102, с. 184], – заметил К. Маркс. Мы же обратим внимание на то, что ясность в определении общих философских проблем, является прочным основанием для решения частных задач. В этом смысле метод дедукции – годный более для практики с ее бесконечным количеством переменных показателей, критериев, индикаторов. Способность человека «свободно противостоять своему продукту» [101, с. 285] определяется возможностями трансформации предметного мира, спрогнозированными в сфере науки (рис. 34, 35).

Предметно-пространственная среда – комплексное, многогранное явление, и описание ее как системы требует комплексного изучения. Однако чисто научные подходы оказываются здесь неэффективными, и идет привлечение средств искусства. Организация материальной среды действительно нуждается в синтезе науки, техники и искусства. Адекватно отражая и преобразуя действительность, архитектурно-техническая деятельность одновременно усиливает свою преобразующую способность. С помощью синтеза науки и искусства люди значительно расширяют свои возможности в отражении и видоизменении реальности. Рассматривая соотношение научно-технического и художественного прогресса, в эволюционном единстве творчества Л. И. Новикова указывает на неправомочность самой альтернативности даже в постановке проблемы [125]. В позиции категории прогресса можно согласиться с этим утверждением, а вот в балансе для проектирования – нет (Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства»).

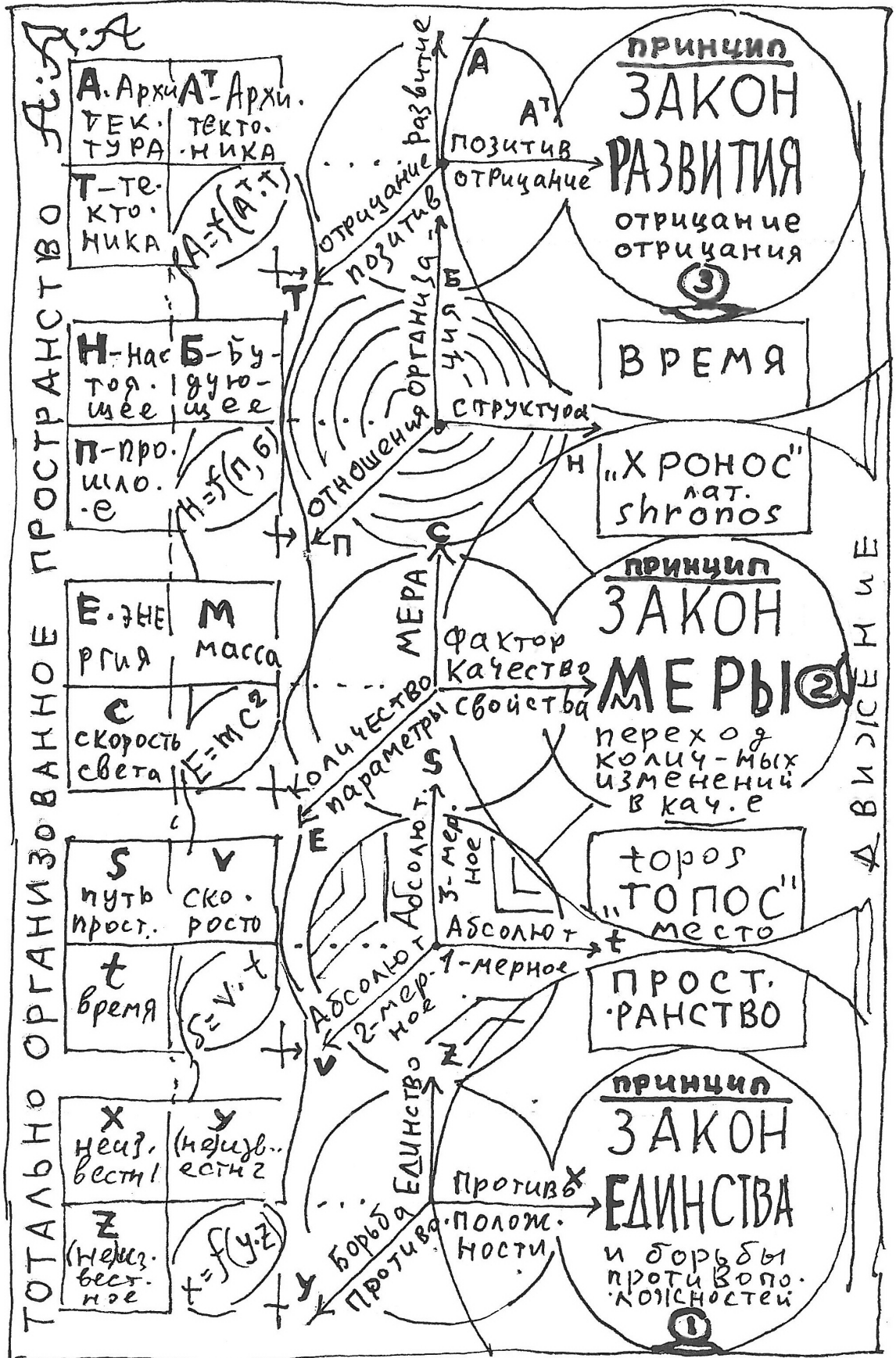

Рис. 34. Три закона диалектики для организации и познания хронотопов

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

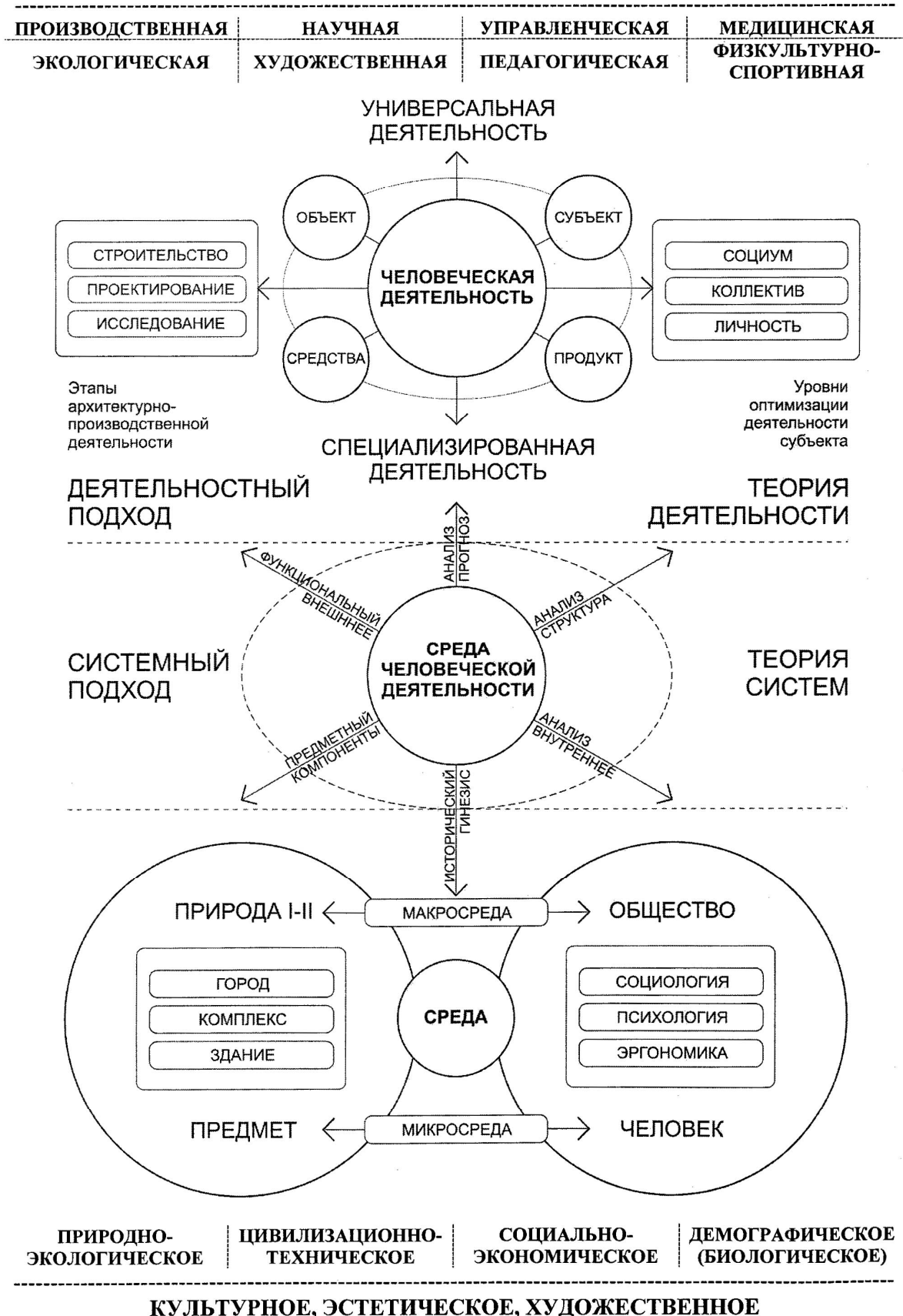

Рис. 35. Творческая деятельность высокого цивилизационного плана родов деятельности в единстве культурного, эстетического, художественного

Наука и искусство как два инструмента, необходимых для исследования и проектирования продуктов труда человека, предполагают систему и метод их исследования. В науке – это построение научных моделей и научной методологии. В искусстве – создание типических образных моделей и художественной образности. В проектировании – сопряжении первого и второго согласно технико-экономических показателей в задании на проект.

Рассматривая науку и искусство как формы общественного сознания и роды человеческой деятельности, следует обратить внимание на взаимосвязанность в философском анализе архитектоники организации предметного мира этих двух начал. Отсюда возникает необходимость формирования теории архитектурного творчества как духовно-материальной и художественно-утилитарной деятельности, не сводимой либо к теории архитектуры и градостроительства, либо к теории декоративно-прикладного искусства, либо к теории художественных промыслов или технической эстетики.

4.2.3. Опыт продвижения с учетом особенностей стабилизации

Для успешного развития среды человеческой деятельности необходимо единство теории и практики, опережающее развитие науки и уход от чистой эмпирии. Закономерности организации материальной среды активно используются практикующими специалистами в связи с самыми различными науками. Возникает своеобразный практический мегасоюз философии, эстетики, общей теории искусства, искусствознания, теории архитектуры и технической эстетики с практикой. Несмотря на достигнутые успехи в различных областях, многие проблемы, хотя и получили разрешение в рамках отдельных наук, связанных с практикой, тем не менее еще не оформились в законченную теорию с единой прагматической методологией. В решении многообразных проблем все еще применяются частные подходы, действует «воля случая» и «опыт, сын ошибок трудных» (А. С. Пушкин).

Системное понимание комплексов архитектурных искусств предлагает разработку их теории, основой которой является единство и взаимообусловленность всех разделов в соответствии с современными достижениями. Формирование общей теории архитектурных искусств связано с формированием теорий ее отдельных видов: технической эстетики, архитектурной и градостроительной эстетики, теории декоративно-прикладного искусства. Научные исследования чешских ученых по выявлению ценностных критериев окружающей среды привели к выделению самостоятельных научных направлений: эстетики архитектуры, а также эстетики ландшафта и теории окружающей среды (см.: «Эстетическая теорема» Дворжака Б. и исследования

кабинета теории архитектуры НИИ развития архитектуры в Праге). Важно обратить внимание на общий предмет пространственного исследования, их междисциплинарные связи и общие закономерности.

Архитектоническая культура личности начинается с языка, с понятийно-терминологической системы, в которой раскрывается архитектоника предметного мира. Ф. Энгельс определял понятия через «результаты, в которых обобщаются данные ... опыта» [99, с. 187]. Организация системы понятий является одной из важнейших задач теории, имеющей практическое значение. Однако, взятые сами по себе понятия без обобщающей единой методологии лишаются ценнейшего качества функциональной многомерности, сохраняя лишь узкую семантику конкретной научной терминологии. В связи с этим экономико-управленческая система должна быть обращена и скоординирована с системой концепций и принципов, определяющих методологические пути анализа конкретных архитектурных явлений (Пирс Ч. С. «Начала прагматизма», «Семиотика»).

Архитектоническая деятельность, организующая предметно-пространственную среду, является основанием для соответствующего логического развертывания и систематизации содержания различных разделов науки о ней (теоретических положений, методологии, системологии, терминологии и закономерностей). Отсутствие рецептов в создании прекрасных в своей целесообразности произведений не отрицает создание моделей, и описание системы мер среды обитания человека, определяющих меру архитектоники пространства и меру значимости его составляющих. Предвидеть общие закономерности развития материальной среды – задача подлинной науки. Создание и совершенствование произведений непосредственно зависит от системного подхода и использования моделей общих закономерностей развития природы и общества в реальном проектировании. Развертывание понятийной системы произведения связано с синтезом наук, занимающихся описанием характеристик среды и их модификаций.

Связь науки с практикой заключается не только в истолковании явлений, но, главным образом, в их прогнозе и направлении. Опираясь на высказывание К. Маркса о задачах философской науки, В. Ф. Асмус еще раз напоминал, что «задача всякой науки» состоит не в познании, а в действии – в революционном изменении мира» [5]. По существу решение проблем архитектурного искусства и культуры общества служит средством дальнейшего развития пространственной организации материальной среды системы расселения, жизнеустройства и деятельности.

Предметно фиксированные цели субъекта производства должны быть соотнесены с целями субъекта потребления, а те, в свою очередь, – с критериями субъекта познания. Установка существует в неразрывной связи с опытом субъекта

архитектонической деятельности. Специфика, например, эколого-эстетической ситуации определяется в связи с совместной спецификой эстетической и экологической установки экспертов и законодателей. Огромная роль науки заключается и в выборе критериев анализа архитектурных объектов, составляющих научную методологию практической деятельности в сфере нормативно-правовой документации.

Большую группу проблем порождает архитектурное искусство в сфере педагогики – в обучении, образовании и воспитании будущих специалистов. Они профессионально должны получить установки и знания закономерностей творческой деятельности в материальном производстве. Параллельно встает проблема координации и субординации дисциплин архитектурного цикла, определяющих культуру творца, его потребности и способности. Сфера педагогики, таким образом, является потенциальным резервом обновления всех остальных сфер общественной жизни (Радхакришнан С. «Единое европейское и восточное мировосприятие»).

Для формирования города как архитектурного образования привлекаются работники не одного десятка специальностей. Р. Леггет, анализируя потребность в специалистах для проектирования генерального плана города, называет двадцать семь наименований специальностей, в том числе, архитекторов, инженеров, социологов, демографов, экологов, экономистов, оставляя обширное место в таблице для продолжения этого списка [83]. Реализация же генерального плана города в его архитектурных формах предполагает привлечение значительно большего их числа. Наличие огромной армии специалистов, появление новых узкоспециальных профессий (архитектор-колорист, режиссер массовых праздников, дизайнер по цвету и др.), существенно влияющих на архитектуру городов, рождает новую актуальную проблему их профессиональной подготовки в плане взаимопонимания, интеграции и универсализации.

Сейчас не принято писать и говорить о светлом завтра, но идеи организации более совершенного общества не следует забывать. Иллюстрацией данного положения являются слова К. Маркса о том, что «при коммунистической организации общества отпадает... замыкание художника в рамках какого-нибудь искусства, благодаря чему он является исключительно живописцем, скульптором и т.д.» [104]. Творческая личность – это, в первую очередь, специалист широкого профиля с приобретенными навыками общественного планирования на базе универсальной многоотраслевой научной концепции. Вместе с тем не следует забывать о ряде специализаций, которые опираются на широкую подготовку по формированию профилей культурной деятельности (см. Барсуков В. Л., Волков В. И., Иванько Л. И., Коган Л. Н.).

Предпосылки для создания в будущем архитектурно-художественно совершенной организации окружающего человека пространства заключаются в системе преподавания. Использование основ архитектурного анализа произведения в подготовке архитекторов, художников – конструкторов, прикладников, оформителей становится настоятельной необходимостью. Прежде всего, это специальные научные основы и учебные дисциплины. Рассмотренный анализ объективных закономерностей становления архитектурной культуры личности нужен для превращения их в принципы педагогики как общих, так и прикладных направлений преподавания. В частности, модель профессиональной подготовки архитекторов включает и прикладное значение данного исследования в сфере новейшей педагогики (Бодрийяр Ж. «Система вещей» в постмодернизме).

В настоящее время около пятидесяти вузов и архитектурных факультетов нашей страны готовят архитекторов. Около полутора десятков вузов и факультетов, в том числе и академии художеств, готовят дизайнеров, художников-прикладников. Данные статистики говорят о необходимости обучать значительное число архитекторов, градостроителей, дизайнеров, ландшафтных архитекторов, монументалистов, художников-прикладников. Особое значение приобретает проблема качества, подготовки специалистов. Важная роль принадлежит архитектурному циклу дисциплин. Степень разработанности взаимосвязей различных сфер деятельности с педагогикой, нейролингвистикой является существенным показателем в процессе воспитания, обучения и образования будущих специалистов (Выгодский Л. С. «Психология искусства»).

Сегодня связь НТП с социальным прогрессом несомненна. Но традиционное разделение научной и художественной деятельности, размежевание техники и искусства представляются неоправданными особенно в сфере педагогики, где формирование личности должно быть опережающим. Наглядным примером этого является наличие дисциплин, объединяющих различные аспекты человеческой деятельности: технической эстетики, промышленного искусства, художественного конструирования, архитектурного искусства. В связи с этим встают педагогические проблемы в сфере постижения функциональных задач искусства. Соединение образного и модельного способов мышления, интеграция науки и искусства, техники и архитектуры предоставляет новые возможности в совершенствовании педагогической деятельности (см. Агости Э.-П., Артановский С. Н., Коммонер Б.).

Единое целеполагание социального и научно-технического прогресса предполагает единство процессов, социализации и компьютеризации. Отсюда намечается единый методологический подход к исследованию и использованию в педагогике технических систем, программирования. Например, использование программируемых систем – это перспективный путь в педагогике.

Компьютеризация открывает новые возможности и в ознакомлении с архитектурными искусствами.

В западной футурологии и теологии, и теориях технократизма все более модным становится прогнозирование фантастических городов «эры ЭВМ» (движущийся город Р. Херрона, кибернетический город Н. Шефера, космический город Астерома П. Солери). Человеко-машинные системы рассматриваются как мегамашины, где человек уподобляется винтику этой машины. В прогнозах ряда ученых такого рода «машины» наделяются характером фатально неуправляемым. Поэты и художники по-своему освещают

эту проблему, например, как «крушение гуманизма» (А. Блок). Страх перед всемогуществом роботов и превращением человека в придаток машины порождает пессимизм и в прогнозировании развития социальных систем. Отсюда расхожие «художественно-воспитательные» образы городов-спрутов, монстров и тиранов. Как антипод этой тенденции идет и обращение к древним культурам как образцу совершенства (см. Морган Л. Г., Сноу Ч. П., Тейлор Э.).

С проблемой формирования культуры людей, способных созидать человеческий предметный мир, неразрывно связана проблема вкуса. В основе развитого вкуса субъекта лежат характерные способности отражать и творить. Формирование хорошего вкуса у человека зависит не только от выступлений, бесед и лекций на «злостную тему». Это должно быть связано и с формированием образа жизни. Задолго до перестройки А. С. Молчанова писала о необходимости широких преобразований в обществе: «Это перестройка самих материальных условий, на основе которых складывается культура, в том числе и эстетическая, художественная культура» [121]. Здесь можно также добавить, что это справедливо и в отношении архитектурной культуры личности, с метаморфозами идеологии социума, но вопросы превращений это отдельная проблема [45, 46].

4.3. Архитектоника пространства в циклах поступков личности

4.3.1. Архитектоника бахтиноведческого ракурса человеческой пространственности

Современное бахтиноведение отражает объективную потребность в понимании быстро меняющегося предметно-пространственного окружения человека. Бахтиноведение идет на смену монологическому и диалоговому типу мышления людей в плане понимания необходимости «круглого стола». Происходит это независимо от того, будут ли это монологи классиков или «непререкаемое» в своей однозначности мнение отдельного человека, оспариваемое его оппонентом. Интеграция знания в иллюстрированной

философии, любознательности определяет признаки, черты универсализации и гуманизации всего проблемного поля человеческого познания и мирозидания в аспектах любви, счастья и благополучия [124, 98].

Сейчас уже можно констатировать факты в становлении бахтиноведения и в нашей стране (переиздание его работ, проведение конференций, подготовка полного собрания сочинений). Горизонты изучения творчества И. М. Бахтина весьма значительны и в отечественном, и в зарубежном бахтиноведении. Наиболее полное восьмитомное собрание сочинений М. М. Бахтина издано в Японии. В ряде зарубежных стран регулярно выходит журналы, посвященные текстовому диалогу с ним и его исследователями, интерпретаторами, последователями. В русле всех этих направлений научной работы масштабы бахтиноведения приобретают общепланетарный гуманистический характер.

Подобная очень высокая оценка работ М. М. Бахтина не является данью моде. Она основана на множестве высказываний самых разных по профессиональной ориентации ученых и философов, и в первую очередь на его собственных мыслях. Вот лишь фрагмент текста, который есть у Бахтина в отношении гуманизации человеческого мышления: «Мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах. В этом основное отличие наших (гуманитарных) дисциплин от естественных (о природе), хотя абсолютных непроницаемых границ и здесь нет. Гуманитарная мысль рождается как мысль о лучших мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми стоят проявляющие себя боги (откровение) или люди (законы властителей, заповедей предков, безымянные изречения и загадки и т.п.» [13, с. 194].

Литература, искусство, эстетика – важнейшие приоритеты в многообразном творчестве М. М. Бахтина. Он был профессионалом очень широкого профиля и мог различать художественное и эстетическое в качестве разных понятий. В этом можно убедиться уже по его первым работам. Однако, не мог он и различать их таким образом, каким мы их видим после дискуссий советских и постсоветских годов. Отсюда, видимо, следует иметь в виду и неопределенность ряда идей о тождестве и различии М. М. Бахтина.

В этом отношении между исследователями творчества М. М. Бахтина уже разгораются дискуссии, определяются точки зрения, фиксирующие резервы изучения его текстов. Например, М. С. Глазман указывает на рамки его «речевого жанра» и индивидуальное понимание эстетического в отношении классического искусства [38]. Он видел особенности трудов Бахтина в их гуманитарно-философском стиле мышления, в способности предполагания взаимопереходов наук и научных подходов: лингвистического, текстологического, литературоведческого и т.д. Иные аспекты соотношений художественного и

эстетического усматривали Г. И. Солодовников, Ф. Т. Мартынов, И. В. Коняхина, И. А. Рогова.

Бахтиноведение в своем развитии продолжает дело, начатое М. М. Бахтиным. В связи с этим особое значение приобретает методология и критика бахтиноведения. Они также как бы контролируют и «корректируют» весь процесс мышления творческого человека. Работы Бахтина можно рассматривать как одну из значительных вершин в истории гуманизации научного знания посредством лингвистики и культурологии. Тождество или «не различие» М. М. Бахтиным художественного и эстетического планов относительно, особенно в аспекте философии тождества Гегеля.

Прежде всего, тождество этих соотносительных противоположностей в его логике имели гораздо больше общего, чем различного. Эстетическое у него проявляется в многообразных контекстах: культурологическом, герменевтическом, литературоведческом и т.д. Это постоянное дополнение происходит и у Э. В. Ильенкова также естественно как в развертываемом тождестве диалектики, логики и теории познания возникает иной иерархический уровень – диалектическая логика. В какой-то мере, в русле преемственности подобных иерархических восхождений, видимо, можно рассуждать и в отношении бахтиноведения в целом.

Бахтиноведение как бы вбирает в себя и то, что было сделано самим М. М. Бахтиным, и то, что развернуто в специфических формах мышления его последователями. Этот тип мышления не взялся ниоткуда или вдруг. Были его провозвестники в ключевых для него проблемных тематиках, например, логичности в контексте диалогичности мышления. Так, В. С. Библер в работе «Мышление как творчество», обращаясь к идеям М. М. Бахтина, в своих рассуждениях проводит исторические параллели в идеях Галилея и Декарта, Гегеля и Фейербаха [21]. Действительно, сама необходимость диалогичности мышления осознавалась задолго до М. М. Бахтина. Еще Фейербах, осмысливая философскую диалогичность, писал: «Истинная диалектика не есть монолог одинокого мыслителя с самим собой, это диалог между Я и ТЫ» [156].

Идеи М. М. Бахтина перекликаются с идеями С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, Н. Я. Данилевского, Л. П. Карсавина, В. В. Розанова, П. А. Флоренского. В спектре мыслительного потенциала диалогического мышления выходящего на просторы коммуникации (теоретического, поэтического, этического и эстетического, философского и лингвистического) от поэзии до суждений обо всем сущем, в фокусе внимания оказывается и человек, и окружающий его мир. В их взаимодействии возникает нечто большее, чем они представляют собой в отдельности – их общая пространственная архитектоника. Один из прозорливых бахтинских почитателей М. М. Аверинцев заметил, что без

М. М. Бахтина наука выродилась бы только в науку. Продолжая эту мысль, можно сказать, что бахтиноведение и «параллельные» ему феноменолого-номологические учения и теории страшат от вырождения философии в философию, искусства в искусство, мировоззрения в мировоззрение, идеологии в идеологию, психологии в психологию и т.д. (Вольтер Ф. М. А. «Энциклопедии», Гадамер Г. Г. «Истина и метод», Геккель Г. «Мировые загадки»).

Гуманизм мышления М. М. Бахтина – это скорее рефлексия на гуманизм тех, к кому и по поводу чего он мысленно обращался. Так, исследуя творчество Ф. М. Достоевского, для которого жизненно важные вопросы этики и эстетики, религии и атеизма, философии и гуманизма были слиты с действиями и поступками его героев, М. М. Бахтин, отражая, преломляя «свое» через «его». Но есть и специфика такого научного отражения и преломления в схождениях параллелей. Для Достоевского естественен гуманизм, имеющий свое личностное отражение в нравственном искусстве. Бахтин же был как бы на перепутье: ему нужно было с научно выверенных позиций проводить анализ произведения искусства, то есть вести диалогический монолог в условиях необходимости интеграции по языковым правилам условности научного и художественного типов мышления. Привлекая художественные средства в науку, он по-новому осмысливал логику искусства. Синтез научного и художественного начал во многом определял специфику мышления М. М. Бахтина. Видимо, отсюда начинаются истоки бахтиноведения в качестве особого пространственно-скоординированного через поступок человека тип гуманитарного мышления.

Державин, известный философским риторизмом, говоря словами М. М. Бахтина, как бы через философское видение мира общается, может вести диалог не только с кем-то в отдельности. Бахтин в одной из своих последних работ ведет диалог и с ним, и с современными философами [13]. Другой пример, во введении к бахтинскому сборнику, изданному в Чикаго в 1986 году, «Г. С. Морсон подчеркивает, что «диалогизм» Бахтина – это форма преодоления «бинарных оппозиций» как в литературоведении, так и вообще во всех гуманитарных науках, внесение категории «ответственности» в само научное мышление» [9]. Из этих двух примеров видно, что могут возникать и посредники, и интерпретаторы хронотопического диалога для которого нет пространственно-временных ограничений. Формируется своеобразный «круглый стол» мыслителей разных стран и времен. «Монолог – диалог – круглый стол» – такова общая логика развития гуманитарного мышления в отечественном бахтиноведении.

Пространственно-сферическая диалогичность Бахтина оказывается как бы в центре всех переходов, рефлексии человеческого знания о мирах, средах, сферах действительности. Диалог выступает лишь связующим звеном, мостиком в движении мысли от одного субъекта к другому, от человека к человеку, к людям,

ко всему человеческому. Однако, при движении мысли к истине и взаимопониманию возникают трудности ограничений разума, познаваемые лишь в современной ноосферистике. Они заключаются в том, что существует не беспрепятственное движение идей! На их пути есть сопротивление, трансформация, погубительное и жизнеутверждающее отрицание отрицания.

Диалогичность в качестве коммуникативно множественной логичности и логичности множеств развертывания мысли сопрягается с необходимостью диалога еще в ее чувственных истоках. Всякую мысль человека можно понять, но не всякое чувство можно разделить, и наоборот. На границах мера их колеблется за параллелями взаимопередачи. Переходы от человека к человеку качественно разноплановы и соотносительны, пожалуй лишь в абсолютных пределах развития человеческих начал. Особенность их человеческого сопряжения проявляется в тенденциях к универсализации, взаимопроникновению, синтезу. Чтобы лучше осознать, что же представляет собой гуманитарное мышление вообще и его возможная интерпретация в бахтиноведении, в частности, необходимо соотнести типы гуманистического мышления с аспектами, составляющими, типами и формами познания (Барт Р. «Структурный семиотизм», Беккет С. «Абсурдизм», Бакунин «Анархизм», Гердер И. Г. «Романтизм», Делез Ж. «Постмодернизм», Хайдеггер М. «Экзистенциализм»).

Сегодня трудно даже перечислить типы, виды, аспекты, сферы человеческого познания: рациональное, гуманитарное, философское, эстетическое, визуальное, постмодернистское, архитектурное. Идут процессы их интеграции и дифференциации. В наше время зарубежные философы и ученые просматривают реальные возможности проектирования на компьютере человека, «предназначенного» для определенных целей, с заранее заданными свойствами, с определенными интеллектуальными задатками. В этих новых сферах пространственных сущностей верх берет философия математики, кризис оснований, берущий начало от пятого постулата Евклида.

К бесконечному ряду вариативных возможностей развития мыслящего человека добавляются и возможности машинного мышления, искусственного интеллекта. Последнее есть, с одной стороны, продолжение человеческого мышления техническими средствами, а с другой – имеет свою специфику в идеализации, абстрагировании, в «бесчувственной» обработке информации. Возможно машинное мышление уже сегодня есть основной антипод гуманитарного мышления. Этот поворот для бахтиноведения ставит новый горизонт, типа задач «невозможных фигур» историографии (Кроче Б.).

Если в самом общем виде структуру гуманитарного мышления представить в единстве отношений «человек –пространство», то это первичное целостное отношение отражает, опосредует, конкретизирует более общее отношение между

природой и обществом. Между столь разными по степени общности двумя иерархическими уровнями можно видеть ряд отношений, в которых реализуется множество видов и способов работы с информацией: с одной стороны – антропологических, с другой – натуралистических, естественно-научных, обществоведческих, визуальных, графических, машинных и др. В этих различных слоях, уровнях, границах мышления бахтиноведение выступает связующим звеном между человеком как целостностью и дискретностью, разорванностью, частичностью окружающего его мира.

В методологическом плане интерпретации взаимозависимых идей, концепций, теорий (эстетических, лингвистических, философских и иных) М. М. Бахтину в отечественной литературе принадлежит одно из ведущих мест. Он корифей по наведению мостов между различными дисциплинами. По сути он предвосхитил герменевтику как науку о понимании Гадамера. Следуя его логике и методологии, можно органично идти от конкретики любого текста к широким литературоведческим, научным и философским обобщениям. В этом сегодня он не одинок. В смысловом поле, не имеющем научно непроходимых границ, работали значительные фигуры культурологического течения в литературе, текстологии, лингвистики, эстетике – С. С. Аверинцев, В. С. Библиер, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачев. В определенной мере они опережали и продолжали прогрессивные традиции М. М. Бахтина, связанные с гуманизацией всего человеческого знания о жизнестроении, ансамблестроении, мирозидании.

Один из парадоксов современного мышления заключается в установлении границ знаний и периодическое их разрушение. «Пограничность» в работах М. М. Бахтина – характерный признак всего направления его исследований. Именно на стыках наук М. М. Бахтину (публицистические псевдонимы В. Н. Волошинову, П. Н. Медведеву) удается выходить на оригинальные подходы, метатеории, научные направления: металингвистику, герменевтику, философию культуры, мета-системный подход к сверхсложным явлениям (Богданов А. а., Пригожин И. Р., Шмаков В.).

В связи с анализом особенностей гуманитарности мышления М. М. Бахтина особо хотелось бы выделить его вклад в герменевтику, это касается в первую очередь герменевтики не строго научной, а сопряженной с искусством. Нам известно, что герменевтика, являясь методологической основой гуманитарных наук, выступает их важнейшим интегрирующим началом. Искусство же, обладая интегральной природой в отражении мира, может оказаться и действительно оказывается незаменимым средством качественно нового возвышения науки в познании человеческого понимания хронотопов ансамблестроения.

4.3.2. Культурфилософский ресурс нейро-лингвистического потенциала личности

К сожалению, приходится признать, что герменевтика как учение о понимании, искусстве и теории истолкования текстов даже в современных условиях многообразия философской, культурологической, эстетической и вообще научной мысли как бы перевернута наизнанку. Если раньше она почти целиком была связана с критикой работ зарубежных авторов: Ф. Шлегеля, Шлейермахера, В. Дильтея, Гуссерля, Хайдеггера, Э. Бетти, Гадамера, Г. Куна, то теперь речь идет об их восхвалении. При длительном невнимании со стороны советских ученых к вопросам герменевтики вклад М. М. Бахтина в ее разработку поистине можно рассматривать в качестве крупнейшего достижения отечественной философско-эстетической культуры в мировой мысли. К этому следует добавить и такие значительные для понимания существа дела мета-исследовательские работы А. Ф. Лосева.

В 1976 г. М. М. Бахтиным были опубликованы заметки к неосуществленному труду, обобщающие исследования о природе слова. Там намечаются перспективные пути лингвистики, поэтики, языковедения, литературоведения. В них просматриваются гуманистические принципы бахтиноведения, которые распространяются от частных научно-прикладных исследований до философии. Причем герменевтический выход М. М. Бахтина на философскую проблематику выглядит вполне естественно и закономерно.

Работа, посвященная проблемам текста, начинается словами, которые показывают видение Бахтиным интеграционных процессов в культуре: «Приходится называть наш анализ философским, прежде всего, по соображениям негативного характера. Это не лингвистический, не философский, не литературоведческий или какой-либо иной специальный анализ (исследование), Положительные же соображения таковы: наше исследование движется в пограничных сферах, то есть на границах всех указанных дисциплин, на их стыках и пересечениях» [13, с. 123]. Без использования слова «герменевтика» здесь речь начинается и о ней. Эта наука, как впрочем и многие другие, признаваемая вначале лженаукой, затем неполноценной наукой, в работах М. М. Бахтина жила своей особой жизнью.

М. М. Бахтин писал о том, что текст (письменный или устный) выступает первичной данностью всех дисциплин и даже всего гуманитарно-филологического мышления. Это он относил к истокам богословского и философского мышления. Для него: «Текст является той непосредственной деятельностью (действительностью мысли и переживаний), из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и

объекта для исследования и мышления» [13, с. 124]. Далее он выходит и на генезис гуманитарного мышления в целом: «Научно-точная так сказать паспортизация текстов и критика текстов – явление более позднее (это целый переворот в гуманитарном мышлении, рождение недоверия)». Параллельно текстовой возникает знаковая и виртуальная реальность.

Философская логика и методология науки, их взаимопереход, связи и взаимодействие просто и доступно подаются М. М. Бахтиным в педагогическом плане. Чисто научный подход этого не может ресурсно раскрыться, т.к. педагогика где-то вне поля его внимания. Но все это мог делать педагог – М. М. Бахтин, способ мышления которого позволял ему работать с любым текстом, с человеком. Уже тогда он занимался и текстологией. Обращаясь к студентам с размышлениями о том, как лучше работать с научной литературой, в краткой заметке в многотиражной газете, М. М. Бахтин писал: «Приступая к изучению научной книги, никогда не следует рассчитывать на быстрое и легкое ее усвоение. Наука всегда сложна, и серьезную монографию или даже учебник нельзя понять сразу: они требуют большой сосредоточенности и напряженного труда. Работая над любой книгой, важно усвоить не только содержащиеся в ней факты и готовые положения науки, но и методы, с помощью которых они найдены, установлены, доказаны. Надо овладевать самой логикой науки» [15, с. 333 30, 31].

Далее он говорил об обязательном условии продуктивности усвоения научной информации посредством установки на практику, о связи с практикой, жизнью и практической приложимостью науки. Тут же он предупреждал: «Конечно нельзя это делать упрощенно, вульгарно: некоторые положения науки не имеют непосредственного применения и получают его лишь через другие положения данной научной дисциплины». Особого внимания здесь заслуживает то, какое значение он придавал научному аппарату. Он замечает, что научный аппарат находится и вне текста книги, в частности, перед ним, после него и в конце страницы за чертой. Использование научного аппарата в работах над любой книгой дают, по его словам, точность, строгую систематичность, продуктивность, полноценность. Все эти краткие, меткие и точные замечания есть штрихи его бахтинского метода.

В этой заметке, где содержится меньше пятисот слов, дана «технология» освоения научного знания. По своей фундаментальности и простоте она стоит книги о научной методологии познания текста любой сложности. Прекрасно разбираясь в диалектике не только автора, но и героя, Бахтин понимает, что диалектика трансформируется, виртуализируется, снимается в сознании читателя.

В бахтиноведческой литературе уже отмечалось, что историзм М. М. Бахтина имеет в своей основе идею глобального культурного контекста. Западные исследователи творчества Бахтина (Г. С. Морсон, К. Эмерсон,

К. Хиршкоп, М. А. Бернштейн, У. Бут) проводят параллели его соотносительности с исследователями творчества Г. Лукача, Л. С. Выгодского, Л. Н. Толстого и Рабле, ряда фрейдистских и формально-структуралистских теорий [175]. Его исследователи выявляют и показывают широту диапазона и глубину научно-художественного анализа работ М. М. Бахтина. В этом аспекте особенно очевидным становится характерный признак бахтиноведения как особого типа мышления, в котором нет строго фиксированных границ научного и художественного, закономерного и случайного, общего и отдельного.

Текст М. М. Бахтина, а часто и тексты его исследователей, подражателей и убежденных последователей отличаются особой эмоциональной «заполненностью» смыслами, идеями, концепциями, теориями. Отсюда ведущая особенность произведений М. М. Бахтина, а в какой-то мере и бахтиноведения, может быть определена в связи с оптимальной и закономерной гармонизацией чувственно-смыслового поля текста. Вспоминая слова Гете «Суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет», можно развернуть этот образ в отношении полнокровности истинной теории. Она (теория, наука) также может «пышно зеленеть» как и сама жизнь. Видимо, в своем образном идеале бахтиноведение имеет в чем-то подобный ориентир. Этот ориентир поднимается до общенаучной истины. Так, не упоминая М. М. Бахтина, болгарский философ П. Гиндев самостоятельно выходит на аналог подобного способа мышления [37]. Интегральность в синтезе научного и художественного не нова. Новым всегда является яркое и самобытное их соединение в новаторских идеях, концепциях, образах (Кристева Ю. «Феминистская психоаналитика»).

Бахтиноведческий способ мышления в определенной мере противостоит структуралистским и функционалистским подходам. Своей системностью он снимает их жесткость и ограниченность, позволяет взаимопроникать друг в друга. Осуществляется связь разных смысловых структур по всей архитектонике человеческого знания. Здесь возможен своеобразный тезис бахтиноведения о соединении «земель», отдельных научных областей, комплексов, циклов.

Для процессов коренных преобразований, идущих как «перестройки», «цветные революции» характерно «новое мышление» (см. Бурлацкий Ф. М.). Важными моментами этого нового мышления проявлялись и альтернативы гуманистической направленности, дискуссионности, диалогичности. Изначально данные качества были обращены к общечеловеческим ценностям, а на практике могли оборачиваться против них. Их позитивное и негативное понимание идет к регулированию как не менее высоких по отношению к классовым, партийным ценностям и интересам. Последние долго ставились во главу угла в советской идеологии, политике, экономике, практически во всех областях и сферах переориентации в мире ценностей. Историческая переоценка ценностей с позиций

гуманитарного мышления лишней раз подтверждает и значимость эффективность типов мышления, именно гуманитарного и архитектурного типа.

Архитектурное в высшем своем проявлении тождественно предметному, социологическому, культурологическому, этическому, эстетическому. В совокупной представленности они образуют собой универсально-гуманистическое. В сфере современного гуманитарного мышления, в том числе и в «бахтиноведческом ключе», идет образование областей и направлений исследований, имеющих качественно более высокое состояние проникновения в системное целое.

Архитектурное, развертываемое в качестве гуманистического, сопровождается появлением новых и трансформацией старых понятий: «мера человека» (категория, основанная на идеях К. Маркса и соотносимая с категорией «мера предмета», развертывается А. С. Молчановой, Л. А. Зеленовым, Л. Н. Безмоздиным и др.); «качества человека» (кардинальное понятие, соотносимое с мерой человека, которое и раньше использовалось в истории философской мысли, но получило новый мощный импульс в работах современных зарубежных и отечественных ученых: А. Печчи, Г. Парсонса, Г. И. Куницына, Б. Т. Григорьяна, В. Е. Давидовича и др.); «человеческое измерение» (понятие, вбирающее количественные параметры меры человека; термин, рожденный хельсинским процессом и вошедший не только в дипломатический лексикон во время общеевропейского совещания по гуманитарно-правовым направлениям, но и вбирающий в себя весь комплекс прав человека); «человеческий фактор» (некогда носившее негативное значение в нашей социологии выражение, сегодня существенно переосмысленно и получает дополнительные позитивные интерпретации, выводящие его на иной смысловой уровень); «феномен человека» (понятие, схватывающее универсальность человека, его космический масштаб).

«Homo humanus» – человек гуманный является центральным ориентиром и критерием всего гуманитарного мышления. В качестве понимания его антиподов и полярностей выступают антигуманное, негуманное, биокибернетическое (симбиозы «человек – машина») и т.п. При всей кажущейся ясности и очевидности того, что человек должен быть гуманным, жизнь с роковой стабильностью несет войны, болезни, конфликты, трагедии и т.д. Остаться гуманным человеку очень и очень непросто, даже если архитектурное искусство и творчество помогают ему в этом (см. Каган М. С., Коган Л. Н., Смольянинов И. Ф., Фролов И. Т.).

Положительное значение возрастания роли бахтиноведения в отношении исследования типов, аспектов, моментов гуманитарного мышления уже имеет свои границы и даже крайности. Вряд ли следует абсолютизировать бахтиноведение в качестве всеобщего способа познания мира, тождественного

гуманитарному мышлению. Видимо последнее значительно шире, поскольку в нем сопрягаются архитектурно-разноплановые способы и уровни мышления: обществоведение, человековедение, искусствоведение, литературоведение, пушкиноведение и т.п. Одним из основных достоинств бахтиноведения в иерархии разных «ведческих» отраслей человеческого знания по мнению авторов выступает его способность связывать их, интегрировать в некоторую органическую общепонятную целостность метафизики и учения о логосе.

Каким бы ни было мышление («новым» или «старым»), оно может превращаться в гуманитарный тип познания и отражения архитектуры пространства человека. В своих основных противопоставлениях гуманитарное мышление, как собственно человеческое мышление, может соотноситься с естественно-научным, техническим и обществоведческим типами мышления. Главным отличительным критерием в этом противопоставлении для гуманитарного мышления выступает человек, его ценностные ориентиры, формируемые во взаимодействии с обществом, первой и второй природой. Бахтиноведение здесь благодаря и через архитектурный принцип, который М. М. Бахтин понимал в значительной мере универсально, может способствовать сопряжению способов мыслительной деятельности людей открывающих его для себя за рубежами России (Лотман Ю. М., Новиков Н. И., Пригожин И. Р., Трубецкой С. Н.).

В определенной мере бахтиноведение также выступает средством гармонизации взаимодействия человека с пространством. Учитывая то, что для М. М. Бахтина проблема архитектуры поступка всех деяний человека была по существу ключевой, легче понять и иерархичность мира, пути и средства достижения целей по его пространственному обустройству. Это касается в том числе и всего того, что достигается посредством создаваемой человеком гуманизированной предметности окружения.

4.3.3. Опережающая идеализация реальности

Существование предметно-пространственных сфер и сред как бы складывается из бытия предметов и идей о предметах. В значительной мере предметы определяют поступки человека, а двойственное бытие предметно-человеческого мира характеризует двойственную, тройственную и множественную природу деяний людей. В русской философской мысли (М. М. Бахтин, И. А. Бердяев, В. С. Соловьев, П. А. Сорокин, И. Н. Трубецкой, С. Н. Трубецкой, С. Л. Франк) бытие человека рассматривалось как совокупность поступков. Но, если предметное начало значительно предопределяет поступки людей, то пределы

совершаемых человеком поступков как раз изначально заданы пространственным бытием.

Отсюда может быть развернута концепция иерархичности снятия противоречий взаимодействия человека с миром пространств. Предметным стержнем этой концепции выступает человек, ставящий перед собой мету, совершающий поступки и деяния. Вокруг него разворачиваются предметные ансамбли (форм, вещей, произведений). В том или ином равновесном состоянии взаимосвязей человека с окружением устанавливается определенный миропорядок. Этот миропорядок не есть устойчивое и равнодушное условие течения жизни. В нем, например, произведения искусства определенным образом надстраиваются над обыденной действительностью. Специфика архитектурного в данном контексте рассуждений более всего зависит от организации гуманного миропорядка, имеющего свои топологические тенденции развития.

В цепи взаимодействий «человек – предмет – поступок» отражается и воспроизводится развитие всего предметного мира, имеющего привязку к месту действия. На этом простейшем основании, где свойства и отношения действительных взаимосвязей выступают более широкой базой для организации любой деятельности, выстраивается необычайно сложная архитектура реальности территорий. Социальная деятельность – лишь один из всеобщих моментов, сопутствующих жизни человека. В свою очередь, человеческую деятельность пронизывают эстетическая, этическая, культурная и иные, виды и аспекты деятельности. То, как в своих подвижных структурах они развертываются и реализуются, принадлежит сфере ансамблевых хронотопов архитектурного взаимодействия.

Архитектурное взаимодействие человека с предметным миром пространств имеет несколько планов, этапов, уровней бытия. Отсюда, одно дело, например, мысленно наделять предметные явления человеческими качествами, например, в процессе эстетического восприятия, и совсем другое, на практике действительно внести в него человеческие измерения. Так, искусственные сады и парки – это тоже очеловеченный предметный мир. Однако, это уже не просто идеально воображаемый или чувственно воспринимаемый мир. Он существует непосредственно в форме того, что то или иное дерево появляется именно там, где хотел бы его видеть человек, проектировавший это пространство.

Любопытно отметить, что в отечественной эстетической литературе такие различные понятия, как «эстетическая деятельность», «эстетическое восприятие», «чувственное, познание красоты», «художественное отражение» почти полностью нивелируются, отождествляются. Есть некоторая конвенциональная безграничность взаимопроникновений художественного и эстетического. Часто

это ведет к отождествлению понятий, используемых в познании искусства и жизни. «Установка», «созерцание», «оценка», «интерпретация», «наслаждение» – все это моменты эстетического восприятия и признаки духовно-отражательной деятельности человека. Причем, как пишет Ф. Т. Мартынов, установка на восприятие воображаемого при эстетическом восприятии вещей может быть двоякого рода: через «видение» чувственно невоспринимаемых внутренних качеств и видение в вещах общечеловеческих качеств [109]. Возможно, это именно так, но ведь очеловечивание хронотопов пространства человеком нельзя понять, исходя только из созерцательности, пусть даже и подобной той, которая обусловлена способностью людей видеть все «насквозь».

Если идти от специфики искусства и эстетического восприятия к очеловечиванию действительности в результатах переходных форм духовно-практической деятельности, то и в этом случае вряд ли будет достаточно знания канонов, норм, законов, обеспечивающих «красоту», «искусность», «условность». Видимо, в очеловечивании мира, в его освоении и созидании есть множество таких психолингвистических пластов, уровней, которые просто не могут быть осмыслены в рамках художественных и эстетических подходов (Фромм Э. «Иметь или быть?», «Анатомия человеческой деструктивности»).

Покажем это на примере эстетического закона условности, который был развернут Ф. Т. Мартыновым в ряде его книг. Прежде всего, этот закон не ограничивается сферой искусства. Качество условности мы можем найти и в других видах творчества: науке, культуре, градостроении, проектировании. «Условность» выделяется из такой философской категории как «условие». Из наличия определенных условий с необходимостью следует существование обуславливаемого явления. В этом приращении более высокого и универсального смысла условность начинает работать в самых разнообразных сферах художественно-утилитарных и утилитарных деятельностей.

Восхождение от более частного к общему характеризует философское мышление, пытающееся через выделение всеобщего охватить сущность вещей. Стремление к интеграции качеств по восходящим ступеням их проявления в жизни и творчестве человека естественно ведет к познанию родовых сущностей пространства. Но если, говоря словами К. Маркса, «именно в переработке предметного мира человек впервые утверждает себя как родовое существо» [101, с. 566], то можно согласиться и с тем, что это переработка одновременно есть сущностный признак созидания гуманной предметности. Человек как родовое существо вносит свои родовые качества в творимый им предметно-пространственный мир. Созидание подобного типа, которое для авторов близко по смыслу с архитектурным творчеством, предполагает и такое родовое качество как «архитектоничность». Предстоит еще работа по определению

отличий этого качества от «техничности», «эстетичности», «художественности» и др., которые образуют родовые качества в развитии гуманного предметно-пространственного (дизайнерски архитектурного) мира.

Человек для М. М. Бахтина – ценностный центр и условие целостного видения мира. Архитектоника объекта позволяет ему разводить и конкретизировать позиции и пропозиции в поступках и деяниях людей. Архитектонически устойчивое взаимодействие творца и мира в качестве индикатора гуманизации мирозидания реализуется через жизнь. Во всей полноте проявлений существования автора и героя, произведения и человека развертывается архитектура мысленного диалога, который служит своеобразным «проектом» реализации его в жизни.

Учитывая то, что новая более гуманная архитектура пространства создается человеком путем реализации идей, образов, замыслов, программ, проектов, начиная с идеальных образований, все более важным средством выступает способ гуманитарного мышления и его приложимость к жизни. Образцы такого мышления, соединяющего в себе достоинства искусства и науки, гуманитарного и проектного мышления, в истории человеческой мысли уже существовали до М. М. Бахтина (Леонардо да Винчи, Гете, Ломоносов и др.). Новый импульс такого интегрального мышления сегодня можно наблюдать в концептуальном проектировании, в программном дизайне и социально-градостроительном проектировании.

При жизни М. М. Бахтина не было создано собственно «бахтинской школы», хотя у него училось не одно поколение студентов. Ученики его учеников и последователи еще внесут ясность, почему это не могло произойти при советской власти и при наличии у Бахтина качеств научного лидера. Тем не менее его работы несут в себе такой потенциал, который определяет возможность использования родственного понятия («бахтиноведение») в отношении основной части всего его наследия, продолжающего жизнь не только в качестве особого типа мышления, но и созидания.

Не поддерживая абсолютизацию бахтиноведения как единственного и всеобщего типа гуманитарно-созидательного деяния в целом, важно не уйти к противоположной крайности, в которой принижается значение этого относительно нового научно-художественного направления творческих поисков в ходе гармонизации человеческого и пространственного. Архитектоническое мышление, опирающееся на такое научное направление, как бахтиноведение, приобретает способность более эффективного противостояния со всеми видами дегуманизованного мышления: тоталитарного, милитаристского, человеконенавистнического (Фрейд З. «Почему война?»).

Продолжение подобного противостояния в современную эпоху требует от бахтиноведения борьбы, сотворчества и взаимопонимания не только в сфере идей и идеологий. Необходима более тесная связь бахтиноведения с преобразованиями в жизни. Эту мысль подтверждает и жизнь самого отечественного классика М. М. Бахтина. Она была полна гонений и несвобод. Память о ней должна способствовать демократизации, свободе слова, деидеологизации, братству людей, гармонизации миров. Основным критерием здесь выступает гуманизация пространственного мира, в том числе и архитектурными средствами.

В полной мере ход рассуждений, представленный выше, относится ко всем без исключения сферам созидания человеком мира, как в его конкретной модифицированной подвижности, так и в абстрактной всеобщности. В сознании современных исследователей в бахтиноведении формируется идеальная цель самосовершенствования и одновременно средство раскрытия в кругозоре, позволяющее обращаться к любому явлению действительности. Через пространственное осмысление архитектуры поступка каждого человека, его диалогичности с миром, бахтиноведение имеет прочную научную основу, которая сближает разносимые и разрывающиеся по «ведомствам» науки: философию, эстетику, филологию, искусствоведение, лингвистику, семиотику, урбанистику, техническую эстетику, теорию коммуникаций и т.д.

Краткие выводы по четвертой главе

Замысловатые маршруты детской игры, в которую играет внук на компьютере, и его дедушка, увлеченный разгадыванием «невозможных фигур» философии математики, в реальном пространстве на какое-то время могут иметь подобие. Люди разного возраста способны понять друг друга, полагая общие сложности преодоления маршрутов, узнавания, игры и проекта. Однако их личные пространства в общем для них пространстве комнаты все же индивидуальны, а значит, архитектура пространства человека для них расходится в самой реальности. Предметные хронотопы, живущие своей жизнью, дополняют витиеватые сложности на перепутьях совместных коммуникаций людей, разделяя их на обязательные, необязательные, игровые, проектные и множество иных. Архитектурная культура человека по-разному открывается разным поколениям людей в своей вариативности и бесконечных возможностях представляемых каждому из людей на их жизненном пути.

ГЛАВА 5. МЕТОДОЛОГИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВИЗУАЛИЗАЦИИ АРХИТЕКТониКИ ХРОНОТОПОВ

Основоположения познавательной методологии преобразования окружающей среды выявляются посредством зримого анализа проблемного поля архитектурного взаимодействия человека и предметного мира. Исследования природы, сущности и специфики конкретно ориентированного труда человека опираются на анализ элементов, образующих реальный мир. Логика отношений людей, человека и предмета, человечества и Вселенной во всяком созидательном акте сопрягается в бесконечной цепи взаимосвязей, рождая определенные устойчивые инварианты созидательных начал, по формированию предметно-пространственной среды человеческого окружения.

Восприятие человеком целостного мира и обозначение зримых контуров моделей этого мира составляет формально-содержательную проектно-созидательную сторону явлений мироздания. Осмысление правил перевода содержательного начала в его глубинной сущности в формальное, его визуализация при всей видимой простоте является сложным процессом. Одной из главных причин необходимости аналитики хронотопов (пространственно-временных архитектонов, фактов, феноменов) является проектная потребность обозримого предвидения будущего.

Философская методология носит всеобщий характер. В этом заключаются ее достоинства и недостатки. Достоинства – в обеспечении целостности, а

недостатки – в утрате обозримости, видимости. Вполне прогнозируемые достоинства подобного недостатка напоминают феноменальный эффект, достигнутый отечественными учеными в области тифлосурдопедагогики, сделавшей возможным смысловое общение со слепоглухонемыми. Блестящее описание механизмов таких, казалось бы, невозможных личностных феноменов восхождения при утратах были даны Э. В. Ильенковым.

Абстрактно-всеобщие принципы таким «контактно-визуализируемым» образом выражаются во всеобщей знаково-коммуникативной конкретике эффективного наполнения личностного капитала состоятельности конкретных персон. В системе научного знания формируется методологический пласт исследований, соединяющий философию и фундаментальную науку. Общая структура методологии видения объекта в целом исторически модифицируется. Это происходит на путях сближения научного и художественного творчества, при интеграции методов философской антропологии и философии культуры, философии науки и философии искусства.

Можно констатировать, что при всей глубине и многоплановости анализа и синтеза аспектов человеческой активности по созданию целостной пространственной среды обитания человека остаются нерешенными важные проблемы социо-антропологической перспективы всевидения мироустройства: 1) не раскрывается архитектоника среды как единого предметно-субстратного бытия мира; содержание естественной и искусственной предметно-пространственной среды нередко сводится только к ее выразительным особенностям, к формальным оценкам технико-конструктивных факторов отдельно взятых типов явлений, вещей и произведений вне их связи с целостностью средовых взаимодействий человека и предмета, природы и общества; 2) отсутствует развитое представление об организационно-созидательной деятельности человека, с содержательным аспектом понятий «архитектоническая деятельность», «архитектоническое творчество», «архитектонические объекты, средства, результаты» и т.д.; 3) недостаточно раскрываются закономерности искусственных предметно-пространственных образований и их ансамблей с системных позиций; не развернута общая архитектоника формообразования систем; 4) интеллектуально-компьютерный подход несмотря на его активизацию информационных процессов в значительной мере прагматичен и не включен в структуру единой философской методологии познания и действия в контексте универсальных связей вещества, энергии и информации; 5) отсутствует всесторонний интегральный подход, сопрягающий разнокачественные аспекты на основе элементарно простых начал и выявляющий методологические константы проектирования социально-биологического и антропономически более совершенного

мироустройства; серия тектологических подходов не оформилась в качестве синархии визуально объединяющего их архитектурного принципа.

Рассмотрим принципиальные алгоритмы поиска путей, формирующих методологию основополагающих подходов в развертывании визуальной архитектуры целостности мироздания, предваряющей построение монополивариантного учения ноосферной синархии. Начиная с решения общих вопросов нам далее легче будет понять не только внешне видимую архитектуру хронотопов, но и существо самого ансамблеобразования.

5.1. Обзоряемость средового хронотопа: предметно-субстратная ситуация

5.1.1. Ситуативность бытия хронотопов

В научной литературе еще не строго представлена семантическая однозначность целого ряда понятий, связанных с центральными и смыслообразующими категориями «пространство» и «среда». В своих модификациях пространственная среда конкретизируется на искусственную и естественную, комфортную и дискомфортную, экологическую, техническую, социальную и т.д. (см. Биола Г., Буюва Л. П., Дей У. А.). Все эти понятия отражают разные аспекты вещественных составляющих гуманизации мира окружающего человека. Например, понятие «предметно-пространственная среда» традиционно обозначает зрительно постигаемый синтез архитектурной (пространственной) и дизайн (предметной) – среды, а понятие «архитектоника среды» семантически отражает совокупность тектонико-технологических закономерностей организации искусственно создаваемой человеком предметно-пространственной среды.

Многозначное истолкование даже традиционных понятий творчества, отражающих многоаспектность обозрения окружающей человека пространственной среды, усложняет общение специалистов различных научных отраслей, областей проектирования сфер прикладного искусства. Как правило, в процессе визуализации информации об окружающей среде возникает серия вопросов, на которые нет универсальных ответов. В анализе проблемного поля исследования предмета архитектурной и архитектурной предметного мира возникает необходимость определения понятия «пространственно-средовой подход». Требуется конкретное определение среды, понимание ее границ, полей и сфер сопряжения с созидательной деятельностью, опредмечиваемой в видимых формах пространства различных размеров.

Особый интерес в методологическом анализе визуальных начал архитектурного взаимодействия человека и предметного мира с позиции средового подхода представляет искусственный процесс формирования второй

природы средствами техники и архитектурного, и градостроительного искусства. Одновременно они выступают и как средства труда в виде комплекса вещей, самой земли, сооружений. Чрезвычайно важной для их понимания является известная трактовка средств труда как сферы действий человека и материальных условий труда, без которых процесс трудовой деятельности совсем невозможен, или может происходить несовершенном виде. В творческом труде человека эстетически и экономически значимая предметно-пространственная среда вовлекается в непрерывный процесс обновления общественной жизни, одновременно продолжает развиваться и по законам собственных имманентных процессов [159, 90. 89].

Рассматривая «жизнь» вещей как рукотворных предметов в качестве архитектурных образований в составе среды, необходимо отметить, что они существуют и развиваются благодаря деятельности людей. Идеальной целью в функционировании отдельного элемента выступает обогащение посредством его помощи человеческой жизни и деятельности. Предмет как органический элемент среды является относительно самостоятельным, автономным в экосфере обитания человека или урбанизированной системе, создаваемой людьми. Человек видит предметы в их внешнем облике. С позиций средового подхода визуальные качества предметных форм фиксируются самым непосредственным образом в виде их графического, кинематографического, фотографического, голографического и виртуально-сценографического изображения, отражения.

Архитектоническое явление (артефакт, произведение, предмет, вещь, образование) как исходная визуальная единица окружающей человека среды имеет несколько основных уровня своего существования. Первый – индивидуальный для каждого конкретного вида рукотворного произведения. Второй определяется целесообразным синтезом отдельных вещественных форм в едином предметно-пространственном ансамбле, формирующем целостную единицу среды. В связи с этими и иными уровнями рассмотрения артефактов и произведений важны подобные аспекты, связанные с усложнением задач. Во-первых, с систематизацией данных по отдельным направлениям исследований архитектурных закономерностей в частных проявлениях продуктивности человеческой деятельности. Во-вторых, с анализом того, как, соединяясь в ансамбле, отдельные содержательные формы вступают в синтез и рожают качественно новые и более целостные образования, не сводимые к своим составным частям. В-третьих, проявляется феномен непонимания удаленности явлений творчества от самых начал искусства и культуры.

Такое многоплановое разделение содержательности форм творчества не противоречит гегелевскому толкованию о существовании относительной целостности отдельных искусств и отдельных особенностей формирования

человеком своего окружения «в рамках архитектурной целесообразности». В созидании человека преследуются цели, определяемые логикой формирования изначальных пространственных принципов средового подхода. Первая цель заключается в преодолении разорванности представлений о существовании типов предметных объектов в составе материальной среды. Вторая цель связана с необходимостью дальнейшего и более глубокого упорядочения и типологизации близких по характеру рядов архитектурных явлений. Тем самым закладываются методологические основы поступательной диалектики отрицания в системе «предмет – комплекс средовых предметов – система предметов среды». Возможность перехода одного в другое как принцип совершенствования выступает исходной предпосылкой в системе формирования среды предметно-пространственного мира.

Существует ряд подходов в этом плане. Один из них представлен концепцией Нижегородского Философского клуба. Суть ее заключается в том, что исторически пространственно освоенный универсум (вся объективная действительность) превращается в мир – познанный, духовно окультуренный человеком часть универсума. Человечество утверждает себя в этом мире не только духовно, но и материально. Практически освоенная часть универсума является средой. Согласно этому подходу в самом общем виде «...среду можно представить как единство генофонда и социофонда, существующих на субстрате предметных форм человеческой деятельности. Среда = экос + технос + генос + социос...».

Исходя из этой тезисной формулы профессора Л. А. Зеленова, можно развернуть систему взаимосвязанных понятий сопряжения сфер и сред. Экосфера (экос) – экосреда, практически освоенная человеком и втянутая в его деятельность часть естественной окружающей среды. Геносфера (генос) – геносреда человека, его естественная биологическая основа, определяемая демографическими закономерностями. Техносфера (технос) – техносреда (предметно-пространственная, вещественная среда как предметные формы культуры), созданная человеком (архитектурная, техническая, художественная и т.д.). Социосфера (социос) – социальная среда (система социальных образований как общественных условий существования человека). В контексте разных подходов происходит разделение родственных понятий, в частности, «социос» и «социум».

Архисложное взаимодействие экосреды, техносреды и социальной среды человека определяет развитие в целом системы среды. Эти крупные членения, видимо, справедливы в целом на планетарном, а в чем-то – и межпланетарном уровне. Анализ типов предметно-субстратной основы среды может быть подвергнут сомнению с позиций уфологии, но это скорее связано с еще не

раскрытыми загадками невидимого и не познанного нами мира архитектоники космопланетарного феномена пространства внеземных форм жизни.

Рассматривая отличия художественно значимой предметно-пространственной среды и включенных в нее произведений от областей «чистой техники» и «чисто идеологических искусств», отвечающих материальным и духовным сторонам социальной жизни человека и общества, профессор МАРХИ К. А. Иванов считал, что архитектура и дизайн, «будучи взятые вместе, отвечают высокому определению искусственной среды как «второй природы» человека» [63, с. 8]. С этим убеждением можно согласиться при условии, что вторая природа этим не ограничивается, а лишь существенно характеризуется и дополняется градостроительством и вещной средой. В частности, рассматривая многоуровневый характер продуктов материальной культуры (дизайн, рекламу, прикладное искусство, архитектуру), академик А. Г. Егоров предупреждает об опасности упрощения – «вульгарного социологизма» – и недооценки сложной структуры эстетической культуры общества [51, с. 145].

Важнейшей составляющей организованной материальной среды является предметно-пространственная среда. Термин «предметно-пространственная среда», служащий для обозначения социально значимой среды, рассматривается в этом аспекте как связанный с термином «эстетическая среда», закрепленным в научном обиходе на седьмом Международном эстетическом конгрессе, проходившем в 1972 году в Бухаресте. В советское время существует несколько идеологически увязанных с упрощенными моделями концепций организации предметно-пространственной среды как эстетически организованной материальной среды. Исследователи произведений советской архитектуры Н. Т. Савельева и А. М. Журавлев, анализируя представленные в специальной литературе точки зрения на эстетическую среду, выделяли четыре наиболее важные, по их мнению, концепции-подхода: экологическая, утилитарная, художественная и интегральная. Последний они считали наиболее продуктивным [136]. Эта схема может быть дополнена парностью концепций: интегральная и дифференциальная, техническая и экологическая, утилитарная и художественная.

Место искусственно создаваемой человеком среды и ее важнейшей образующей – предметно-пространственной среды – в типологии «среды» хотя и может быть определено, однако указать его однозначно вряд ли возможно. С одной стороны, это преимущественно техносреда, а с другой – включает в себя систему эко-, гено- и социосреды. Если такая целостная предметно-пространственная среда, как город не мыслится без людей, без ее абиотической и биотической составляющих, то соотносительным интегральным понятием здесь вы ступает природа (см. Ахутин А. В., Круть И. В., Забелин И. М., Одум

Г., Одум Э.). В единстве культурного и цивилизационного раскрывается диалектическая пара противостояния первой и второй природы.

Архитектоническая среда как искусственная и как субстратное начало в архитектонике предметного мира является одним из его крупнейших структурно-изменчивых элементов. Она формируется в системе архитектурной, дизайнерской, инженерной и художественной деятельности. Искусственную среду составляет интеграция произведений архитектуры, дизайна, градостроительства, декоративно-прикладного искусства, различных видов утилитарно-художественных и ремесленных изделий. Результатом синтеза предметно-пространственных форм города становится комплекс архитектурных произведений – ансамбль.

Предметные элементы составляют основу организации среды. Эстетическая организация предметно-материальной среды – ее архитектоника – наиболее полно проявляется в составе городской среды. Возрастание роли культуры в системе общества положительно сказывается на всех типах материальных систем. В совокупности они образуют значимую для человека градостроительную, архитектурную, техническую, урбанизированную материальную среду, в которой город выступает как интегральное архитектурное образование [54].

Понятие предмета – произведения в градостроительстве соотносится с понятием системы предметов – ансамбля как единоположенность части и целого. Это органично единая предметно- и пространственно-локализованная средовая система, жизнедеятельности людей. Предметно-пространственная среда города может быть исследована как совокупность всех реально функционирующих, визуально воспринимаемых архитектурных явлений. В архитектонике пространственного взаимодействия среды и включенного в нее каждого отдельного предмета как произведения проявляется диалектика части и целого.

5.1.2. Предметно-субстратные типологии

В 1972 году на Всемирном конгрессе по типологии в Нью-Йорке была предложена следующая иерархическая классификация составляющих предметно-вещного мира: элементарные частицы (корпускулы и волны), атомы (ассоциация и диссоциация), молекулы, организмы (органы и симбиозы), агрегаты (люди, здания, оборудование и т.д.), планеты, звезды, галактики, метagalaktiki, вселенная. В основу этой классификации положена размерность визуально воспринимаемой среды от микро до макромира. В данной последовательности интересно соотношение различных уровней организации среды в плане включенности одной среды в другую в иерархических пространственных системах координат. Это начало проблемы визуальных уровней размерности

среды обитания человеческого общества в единстве «живой этики» и «Русского Космизма» (рис. 36, 37).

Эстетические и этические отношения людей пронизывают весь освоенный человеком мир, но естественным образом они проявляются на уровне обычных человеческих отношений. Человеческое восприятие намного богаче и шире визуального восприятия и обогащается за счет этико-эстетических начал. Исходя из этого, для среды обитания могут быть построены свои аудиовизуальные и сенсорные типологии, отражающие абстрактно-логические критерии и чувственно-конкретные параметры человеческого переживания. Включенность в среду разных типов людей с единой структурой взаимодействия способствует преобразованию искусственной предметно-пространственной среды в модифицированное целое с богатым вариативным потенциалом.

В связи с анализом закономерностей интеграции предметных форм интересно проследить некоторые исторические закономерности диалектики развития различных пространственных сред в их визуальной конкретности. Так, экосреда глобально представлена противоречивым единством абиотической и биотической сред.

Причем биотическая среда как более сложная по своей архитектурной организации возникает позднее и насчитывает более трех миллиардов лет, тогда как Земля в качестве планетарного целого зародилась значительно раньше. Солнце как определенная предметность типа рядовой желтой звезды существует более пяти миллиардов лет. В земных условиях естественная биотическая среда поднимается до уровня агрегатов, исключая микроорганизмы и их популяции, в своей структуре имеет два крупных блока систем: животных и растительных (см. Будыко М. И., Тарко А. М., Петрова Е. Н., Уорд Б., Дюбо Р.).

Визуальное богатство всего живого представляет собой яркий аналог для развития искусственных форм, создаваемых человеком. Искусственная пространственная среда (например, первые пещеры, приспособленные для жилья) насчитывает около пятидесяти тысяч лет своей истории. Более высокий качественный уровень организации среды, связанной с появлением классово-формационного общества, возник несколько тысячелетий назад. В настоящее время происходит революционный скачок в нравственно-эстетической организации среды. Эти этапы свидетельствуют о колоссальной эволюции, приведшей к мощному калакагатическому скачку в формировании естественных и искусственных пространственных сред в единстве добра и красоты.

Тысячелетия разумной жизни по отношению к миллиардам лет естественного абио- и биотектонического развития планеты ничтожно малы. В масштабе времени – это мгновенный революционный скачок в развитии «самоопределяющейся» среды.

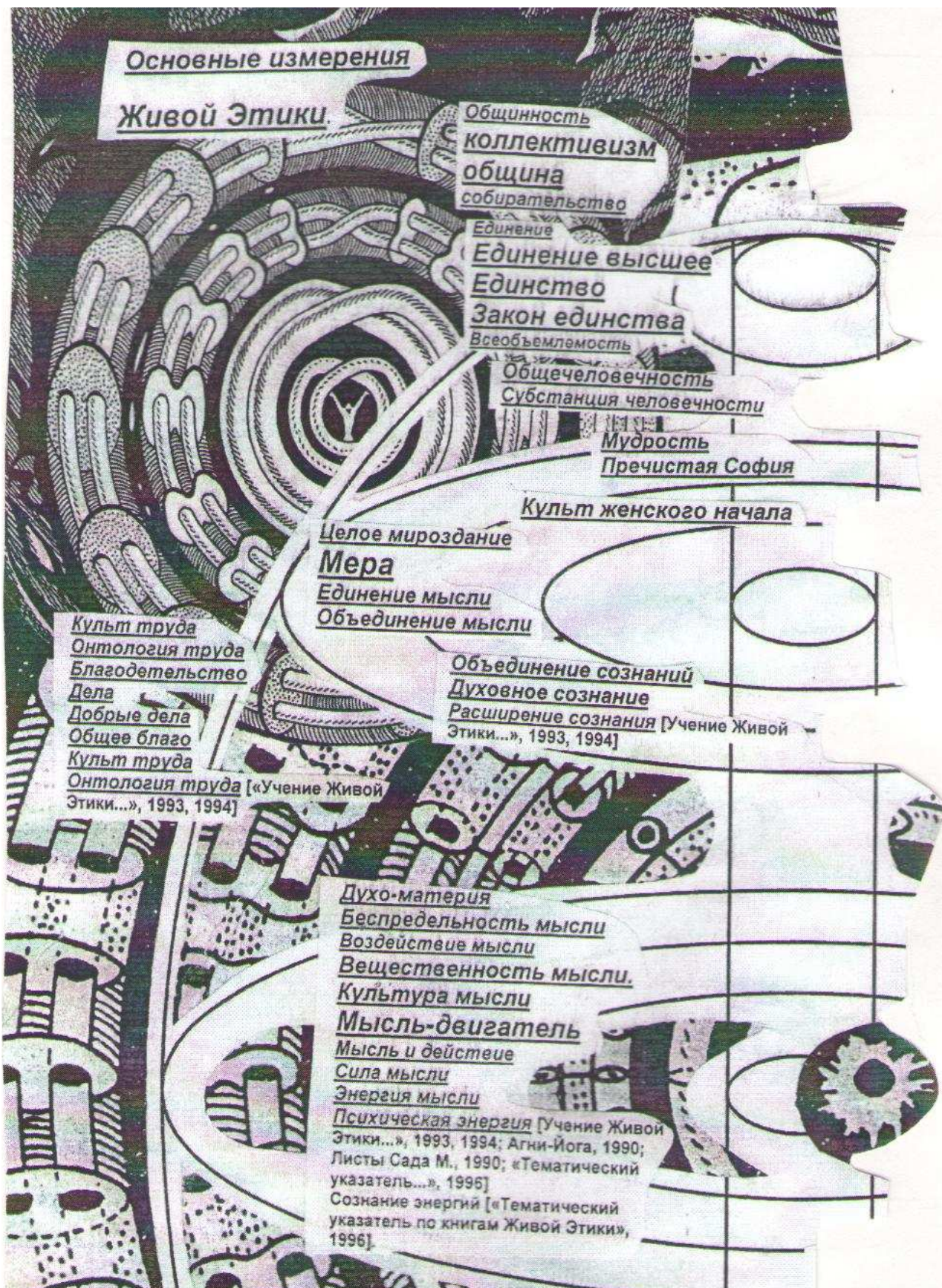

Рис. 36. Главные позиции основных измерений живой этики в последовательной структуре предложенной А. И. Субетто на фоне топологической иллюстрации А. Т. Фоменко

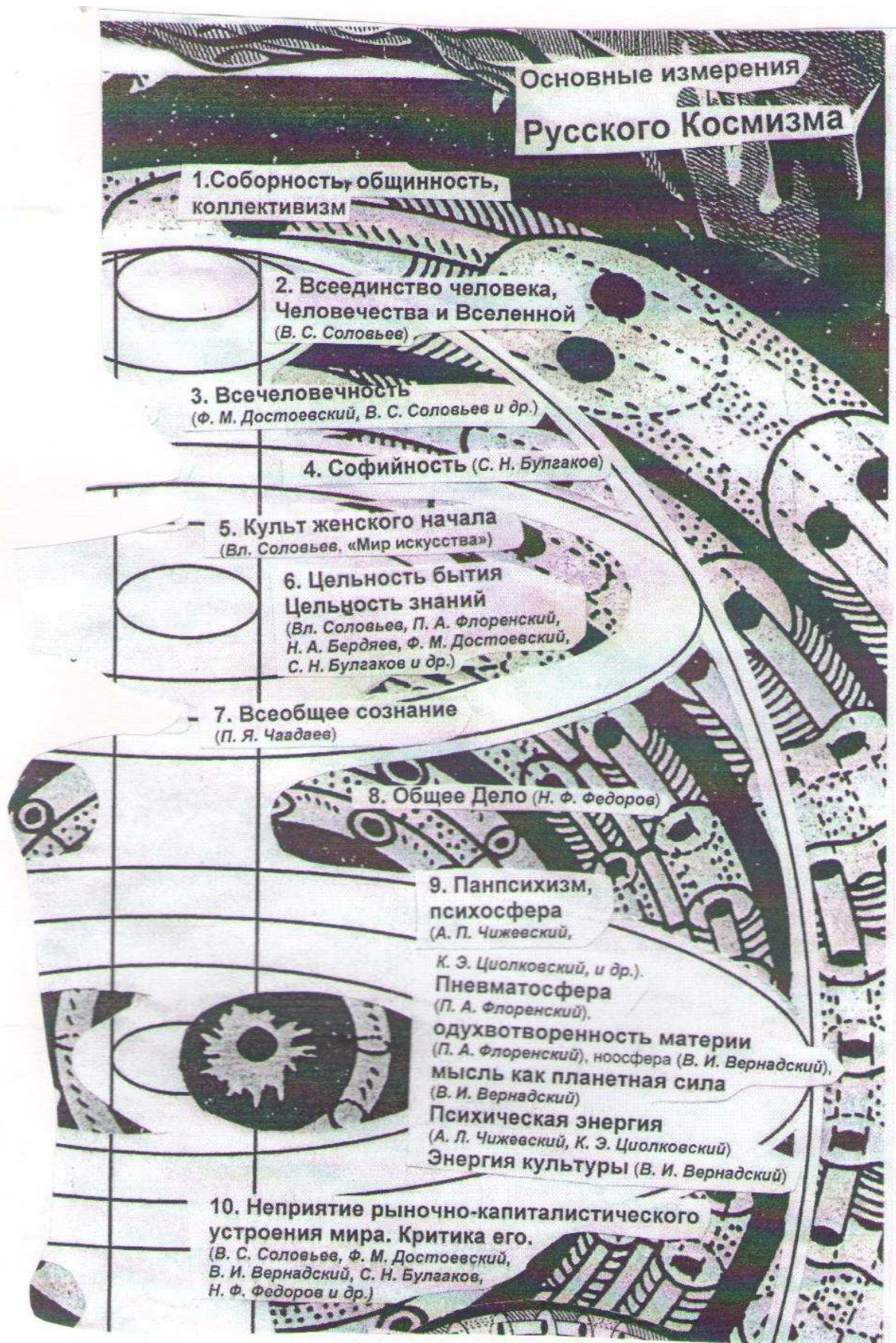

Рис. 37. Главные позиции основных измерений Русского Космизма в структуре предложенной А. И. Субетто на фоне топологической иллюстрации А. Т. Фоменко

На ее эволюцию природа тратила миллионы лет, цивилизованное человечество творит ее за тысячелетия. Интеллектуальный потенциал человеческого созидания в масштабе времени оказывается намного эффективнее метода проб и ошибок, которым шла природа.

Расширение пространственных зон влияния – «экспансии» искусственной среды по отношению к естественной – происходит все более активно в связи с научно-техническим прогрессом. Ускоренными темпами развиваются обширные районы, территориально-промышленные комплексы, урбанизированные агломерации и ареалы. Они основательно изменяют лик Земли. Качественно необратимые преобразования суши приобретают глобальный характер. Архитектоническое становится универсальным средством в преобразовании всей системы пространственной среды. Будущее человеческого общества, рассматриваемого как культурная биосоциальная среда, существенно зависит от процессов гуманизации искусственной среды. Процессы дегуманизации среды представляют собой мину замедленного действия на пути человека в будущее.

В конце 80-х гг. XX в. на страницах печати заговорили о тектоническом оружии. Военные лукаво утверждали о невозможности создания такого оружия. Однако и накопленный термоядерный потенциал становится все более соизмерим с энергетикой действующих вулканов. И искусственные тектонические процессы (например, развитие подземной урбанистики или строительство систем гидроэлектростанций) пока мало соотносимые с естественной тектоникой планеты обладают потенциалом, соразмерным в мирном строительстве с военными разрушениями. Время все расставляет на свои места. Китайская стена или кремль российских городов – это «памятники оружию защиты», которое в ряде случаев просто не дожило до наших дней из-за неэффективности или ненужности.

Понятие среды как содержательной вещественной, энергетической, информационной сторон предметного мира определяет и концепцию оценки этого мира. Предметно-пространственная среда в ценностно-вещном аспекте рассматривается в единстве составляющих ее архитектурных образований. Предметное богатство (единство экоса и техноса) и человеческое совершенство (единство геноса и социума) являются предпосылкой наращивания содержательности архитектурных произведений. Культурологическая, эстетическая и этическая природа искусственной среды необычайно полно раскрывается в творческом преобразовании пространств предметного мира. Совершенство характеристик человеческой деятельности определяет уровень гуманистически возвышенного формирования среды. Своеобразная универсальность «средового подхода» к анализу архитектурных явлений обусловлена пространственным феноменом среды. В нем находят свое отражение

социокультурное и калакагатическое совершенство строительных актов человека. Сам человек и его жизнедеятельность есть недостижимый идеал формирования гуманной среды пространства обитания людей.

Значение среды в архитектонике предметного мира постигается в опыте, в интегративной по своему характеру человеческой деятельности. Правомерность «средового подхода» к анализу проблемного поля архитектурного, и в частности, к проблеме предмета архитектурного взаимодействия, обусловлена феноменом самой среды. Соединение двух феноменов – человека и среды – образует потенциальную возможность развития средового подхода на базе фактологического анализа архитектоники пространства и философской методологии архитектоники реального бытия.

5.1.3. Визуализируемая ситуативность среды

Природная среда, совершенствуемая человеком, обладает совокупностью общих и частных свойств: движением, связью и взаимодействием, в совокупности своих хронотопов (единстве феноменов и фактов пространства и времени), функцией и формой, материалом и конструкцией. Отвлекаясь от прочих свойств, можно представить существующее в артефакте феномена хронотопов как уникальный координатор (адресат) среды (см. Ахундов М. Д., Грюнбаум А., Мостепаненко А. М.). Предметность и пространственность – предельно общие моделируемые признаки среды. В результатах созидательной деятельности человека они получают свою специфику как в натуральном, так и в знаковом выражении.

Учитывая сравнительную статичность (относительную пространственную стабильность), например, архитектурной среды по отношению к среде, образованной продуктами дизайна, и для обозначения специфики среды как таковой, имеет смысл разграничить предметно-пространственную среду на пространственную среду, сформированную из архитектурных произведений (архитектура) и предметную среду с преобладанием дизайн-произведений (дизайн). Деление это в значительной степени условно и может быть оправдано, с одной стороны, необходимостью относительно целостных профессиональных представлений о предметно-пространственной среде, а с другой – аналитическим разведением объекта и его предикатов, сложившихся в мышлении специалистов: градостроителей и архитекторов, дизайнеров и художников-прикладников, монументалистов и ландшафтных архитекторов.

Обращаясь к создаваемой человечеством среде как источнику архитектурного богатства пространственного мира, важно иметь в виду, что ее типологическое разнообразие заключается в искусственной (непосредственно

создаваемой человеческой деятельностью) или естественной системах. Разделение составляющих окружающей человека среды по естественному и искусственному основанию определяет построение структуры составляющих предметно-пространственной среды. Она может быть представлена более специальными компонентами организованной средствами архитектурных искусств естественной (экологической) среды и искусственной (технической) среды.

Дальнейшее разделение предметно-пространственной среды возможно по ряду общих и специфических оснований. Ее формированием занята художественно-конструкторская деятельность – «сердцевина» дизайнерской деятельности, но классификационное богатство их составляющих определяется рядом дополнительных признаков: тиражированностью, промышленным производством, их связью с промыслами и ремеслами и т.д. Старые и новые составляющие среды и деятельности определяют своеобразные коэффициенты для новаций, инноваций, инвестиций.

Следует не забывать, что разделение социально-пространственной среды по естественному и искусственному основанию довольно условно. Отсюда и искусственность качества социальной проектности может быть подвергнута сомнениям в связи с естественностью ее включаемости в любую деятельность человека в составе среды. Поскольку дизайн является одной из форм творческой деятельности человека по созданию технических систем в социосреде, как правило, индустриальным или постиндустриальным методами в соответствии с функциональными и художественными закономерностями, то эти закономерности также корректируются самими социальными процессами. Это может проходить до отрицания одних закономерностей и возвышения других. Так, например, промышленный дизайн и артдизайн – это разновидности дизайна, но в его разных проявлениях – тиражированного и уникального. Совокупность технических систем образует технологическую среду, выступающую в качестве целостного продукта функционирования социотехнической среды предметно-пространственного мира.

На основании предварительно проведенного деления предметно-пространственных факторов архитектурной среды можно говорить о глобальных направлениях в формировании предмета исследования в различных направлениях архитектуры: экологической (ландшафт, сады, парки и т.д.), технической (предприятия, учреждения, здания и сооружения и т.п.), в дизайне (экологический дизайн – искусственные системы, ориентированные на сохранение, восстановление и изменение естественных систем, и техническом дизайне – транспортные искусственные средства, оборудование, ЭВМ и т.д.). Полярное разведение и дифференциация различных типов архитектурной

деятельности удерживают и синтезируют интегральные формы творчества. В частности, к ним в первую очередь относятся архитектурный и городской дизайн, который люди наблюдают в течение всей своей жизни в нарастающем объеме.

Ориентация при проектировании дизайнерами предметной среды только на техническую среду, отсутствие учета естественных факторов и закономерностей природной среды и не включение в поле рассмотрения пространственной среды не только отрицательно сказывается на общем качестве дизайн-произведения, но и сводит его многофункциональность к исключительно утилитарной функции. Многоликость, многоаспектность взаимопроникновения сред является причиной множества возникающих проблем, являющихся, несмотря на интеграционную сложность предметно-пространственной среды, источником широкого спектра творчества дизайнеров-проектантов со специалистами смежных областей.

Согласно логике определения среды, рассмотренной выше, подобной моделью фиксируется и ее идеализированная структура. В итоге модель включает обозначения полей, представляющих экологическую пространственную среду архитектуры, экологическую предметную среду дизайна, техническую пространственную среду архитектуры и техническую предметную среду дизайна. Границы этих условно представленных сред являются «жесткими» в теоретическом плане. На практике они «размыты» и достаточно изменчивы. На примере жилой среды можно видеть, как в современных сооружениях все виды перечисленных сред органически взаимодействуют (см. Карташова К. К., Сычев Ю. Б., Чертушек М.). Причем, растительные формы экосреды естественно входят в открытые внутренние архитектурные пространства жилого дома, а техническое оборудование преимущественно встраивается в его «закрытые» пространства.

По отношению к экосфере и техносфере предметно-пространственная среда выступает субстанциально, а по отношению к социосфере и геносфере – функционально, или атрибутивно. Обращаясь к проблеме структурной организации предлагаемой модели, еще не ставшей, но формирующейся в частную область научного знания, следует помнить, что внутреннее пространство фигуры, сопрягающей грани «мир» и «среда» целесообразно рассматривать как аналоговую модель отражающую «сферу» и «поле». Причем понятие «сфера», являясь общим для диалектически противоположных в данном контексте понятий «мир» и «среда», представляет собой не просто место абстрактных знаков, фиксирующих сопряжение понятийных полей, а отражает всю сложность взаимодействия универсалий усложняющегося информационного порядка, а также духовных моделей мира в зримых образах, выражающих реальную действительность (Аверинцев С. С., Аверьянов А. Н., Кутырев В. А., Прохоров М. М. Свидерский В. И., Суханов И. В.). «Поля» – это энергетика архитектоники пространства.

Многочисленно дополняемые объекты материальной созидательно-организационной (архитектонической) культуры общества формируют «костяк» развития второй природы. Выполнению этой задачи служит и типология предметно-вещных форм. Являясь средством в познании и преобразовании мира,

они совершенствуются и развиваются по мере накопления знаний в практике мироосвоения. От обычного словесного, линейно построенного описания они поднимаются к графическим моделям плоскостного и даже объемного логического построения, выстраивая тем самым пространственность визуального мышления. Подобно единовременной связи и отграничению одного понятия от другого графические модели отражают диалектическую логику системного построения содержания и формы среды человеческой деятельности.

Возможность универсальной интерпретации и модификации различных тем в графике позволяет создавать структурно-содержательные модели. Частные типологии и их графическое выражение в виде моделей могут быть также получены путем геометрических преобразований простых и сложных фигур. Инструментом построения обобщенных моделей выступает деятельностный и системный подходы, причем основой является среда как феномен архитектурного взаимодействия человека с предметным миром. Среда представляет собой материальный субстрат и вещественную определенность сложной мирозидательной трансформации пространственного окружения человека.

Итак, объединяющим началом неразрывно связанных подходов является интегрирующий архитектурный принцип. Он позволяет вывести методологию в плоскость как философского анализа, так и другого общенаучного или частнонаучного исследования. В структуре предлагаемой методологии вещественный подход, отражающий предметно-субстратные свойства реальных явлений, сближается со средовым подходом, а энергетический подход, раскрывающий функциональный генезис атрибутов среды, родственен деятельностному подходу. Вещественно-средовой и энергетически-деятельностный подходы выступают как методологические симбиозы. В слиянии с системно-информационным подходом порождается новое качество комплексной методологии, обладающей метасистемным характером. Подобно зримой модели ДНК в сдвоенной спирали архитектурная методология с ее комплексными подходами получает дополнительную устойчивость.

Среда – это субстрат деятельностного начала человека. Деятельность раскрывается как более высокая онтологическая форма развития среды. Если основу функционирования среды составляет взаимодействие человека с предметным миром, то в деятельности это может быть то же отношение, но уже при наличии цели у субъекта и продуктивных деяний, направленных на ее реализацию. Таким образом в процессе деятельности человек, совершающий целесообразные действия, превращается в субъект деятельности, а пространственная среда как метапредмет, включаемый в поле его целепреобразовательных мыслей, намерений и поступков, превращается в зримый объект.

5.2. Функционально-деятельностный хронотоп: процессуально-циклическое делопроизводство

5.2.1. Человек как изменчивый хронотоп деятельности

Специфической формой активных и целенаправленных отношений человека с предметным миром, рассматриваемых под углом зрения их непрерывного развития, является деятельность (см. Байлук В. В., Батищев Г. С., Каган М. С., Швырев В. С.). Она представляет собой целесообразное взаимодействие человека и предметного мира, в отличие от законосообразного взаимодействия неживых систем и геносообразного взаимодействия живых систем. Метод восхождения от абстрактного к конкретному позволяет выстроить последовательную цепь рассуждений и раскрыть иерархическое содержание архитектурного в развернутой конкретности возвышения человека в качестве субъекта в преобразуемом им пространственном мире.

Рассмотрим, как архитектурные начала взаимодействия субъекта и объекта в архитектурной деятельности человека наиболее оптимально и продуктивно направлены на преобразование предметно-пространственной среды как разновидности организованной материальной среды. При этом следует помнить, что и деятельность, и среду необходимо рассматривать с системных позиций философского анализа архитектурной культуры личности и общества.

Специфика деятельностного подхода визуально начинает раскрываться в функционально-атрибутивном анализе, а деятельность человека проявляется в зримом поле средового окружения. Особенностью визуализации деятельности человека является то, что ее смысловой план остается за кадром, хотя может быть развернут в виде аудиографики (сочетания звуковой и графической информации), текста или проекта, графически трансформированного. Сопряжение человека с окружающим его миром осуществляется через мир самого человека, а методом его самореализации выступает деятельность. «Мир человека – это прежде всего мир человеческой деятельности» [93, с. 51].

В деятельности отношения «человек – предмет» и «люди – вещи» преобразуются в отношение «субъект – объект». Однако преобразование это не настолько уходит от порождающих его первичных отношений, чтобы порвать с ними полностью. Отношение «человек – предмет» имеет большие логические предпосылки для обозначения человеческой деятельности, поскольку в основе своей она орудийна и результативна. Говоря словами К. Маркса, человек в практической деятельности «действует предметным образом» [101, с. 630].

В структурном плане последовательного построения визуальных кадров реальных процессуальных отношений система «объект – субъект» весьма сложна. Раскрывая деятельность в контексте трудовых процессов, В. В. Ким пишет: «При этом объект развивается на основе естественных динамических, структурных, функциональных законов. И субординация этих законов возникает в силу всеобщего движения. Субъект же содержит законы объектов в снятом виде, подчиняется в развитии им. Но субъект развивается на основе социальных законов, которые возникают и функционируют в силу трудовой деятельности»

[72, с. 223]. Таким образом, фиксируется иерархическая система закономерностей, включающих и субъектно-объектные. Видимая сторона внешних форм и движений субъекта и объекта – лишь верхняя часть «айсберга» их реальных связей и ограничений.

Функционально-атрибутивный анализ субъектно-объектных отношений и свойств необходим, но недостаточен, т. к. вне результата невозможно адекватно проследить динамику их имманентных и трансцендентных форм развития, поскольку результат предстает как видоизмененная субстанция объекта и субъекта. Функциональный анализ результатов деятельности человека по видоизменениям дает ключ к выявлению механизмов целесообразности этих деяний. Ранее рассмотрен взаимопереход понятий «архитектоническое», «архитектоническое произведение», «архитектоническое искусство», «архитектоническая культура». В понятийно-терминологической системе философии, эстетики, искусствознания, теории архитектуры, технической эстетики эти понятия живут своей специфической жизнью, имея при этом общие атрибутивные признаки, порожденные человеческой деятельностью.

Расшифровка данных терминов далеко неоднозначна, если учитывать, что они используются на любых уровнях в различных областях наук. Это затрудняет решение ряда актуальных философско-прагматических проблем. Обратимся к функциональному анализу результатов архитектурного творчества как целостного явления с позиций деятельностного подхода. Понятие «архитектоническое произведение» как исходная клеточка взаимодействия человека и предметного мира, а также как результат архитектурного творчества должно быть также рассмотрено с позиции «архитектонического искусства», обусловленного двумя его основными характеристиками: пространственной взаимосвязанностью со средой и с деятельностью.

Для подобного толкования существуют достаточные основания. Традиционно искусство рассматривают в двух планах: через совокупность художественных произведений и через художественную деятельность, или художественное творчество [20]. Нерасторжимое взаимодополнение этих двух планов на много ранее отмечал Г. Гегель [34]. Аналогично традиционное толкование музыки рассматривается как совокупность музыкальных произведений и музыкальной деятельности; литературы – как совокупность литературных произведений и литературной деятельности; архитектуры – как совокупность архитектурных произведений и архитектурной деятельности и т.д.

В контексте данной логики возможно различие архитектурного искусства как совокупности архитектурных произведений и архитектурной деятельности. Однако, понимание архитектурного искусства не только в плане специфической среды, но и как деятельности по ее производству и воспроизведению дает основания для дальнейшего углубления понятия архитектурного как критерия наиболее полно и многогранно функционирующей действительности. В графическом выражении архитектурное адекватно представляется в качестве атрибутивной экспоненты – формируемых элементов среды и компонентов деятельности. Единством и единовременностью этих составляющих характеризуется системный

подход в познании явлений архитектурного творчества. Здесь же находится «корень» пространственной проблемы мирозидательного архитектурного взаимодействия человека и предметного мира.

Какова логика становления деятельностного подхода в целом?

Универсальная и синкретическая деятельности общества исторически дифференцировались на относительно самостоятельные роды деятельности – экономическую и экологическую, научную и художественную, медицинскую и физкультурно-спортивную, управленческую и педагогическую (Зеленов Л. А. Труды «Философского клуба»). Они представляют собой ни что иное, как выделившиеся и самостоятельно оформившиеся родовые функции универсального взаимодействия человека с предметным миром отграниченных и перетекающих пространств.

Между тем, если есть виды и роды деятельности, то должны быть сферы и классы, области и разделы, типы и группы, подвиды и жанры деятельностей. Определение некоторых родовых деятельностей безотносительно к целостной модели деятельности ущербно как в иерархическом так и в общесистемном плане. Обращение же деятельности на жизнедеятельность и активность глобальных урбоэкологических комплексов также требует своих методов в типологизации и организации процессов взаимодействия. В этих пластах рассмотрения не должны выпадать транспортные и энергетические, градостроительные и демографические, военные и оборонные, этногенетические и государственно-политические деятельности. К тому же глобальные и локальные различия заставляют их разводить в соответствии со спецификой и масштабом субъективных взаимодействий с модифицированным по родовым качествам объектам.

5.2.2. Архитектоническая деятельность

Исходя из универсальности человеческой деятельности по созиданию гуманного мироздания, целесообразно говорить о единых основаниях системной архитектурной классификации деятельности и выстраивать ряды ее фундаментальных формационных сфер. Формирование в деятельности человека социума и гуманной среды его обитания, по возможности не нарушающей законы природной среды, осуществляется в творчестве людей.

Специфика архитектурной деятельности как созидательной заключается в том, что это одновременно и самостоятельный род деятельности и интегрирующее начало всех восьми родовых деятельностей. Сущностью созидательной деятельности является преобразование реального мира, а весь этот мир зиждется на созидании и строительстве всего и во всем. Разрушение есть антипод созидания. Совместно они, как правило, образуют необходимый момент организации преобразований. Архитектоническая деятельность является интегральной для составляющих ее деятельностей.

Рассмотрим природу архитектурной деятельности. Если художественная деятельность образно отражает и лишь частично преобразует мир по законам красоты, то художественно-утилитарная деятельность (архитектура, дизайн, художественная гимнастика, эстетотерапия) более всего преобразует

объекты и субъекты, основываясь на этих законах. Общим для них является творчество по созданию прекрасных, а в случае нарушения – безобразных произведений. В оценочном смысле полярность «прекрасное – безобразное» определяется понятием «эстетическое», а «дорогое» и «дешевое» – понятием «экономическое». Рассмотрение продукта труда человека в двух аспектах (товара и произведения) – имеет и две стороны функционально-атрибутивного анализа: экономического и эстетического. Один мы видим во всей привлекательности цветов и красок, второй остается иллюзорной тенью первого, и его можно видеть лишь через экономическую информацию и фактическое благополучие жизнедеятельности людей.

Экономико-философский анализ результатов труда человека представлен в трудах экономистов, а его связь с эстетическим лишь была намечена. Между тем, эстетическая деятельность есть единство двух ее форм: художественной и художественно-утилитарной, другими словами, – единство субстанционально-атрибутивной и функционально-прагматической сторонами творческого труда. Следует заметить, что эстетическая деятельность по ряду позиций совпадает с экономической деятельностью и между ними нет непроницаемых границ. Это так, особенно если учесть, что виды и аспекты различных деятельностей взаимопроницают и в реальности выступают в нерасторжимом единстве. Отсюда можно говорить о «магнитных полюсах» архитектоники системной модели человеческой деятельности – культурно-эстетической и финансово-экономической. Художественно-научная и технико-технологические вектора творчества людей – своеобразные магниты этих полюсов.

Архитектоническая деятельность – это вид художественно-утилитарной деятельности по организации и преобразованию предметно-пространственных объектов, совершающейся по экономическим законам и реализующейся на экологическом, техническом и социальном субстрате. Архитектоническая культура общества в качестве способа своего существования проявляется в архитектурной деятельности в процессе функционирования ее субстрата, атрибутов, модусов. Структура архитектурной деятельности в какой-то мере повторяет структуру всякой творческой деятельности человека. Специфика ее определяется созидательным характером пространственных преобразований и организации некой новой объективированной предметности. В визуальном аспекте последняя имеет свои особенности.

Следует помнить, что в основании деятельности лежат субъекто-объектные отношения и свойства. Давая системную аналитическую характеристику человеческой деятельности, М. С. Каган отмечает, что она, «как социально сформировавшаяся и культурно организованная активность, имеет в своей основе разделение действующего лица и предмета действия, т. е. субъекта и объекта» [68]. Иными словами, в системе архитектурной деятельности субъект и объект получают свою спецификацию в связи с человеком созидющим и связанным с ним предметом созидания. Однако, наряду с диалектикой взаимодействия субъекта и объекта как основы деятельности существуют одновременные проблемы и других компонентов, аспектов, пластов пространства

деятельности (см. Лекторский В. А., Леонтьев А. Н., Любутин К. Н., Трубников Н. Н.).

Визуальный критерий в общеродовой и сферно-иерархической классификации деятельности людей призван сыграть свою существенную роль в выборе доминант типологизации. В качестве образного примера возьмем некое «всевидящее око», гипотетически подлетающее из вселенной к Земле, и констатирующее разбухание урбанизированных зон и качественную дифференциацию сельскохозяйственно-экологических территорий. Это явно суперглобальные деятельности человечества. При ближайшем рассмотрении можно говорить о селитебной и промышленной, аграрной и животноводческой деятельности, которые также угадываются в пространственном зонировании сред. Происходит визуальное разграничение жизнедеятельности экологических цепей и техногенной деятельности человечества как таковых.

Особо длительное и кропотливое изучение целенаправленного действия людей по получению нужных им результатов можно увязать с восприятием объектов архитектуры и дизайна, вбираемых градостроительством. Целесообразность организации предметно-пространственной среды в зримых типических формах может многое подсказать в плане выявления типов деятельности. При более детальном анализе наблюдений за людьми у них можно увидеть то, что тоже различимо обычным зрением и является типическим для взаимоотношений людей: административную и политическую, детородную и оздоровительную, коммуникативную и обслуживающую, юридическо-правовую и религиозно-обрядовую типы деятельностей.

Предметный мир, взятый с точки зрения его воспроизводства в единстве архитектурных образований, начинает свое бытие прежде всего в соответствии с пространством человека. Возникает проблема модификации субъекта персонализации деятельности. Архитектонические произведения создают люди-творцы, и эта связь очевидна. Но существует точка зрения, согласно которой произведение может существовать без публики, а в более широком контексте и без потребителя. С позиций функционального анализа результатов и процессов архитектурного творчества как единства эстетического и экономического аспектов эта точка зрения не состоятельна. Изделия и их комплексы, не имеющие потребителя, не являются ни произведениями, ни товарами. Теория товарного производства органически сопряженная с теорией творчества, подтверждает данное положение (см. Новотный О., Фимер Я., Евдокимова Т. Г., Ковалевский Д. Ф., Эванс Дж. Р., Берман Б.).

Продуктом архитектурной деятельности является конечное изделие процесса производства. Оно выступает как позитивное образование в отличие от негативного отхода и реализует в себе цель определенного этапа данной деятельности. Например, целью проектирования является создание проекта. Интегральная природа архитектурной деятельности позволяет говорить о ее существенной роли по отношению к любому из продуктов деятельности как таковой. В функциональном анализе созидательных процессов нельзя забывать о том, что конечный результат определяет весь процесс и саму деятельность в

форме целей и средств их достижения. Учитывая конкретный исторический характер архитектурного творчества, следует признать, что всякое его расчленение является условным и осуществляется с целью проведения философского или иного корректного функционально-исторического анализа. Предпосылкой для поэтапного и поэлементного деления архитектурной деятельности на ее составляющие является практика создания организованной среды обитания человечества и опыт ее теоретического осмысления.

Не занимаясь специально анализом моделей архитектурной деятельности, целесообразно использовать материалы исследований Л. А. Зеленова, Ю. Г. Божко, А. К. Иванова, В. К. Касимова, А. Э. Коротковского, Г. И. Лаврика, Т. В. Лебедевой, Николаева, А. Г. Раппопорта, Т. С. Савоськиной, М. В. Федорова, О. П. Фролова и др. Здесь важно выделение общих этапов в предлагаемых ими описаниях деятельности по пространственному формированию предметного мира. Это касается таких ключевых этапов, как исследование, проектирование, производство (изготовление, строительство), экспертиза, распределение (купля-продажа), обмен, потребление и утилизация.

В общем плане характеристика архитектурной деятельности посредством названных выше этапов становится достаточной. Необходимость их введения обусловлена реальной практикой и логикой возникновения большинства архитектурных произведений. Однако система архитектурной деятельности необычайно многогранна и может вместе с тем содержать вторичное производство и воспроизводство-консервацию, ремонт, реставрацию, реконструкцию, регенерацию и др. Для эффективности деятельности принципиальное значение имеет надстроечный комплекс организующих элементов: менеджмент, инвестиции, инновации, маркетинг, планирование, программирование.

В соответствии с основными этапами архитектурной деятельности следует выделить: предпроектное исследование (проектное задание), проектирование (проект), изготовление (произведение), потребление (деятельность человека, оптимизированная посредством предметно-пространственной среды), утилизация (вторичное сырье). При необходимости возможен повторный цикл: реставрация, реконструкция, ремонт; ревитализация, реновация, регенерация. Прикладные исследования, управленческое консультирование, экспертиза и критика, хотя и имеют специфические продукты (отчеты, акты и оценки), по существу опрокинуты на ведущие этапы деятельности и имеют дело с теми же главными продуктами.

Что касается купли и продажи, распределения и обмена как отдельных весьма специфических аспектов архитектурной деятельности, то они являются связующими производства и потребления и непосредственно не вносят изменений в структуру произведения. Следует, однако, помнить, что игнорировать связующие взаимообусловленные этапы архитектурной деятельности как сверхсложной экономико-правовой и этико-эстетической системы можно лишь до определенных пределов. Именно на стыке производства и потребления возникают значительные социальные проблемы, так что их

решение значительно влияет на производственные и потребительские процессы [151].

Непросто совершать восхождение к сущности меняющейся истины, исключая из поля зрения относящиеся к предмету внешние факторы, тем более действенные, что они наиболее зримы в его облике. Творческие люди достойны уважения, поскольку в деятельном акте они способны проделывать путь на себя обращенной бесконечности постижения лика бесконечного сущего: «облик – лик – знак – идея – идеал». Многоликость единого облика может быть образно представлена как философско-математическая модель. Как абсолют она многократно перекрученная жизненными перепетиями в подвижно осмысленной ленте Мебиуса, переходящая в бутылку Клейна. В этом гетерогенном феномене моделируются движения визуально-умозримой методологии, идущие от внешнего вида явления к его образу, затем преобразующие последний в символы, знаки, понятия и возвращая их чисто зримой идее в озарении, тем самым понятийно и семантически расширяя лик идеала, личину эйдоса.

Все создаваемое человеком призвано быть совершенным во всех отношениях. Целесообразность прекрасного как одна из детерминант гуманного мироустройства предполагает взаимосопряжение множества факторов в деятельности человека. Это означает, что «в чистом виде» не может идти речь только о законах красоты или законах нравственности. Бесконечная рефлексия самопознания человека на протяжении веков и в любой миг его бытия делает бессмертной надпись на храме Аполлона в древней Греции: «Познай самого себя». Этому максимуму творчества способствует особенность архитектурной деятельности, заключающаяся в создании новых иерархически построенных систем качеств, оценить которые возможно лишь в иных координатах отсчета, например, в сфере системного подхода, позволяющей структурировать системное представление в моделях.

Система как целое далеко не всегда обозрима, а потому окутана тайной визуальной неизвестности. Однако неизвестное может стать зримым не только в акте насилия, когда животное, победив соперника самым варварским способом, может видеть, что у него внутри. Возможность визуально целостно обозревать систему дает системный подход, средства которого позволяют видеть «внутренности», не нарушая ткань оболочки. В деятельности же в этих случаях на помощь просто приходит техника и компьютер, а в высших абстракциях системная телематика.

5.3. Системно-полисемантический хронотоп: единство общей теории систем, системологии, систематики, синергетики в синархии

5.3.1. «Син» в единстве системных подходов

Визуальная архитектоника мирозидания в плане методологической интерпретации восхождения от простого к сложному имеет свои иерархические ступени систематизма. Рассмотрены две из них: пространственно-средовой подход – в сопряжении человека с предметно-пространственным миром во всей

красочности его индивидуального восприятия, и деятельностно-функциональный подход – во взаимодействии субъекта и объекта в функционально жесткой визуализируемой инфографике социально-гуманитарных воззрений, менталитета, личностных доминант. Системно-полисемантический подход видится во всем богатстве теории и истории. Здесь следует оговориться, заметив, что критерий глобализации переходов в предлагаемой методологии весьма условен. Ведь на уровне зримых соотношений человечества с Землей органично проявляются и «средовой», и «деятельностный» подходы. Как сказал Аристотель: «Целое – больше суммы его частей». Иными словами, система среды человеческой деятельности больше, чем система среды или система деятельности с их пространственными и функциональными трансформациями.

Анализ третьей ступени системной всеобщей методологии визуализации мирозидания и перехода бытия в инобытие, целесообразно начать с философии истории и ее временного измерения – истории философии, поскольку принцип системности включает в себя и исторический принцип, являющийся сквозным для всех идентичных подходов и имеющий все большее значение по мере углубления архитектоники познания объекта. Время, особенно в миг его настоящего, есть высший судья истинности «вавилонских» созиданий во всех красках реальности: неестественной люминесценции и одновременно скупости красок, световом блеске побед и сумрачности трагедий земной истории человечества.

В истории философской мысли в контексте высших достижений в первую очередь следует отметить философов Аристотеля, Платона, Демокрита, Д. Дидро, И. Канта, Г. Гегеля, отечественных – В. Г. Афанасьев, Ф. В. Константинов, А. П. Огурцов, А. И. Субетто, А. П. Шептулин, которые в своих работах исследовали фундаментальные понятия «системы» и «целого», «элемента» и «структуры», «содержания» и «формы», «функции» и «развития». Разумеется, не только борьба материализма и идеализма в истории философии определяла смысл данных понятий, а соответственно, и особенности интерпретации человеческого труда, формирующего в идеале предметно-пространственный мир. Многие в этом плане было сделано представителями фундаментальной науки А. А. Богдановым, Л. Фон Берталанфи, Н. Винером, Ч. Дарвиным, Р. Декартом, Т. Куном, Г. В. Лейбницем, Г. Фехтером, У. Росс Эшби, М. К. Эшером и др. Своеобразное понимание философских представлений в плане современного системного подхода наблюдалось в работах Л. Фейербаха, К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Г. Плеханова, Н. И. Бухарина и их последователей. В их учениях проявлялось родство, которое характеризовалось переходом от описательности к активно-творческому началу, ориентированному не на отстраненное созерцание истины, а на получение и развитие нового, динамичного, деятельного и практического знания (рис. 38,39).

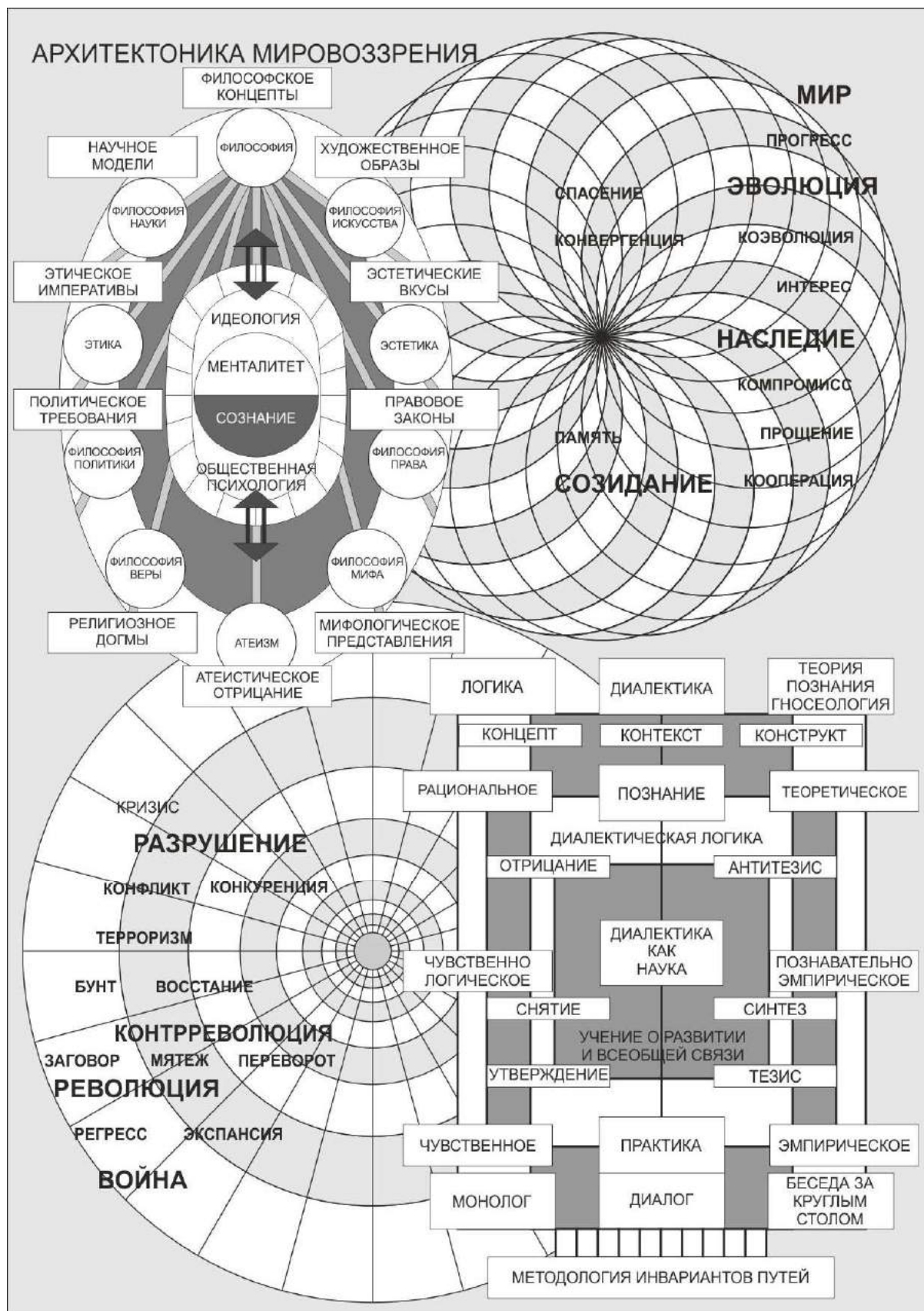

Рис. 38. Архитектоника познавательно-практических сетей эволюционно-революционных преобразований в идеолого-мировоззренческой архитектонике разрушения и созидания по спектру спасительных врат и порталов от войны до мира (графическое исполнение схемы «врат и порталов» Шилин В. В.)

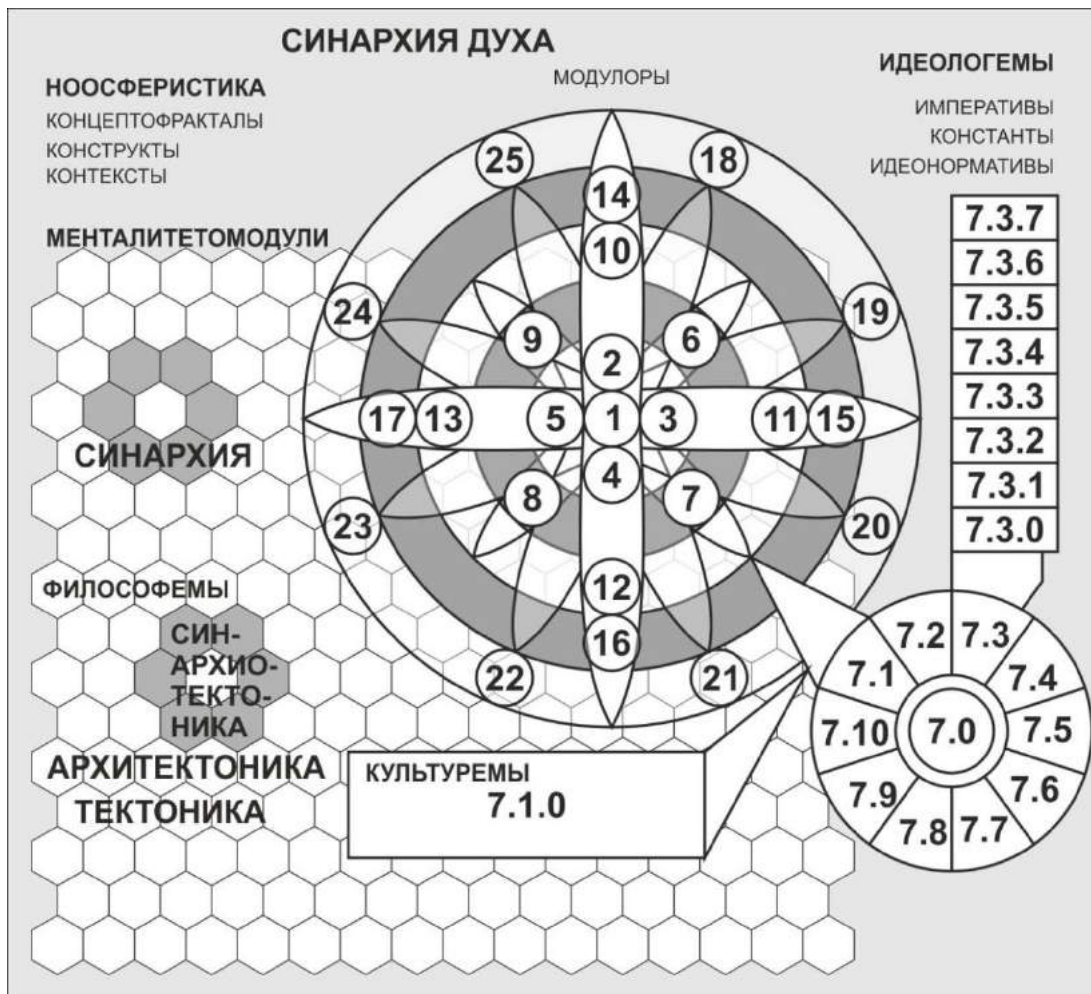

Рис. 39. Схема синархии духа в архитектурно-культурно-философском поле ноосферистики (графическое исполнение схемы «колеса и ячеек» Шилин В. В.)

1 – Философия (предмет, структура, функции). 2 – Диалектический материализм. 3 – Исторический материализм (учение об обществе). 4 – Философское учение о природе (диалектика природы). 5 – Философское учение о мышлении (диалектическая логика). 6 – Этика. 7 – Эстетика. (7.0 – Эстетика как наука. 7.1.0 – Ведущие междисциплинарные связи эстетической науки с другими науками. 7.2 – Марксистско-ленинская эстетика. 7.3 – Общая эстетика (метаэстетика). 7.3.0 – Формы эстетического сознания и действия. 7.3.1 – Эстетическое восприятие и вкус. 7.3.2 – Эстетические переживания и наслаждения. 7.3.3 – Эстетические взгляды, суждения и оценки. 7.3.4 – Обоснование и толкование эстетического идеала. 7.3.5 – Эстетическая деятельность. 7.3.6 – Эстетическое освоение. 7.3.7 – Эстетическое отношение. 7.4 – Теория эстетики. 7.5 – История эстетики. 7.6 – Теория эстетических отношений в природе. 7.7 – Эстетика искусства. 7.8 – Техническая эстетика. 7.9 – Эстетика спорта. 7.10 – Эстетика образа жизни). 8 – Научный атеизм. 9 – История философии. 10 – Философия как ядро научного мировоззрения. 11 – Философия как всеобщая методология. 12 – Философия и научная картина мира. 13 – Философия и составные части марксизма-ленинизма. 14 – Позитивизм. 15 – Экзистенциализм. 16 – Неотомизм. 17 – Франкфуртская школа. 18 – Неокантианство. 19 – Неогегельянство. 20 – Феноменология. 21 – Философия жизни. 22 – Прагматизм. 23 – Социальный фрейдизм. 24 – Персонализм. 25 – Структурализм.

История становления архитектурники взаимодействия человека и пространства – это история движения от фрагментарной к более целостной системе знаний о ее составляющих и о самой системе. Систематизация знаний концентрируется в специфических моделях (см. Горский Д. Л., Константинов Ф. В, Марахов В. Г.). Достижение качества системных моделей определяется уровнем универсальности системного подхода. Теория архитектурной культуры общества как глобальная система научных знаний построена на системном анализе и является основой формирования системной архитектурники, и в более широком плане – основой системологического раздела общей теории архитектурного. Системный подход как формализованный целостный подход в теории архитектурного искусства отвечает по своей сущности особому научному направлению. По существу методологическим вопросам архитектурники взаимоотношений отдельных подходов, в комплексе составляющих основу целостного архитектурного подхода, отведена данная глава.

5.3.2. Полисемантическая системология хронотопов

Рассматриваемый процессуально-полисемантический анализ системного подхода, характеризуется вариативной многозначностью смыслов архитектурных явлений как хронотопов. Полисемантическая лингвистика – это как тень вещи, которая всегда следует за вещью, повторяя все ее движения по отношению к источнику света. Таким источником для системной интерпретации вещей является архитектурника как критерий оценки и переоценки ценностей. Это она даже очень сложные построения в опосредованной системе отсчета способна оценивать однозначно: «черное – белое», «да – нет», «плюс – минус», «ноль – единица».

Аналогично тому, как один и тот же фрагмент жирового, организм преобразуется, оставаясь самим собой (зерно-растение-колос, куколка-гусеница-бабочка), одно и то же явление поворачивается к исследователю разными сторонами – в качестве целостного элемента среды и локализованного фрагмента жизни живорожденной системы (компонента-предмета-объекта). Специфика языка, характерная для каждого из подходов, позволяет увидеть новые качества и свойства в модификации зримых форм. Образное моделирование, присущее системному подходу, в графическом выражении принципиально отличается от зрительных возможностей средового подхода и визуально воссоздаваемых элементов деятельности, аналогичных, к примеру, неподвижности куколки-кокона, малой подвижности гусеницы и быстрого полета бабочки.

Разнообразные сложности жизни отдельного человека время от времени подводят его к решению «роковых» вопросов: «быть или не быть», «иметь или не

иметь», «стать или не стать». При их решении возникают комплексы проблем, которые задевают жизненно важные моменты бытия. При дефиците возможностей взвесить все «за» и «против», просчитать перспективный веер тех или иных поступков и дел, человек ограничивает свой выбор важнейшими для него факторами и процессами. В сложных граничных ситуациях человеку необходимо сконструировать модель системы и проиграть на ней варианты будущих ходов. В «чистом виде» системный подход достаточно условен и специфичен для разных объектов. Он как бы раздваивается, с одной стороны, уходя в конкретику частных фактов, а с другой, сопрягает общую теорию систем с архитектурной, логикой и философией.

Для облегчения понимания сложных процессов архитектурной деятельности в созидании пространства людей служат графические и вербальные модели, поскольку архитектура взаимодействия человека и предметного мира бесконечно сложна, она требует схематизации и упрощения. Очевидно, при создании условных моделей учитывается реальная сложность объектов. Системный подход – это средство, обеспечивающее и при схематически-визуальном упрощении постижение всей сложности архитектурных структур и объектов.

Развернутая методология системного подхода позволит органически связать средовой и деятельностный подходы в плане конкретизации анализа явлений в отношении их субстратов, предметных оснований и носителей и в отношении процесса и особенностей его функционирования. Деятельностный подход, таким образом, представляет собой иерархически более сложное моделированное продолжение субстратно-атрибутивного анализа явлений. В определенной мере деятельностный и средовой подходы в их современной интерпретации восходят к целостному анализу человека в единство тела и души, мышления и разума Р. Декартом, Б. Спинозой, Г. В. Лейбницем, утвердивших понятия «субстанция» и «субстрат», «атрибут», «модус», «монада», «эксперимент». Конечно, сегодня трудно говорить об однозначности толкования этих понятий в контексте визуального подхода, тем не менее, в этом плане он также может быть особенно эффективным в единстве понятий «мера», «модуль», «модульор», «модальность».

Исследование объектов как частей системы и одновременно как целостных систем является основой научной методологии в рамках системного подхода. Находясь в неразрывной связи с философским принципом деятельности, системный подход служит соединительным звеном для философии и фундаментальной науки, способствуя многоплановому развитию междисциплинарной категориальной системности [172]. Различный уровень философской и системной методологии, разграничение деятельностного и средового подходов дают возможность анализировать сами архитектурные

явления в их вероятностной иерархической сложности и множественности взаимосвязей с объективной, субъективной, виртуальной действительностью.

Совокупность отношений и свойств, в свою очередь, обеспечивает качественную определенность элементов предметно-пространственного мира. Предмет – это то, что человек в активном процессе взаимодействия ставит перед собой в качестве «меты». Понятие «человек» также шире понятия «субъект», поскольку характеризуется его активной включенностью в процесс деятельности. Таким образом, данные понятия снимают в себе диалектический переход «среда-деятельность-система» и остаются триедиными в различных своих иерархических модификациях, не утрачивая целостности и одновременно качественно обновляясь в постоянно совершающемся внутреннем цикле диалектической логики, проходящей этапы от объективного и субъективного идеализма до аналогичных инвариантов материализма.

5.3.3. Системодеятельностные компоненты среды как системы

Архитектоническое явление как элемент системы и находящееся в системных связях с другими явлениями, должно иметь определяющее его единое основание. Таким всеобщим основанием выступает среда человеческой деятельности в прямой связи с человеком-деятелем, с его природой и социальной средой. Единство среды и человеческой деятельности определяют гуманизацию сред как деятельностных систем, имеющих узкопрофессиональную или широкопрофильную ориентацию.

В современных условиях, например, особое значение приобретает развитие среды промышленных предприятий [28]. В связи с происходящими на них процессами активизации внедрения фирменного стиля происходит «тиражирование» красоты, удобства, экономичности, полезности, что существенно изменяет характер нравственных отношений людей-производителей. Посредством массового развития предметов и средств труда изменяется характер процесса опредмечивания труда. Основу этих процессов составляет визуальная информация. Качество ее, как правило, повышается с привлечением профессиональных дизайнеров. Машинное производство вытесняет человека из пространств предприятий, но там, где он остается, требуется научная организация труда.

Среда человеческой деятельности в благоприятных социальных условиях развивается как гармоническая и гуманная целостность и формируется, как было уже отмечено, в неразрывном единстве системы среды и системы человеческой деятельности, что требует разработки взаимообусловленных теорий среды и деятельности. Система среды архитектурных явлений определяется

диалектикой общего – макросреды (природы и общества) и особенного – микросреды (предмета и человека). Она раскрывается все более широко при развитии материально-пространственной среды как архитектурной системы организации предметно-пространственного мира.

В системе человеческой деятельности составляющие среды являются потенциальным резервом деятельности и превращаются в компоненты хронотопов деятельности (субъект, объект, средство, продукт); этапы (исследование, проектирование, производство, потребление); роды (производственная, экологическая, управленческая) и другие аспекты деятельности. Среда человеческой деятельности определяет свою меру человеческими факторами и анализируется с позиций социальной философии, философии человека, социальной психологии, общей психологии, демографии, эргономики. Проблема целостности предметно-пространственного мира раскрывается таким образом как проблема двуединой целостности среды и деятельности (см. Макаров М. Г., Ропиков Н. И., Фейерабенд Л.). На этой основе формируется понимание гомогенного и гетерогенного целого в бытии архитектурных произведений и ансамблей (художественной вещи и эстетической среды, интерьера и экстерьера, экспозиции и диспозиции) (см. Иконников А. В., Новикова Е. Б., Рождественский К. И., Рязанцев И. В., Швидковский О. А., Шепетис Л. К.).

В анализе архитектоники пространства значительное место занимают вопросы построения и упорядочения, симметрии и асимметрии (см. Вейль Г., Овчинников Н. Ф., Урманцев Ю. А., Успенский Б. А.) и сопутствующие им проблемы формы, структуры, элементов (см. Маркс К., Энгельс Ф., Агудов В. В., Вальт Л. О., Грецкий М. Л., Райбекас А. Я., Свидерский В. И., Тещенко Ж. Т., Уемов А. И.), специально рассматриваемые в теориях композиции, организации, управления. Анализ архитектурного произведения в структуре становления деятельности и системе формирования среды предполагает использование частных подходов, обусловленных спецификой исследования. Традиционное предпочтение средового подхода в анализе предметно сформированных бифункциональных произведений, например, научных, архитектурных или литературных, исторически обусловлено.

Если же говорить, например, об архитектуре, то А. Э. К. Шефтсбери относил их сооружения к первому (низкому) разделу красоты, т.к. «форма их создана или человеком, или природой, но в них самих нет силы формосозидания, нет ни деятельности, ни разума» [169]. В его учении о внутренней форме заложены идеи вечно творящих начал, формирующих «рисунок» величественной картины мира. Причем «внутренняя форма» также может быть выразительно-изобразительной стороной внутреннего содержания.

Классический подход (имеется в виду целостный подход к искусству созидания окружающей человека среды), заложенный в трудах Витрувия и Альберта Л. Б., и дополненный в работах Г. Земпера, У. Морриса, Л. Мамфорда, Д. Рескина и др., требует своего дальнейшего развития. Системное изучение не только художественных, но и утилитарных архитектурных объектов современной цивилизации предполагает использование не одного, а ряда взаимодополняющих подходов. Так, для решения проблемы историко-генетического анализа всякого значительного ансамбля как полифункционального культурологического явления в основу, прежде всего, должен быть положен философский подход. Хотя в чистом виде он редко существует и всегда дополняется историческими, социологическими, культурологическими, эстетическими, этическими и прочими уточняющими факторами. Целостно философский принцип конкретизируется в системном, деятельностном и средовом аспектах архитектуры. Общим объединяющим началом, связывающим все подходы, является их визуализация. Причем обычный текст является самой традиционной формой такой связи.

Углубление понимания архитектурного ансамбля как ключевого атрибута развития архитектурной культуры общества связано с проведением исследования на основе принципов деятельности, средообразования и системности, причем принцип средообразования является исходным в анализе синтезированных предметных форм пространства. Принцип деятельности позволяет увидеть предметы и произведения в процессе целесообразно развивающихся явлений. Принцип системности рассматривает проблему состава и структуры произведения в его историческом функционировании и в соотношении с другими аспектами архитектурной деятельности. Условием же дальнейшего раскрытия архитектуры мироустройства как главного объекта исследования является нахождение, отражение и дедуктивное использование общих философских принципов (см. Туркин Л. Л., Штоф Б. А.). Эти принципы справедливы в рамках различных графически осмысленных подходов и имеют интеграционное значение для научно-проектных работ в целом.

С позиций философской антропологии социальной философии, культурологии и эстетики системно-деятельностный подход объединяет общие принципы и закономерности, а категориальный аппарат становится средством исследования междисциплинарных научных областей. Доказывать продуктивность системной методологии в совокупности с методологией частных наук в решении поставленных проблем нет необходимости. Вопрос, скорее, в конкретизации и возможностях применения обобщающей методологии процессуально-полисемантического анализа (см. Дитрих Я., Исин А. А.,

Фурманова О. В., Кремьянский В. И., Шеменев Г. И., Шептулин А. П., Штоф В. А.).

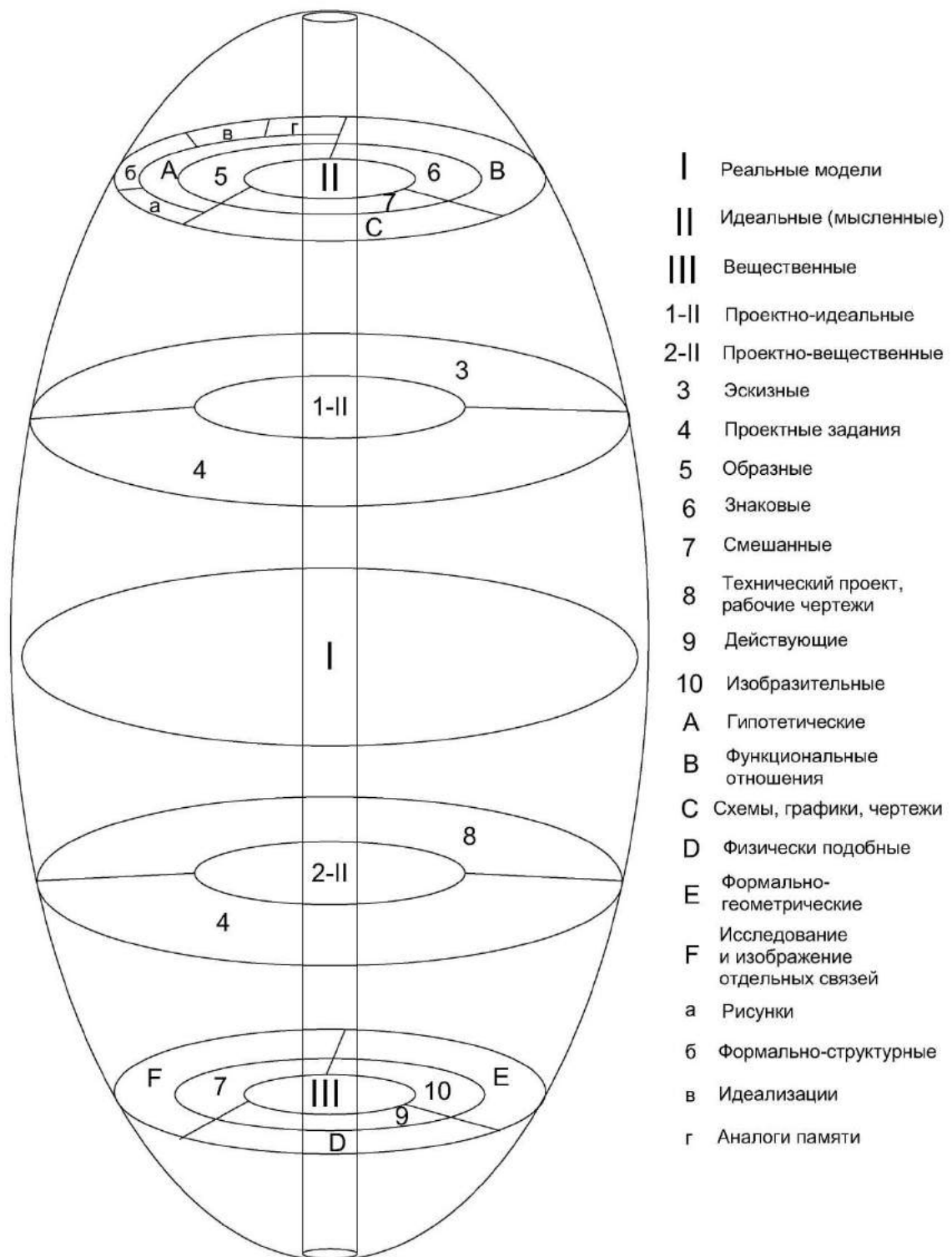

Рис. 40. Объемная схема основных понятийно-терминологических элементов моделирования

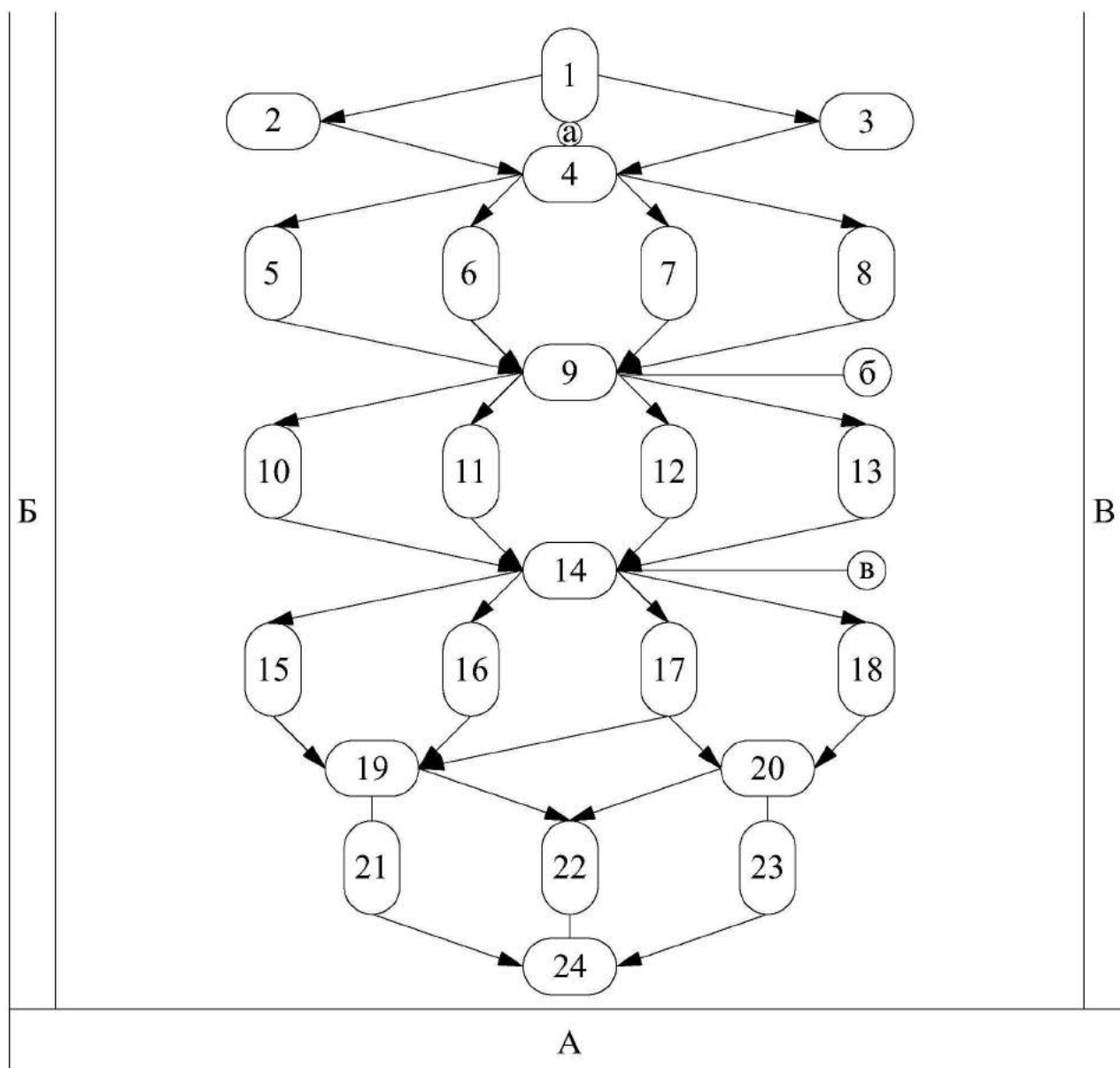

Рис. 41. Структурная схема процесса проектной деятельности

А – Руководство проектом; Б – Проектирование морфологически-технологических систем; В – Проектирование социально-функциональных систем; а – Бизнес-планирование; б – Модулирование; в – Моделирование, макетирование; 1 – Общее программирование; 2 – Согласие заказчика; 3 – «Испытание» автора; 4 – Основная программа; 5 – Краткий проект организации; 6 – Краткий проект оснащения; 7 – Специфическая программа; 8 – Краткий проект здания; 9 – Окончательная программа; 10 – Детальный форпроект эксплуатации; 11 – Детальный форпроект оснащения; 12 – Программа соответствия, детальный форпроект; 13 – Детальный форпроект здания; 14 – Утверждение форпроекта; 15 – Проект организации и эксплуатации здания; 16 – Проект оснащения; 17 – Программа соответствия, проект строительства; 18 – Проект строительства здания; 19 – Внедрение новой структуры эксплуатационной организации; 20 – Переход от рынка к подрядчику; 21 – Персональная подготовка, приобретение оснащения; 22 – Соответствие программы и выполнения; 23 – Строительство здания; 24 – Ввод в эксплуатацию.

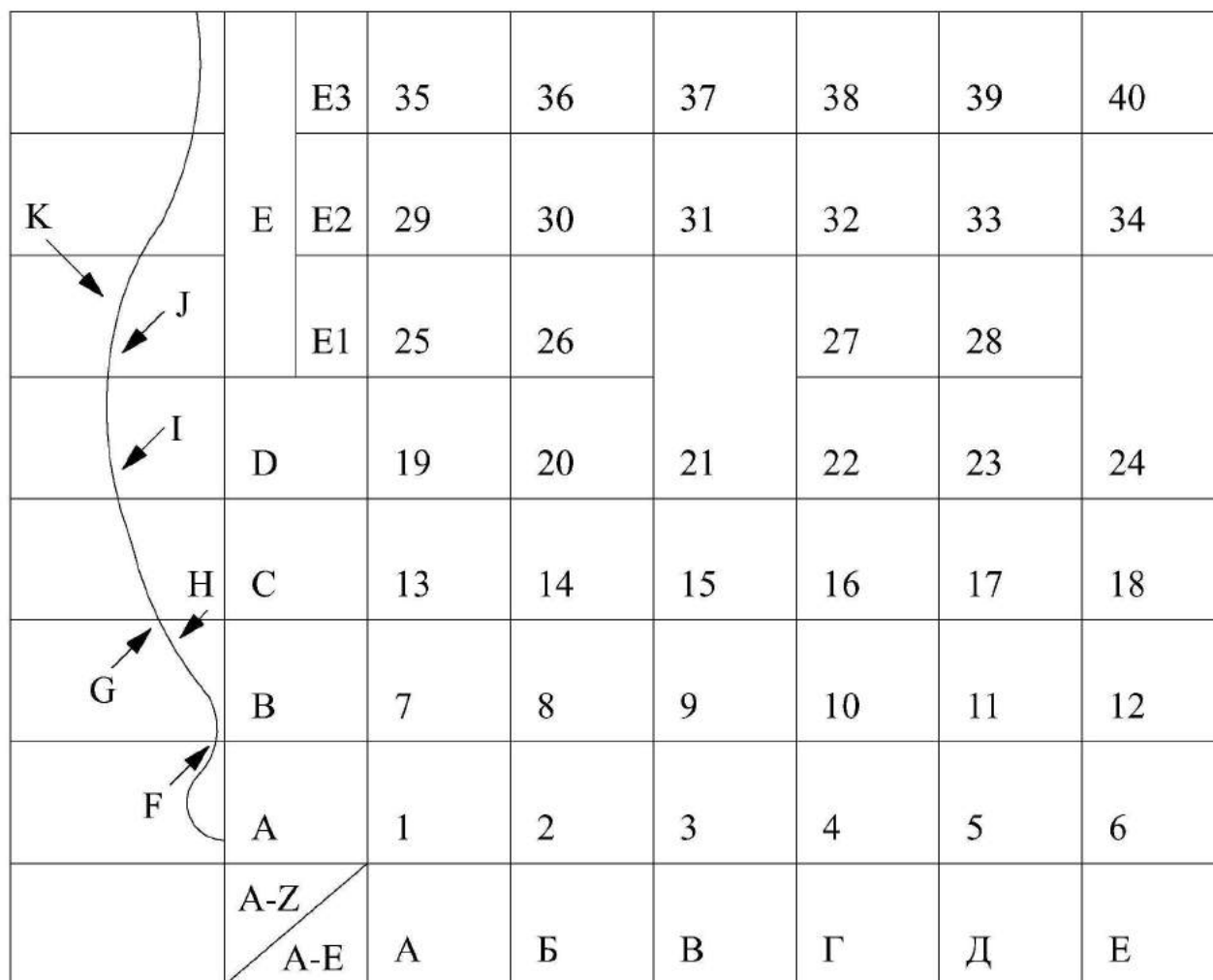

Рис. 42. Кривая жизненного цикла продукта для бизнес-проекта

А – Рождение; В – Рост; С – Развёртывание; D – Зрелость; E – Насыщение; E1 – Насыщение; E2 – Сокращение; E3 – Разложение; F – Подъём; G – Точка перелома; H – Объём продаж; I – Темп прироста ВНП; J – Темп прироста населения; K – Темп прироста < 0; А – Темп прироста рынка; Б – Изменение в темпах роста; В – Число сегмента; Г – Технологические изменения в конструкции продукта; Д – Темпы технологических изменений в конструкции продукта; E – Основная функциональная проблема; 1 – Низкий; 2 – Небольшие; 3 – Очень мало; 4 – Очень большие; 5 – Незначительные; 6 – НИР и ОКР; 7 – Высокий; 8 – Быстрое ускорение; 9 – Несколько; 10 – Большие; 11 – Незначительные/средние; 12 – Инженерно-техническое обеспечение; 13 – Высокий; 14 – Быстрое замедление; 15 – Несколько; 16 – Средние; 17 – Очень большие; 18 – Производство; 19 – Равно темпам роста ВНП; 20 – Медленное замедление; 21 – От нескольких до большого количества; 22 – Незначительные; 23 – Большие/средние; 24 – Маркетинг, дистрибьюция, финансирование; 25 – Темпам роста населения; 26 – Небольшие; 27 – Незначительные; 28 – Незначительные; 29 – Отрицательные; 30 – Быстрое замедление, остаются низкими; 31 – Мало; 32 – Незначительные; 33 – Незначительные; 34 – Финансы; 35 – Близкий к 0; 36 – Небольшие; 37 – Мало; 38 – Незначительные; 39 – Незначительные; 40 – Маркетинг, финансы.

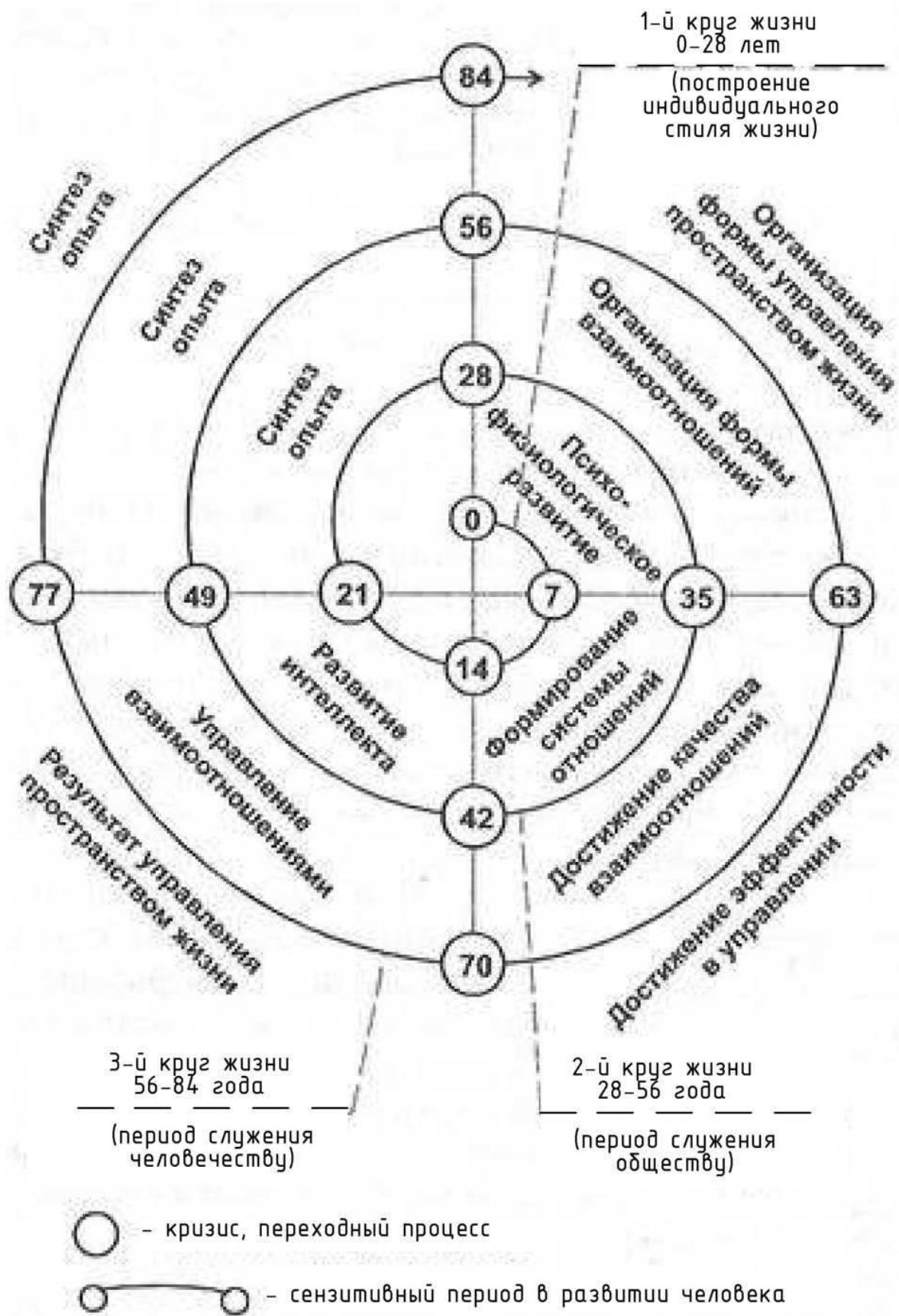

Рис. 43. Учебная работа Голубевой Е. А. по моделированию персональной спирали человека

Краткие выводы по пятой главе

В математике есть класс задач на «минимум», «максимум» и «оптимум». В концепции созидания он сопрягается с тройственной функцией архитектурного в его философской интерпретаций в значении «начал», «высших степеней» и «тектонизаций», а в системном аспекте – выход на понятия «гармонизации», «сопряжения» и «организации». Методологическое единство этих понятий и обуславливает профессиональный уровень архитектурного мироустройства очеловеченных пространств. Специалистам, занимающимся экономикой, управлением, социологией, все равно, так или иначе, приходилось возвращаться к культурологическим началам, а значит и к всеобщим реальным закономерностям архитектуры. Если не уметь к ним возвращаться (а механизмы этого возврата в значительной мере могут обеспечить философская логика и математика качества), то любое дело обречено на непрофессиональный, ремесленный уровень. Системные теории, восходящие к синархии, позволяют лучше понять на сколько больше целое, чем его отдельные части сами по себе (рис. 40 – 43).

ГЛАВА 6. ИНТЕГРАЛЬНОСТЬ ХРОНОТОПОВ

Главное концептуальное направление предварительно предлагаемых научных размышлений и перспективных разработок заключается в наглядном моделировании идеальных построений духовных феноменов и их аспектов в создании человеком своего окружения, а также в совершенствовании самого себя. Суть данного подхода заключается в зримом графическом воплощении умозрительных смыслов различных текстов и информационных сообщений. Невидимая для непосредственного наблюдателя коммуникативная функция, заложенная в любом проявлении интеллекта, может фиксироваться в реальных графических построениях на плоскостях – трехмерных и многомерных, в координациях и субординациях, предметных и знаковых построениях, иерархических смысловых морфологических структурах. В перспективе подобные наработки получать пространственные интерпретации в голографической информации, где части, как и в коре головного мозга, содержат знания о целом.

6.1. Интегральная синархия хронотопов

Определить, что же такое «визуальная архитектоника мирозидания» также сложно, как создать виртуальный портрет души и духа человека. Авторы в силу своих возможностей пытаются наметить лишь некоторые пути решения этой сверхсложной проблемы в логике понимания целостности хронотопов. Если в серии предлагаемых моделей нечто гуманистически целесообразное в какой-то степени удалось раскрыть, то можно считать проделанную работу позитивной. Многие цели, которые ставит перед собой человек, не всегда заранее осязаемы,

видимы, предвидимы. Но что значит поставить цель типа «Пойди туда, не знаю куда, и принеси то, не зная что», если она не зрима хотя бы в ее общих очертаниях и контурах даже в воображении? При решении великого множества жизненно важных вопросов в процессе деятельности возникает настоятельная потребность представить то, к чему творец стремится. Идет постижение того, что невидимо обычным взглядом, но зримо внутренним пониманием и подсказывается вспомогательными информационными системами в русле интуиции, синергирующей мудрости русского философского космизма посредством «единства в многообразии» (рис.).

Мир предметен, и даже мысль человека не может обойтись без материального носителя – мозга. Морфология мозговых извилин во многом определяет глубину и разветвленность архитектоники мышления. Иными словами, цель может быть внутренне смоделирована, духовно определена через идеальные структуры построения мира. Идеальность и материальность мира — это предельные абстракции, которые по жизни несостоятельны «порознь». При этом возникает вопрос: как взаимодействуют и как переходят друг в друга идея и предмет (идеи о предмете и опредмеченная идея)?

Предметная архитектоника смысла идеи и архитектоника самого смысла предмета, нераздельное их выражение – вот узловые концепции (генеральные идеи) подходов к решению вопросов визуальной архитектоники мирозидания. Как направление прикладных научных исследований она находит свое выражение. Прежде всего в зримых структурах и иерархиях. Однако в реальности имеет место и так называемое «внутреннее знание» (умозрение, прозрение и озарение) – не только то, что человек чувствует и внутренне видит в «картинах» действительности, но и системная структура мыслей и логических построений. У авторов нет сомнений, что они способны выразиться графически, поскольку любая мысль становится зримой через визуальное воплощение информации, будь то текст, ряды нулей и единиц двоичной системы знаков, или некая графически абстрактная, но смысловая модель.

Не вся информация, получаемая человеком, поступает к нему через зрительные каналы. Ее одновременно со зрением несут в мозг человека, слух, обоняние, осязание, вкус, моторика, «шестые» и «седьмые» каналы. Как значительный дискомфорт люди переживают утрату нормальной работы отдельных органов восприятия. Часто утверждают, что люди получают благодаря зрению до 90% всей информации. Это сомнительное допущение можно все же принять, если делать поправки на то, что глухонемые могут общаться при помощи видимых знаков, а слепоглухонемые защищают кандидатские диссертации, общаясь с людьми через прикосновения, порождающие образы и смысловые коды. Но суть дела в принципиальной возможности перевода любого

сообщения в зрительно-коммуникативный план, поскольку через каналы взаимодействия осуществляется связь вещественного, энергетического и информационного полей.

Компьютер, включенный в более широкую систему, систему графического построения и вывода информации, становится своего рода дополнительным «внутренним зрением» в универсальной архитектонике виртуального мироздания. Наряду с отрицательными числами в математике, в мироздании существует иллюзорная, или мнимая реальность, обладающая всеми признаками зримого поля. Возникающая на экране монитора пленочная ирреальная реальность обладает качеством визуализации переменной информации визуальной действительности.

В этом плане самой совершенной системой, созданной природой, является мозг. Он работает как со зрительными образами, так и со всеми видами поступающей информации, причем обладает колоссальными возможностями трансформации поступающих сигналов и той или иной степени адекватной психофизиологической реакцией на них. По своей сути мозг человека есть универсальная модель «внутреннего зрения», что подтверждается опытами людей, потерявших те или иные органы чувств, однако не утративших способности к вполне полноценному рационально-чувственному восприятию окружающей среды. Он фактически выполняет функцию визуальной архитектоники мироотражения, анализа и миропреображения. На его сфероидальной поверхности, испещренной извилинами, «видится» вся информация, реально живущая в некотором потоке энергетических всплесков.

В данной монографии намечены контуры общей визуальной архитектоники как новой научно-педагогической дисциплины, необходимой образовательному обществу проективного типа. Конкретные же пути ее выхода в жизнь необозримы. При всей неопределенности и неясности механизмов полноценного перевода интеллектуального образа в зримый рисунок выкристаллизовывается потребность в символическом изображении любого движения мысли путем знакового моделирования. Обозначение потенциала, заключенного в знаке, фактически было сформулировано и воплощено в символизме. Еще на заре нашего века Н. Бердяев писал: «Символизм видит духовную действительность за этой видимой действительностью. Символ есть связь между двумя мирами, знак иного мира в этом мире. Символисты верили, что есть иной мир. Вера их совсем не была догматической» [19, с. 38].

Символисты не знали о дизайне, который стал одним из главных признаков высокого уровня современной культуры и цивилизации. Ныне он является по существу главным законодателем в области визуальной архитектоники предметного мира. Не случайно дизайн имеет в переводе с английского языка

более десяти смыслов. В своем толковании он восходит к латыни. В ней дизайн может быть также переведен, а точнее интерпретирован, как главный герой в жизни божественных знаков.

Религии и мифы народов всегда по-своему строили иные жизнестроительные миры. Возможно, мы начинаем жить в то время, когда и чувство, и мечта становятся зримыми на экранах дисплеев, когда рождается новая вера в возможное более совершенное мироустройство – та «новая религия» разумного человека, называемая нами архитектурой миростроения, источником которой является космическая тектоника. Священники на государственной службе совсем не то, что последователи веры. Настоящая вера, тем более, если она претендует на определяющую роль в формировании новой религии, не должна быть слепой. Она должна подкрепляться надеждой, любовью и знанием истины, быть красивой по форме, нести добро. Залогом реального воплощения умообразных моделей является более глубокая, всесторонняя теоретическая и прикладная разработка визуальной архитектуры миростроения, базирующаяся на философии и культурологии, историографии и антропологии, истории культуры и истории дизайна, философии проектирования и управления проектами. Современные математики и программисты создают свои миры, но в них есть отблески былых устройств мира, а так же необходимость кредо (веры) в абсолюты.

В книге «Критика практического разума» И. Кант поясняет одну из постоянных тайн сущего: «...то, что мы можем доказать полностью, имеет для нас такую же степень достоверности, как то, в чем мы убеждаемся своими глазами» [69]. Люди хотят быть счастливыми и мудрыми, видеть мир пронизательно и просветленно. В этом им помогает умозрение, которое являет собой доказательство истины, постижения ее разумом. То, что мы видим, расшифровывается нашим сознанием. Осознанное зрение и концептуальное сознание не могут более оставаться для человека ищущего и строящего терра-инкогнито. Он видит новую умообразную страну в бесконечно устремленном в будущее озарении.

Начиная с простого, можно переходить к бесконечно сложному, пытаясь его упростить. Времена человеческого бытия неповторимы, но вновь повторяются на новых поворотах истории старые вопросы. Мераб Зурабович Мамардашвили утверждал: «Следует преодолеть иллюзорно пустоты существующей между нашим якобы бесплотным взглядом и его видимым объектом». Действительно, за всеми тремя взаимосвязанными фрагментами мысленно обозреваемой внешними наблюдателями реальности стоит многослойная структура, аспекты, моменты и грани которой находятся в бесконечных взаимосвязях.

Философы Кант и Мамардашвили закончили свою земную жизнь не в России, но остались близки к России. Они понятны русским философам тем, о чем и как они размышляли. Это вновь актуально для нового поколения молодых людей, которым уже приходится конкурировать с разумной техникой, по-своему воспринимающей и видящей окружающий мир людей и машин. В качестве позитивного примера успешного создания современного открытого ума людей мультимедийного пространства истории Отечества как арка для входа на середину воображаемого моста между прошлым и будущим на территории Нижегородской Ярмарки. После Москвы, Санкт-Петербурга и других городов такого рода ансамбли становятся характерной приметой России. В этом есть самое главное для проектировщиков – не утрачивание своих связей с достоверным прошлым и профессиональным проектированием потенциально умозримого будущего.

6.1.1. Умо- и зримая архитектоника пространства

Визуально-умозримая архитектоника пространствосозидания ноосфер раскрывается как новое направление фундаментальных научных исследований, возникающих на стыке философии, культурологии, антропологии, истории, науковедения, искусствоведения, информатики, технической эстетики, теории проектной деятельности. В философии проектирования, концептуально предваряющей создание гуманной предметно-пространственной среды, неабсолютная однозначность архитектоники как науки является смысловым началом вариативности прогностической информации, представляемой в зримых художественных образах и логических моделях. Авторы стремятся последовательно проводить архитектонический подход в аспекте его специфической интерпретации визуальных и умозримых основ проектной культуры. Поднимаемые вопросы привлекут внимание с одной стороны гуманитариев (философов, культурологов, лингвистов), а с другой прагматиков (градостроителей, архитекторов, дизайнеров). Но есть и третья сторона проблем архитектоники пространства человека в ансамблестроении, где гуманитарно-прагматическое соединяется в принятии окончательных решений (управленцы, эксперты, консультанты в сферах проектирования, согласования и созидания).

Архитектоника есть высшая оргструктура и оргкаркас созидания. В основе устройства мироздания лежат объективные законы, однако на них оказывают воздействие принципы субъективно реализуемые людьми. Традиционные толкователи мирового порядка считают, что все изначально было запрограммировано «высшим создателем», а теперь только продолжает разворачиваться (воссоздается или реконструируется) по изначальным

программам. В творчестве человека согласно его нравственно-рациональному и проектно-эмоциональному мирозиданию проявляется некий сплав идей и концепций. В каждом индивидуальном или коллективном креативном акте просматривается, просвечивает архитектоника мирообразования: образное моделирование не всегда и не во всем гуманно устраиваемого мира.

Архитектоника моделирования мироздания по своей сути оптимизирует проектно-программную ценностно-целевую деятельность человека по переустройству окружающей среды. Мудрость древних утверждала, что люди прежде должны построить свой храм в себе. Храм души каждого человека в абсолюте должен бы сопрягаться с идеальными сущностями храма вещного мира. Само по себе это потенциально неслиянное единство – сопряжение деликатного свойства. Люди и вещи обладают и свойством незримости. Однако в их возможном параллельном сосуществовании есть своя логика, основанная на закономерностях архитектоники, иерархии и синархии.

Равенство всего со всем ведет к нивелированию и распаду, так же как и тотальное возвышение ведет к подобному результату. Культ вещей фетишизирует культуру, рождает такие понятия, как вещизм и потребительство, а их крайнее игнорирование ведет к аскетизму и нищете. Преодоление этих крайностей формирует меру воспроизводства созидательных субстратов как главный аспект культуры и цивилизации. Если учесть, что будущее в чистом виде просто незримо, то остается предвидеть его проектно в умозраемом образном моделировании.

Понятия «душа», «совесть», «интеллект» лежат в основе раскрытия проблем визуальной архитектоники мироздания. Предельно неконкретное, абстрактное и иллюзорное в созидании оказывается в основании целостности мира. Как это разглядеть? Для решения этой проблемы в качестве ключевых вводятся термин «визуальность» и «умозримость». Вот одно из ряда определений: «ВИЗУАЛЬНЫЙ (лат. visualis – зрительный) – наблюдаемый воочию, непосредственно глазом, в том числе и вооруженным какими-либо приборами (микроскопом, телескопом и др.)». В современных научных исследованиях визуальное наблюдение, в котором возможны индивидуальные ошибки, осуществляется в тех случаях, когда отсутствует необходимость исследования посредством фотографирования и другими приемами наблюдения, или когда приборы применить по каким-либо причинам не представляется возможным. «УМОЗРЕНИЕ» представляет собой своеобразный антипод Визуализации, а в качестве своего высшего проявления может быть связано с феноменом прорицателей, интуитивных экстрасенсов, разгадками тайн Нострадамуса, Э. Кейси, Г. Распутина, св. Матроны, Ванги.

Усложняющаяся последовательность дополняемых традиционных утверждений может вызывать ряд сомнений. Это происходит не только потому, что факты уличают визуальное наблюдение в индивидуальных ошибках, а главным образом в связи с его игнорированием научной методологии, его относительной достоверностью. Подобная научная «близорукость» может аргументироваться не только тем, что часть ученых видит мир «сквозь очки» – своеобразный атрибут «учености», – но и тем, что видеть его можно по-разному, в частности, «внутренним зрением». К потенциально вероятному виду специфического умозрения можно отнести философию, культурологию, историю и другие научные направления, специальности, дисциплины.

Пояснить данное положение возможно в чем-то спорное при аргументации противоречивых позиций можно на любом примере работы человека с информацией, предполагающей слежение за текстом, киноизображением или картинкой. Эти простейшие факты в значительной мере определяют высокую степень важности феномена визуальной проблематики (Реутов А. С.). Визуальная архитектура понимания мироустройства в процессе развертывания взаимосопреженных значений и знаков стимулирует логические операции более высокого порядка, а также возможность привлечения иных средств и методов работы с объектом познания. Дополнительные импульсы для развития визуальной информатики дают ЭВМ, прогресс которых достиг пятого и шестого поколений, а архитектура программ непрерывно совершенствуется.

Примером того, как за внешне обычными явлениями можно увидеть их зримую, обобщающую, собирательную сущность, выступает фотографическое наложение родственных предметов. Так, ряд фотоизображений различных лиц девочек из одного класса после того, как специалист-фотограф спроецировал все их на одну фотографию, был представлен в едином собирательном фотообразе. Возник совокупный, собирательный образ юного человеческого лица. Осталось родственное начало всех лиц, в то время как случайное и индивидуальное стерлось. Итоговая реальность приобрела собирательные черты очень симпатичной девочки.

Из примера с фотоизображением видно: девочки с обобщенным выражением лица не существует в природе, но форма и детализация очертаний его при помощи технических средств может быть выявлена и опредмечена. Что же касается границ интеграции, например, отдельного в общем то, они условны по условиям договоренности. Несмотря на доступное тождество отдельного и общего в конкретных явлениях, субъективное восприятие человеком разводит их как полярности. Например, мужчина и женщина передают по наследству своим детям черты, роднящие их обоих. Происходит соединение конкретного в абстрактном, которое имеет свою конкретность и по прошествии определенного

времени. Процессы схождения и расхождения полярностей можно зримо фиксировать, а архитектурный подход является ключом к совершению подобных операций не только в умоглядной, но и в комбинаторно обозримой форме.

В подобном опыте и активных компьютерных тенденциях его развертывания, по сути, произошло слияние отдельного в общем. Философский спор номиналистов и реалистов, в чем-то продолжающийся и по сей день, прозаически разрешается данным техническим опытом. Общее может быть объективировано в границах возможности взаимопроникновения и слияния отдельного в новом качестве графической динамики моделирования самих исходных понятий: часть и целое, общее и отдельное, абсолютное и относительное (рис. 25).

Любая наука, в том числе и философия, в лице своих ученых борется за самостоятельность и относительную обособленность. Это естественно, т.к. внутренняя «окукленность» – необходимое качество для саморазвития и перехода в новое более высокое состояние организации всякой системы в целом. Однако такая интериорная тенденция развития проектируемой системы вне диалектики с внешней, экстериорной, губительна для нее. Ведь без внешней подпитки не может быть и живородящего во времени образования, под которым в данном случае подразумевается незримый образ философской архитектуры обобщающего научно-проектного знания о картине реального мира.

В проектно-моделирующем контексте особый интерес представляют объединяющиеся крайности. В частности, это относится и к единству математики и философии. Их интеграция в компьютеризации социальных явлений есть залог совершенно иной по своим потенциальным возможностям созидательно-креативной деятельности человека.

По аналогии с определением кибернетики как искусства управления и науки о закономерностях управления процессами и системами, о связи и переработке информации, архитектуру можно определить как универсальное искусство организационного созидания артефактов, произведений, ансамблей и как науку о закономерностях организационно-созидательных действий людей. Архитектура – иерархически многоуровневая научная дисциплина, берущая истоки в социальной философии, в философии культуры и философии истории. В конечном итоге закономерности организационного построения общества являются одновременно и законами развития архитектуры морфологических и структурно-конструктивных систем социума как технической цивилизации.

В книге Р. Арнхейма «Искусство и визуальное восприятие» (М.: Прогресс, 1974, 392 с.) в предметном указателе (с. 387) рядом с термином «визуальное»,

стоят и другие понятия: «компенсация», «модель», «память», «мышление», «притяжение», «суждение», «линии», «понятия», «вес», «образ». Подобная обширная вариативность указывает на полисемантическую природу понятия «визуальности». Не менее замечательные свойства исследуемого понятия проявляются в словосочетании «визуальная архитектоника». Сопряжение последнего с проблемами созидания гуманного мира открывает безграничную перспективу архитектонического как науки зримо управляемого моделируемого, проектируемого мирозидания в качестве ансамбля.

6.2. Информационно-интеллектуальный хронотоп: программно-компьютерная телематика

Так же как нельзя свет понять без тьмы, нельзя понять человека вне взаимодействия его с предметным пространственным окружением. В этой аналогичной полярности можно увидеть весь спектр отношений и свойств, возникающих между человеком и пространством. Проявляется взаимозависимость человека и его окружения, обусловленность единой архитектоникой мира, сотканной человеческой предметной деятельностью. Гармоническое архитектоническое согласование их позволяет человеку подниматься еще выше и по отношению к самому себе. Дисгармония человека с предметным миром вносит отрицательный тектонический момент в возможности его развития. Власть, соединенная с созиданием гармоничного и гуманного пространства, обеспечивает людям движение к большим степеням свободы, а в конечном счете, к более счастливой жизни.

Категориальный статус архитектонического дает возможность для формирования новых понятий, отражающих явления, которые начинают осознаваться только в новейшее время. Особое место в ряду таких понятий занимают слова, которые обозначают глобальные тенденции развития цивилизаций и культур в многополярном мире.

С точки зрения глобалистики современная архитектоника Земли складывается из двух типов тектонических процессов: естественных – под действием природных сил (геотектоника) и искусственных – в результате человеческой деятельности (ноосферотектоника), Антропо- и социотектоника, развивающиеся в связи с тектоникой интеллекта, определяют совершенство ноотектоники, глобальной и региональной тектоники по разумным законам. Специалистов по геотектонике в значительной мере интересует все прошлое представителей Земли, ноосферотектоники – в большей мере ее будущее.

Изменения предмета антропотектоники связаны с началом предметной трудовой деятельности, земледелия и преобразованием поверхностных слоев

Земли. Последнее преимущественно определялось в связи с человеческой активностью, которая имела как позитивное, так и негативное значение (опустынивание, эрозия почв, преобразование ландшафтов, урбанизация, прокладка новых водных путей). С развитием человеческих культур и цивилизаций социотектоника получает новые импульсы за счет научно-технического прогресса, развития новых технологий строительства городов, агломерационных и кластерных инноваций.

Отсюда, можно предположить возможность выделения технотектоники и урбанотектоники. Наиболее значительными факторами развития технотектоники можно считать использование возрастающего количества технических средств, а также машин-гигантов. Колоссальный анти- и атектонический потенциал имеет военная деятельность. В прошлые десятилетия на геотектонику Земли определенное влияние оказывали подземные ядерные взрывы. Надземная и подземная урбанистика существенно изменяет лик Земли. Урбанистика как результат глобальной архитектурной деятельности людей на планете наиболее мобильна из всех видов созидательных тектонических процессов, идущих на планете.

Результатом архитектурной культуры общества является весь гуманизированный предметно-пространственный мир Земли. Это своеобразное «жилье», которое формирует для себя современное общество. Человек представляет собой локальный центр этой разновидности предметосозидательной культуры. Его оболочки («косметическую» внешность человека, его одежду, комнату, дом, город) отражают субординационные доминанты архитектурной культуры человека-творца. По этим доминантам можно различать ряды артефактов, произведений, ансамблей в тектонических искусствах (дизайн, архитектура, градостроительство, урбанистика) с доминирующим телематическим вектором.

Итак, архитектонику пространства, формируемую человеком, имеет смысл рассматривать в ее организационной целостности и частичности, целесообразности и нецелесообразности, совершенстве и несовершенстве. Причем, результатами и одновременно критериями прогресса, в диалектике архитектурного взаимодействия человека и пространства выступает синтез искусства и науки. В проектном синтезе реализуются связи ноосферы с непосредственной средой обитания людей. В архитектонике как науке не могут не учитываться закономерности множества сфер индустрии и постиндустрии, индустрии творчества и культуры общества.

Науки о гуманном пространстве, имеющие свою единую архитектонику, развертываются в современной научной картине мира, в диалектическом единстве иерархических процессов интеграции и дифференциации целостного знания.

Прямо связанные с архитектурным искусством эти науки выходят в своей универсальности далеко за рамки этико-эстетических, законов морфологии искусства. Конечно, в этом контексте искусство понимается в широком культурфилософском смысле, в его включенности во все процессы сферы созидательного творчества людей.

6.2.1. Информационный подход к анализу хронотопов

Визуальная архитектура в плане формализованных знаний для самых различных областей и сред человеческой деятельности обеспечивает зримость аналитических структур и моделей, а системный принцип позволяет выделить ее в общей теории систем в качестве интегрированной специализации. Для завершения статусного архимоделирования необходим дополнительный инструментарий, обеспечивающий методологический переход от системного, деятельностного и средового подходов к архитектурному, для чего следует включить соединяющее их звено – информационный подход.

Все пять названных подходов, объединенных в систему, являются необходимым основанием структурирования подобных направлений научных исследований для иерархической архитектуры. В первом приближении в контексте данных рассуждений выстраиваются логические цепочки взаимосвязанных научных дисциплин: «экология – технология – социология – системология – диалектическая методология – архитектология»; «природоведение – соционика – систематика – кибернетика – информатика – архитектоника». В дальнейшем в своем развитии они могут уточняться, детализироваться, укрупняться, модифицироваться по различным целевым информационным подходам.

Традиции русской философской мысли неразрывно связаны с проблемой человека и поисками его места в среде обитания, с анализом организации мироздания – архитектуры собственной вселенной (см. Лосский Н. О., Плеханов Г. В., Соловьев Вл. С., Федоров Н. Ф., Флоренский П. Л.). М. А. Бакунин в работе «Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке» пишет: «Я мог бы сказать, что Природа – это сумма всех действительно существующих вещей. Но это дало бы мне совершенно мертвое понятие об этой Природе, которая, напротив, представляется вся движением и вся в жизни» [6, с. 124]. Далее он определяет природу как обширную теорему, которая одновременно может быть принята за аксиому. Значения «природы» и «мировой взаимосвязи» могут рассматриваться в плане бесконечного «мироздания», когда «природа творит отдельные миры». Путаницу

в словесных переходах от теоретизирования к прагматике, и наоборот, можно опустить в силу связи всего со всем.

Понятия «среда», «сфера» и «мир» выделяются в ходе абстрактных рассуждений как основополагающие в предметно-информационном поле философского анализа. Природа выступает здесь как среда, мировая взаимосвязь – как сфера и мироздание – как мир. В системе этих взаимосвязанных категорий, в нашем контексте и следует рассматривать умоизобразимый вневременной диалог того или иного автора с современной социальной философией по проблемам корректирующего проектирования мироздания с встраиваемым техносциумом.

Тотальное проникновение информационных полей в бесконечные пространства в зависимости от мощности источника делает знания общедоступными. Однако понятия «всё», «всегда», «езде» еще не фиксируют «как, что и зачем» конкретно. Персонализация интеллекта задает однозначность места, хронотопов реалий человека. Информатика и интеллектика дополняют целостность познания пространства в приращении и обновлении инноваций.

Не менее интересны и поучительны поиски зарубежными философами места человека в искусственном мире, понимания им смысла жизни, его духовные искания. Все эти вопросы так или иначе выходят на информационно-средовую проблематику сфер и полей, поскольку среда в своей максиме – это тот же мир, взятый в его идеальной ограниченности – информационной предметности, информатики. В традициях западной философии за частными положениями явно видны глубинные иерархические уровни пространственной архитектуры предметной среды (см. Сартр Ж. П., Тейяр де Шарден П., Черри К., Франкфорт Г. А., Чилсон Дж., Якобсен Т.). В визуальном плане характер этих построений сродни абстрактно-театральным постановкам. С одной стороны, в них присутствует реальность, хотя и театрализованная, а с другой – иллюзорно воссоздаваемый мир. При всех своих недостатках человеческое миропознание несет в себе начала интеллектики.

Для того чтобы предметно-пространственная или архитектурная форма стала одновременно и товаром, и произведением, необходимо наличие субъекта – «живого духа», способного интеллектуально работать с информацией. Поэтому исследование архитектурного объекта заключается в анализе архитектурной деятельности, создателя произведения и его потребителя. Это подтверждается практикой самой жизни в оппозиции духа и денег. Отсюда и анализ системы осуществляется в единстве целого: «создатель – произведение – потребитель». В этой простейшей информационно-коммуникативной системе произведение выступает связующим звеном между его создателем и потребителем. В свою очередь, данная модель функционирования произведения, в

ансамбле как информационно-интеллектуальной системы совсем еще не является зримо развернутой коммуникативной моделью архитектурной деятельности.

Для информационного компьютерно-интеллектуального подхода наблюдается частичное нарушение матрешечного принципа, характерного для относительно строгой иерархии соподчинения средового, деятельностного и системного подходов. С одной стороны, системный и информационный подходы родственны так же, как средовой и деятельностный, и тут возможно их взаимопроникновение. С другой стороны, информационный контент и продукт лишь момент, аспект, грань действительности, а не его составляющая, компонент. И если среда, деятельность, система как самостоятельные понятия могут считаться самодостаточными, то об информационном аспекте этого скажешь лишь с рядом оговорок. Он своеобразный многоликий портрет первых трех ракурсов и одновременно ресурсов мироотражения.

Информатика как область знаний является производной общей теории систем и стоит в ряду когнитивных наук и, следовательно, информационный подход может пространственно отражать, скажем, вещество и энергию как две стороны одной «медали», будучи ее третьей стороной. Критерий совместимости, сопряжения, а, соответственно, и принцип матричной взаимообусловленности скорее присущ вещественному, энергетическому и информационному подходам в их синархически-иерархической целостности. Даже общая теория систем, со своей развитой методологией, пока не имеет необходимого набора признаков метанауки, так как не несет параметрически определенных информационных качеств. Это, однако, не снижает потенциала системного подхода, в идеале охватывающего систему науки в целом. В будущем определятся приоритеты в расстановке разных специальных подходов к отражению целостности науки, его рефлексии информпотоков.

Информация может быть нейтральна по отношению к ее носителю, а может определять его живучесть. Так, для бумаги и дискетки безразлично, какую информацию на них записали. Тучи на небе и листья на деревьях естественным образом несут сведения о погоде и о природе. Информация здесь производна от естества природы. В искусственных же системах информация может приобретать доминирующее значение. По показаниям приборов оператор заключает, как ведет себя система и что ей требуется для стабильной работы. Информационные ошибки могут быть губительны как для биотических так и для абиотических систем, а также и самих социотехнических систем их порождающих.

Множественность версий понимания искомой информации может оказаться ошибочно-избыточной при решении локальных вопросов. Для развития предлагаемой конкретной версии пятичленного (семи- девятичленного, десятичного и т.д.) восхождения архитектурной методологии должны быть

основополагающие условия иерархичности и взаимообусловленности структуризованных, иерархических уровней. А значит, информационный подход не должен лишаться ни визуальной материальности – к примеру, в форме компьютерной графики, ни духовности, за которой непременно стоит тайна, или неопределенность умозрительной недосказанности образного или ассоциативного планов. Проблема информатизации общества (отбора информации и информация об информации) будет всегда оставаться открытой до закрытых границ криптографии спецслужб. Успешное ее решение подготавливает «плацдармы» для формирования архитектоники банка данных информационного пространства природы и общества.

В информационном поле архитектурное реализуется естественным образом как практическая потребность человека, данная ему природой, а также специфическим образом интеллектуальная способность, как затребованная обществом, в пространственном формировании предметного мира как некоего целого с человеком-творцом. Информационно-архитектонический принцип выполняет эту роль знаково-проектного переустройства окружающей человека среды согласно закономерностям социальной целесообразности. Многолюдность того или иного пространства задает ограничители деятельности в системе ансамблей, агломераций, ареалов, кластеров.

6.2.2. Иерархическая подвижность информедииц

При анализе трансформаций предметного мира пространства возникает ряд вопросов. Как в предмете фиксируется иерархия всеобщего, общего, особенного, единичного и единственного? Предметна ли сущность? Подобные вопросы в истории философской мысли рассматривались в споре реалистов и номиналистов. Возвращение к ним спустя сотни лет указывает на их непреходящую актуальность. Они непосредственно касаются проектной деятельности, которая стала не переменным экономическим атрибутом современной культуры. Именно посредством ее решаются вопросы сущностного выражения объекта проектирования в конкретной интерпретации информационных взаимосвязей среды и деятельности.

Природа и владеет, и не владеет сущностью самовыражения, поскольку, во-первых, она всегда конкретна и предстает утрированно – однозначно в любой момент времени, и, во-вторых, развиваясь по своим законам, являет свою модифицированную сущность развернутой во времени содержательной формы хронотопов. Фактически человек как феномен природы в своем созидании следует правилам природных трансформаций, но его пользование информацией значительно расширяет границы активного бытия в поиске идеальных решений

конкретных задач места и времени действия. Полушутливая мысль о том, что телеграфный столб идеально отражает сущность дерева, наводит на ряд размышлений и образных аналогий в отношении выражения сущности в технических и градостроительных системах. Например, при проектировании поселка в условиях чистого поля и широкого информационного поля выбора прототипа проектировщику значительно проще представить его идеальную модель в упрощенной версии фрагмента линейной агломерации.

Системность информации в формировании теории и методологии архитектурного с философских позиций становится одним из фундаментальных направлений научно-проектных исследований. Они продолжают тектологию А. А. Богданова в плане развития общей теории систем и формирования общей организационной науки. Фрагментарные знания об архитектурных образованиях, их трансформациях и целесообразном формировании не могут охватить предмет исследования целостно. В определенной мере информационно-архитектурный подход является производным системного подхода в интеллектуальной сфере анализа процесса созидания и одновременно дополняющего его выходами в иные сферы и подходы.

Использование методологической системы в анализе архитектурных явлений, их структурных связей и отграниченностей, затруднено разобщенностью историков, методологов, теоретиков, критиков, исследующих многообразие видов архитектурного творчества человека. В какой-то мере это компенсируется системными разработками в рамках отдельных теорий предметно- и пространствосозидательных архитектурных искусств – теории техники, теории градостроительства, теории дизайна и технической эстетики, теории архитектуры и архитектуроведения. Вместе они сливаются в широком русле общей архитектурной методологии, которая как дельта реки, впадающей в море, смыкается обобщающими теориями, ограниченными берегами критики и реальной практики.

Поскольку архитектурная культура в системе культуры общества выступает в качестве креативно-репродуктивной подсистемы, особый интерес представляет ее бытие как один из аспектов деятельности человека. Понятие архитектурной деятельности является обобщающим для разновидностей конкретно представленных форм творчества человека по созданию своего окружения. Следовательно, и выработка единой методологии с позиций информационного подхода должна быть связана с функциональным анализом отдельных видов архитектурного творчества. Примером продуктивности информационно-интеллектуального подхода является исследование архитектурных явлений, связанных с архитектурой и дизайном как симбиозом экономико-коммерческой и эстетико-культурной деятельностью (см. Аронов В. Р.,

Дмитриев М. Н., Зеленов Л. А., Миролюбова Л. Р., Новикова Л. И., Фролов О. П., Шаповал А. В.).

Необходимость рассмотрения архитектурно-градостроительного дизайна с позиций информационно-деятельностного подхода сегодня не требует доказательства, поскольку они подробно представлены в специальной литературе (см. Безмоздин Л. Н., Иванов В. И., Рябушин А. В.). Однако специфические особенности пространственно-созидательной (урбанистической, градостроительной, архитектурной) и предметосозидательной (прикладной, оформительской, дизайнерской) деятельностей нуждаются в значительных уточнениях по объему заданной в них информации. Все они являются производными от архитектурной деятельности как ключевой для пространственно-предметных видов творчества. Градостроительство следует рассматривать интегративно по отношению к архитектуре и дизайну как синкретический вид деятельности, целью которой является компетентная организация всей пространственной жизненной и деятельностной среды общества.

Что же касается традиционного определения дизайна как ключевого для предметных видов архитектурных искусств и дизайнерской деятельности как теории и практики художественного проектирования и конструирования, то в рамках поставленных задач будет не вполне приемлемо такое его использование. Это связано с тем, что архитектурная и дизайнерская деятельности оказываются неравноценными по информационному объему в контексте аналога взаимодействия фауны и флоры в природе. Ставится под сомнение и их равноположенность, тем более, что аналоговый фрактал – животный мир более сложно организован, чем растительный. В частности, проектный этап не исчерпывает всей полноты архитектурной деятельности, равно как и дизайнерской деятельности, широкая компьютеризация которой делает дизайнера в определенной мере системным программистом. Следует заметить, что программные продукты при всей их пространственной и пластической разнонаправленности имеют и точки сходов.

Традиционное понимание технической эстетики как теории дизайна, или теории художественного конструирования, ближе всего стоит к теории архитектурного проектирования [108]. Проектное начало с его ярко выраженным характером информационной деятельности, как бы перемещает архитектурное творчество в сферы интеллектики и информатики. В связи с этим под дизайнерской деятельностью следует понимать формирование гармоничной предметной среды жизнедеятельности общества в соответствии с функциональными и художественными закономерностями. Это делает архитектурную и дизайнерскую деятельности родственными по своей структуре,

а их продукты единими, утилитарно и художественно целостными произведениями архитектурных искусств. В совокупности эти произведения образуют «ядро» предметного мира как искусственного пространственного образования.

Тезисы: «Кто владеет информацией, тот владеет миром», «информация спасет мир» столь же утопичны и абсолютизированы, как и максима Ф. М. Достоевского: «красота спасет мир». Этот образно изящный ход мысли порождает очередной миф. Мир как реальная действительность вечна, и его нельзя ни спасти, ни уничтожить. Мир постоянно преобразуется, модифицируется и изменяется. С ним соотносятся интеллектуальные способности человека и информационные технические возможности технологий. Одной из форм бытия мира выступает познанная человечеством духовной части универсума. Если же брать понятие «мир» в традиционном плане, когда оно противостоит понятию «война», то и здесь можно найти многочисленные примеры того, как та или иная информация, иногда ложная, служила для развязывания войны и последующего уничтожения людей и вещей.

Тем не менее как спасительная, так и губительная роль информатизации для выживания человека, государства и планеты в целом имеет под собой вполне реальную всемирную для людей почву. Владение максимально полной и своевременной информацией означает возможность прогнозируемого влияния на ход событий и упреждения ситуаций в мире колоссальных разрушительных сил, могущих спонтанно привести к необратимым катастрофам. Пути формирования идентичности российской науки обусловлены тем, на сколько полно и адекватно будет познана, понята и осмыслена в плане возможных преобразований структурная пространственная матрица смысловых законов мироздания по синархиотектонической целостности, целесообразности, ценности (рис. 27-30).

Важнейшими факторами, обеспечивающими приращение степени информированности общества, наряду с истинно гуманными и правовыми, социально-экономическими, нравственно-политическими является архитектурное обеспечение с его высокоразвитыми техническо-технологическим и архитектурно-тектоническим направлениями. Что же касается факторов, которые определяют социальную организацию общества и влияют на информированность его членов, то дело это настолько сложное, насколько информатизация во всем ее объеме не может быть доступна полному усвоению и пониманию человеком. Скорее всего человеку следует в большей степени беспокоиться о своих сокрытых тайниках целостности: духе, душе и духовности.

В этом плане архитектурная – это логическое и фактическое разведение всех форм предметов и явлений в соответствии с принципом иерархического возвышения и гармонизации в оппозиции дух – информация. Можно сколько

угодно философствовать о несовершенном устройстве мира и человека, о создании общеевропейского дома, о жилье и материальных благах для каждого члена общества, но реальное дело от этого мало изменится без практической гуманизации духовной сферы общества. Дух и материя – это два относительно независимых друг от друга мира, между которыми необходимо наводить «мосты», для созидания нового мира и нового человека. Искусство наведения таких мостов в значительной мере есть управление архитектуроникой информационного потока. Архитектоника формирования духа российского суперэтноса должна осуществляться государством при максимально широкой поддержке граждан (интеллектуалов, интеллигентов, программистов).

6.2.3. Телематическое программирование

Модель совершенного мира как продукт высокоинтеллектуальных систем – мозга гения, форума ученых, ноосферы планеты, – обретающая информационную жизнь в международных сетях телекоммуникаций, в идеале способна стать действенным фактором во взаимоотношениях человека с предметно-пространственной средой. «Творческая одаренность» компьютера, способного многократно ускорить результативность этих отношений реально только при включении в машинную систему человека с его способностями зрительной, слуховой, мыслительной ориентации, владения языками, понимания действительности в ее оптимально возможных путях гуманной трансформации. Лишь в этом случае информационные сообщения способны приобрести ценностную и визуально выраженную форму искусственного интеллекта как высшего выражения развития искусственных систем, не только реально прогнозируемого с развитием вычислительной техники в ее пятом и следующих поколениях, но собственно для людей. Диалектика развития естественного и искусственного интеллекта человека и машины снимается в образно-модельной картине мира реалий как универсально-информационной аргументации, адекватно репродуцируемой средствами науки и искусства. Эра «разумных и эмоциональных машин» фатально прогнозируется в сфере научно-фантастической драматургии, поскольку фиксируемые в конечном итоге идеи в значительной мере реализуются в телематико-умных мегамашинах.

Единицей «строительных элементов» информационного языка выступает слово. Однако его полисемантичесность и непосредственная смысловая зависимость от условий применения приводят зачастую к тому, что язык теорий, объясняющих значение слова и считывание терминов, выражаемых им обозначают далеко не одно и то же. Возникает проблема трехсторонней интерпретации визуального изображения: терминологии информационного поля,

знакового смысла и понятийной считки математизированными программами. Отсюда значительную роль приобретает философия математики и математизация философии многослойного континуума реальной действительности (рис. 30).

Это не значит, что за каждым словом или некоторой их комбинацией необходимо стоит формирование поясняющего их научно-философского раздела. Существует достаточно много обыденных слов, обозначающих конкретные предметы и не требующих научных исследований. Тем не менее, комбинаторика знаковых единиц и возникающие в связи с этим смысловые значения делают процесс познания бесконечным в приближении к истине и неограниченным количественными пределами. В качестве примера может быть предложена десятичная логарифмическая матрица в структуре организации научного знания. Скажем, 10-роды наук, 10x10-циклы наук, 100x10-комплексы, группы наук, 1000x10-виды научных направлений, 10000x10-разделы наук, 100000x10-подразделы научных знаний, что дает возможность кодирования информации через количественные значения и переложения любого сообщения на цифровой язык. Цифровое сообщение, в свою очередь, может быть определенным образом геометризовано, или более образно-визуализировано, инфографицировано.

Принятая в мировом литературоведении и источниковедении десятичная библиотечная классификация носителей информации в какой-то мере аналогична нашим рассуждениям. Реальным примером данного принципа является цифровая запись современной аудио и видеоинформации. Хотя и эта система еще далека от совершенства. Структурная организация науки и источниковедения не совпадает по содержанию, но по принципу классификации они могут быть сходны, фрактальны. Отметим здесь же любопытную закономерность, связанную с переходом ряда современных аудио - визуальных систем на числовую запись. Возможно, это симптоматично и связано с более глобальными законами, например, с супервысокой скоростью света, способного преодолевать немыслимые для вещей и организмов космические просторы. Теоретически доказанная возможность получения записывающей и воспроизводящей скорости «бегущего зайчика», превышающей скорость света, определяет неограниченные горизонты передачи информации.

Следовательно, опираясь на практически бесчисленные возможности количественного аспекта организации научного знания в бесконечном потоке информации, просматривается перспектива максимально полной фиксации всех информативных архитектурных данных любого объекта или предмета науки для их последующего практического использования. В современной научной литературе приводятся противоречивые сведения о количестве наук. В некоторых источниках говорится о сотнях, а в некоторых – о тысячах единиц стабильно формирующихся в самостоятельные науки знаний. В этой противоречивости

данных о количестве наук заключена диалектика развития научного знания в его целостности и частичности. По мере построения архитектоники научного знания общество, приобретая максимальную степень информационного отражения состояния любого интересного или важного объекта, сможет тем самым наращивать качественный аспект научного проникновения в его суть, возможности его перспектив становления.

Пределы информационной разрешимости качественности преобразований и научного знания определяются мерой науки. Отсюда наукометрия, как наука о мере наук, из количественно-качественной соотносительности приобретает в системе наук, занимающихся вопросами информационной рефлексии, ключевое значение. Конкретизацией в практичности и применимости научных знаний занимаются науковедение, наукознание, информатика. Именно они позволяют соотносить качественные и количественные характеристики общефилософских научных исследований и частноприкладных проектных поисков, выходящих в бесконечное поле информационных систем, совершенствующихся за счет открытий, изобретений, инноваций.

В целом пятерку рассмотренных подходов следует дополнить, как минимум, еще двумя: вещественным и энергетическим, информационно дублирующими в некоторой неопределенной степени средовой и деятельностный. Архитектонический подход становится интегральным, связующим, проявляя, с одной стороны, свою субстратную (миросозидающую) ограниченность, а, с другой, - универсальность всеобщих начал и безграничные возможности их упорядочивающих синергетических взаимодействий. Если говорить о количественном факторе истоков единой методологии, то она заключается в сопряжении всей реальной информации обозримого целого в единстве с его умозраимой архитектоникой, обеспечивающих синархию в согласовании подвижных иерархий реального мира и его виртуальных отражений и преобразований.

6.3. Архитектонически-организационный хронотоп

6.3.1. Хронотопы (ре)организации архитектоники

В предыдущих разделах анализировались основополагающие аспекты визуально увязанной методологии исследования архитектоники пространства человека. Задача, в основном, заключалась в том, чтобы проследить логически последовательную связь средового, деятельностного, системного и информационного подходов, а также сопутствующих им форм взаимодействия человека с предметно-пространственным миром, с его предметно-субстратной, функционально-атрибутивной, процессуально-семантической и собирательной

интеллектуально-компьютерной составляющими. Проводилась линия на интеграцию всех этих подходов с позиций единого основания – человека архитектурного, визуально взаимодействующего с миром хронотопов артефактов, произведений, ансамблей. Последовательно формировалась концепция целесообразного предметно-пространственного созидания мира по мере человека-творца, а также с позиций общей архитектуры гармонизации меры всех мер.

Поиски визуальных архитектурных начал, проявляющихся в обозреваемых пространствах спонтанно, была посвящена предыдущая глава. Анализу архитектуры, трансформирующейся в иное состояние и становящейся основой для развития качественно другого – умозрительного начала, посвящены предыдущие разделы данной главы. Далее, для исследования целостно-ценностной целесообразности логики развития архитектурного, возвращающегося к себе для последующего развития себя из другого. На этом уровне обратимся конкретно к архитектурному подходу, к его сущности и специфике как организационному, технологическому и конструктивному гуманному началу в живой иерархии мироустроительной деятельности человека.

В трех очерках о русской иконе князь Е. Трубецкой проанализировал своеобразный космологический мир (ушедший, иной и нынешний), выраженный в отечественной иконописи. На примере древней иконы он рассматривает два мира: потусторонний и здешний [152]. Каждый из них предстает в нескольких планах. Средоточием здешнего мира выступает человек с его мирочувством и миропониманием, любовью земной и высшей. В потустороннем мире сосредоточено великое множество сфер, имеющих переходы от одного плана к другому. Множественность умозрительных планов особенно важна в концептуальном – авторском проектировании.

Если отбросить мистицизм, магию и отвлечься от иллюзии загробной жизни (заметим здесь, что чтение по книге мыслей князя Е. Трубецкого в определенной мере означает общение с его духом), то идея средоточия множественности миров в одном мире через конкретную предметность; в данном случае – икону, вполне реальна. Множественность точек отсчета и разница в системе терминологических ориентиров не есть непреодолимое препятствие на пути сопряжения разных подходов. В данном контексте среда есть «мир видимый», деятельность – движение этого мира к некоторому высшему совершенству, система – нечто, позволяющее видеть в мире множество сфер. Объединяющая их информационная архитектура как софийность дает «возможность умозрительного перехода из плана в план». Соборная четырехстолпность равноправно выделенных подходов в образном плане органично завершается пятиглавием архитектурных начал.

Четыре из них обращены на предыдущие, а пятый самодостаточен в своей относительной завершенности (рис. 38, 39).

Конечно, это всего лишь схематичная конструкция методологического подхода к другим структурно-конструктивным системам отсчета. Отработана целая серия диалектических методологий, но общим их недостатком является наличие разнообразных версий некой интегрирующей диалектики у разных творческих коллективов и авторов. Позитивность архитектурно-организационного подхода обусловлена опытом практической деятельности организаций самого научного плана и общефилософской логикой, имеющей классические корневые основы в цифровых переходах: ноль, единица (монизм), двоица (дуализм), троица (триадность) и т.д.

Перейдем далее к организационно-тектологическому анализу и методологии архитектурного подхода, поскольку именно он является ключом к сопряжению самых разных подходов.

Поскольку потенциал категории «архитектоническое» очень высок, то и архитектурный подход несет значительные возможности. Триадичная морфология самого слова (арх, архи, тектоника) задает широкие возможности организационно-тектологического анализа, а его полисемантичесность позволяют привлекать к анализу научные критерии герменевтики, филологии, семантики, семиотики, морфологии. Аналоги полисмысловых терминов («биогеоценоз», «калокагатия», «хронотопия», «антропомоторика») указывают не только на сложность их целостного анализа и на богатый вариативный потенциал комбинаторики как фрагментов, так и целостностей.

«Веер» смыслов, заложенных в понятии «архитектоника», позволяют проводить анализ в ракурсах «созидания», «верховенства», «власти», «начала», «главного принципа». Категория полисемантической рассматривалась в контексте созидательности и организации. И если тектоника – наука о строении, развитии и движении Земной коры, то архитектонику второй природы логично считать наукой о формировании и развитии человеком искусственной оболочки Земли.

В китайской наиболее почитаемой в народе, религии, – даосизме дао есть начало всех начал. Не следование дао ведет к гибели. Первопричинность мира невозможно преодолеть, но разумно на нее опереться в его преобразованиях. И в разрабатываемой методологии целесообразнее следовать не так подвижной терминологии, как содержательной конструктивно-тектонической логике мирозидания. В иерархической методологии важно удерживать в поле внимания системопериодический закон, включающий в себя иерархию периодических законов: законы физического уровня, периодический закон химических элементов Д. И. Менделеева и др.

Дао, как и «архи», и «ли» имеет ряд самостоятельных значений (моральный закон, принцип, путь поведения). Путем абстрагирования уподобляем визуально-знаковую природу слов букве «А». Еще в древности истоки обозначались через «А». Это стало и современной традицией. Самую яркую звезду в созвездиях астрономы и теперь обозначают буквой «альфа». Знаковые и смысловые метаморфозы символа «А» как разные грани архитектурного совмещены в схеме понятий родственных категорий архитектоники (рис. 26). В знаковой форме в истории письменности сама буква «А» претерпевала значительные трансформации.

У категории же «архитектоника» действуют своеобразные силы притяжения, позволяющие выделить «созвездие» тяготеющих к ней понятий. Архитектоника имеет свой антипод в антиархитектонике и генетическую предтечу в протоархитектонике. Точно также, как концептуально, по смыслу могут быть выделены следующие родственные парные понятия: 1) строительство – запустение, 2) упорядочение – хаос, 3) совершенствование – несовершенство, 4) композиция – декомпозиция, 5) устройство – антиустройство, 6) конструирование – деконструирование, 7) усложнение – упрощение, 8) возвышение – принижение, 9) властвование – анархия, 10) организация – дезорганизация, 11) структурирование – реструктурирование, 12) созидание – разрушение.

6.3.2. Экстратектонические способы связи оргструктур

Архитектоника также является способом совершенствования в формировании человека. Но этот способ далеко не единственный. Здесь может быть назван родственный ему – экстратектонический. Высочайшему качественному становлению человека в мире отвечает принцип экстратектоники. Архитектонизация предполагает возвышение в многоуровневом, иерархическом пространственном освоении человеком предметного мира. Этот процесс является преобладающим в созидательных отношениях «человек-мир-пространство».

Данные процессы можно пояснить на примере тектонического развития Земли. Подобно тектонике, неустанно формирующей те или иные участки Земли (ее кору, недра, залежи ископаемых), осуществляется внутренний процесс индивидуального и коллективного формирования человека. Получится ли из него «самородок», «золотой слиток» или «бесполезный шлак», зависит от множества случайных причин и параллельных закономерных процессов тектонизации, агломерации, кластеризации; социализации, институционализации, прагматизации.

Таким образом, архиважные процессы определяют «подъем» над горизонтальными уровнями освоения пространственных миров, в то время как

экстрапроцессы утверждают новые, качественно более совершенные состояния этих уровней. Особенности экстраархитектонической культуры наиболее полно проявляются в управлении суперпроектами, архитектурном и городском дизайне, дизайнерской деятельности, урбанизированном ландшафте. В связи с этим можно сказать о двух направлениях развития в становлении созидательной культуры: архитектурном и параллельном ему экстратектоническом. Это положение справедливо и в отношении дифференциации культуры общества по экстраэлитарным экспонентам.

Понятие «архитектоника» близко родственному понятию «иерархия». «ИЕРАРХИЯ (греч. *hierarchia*, *hieros* – священный и *arhi* – власть), – принцип структурной организации сложных многоуровневых систем, состоящий в упорядочении взаимодействий между уровнями в порядке от высшего к низшему». Аналогично соотношению метра и ритма в пространственном поле можно определить взаимосвязь архитектоники и иерархии. В общем философском плане они с одной стороны могут быть синонимичны и тождественны, а с другой субординированы и координированы по носителям. По вертикальной субординации иерархия является частным, аспектным, фрагментным проявлением архитектоники. Прекрасное описание категории иерархии дано в монографии А. Н. Фатенкова «Философия подвижной иерархии».

Категория, принцип, подход – это тоже своеобразная иерархия, где связующим звеном остается принцип, с его привязкой к субъекту – деятельности. Философский словарь определяет его следующим образом: «ПРИНЦИП (лат. *principium* – основа, первоначало) – первоначало, руководящая идея, основное правило поведения». Проведенный в предыдущих разделах аналитический разбор каждого из подходов показал, как он уравнивается действием соответствующего архитектурного принципа. В рассмотренной серии подходов осуществляются логические переходы взаимодействующих принципов в более сложной конфигурации тектолого-технолого-иерархического триадного многообразия.

С позиций диалектики, в которой методология занимает особое центральное место и разворачивается как система принципов, А. П. Шептулин дает следующее его определение: «Принципом диалектического метода (и диалектической логики) является положение, сформулированное на основе той или иной всеобщей формы бытия или диалектической закономерности и содержащее в себе определенные требования к мыслящему субъекту, ориентирующие его в познавательной деятельности» [16, с. 121]. В соотношении принципа и закона он находит не что иное, как две формы отражения одного и того же фрагмента действительности. Возникает подвижная крестовидная структура трех иерархий, объединенных

постулатом тройственности триад: «Диалектика – методология – логика» + «Сущность – принцип – закон» + «Целое – цель – ценность» (рис. 38).

Взяв за основу исходные критерии общего понимания «принципа», архитектурный принцип, сохранив данные признаки, проявит свою идеально выраженную созидательную специфику на этапах исследования и проектирования, а материальную реализацию – на этапах производства и потребления. В обоих случаях «арх», «архе» и «архи» как три стороны динамики архитектурного (структурированная, идеализированная и материализованная) методологически углубляют созидательные акты человека.

Следующий шаг в анализе начал архитектурного связан с выяснением его места в системе философских принципов. Здесь возможно несколько инвариантов его статуса в качестве современного хронотопа. В частности, структурная архитектура научного знания позволяет провести анализ подвижной реальности архитектуры пространства человека, включенности архитектурного принципа в их систему посредством философской методологии, диалектики, методологии человековедения.

Один из наиболее строгих способов включения архитектурного принципа в координацию и субординацию философских принципов может быть обусловлен логикой системной взаимозависимости законов и принципов. Так, наиболее общие законы материалистической диалектики как бы зеркально образуют родственные по степени всеобщности логические круги логоса: первый круг – «единства и борьбы» (принцип противоположностей), «количества» и «качества» (принцип меры), «отрицание отрицания» (принцип отрицания); второй круг – «принципы» и «следствия» (принцип каузальности), «необходимости» и «случайности» (принцип обусловленности); третий круг – принципы развития, обусловленные законами развития.

В системе этих принципов архитектурный завершает их развертывание иерархически, не возвышаясь над ними, но объединяя их в созидательном человеческом, начале деятельности субъекта. В силу высокого уровня абстрактности диалектической методологии архитектурный принцип может быть развернут в системе взаимопереходов принципов социальной философии и диалектики. На сегодня закономерность их взаимосвязей еще достаточно не изучена, но в общей логике архитектурно-организационного подхода может быть выстроена последовательная процедура экспертных оценок сложных объектов.

Совершенствование градостроительной теории и практики как решение одной из социальных сфер все больше связывается с разработкой новых теоретических положений и новой системной методологии. Другими словами, назрела актуальная необходимость использования комплексного архитектурно-

системного подхода. Подобные смешанные методики для исследований в области архитектуры, дизайна, градостроительства и урбанистики практически применяются в таких сверхсложных системных объектах, как город, его общественные пространства (Гельфонд А. Л.) [35].

Практика системного дизайна нашла отражение в науке и получила значительное развитие в трудах ряда ученых. Их труды были настолько перспективны, что и теперь оказывают прямое влияние на общую методологию системного подхода. Системно-структурные и организационно-проектные методы оправдали себя в теории архитектуры и градостроительства. Однако для отдельных видов архитектурного творчества, исторически доминирующих в обществе, это скорее специфические проблемы. Решение их – дело частных подходов в рамках отдельных теорий архитектурной направленности.

В архитектуре профессором К. А. Ивановым был открыт ряд системно-структурных и функциональных закономерностей, таких как структурная – соответствие структуры сооружений структуре процессов, протекающих в этих сооружениях; функциональный «закон соответствия» – эквивалентность среды происходящему в ней процессу, то есть структурно-тектоническое единство социального процесса и его искусственной среды [63]. Архитектурное сооружение, таким образом, рассматривается в качестве пространственной модели той деятельности, для которой оно предназначено. Например, комплекс архитектурного вуза должен в своей пространственной среде моделировать процесс обучения архитектурной деятельности. Отсюда важнейшим критерием успеха общего архитектурного решения пространства является способность авторов показать достоинства окружающих творческих людей сред, несущих возможности трансформаций.

6.3.3. Тектолого-технологическая метаархия

Деятельность человека является наиболее общей побудительной силой – причиной развития не только искусственных систем. С одной стороны, изменяя окружающий мир, человек преобразует природу и создает искусственные системы, а с другой, изменяется сам. Эти изменения оказываются иногда настолько существенными, что имеют место мутагенные скачки в здоровье значительных масс населения (акселерация молодежи в крупных промышленных городах или рождение неполноценных детей в экологически неблагоприятных ареалах). Спектр авторских поисков широк, но к сожалению, на практике расширяется и спектр неблагоприятных мест. В общей иерархии систем происходят скачки, определяющие надстройки типа метаархии.

В процессе взаимодействия среды, архитектурных систем и самой деятельности возможны различные варианты: старые искусственные системы тормозят новую деятельность человека; старая, материализованная деятельность человека тормозит развитие новых искусственных систем, формирующих новую среду; старая деятельность человека и устаревшие тектонические системы отстают в развитии; новая деятельность человека и новые архитектурные системы, образующие целостную среду, гармонично взаимодействуют и развиваются. Дилемма старого и нового усложняется противоречиями прогрессивного и регрессивного, нравственного и безнравственного начал. В визуальном плане для отражения этих полярностей более подходят выразительные функциональные модели, сопрягающие по определенным правилам тексты + концепты, знаки + образы.

Описание и конкретное решение частного аспекта архитектурного взаимодействия предлагает Э. П. Григорьев своей разработкой систематизации связи деятельности и условий ее протекания [43]. Необходимость социального и научно-технического прогресса диктует неравномерное, скачкообразное, «взрывное» развитие этих компонентов. По сути, эти процессы дополняют и усиливают существующие механизмы зависимости производственных отношений от уровня развития производительных сил, устанавливаемых телематическими системами. Таким образом, диалектика организации взаимодействия человека с предметным миром обусловлена диалектикой взаимовлияния факторов среды и деятельности человека, производительных сил и производственных отношений, а также иных оппозиций, пропорций, экспозиций, определяемых в процессах творческого созидания.

Использование комплексных методов в ремеслах и системной методологии в современном дизайне берет начало в ранних представлениях мастеров архитектуры по организации предметного мира. Отечественные исследователи дизайна считают, что «системный подход, развившийся в науке и технике XX века, является лишь обновлением понятия системы, имевшего длительную историю в философии, куда оно пришло из мифологии и канон - программ. Исходным в понятии системы было представление о мире как о художественной системе высшего порядка» [115, с. 135].

Учитывая возрастающую сложность художественной среды, становится очевидной потребность в осознании и использовании в деятельности инвестора, исследователя, архитектора и дизайнера градации эстетической типологии предметно-пространственной среды. На вопрос, какие существуют и какие должны существовать типы предметно-пространственной среды, можно определенно ответить, зная типологию культурной деятельности человека.

Аналогично справедливой будет и обратная логика, параллельно протекающая в киберпространстве и телематических коммуникациях.

Итак, проблемность поиска оснований и закономерностей построения визуальной архитектоники созидания предметного мира гуманных пространств в контексте данного исследования обозначена. Для дальнейшей проработки концепции необходимо рассмотреть проявления архитектоники в иных аспектах и ракурсах, в первую очередь в искусстве, в научном творчестве, в архитектурной культуре общества. Многие определяются и разрывами между богатыми и бедными – социальным неравенством.

Архитектонический принцип по-разному реализуется в системной самоорганизации общества, подобно тому как разные тектонические системы определяют разную архитектуру. Например, вантовые и стеновые конструкции задают два разных тектонических типа формообразования. Можно выделить два ведущих типа архитектоники социальных организаций в обществе. Условно назовем их как «растительные» и «организменные». Для первых за аналог моделирования можно взять известное в кибернетике дерево связей. В этой модели, так же как и для дерева, растущего в естественной среде, могут быть выделены основные закономерности, влияющие на его развитие: фиксированное место, стремление к свету и завоевание максимального пространства под Солнцем (ветвеобразное развитие структур и относительно равномерное распределение). Для вторых характерна достаточно узкая специализация и фиксация «ниши» организменного типа.

Анализируя архитектонику предметно-пространственного мира и человека, а также принципы их взаимодействия, необходимо определиться с более узкими специфическими границами категории «архитектоника». Ведь полисемантичесность их обозначений и значения делает его границы очень подвижными. Важно, в каком контексте и на каком иерархическом уровне обобщения идет поиск и каким образом проявляется «силовое» поле того или иного творческого смыслового построения архитектоники пространства человека.

Это хорошо видно на примере анализа солнечной активности в деятельности людей. Как и архитектурный принцип, в созидательной деятельности человека Солнце влияет на все, что делают люди. Само же оно остается вне деятельности человека, а значит внешне как бы выходит за границы архитектурного. Если за творца принять Природу, то Солнце является результатом развития природных сил, обладает своей организацией и, соответственно, архитектурный подход возможен в русле идей Канто-Лапласовского или современного астрономического анализа. Правда, в этом случае «архитектоническое» имеет свои условности и ограничения по критериям и правилам астрологии, хиромантии, нумерологии, эпистемологии, психологии,

соционики – нейролингвистических программ кодирования и декодирования личности.

Так, исходя из религиозных представлений, в индийской религии богу Архату подвластны космические силы. Значит, в этой логике можно считать, что и Солнце есть результат его творения. В религиозно-мифическом контексте архитектурный подход не имеет физических границ реального мира. На этих примерах видно, как расширяется понятие архитектурного в зависимости от исходных постулатов и как оно вводится в анализ визуально-образным подходом. Оставим, однако, в стороне культурологические, религиозные, научные, художественные, композиционные, организационные и иные толкования архитектурного и обратим взор к истокам и критериям архитектурного в интеграционном философском плане.

Парадоксальность жизни, в которой конкретное и абстрактное пересекаются, предполагает ее философское осмысление. Для логического объяснения абстрагирования необходимо провести анализ существа архитектурного феномена в реальной жизни. А. А. Ткемаладзе пишет об этом так: «Дать предметам особое (родовое) название – это по существу не что иное, как констатировать результат абстрагирования» [147, с. 136]. Из этих рассуждений следует, что в философском плане «архитектурное» безгранично в своей абстрактной развернутости и локально в конкретной действительности. Обусловленность архитектурного как практически-созидательного творческого начала имеет исторические корни и объясняет ее философское толкование.

Человек – первоначало, своеобразный модуль, модальность и модуль всех архитектурных изменений предметного мира. Этот постулат важен в качестве соотношения и оценки архитектурных масштабов пространственной предметности – от построения микромира до упорядоченных структур макромира. Масштабность архитектурных преобразований человеком окружающего мира – существенный момент динамики взаимодействия человека со своим окружением. В любом взаимодействии субъекта с объектом архитектурное присутствует всюду, где есть начало и конец, взлет и падение, целое и часть, знак и значение, ноль и единица.

По мере производства и накопления огромного потенциала ядерного оружия гибель человечества – постоянная трагическая реальность. К тому же проявляется постоянно растущий экологический кризис на планете. Все эти глобальные проблемы как результат безнравственного отношения человечества к универсалиям современного мира. Сознательно или бессознательно, но именно человек стоит у истоков многих глобальных конфликтов. И задача состоит в том, чтобы их избежать. Для этого как минимум надо знать закономерности и

специфику архитектоники предметного мира на всех уровнях ее пространственного взаимодействия с человеком, живущим в России и за ее пределами [145].

Краткие выводы по шестой главе

Архитектоника невидимых энергетических, информационных импульсов уже переводима в зримые образы. Все видеть нельзя, но следует увидеть все за относительно (не)долгую жизнь человека. Этот парадокс так же справедлив, как замкнутое на себя утверждение М. Хайдеггера: «философия есть философствование» [162, с. 38]. В моменты озарения мы начинаем видеть лики незримого посредством чувства, представления, воображения. Сделать это непросто, тем более, что даже прекрасно видящий человек постоянно пребывает «в царстве слепых законов». Так будет происходить до тех пор, пока он не сможет методологически-осмысленно и технически-вооруженно увидеть, узреть на яву законы в действии. Например, посредством системной графоаналитической морфологии, стержнем которой является теория композиционной организации. Однако, это уже другая не менее увлекательная сфера знаний о мире, берущая композиционное начало в творчестве композиторов и восходящая к (не)слышным звукам «космических струн» взаимодействия звезд и планет, Земли, на которой мы все временно прибываем.

Визуальная архитектоника мирозидания как способ познания мира представляет собой своеобразный рентген, как бы просвечивающий все значительное и достойное внимания. Действие этого воображаемого прибора (шапки-видимки) таково, что возможно выявление скрытого от наблюдателей нематериального, но существенно важного в мирозидании. Любые импульсы бытия (идея или мысль человека, бит информации, несущийся на электронный монитор дисплея, эйдос как многомерное понятие) могут быть зримо представлены, восприняты осязательно, перепроверены умозрительно. Так жонглер с завязанными глазами, чувствуя силу толчка и ощущая вес крутящихся предметов, свободно оперирует с ними, наблюдая их движение внутренним зрением. Видимо дело за новой профессией инвариатронщика, способного за всем уследит вместе с техникой «всевидящего ока» (рис. 44–46).

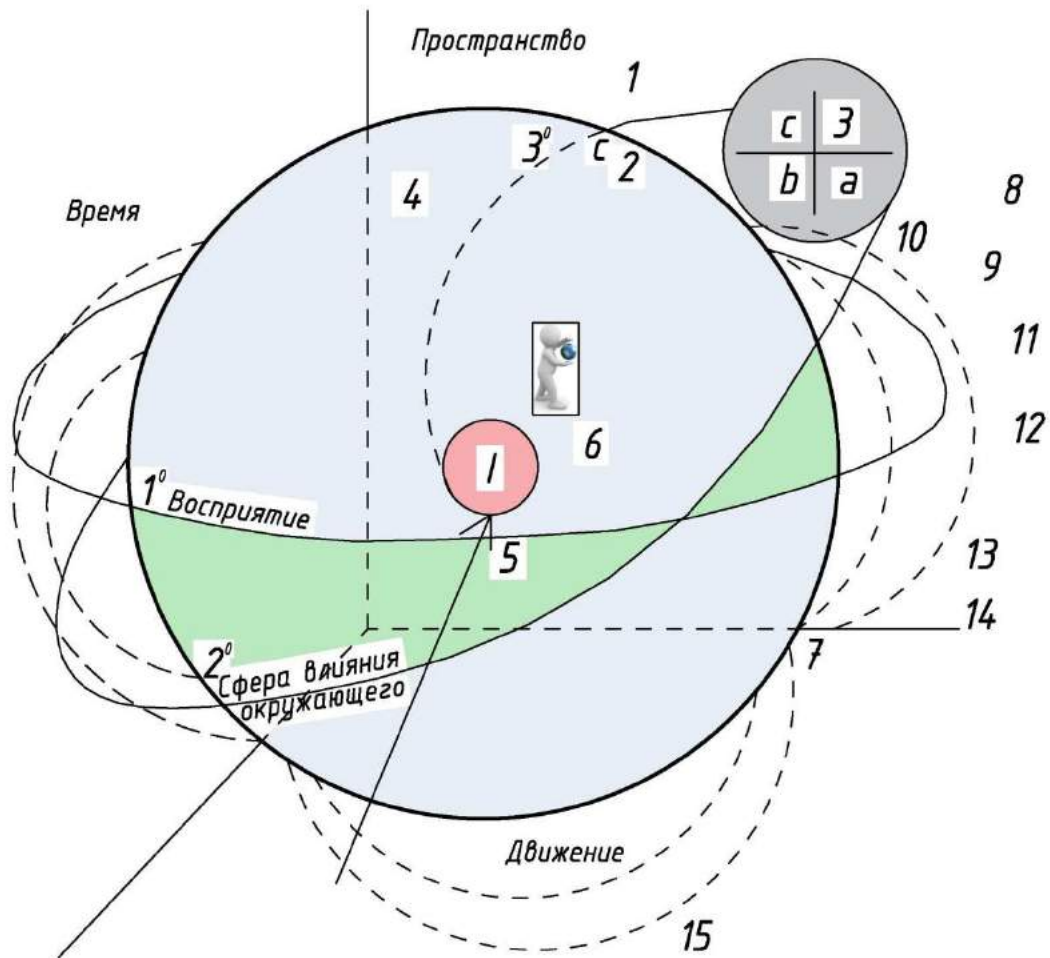

Рис. 44. Моделирование архитектоники пространства личности в динамике структурных связей живых полей окружающей среды

I. МИР

1. Наружная часть
2. Внутренняя часть
3. Оболочка (переходное)
 - а. Экстерьер
 - б. Внешнее
 - с. Интерьер
4. Элемент (существующий)
5. Элемент (проектируемый)
6. Элемент определяемый
7. Поля образованные средой (действие+мобильность)
8. Инженерное / экологическое
9. Геобиологическая сеть Хартмана (структура)
10. Интеграция с окружающим
11. Изображение геобиологических сетей (полей)
12. Живые поля архитектуры А. И. Цыганова
13. Мобильность
14. Статическая взаимозависимость (время-пространство-движение)

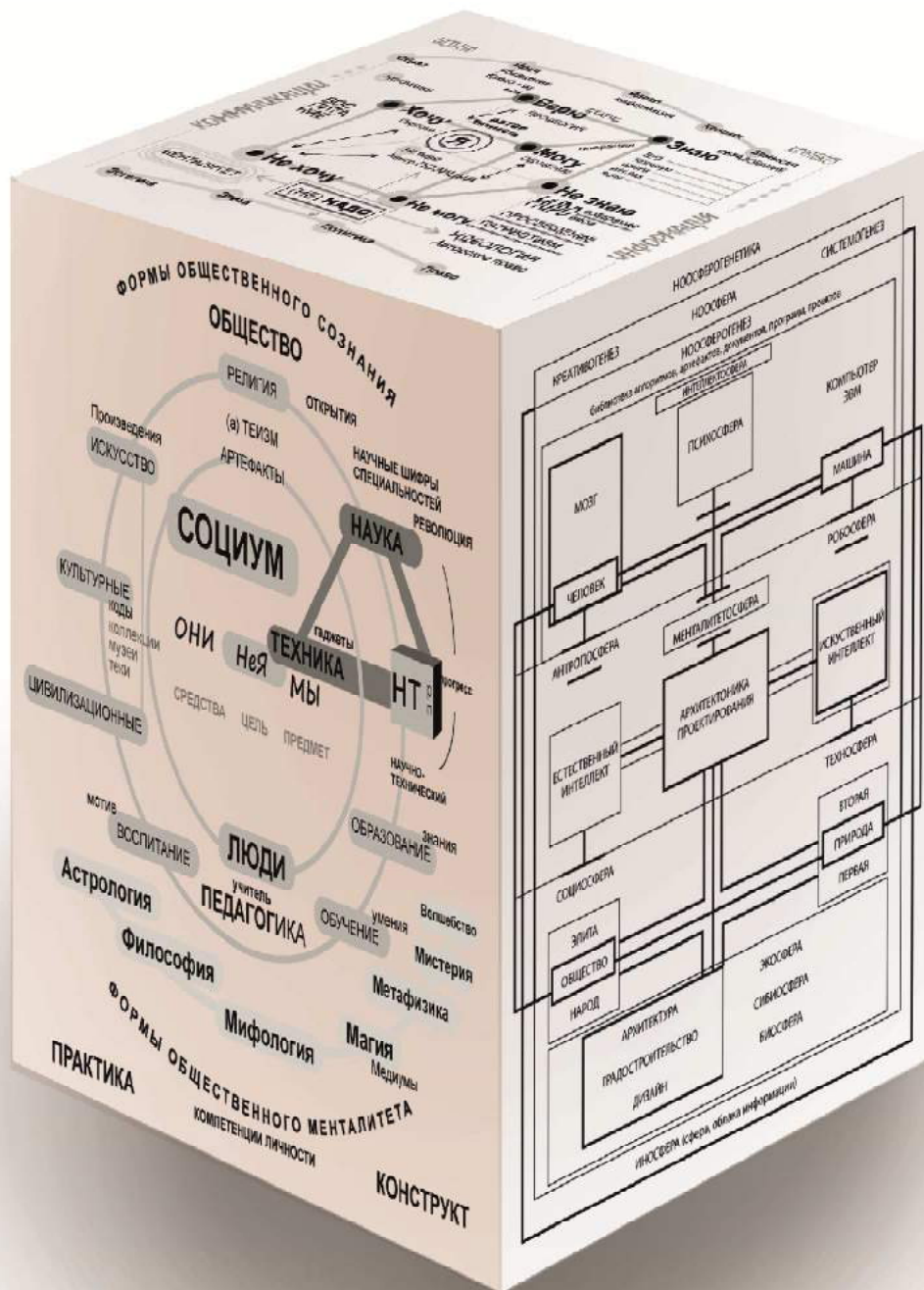
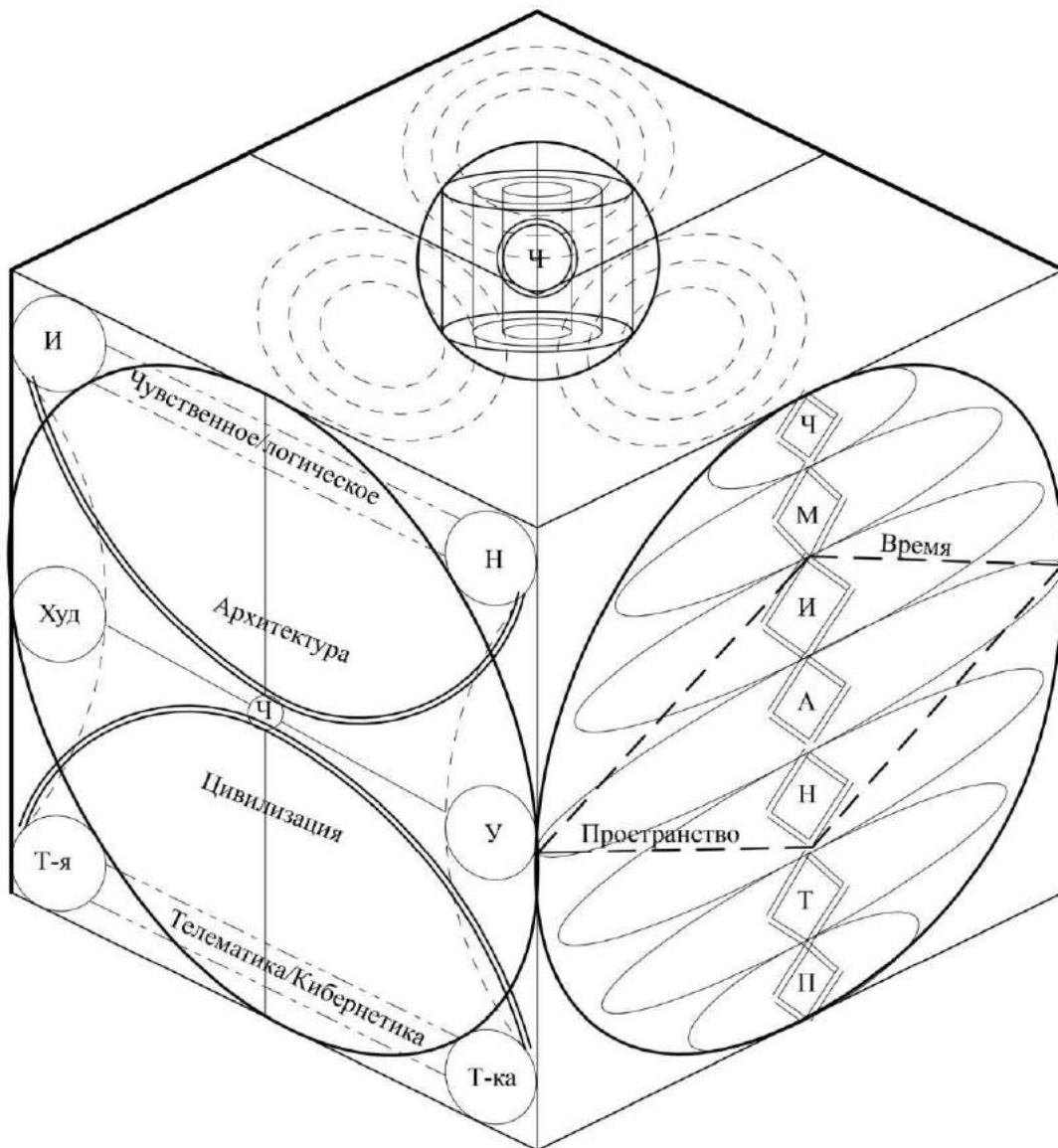

Рис. 45. Объемная модель архитектоники пространства человека для моделирования хронотопов

Ч - человек
 И - искусство
 Н - наука
 А - архитектура
 Т-я - технология

Т-ка - техника
 У - утилитарное
 М - медицина
 Т - техника
 П - предмет

Рис. 46. Структурное построение учебной модели для анализа хронотопов ансамбля

ГЛАВА 7. АРХИТЕКТОНИКА НООСФЕРНОЙ МОДЕЛИ ХРОНОТОПОВ АНСАМБЛЕОБРАЗОВАНИЯ

Великий русский философ Отец Павел Флоренский в своей книге «Столп и утверждение истины» писал: «Поэтому А есть А, что вечно бывая не – А, в этом не А оно находит свое утверждение как А». Здесь выражена мысль о метаморфозах простейшего начала всякого явления: некое «А» – разнопланово сопрягается во времени с собой, но возможно уже в другом, ином качестве и количестве. Проживая свою внутреннюю жизнь и меняясь под воздействием внешних сил, «А» зримо или умозримо, обозначая нечто, все же остается самим собой. То же самое «А» может символически олицетворять постоянно совершенствующегося и утверждающегося в своей нравственной основе человека. Пожалуй, это было, а возможно и остается, основным ключевым кодом в понимании любомудрия русской религиозной философии.

Обращаясь к исторической рефлексии Н. О. Лосского по поводу высказываний П. А. Флоренского, можно видеть, каким образом философия «буквы» преломляется и в философии «числа». В прозрачной мысли классика как бы просвечивает триединство Бога через четвертый элемент – Софийность, которая в итоге приходит к человеку как действительному источнику не только диалектики, но и невымышленной полилектики мироздания. Единство мира как «всё во всём» реализуется в метаморфозах смысла, знака, числа.

В табличной матрице А. К. Лосева по смысловому становлению «мира числа и сущности», напоминающей таблицу Д. И. Менделеева, четырехчастность находит подтверждение: София (Личность), Довление (Отец), Мудрость (Сын), Святость (Дух Св.). В этом суть его Ставшей Субстанции Для – себя – и – для – иного. Если приглядеться повнимательнее к месту данных сущностных инстанций, то можно предположить их особую значимость для толкований срединной иерархии пространственной модели мирозидания. В итоговой представленности такой универсальной мысли найдется место и для всех иных научных моделей, в том числе Менделеева Д. И. и Лосева А. К. (рис. 22, 23).

Некоторое абстрактное, а также одновременно универсальное и уникальное моно-поли-начало присутствует в любой философской системе, т.к. без него не может быть самой действительно реалистической системы. Собственно, всякие философские основания, начала, истоки также могут быть представлены как «А», (например, «альфа» – α). Развитие этого «А», переход его в некоторое другое «А», (например, «омега» – Ω), не обязательно полностью противоположное его прототипу, имеет свою внутреннюю логику, структуру, организацию. Такая организационно-логическая структура в своих началах и завершениях раскрывается как определенная целостность через архитектонику синархии. В контексте общих рассуждений об «А» есть начало философского языка, в том числе культурологического, математического, проектного, переходящих и собирающихся в визуально-знаковых, коммуникативно-проектных схемах (рис. 6, 20, 23).

7.1. Архитектоника визуальная и умозримая

7.1.1. Архитектоны ноосферного моделирования

Согласуясь с формами движения материи, как и принято в науке, можно прогнозировать усложнение предметно-пространственных форм развития творимых человеком систем – неживых (абиотических) и живых (биотических), технических (кибернетических) и антропоморфных (социальных) – от элементарной физической формы движения до социальной как высшей по сложности. То же самое можно сказать при проектном моделировании и в отношении описывающих их моделей. Пространственные модели различной степени сложности в соответствии с задачами характеризуют развитие предметов, комплексов, систем. Посредством проектирования, опирающегося на зримое моделирование, реализуется культурологическая возможность не просто описания, но, прежде всего, опосредованного изменения и не только иллюзорного созидания реального мира, но и его действительных воплощений в материалах самой жизни.

Графически представленные пространственные модели архитектоники человека и его окружения могут фиксировать особенности движения, его направленность, уровни, взаимопереходы компонентов внутренних и внешних систем. Временные характеристики также способны найти свое логическое выражение в пространственных моделях, например, через условное изображение оси времени и трех координат места. Плоскостные и пространственные модели есть конкретизация в зримых образах визуальной начертательной архитектоники того и иного знания (рис. 17, 20, 23).

Исследования и моделирование языка визуальной графоаналитической информации, профессиональной инфографики представляется весьма важным научным делом. В информационную эпоху разрабатывается бесчисленное количество программ и видеоприставок к ним. Однако, если у массовой продукции визуальные образы не последовательны, неопределенны и они носят игровой характер, то научное знание пользуется строго выверенной символикой. Разумность ноосферного моделирования начинается с «Ра» – обозначения Солнца как начала общей центричности.

Формами развития материи, ее атрибутами выступают пространство и время. Богатство их модификаций раскрывается через движение хронотопов. Но развитие не тождественно механическому движению. Оно является важным показателем, характеризующим усложняющийся переход одной формы движения в другую. И здесь пространственно-временные концепции развития предметных миров, сред, сфер, полей, разрабатываемые в философии и в частных науках, непосредственно позволяют переходить к пространственному моделированию уровней, форм, этапов функционирования проектируемых систем в качестве подвижных заместителей будущих хронотопов (рис. 36–39).

Описанием различных закономерностей развития объектов предметного мира пространств занимается и математика. Существующие в реальности предметно-пространственные явления могут быть достаточно адекватно выражены в геометрических моделях, отражающих характеристики движения, его направленность, временные параметры гипотетических или действительных объектов. Зримое представление математических моделей в топологии есть та (не)устойчивая закономерность, образующая незыблемую основу, с которой работают представители точных наук.

Различные геометрии пространств (Евклида, Пифагора, Лобачевского, Римана, симплектическая, контактная), являясь достижениями математической культуры, взаимосвязаны между собой. Опыт математического моделирования позволяет совмещать на плоскости в условных проекциях трехмерные, четырехмерные, многомерные (четномерные и нечетномерные) пространства взаимодействия свойств и отношений. В рамках относительно целостных

научных концепций трансформаций мира хронотопов выстраиваются разные уровни и аспекты моделирования. В условиях продолжающихся споров ученых по ряду несовпадающих концептуальных положений различные точки зрения на особенности становления, развития, действия объектов могут быть идентифицированы в пространственных моделях, начиная с творческих верификаций деятельности самого человека (рис. 35).

Между формами материи и формами их развития помимо циклических взаимодействий существуют восходящие и нисходящие движения «по ступеням» структур, каркасов, конструкций. Наряду с характеристиками лишь восходящих форм движения от низших к высшим, необходимы понятия, отражающие нисходящее движение, аналогично тому, как существуют диалектические переходы: эволюция – революция, регресс – прогресс, созидание – разрушение. Вместе с текстовым описанием информации потребуются привлечение и визуально-графического языка. В этих основных формах заложено начало визуального моделирования проектной информации. Она заключена в концептуальных контекстах временного развития конструкторов, их противоборства, усложняющегося возвышения, либо упрощающегося нисхождению видимого прообраза объекта. Основными критериями общедоступности информации выступают ее зримость и возможность выведения на экран дисплея.

Аргументом в пользу применения визуальных карт, схем и моделей иерархически упорядоченного проектного знания является качество их одновременной смысловой многомерности. Процедуры визуализации проектной информации приближаются к неоспоримым преимуществам всякой графической информации. В частности, эти особенности позволили живописи и графике, обладающими двумя измерениями, иллюзорно переходить к третьему. Используя достижения трехмерного голографического кино, уже сегодня осуществляется реализация принципа иллюзорного построения четвертого измерения, т.е. свободного движения зрительно-мнимого объекта в реальном пространстве. Эта технология подспудно развивается в виртуальной реальности проектирования, в компьютерной графике, мультипликации.

В отличие от временной одномерности звуковой информации и однонаправленности изображения считываемой информации (текст обычно читается слева направо и сверху вниз), в моделях, в частности, в таблицах, уже задано, как минимум, два относительно независимых измерения восприятия изображения. Причем последовательность эта не обязательно должна быть линейной. «Умные» программы рисуют в мультипликационном режиме на дисплее фантастические преобразования.

Любая иллюстрированная книга изготовлена с использованием визуально-архитектонического принципа представления информации. В полиграфии издатели и художники широко пользуются понятием «архитектоника книги». Текстовая иллюстративная информация в восприятии читателя закономерно порождает новое качество книги, обусловленное данным синтезом и значительно углубляющее усвояемость заложенных в ней знаний. Уже в самом факте разведения и сведения разнокачественной информации присутствует архитектурное начало.

У ряда оппонентов могут возникнуть сомнения по поводу границ применимости визуальной архитектуры. Например, такая вечная триада, как «вера – надежда – любовь», иллюстрировалась параллельно с древнейшими библейскими текстами. И вряд ли можно согласиться с обвинениями в ненаучности данного факта, поскольку он изложен языком искусства, хотя бы на том основании, что проектирование в своей максиме обращается одновременно к философии и житейской мудрости, соединяя их с наукой и искусством.

Проектирование в сферах науки, искусства, культуры – это полиуниверсальная интеллектуальная деятельность. Оно монополюно возвышается над всеми науками и искусствами, поскольку они синхронно используют его как свое родовое начало при помощи компьютерной техники. Технические средства уподобляются кабельной проводке, обеспечивающей работу мегамшины дизайна как проектного творчества. Именно дизайн по своей природе обладает универсальной способностью собирать воедино все, что работает на созидание.

Энциклопедии, словари и тезаурусы позволяют выстраивать интеллектуальную архитектуру смысловых структур. Визуализация гуманитарного знания в проектной деятельности реализуется, в частности, в виде пиктограмм, пиктокарт, фотокарт, пиктографического письма. Для подобного рода иерархических построений и логических конструкций в разумном моделировании требуется язык математического анализа, теории перспективы, концепций визуального восприятия, теорий зримого и умозримого мышления.

7.1.2. Визуальная и умозримая персонификация

Визуализация и математизация информации особенно характерна для таких социальных наук, как «социальная информатика и моделирование», «социальное проектирование», «социально-экономическая статистика», «статистическая демография», «социодинамика культуры», «социокультурное прогнозирование», «социокультурная антропология», «социология градостроительного искусства», «социометрия», «формальная социология», «демометрия», «математическая

история», «теория стадий роста», «экстраполяционная прогностика». Превалирующую роль в них играет визуальная атрибутика типа таблиц, схем, графиков, моделей, рисунков, фотографий. Человек их видит, различает и осмысливает.

Как учение антропоцентризм не нов, но он обновляется за счет количественного роста качественно отличных концепций и идей, его образующих. В истории философии антропоцентризм модифицировался в антропологии нового времени и в неоантропологии, а также в персонализме, экзистенциализме, теориях «Я». В своих множественных трансформациях человекоцентристские учения смыкаются с философией человека, охватывающей в своей социогуманной направленности все сферы современной картины философского и общенаучного знания о человеке и человечестве.

Создание зримых «карт-лоций» (схем, моделей, матриц) проектно-гуманитарной ориентированности – это только начало на пути бесконечной конкретизации иерархических горизонталей-истин. Возвышение их в жизни отдельного человека всегда конкретно и становится объектом рассмотрения философией индивида, персоны, личности. Практические шаги в направлении становления философии уже осуществляются. Например, медики при помощи современной техники выполняют индивидуальные карты-розы качественных характеристик жизненного потенциала конкретных людей. Это лишь начало развития персональной медицины.

Возвышение потенциала каждой личности в идеале минимализации конфликтности укрепляет позиции коллективизма и патриотизма в обществе. Улучшение благосостояния каждого члена социума делает богаче общество в целом. По мере удовлетворения минимально-утилитарных жилищных норм отечественное домостроение все более начинает обращаться на западный манер к индивидуальному жилищному строительству по персональным заказам. Жизнь человека зависит от общественной жизни, но то и другое определяется окружением и средой обитания людей.

Индивид как сверхсложная динамическая система в течение жизни подвержен значительным изменениям. Естественно необходимо глубинное исследование процессов изменчивости человека и окружающего его мира. Определенные механизмы такого мониторинга могут быть использованы по аналогии с аэро- и фотокосмической съемкой поверхности Земли, а также со способами фиксации изменений в недрах земной коры или подводных ландшафтов в виде тектонических сдвигов, извержений вулканов, технических воздействий людей, преобразующих облик планеты, развитием подземной урбанистики. Метод аналогий перспективен и в моделировании интеграционных

процессов в науке о проектировании как универсальной деятельности, ведущей к многомерной ансамблевости.

Особую роль в визуализации обобщающей информации по архитектонике мирозидания помимо философии человека как интеграционной науки могут сыграть философия наук о человеке, философия человеческой истории, философская антропология, философская теория человека, общая теория человека, антропономия. Кроме того, специальные философские и общенаучные знания конкретизируют отдельные пласты гуманитарного и этнокультурного мышления: методологию и логику гуманитарных наук, этику, эстетику, герменевтику, лингвистику, культурологию, социальную философию, философию истории культуры и цивилизации.

На философском уровне архитектурно-своеобразные концепции человека можно встретить у мыслителей самых разных эпох. Учениями о человеке занимаются и современные философы, однако эти исследования носят предельно общий характер и в проектировании пригодны разве что в концептуальном плане. Впрочем, и на абстрактном уровне разработаны достаточно конкретные подходы, в частности, в системе человековедения Л. А. Зеленов неоднократно предлагал выделить три уровня: философскую теорию человека, общую теорию человека (антропономию) и систему частных наук о человеке. Принимая эти уровни гуманитарных знаний за отправные, следует иметь в виду, что они очень сложны не только по горизонтали, но и по вертикали. Видимо, в пространственном моделировании наук (в том числе и гуманитарных) имеют место переходные ступени: фундаментальные, комплексные, видовые, моно- и полицентрические, гомо- и гетерогенные.

Традиционно на практике значительные изменения не проектируются, исходя из целостной архитектоники предстоящих преобразований. Как правило действует метод «проб и ошибок», который западные эксперты предпочитают называть «логический эксcrementализм». Наивно, конечно, думать, что если бы даже была совершеннейшая теория мироустройства, на практике все прошло бы, как говорят, без сучка и задоринки. В поисках самых высоких духовных истин и постановке задач у людей всегда было стремление соразмерить их с реальностью, найти адекватные организационные способы их решения. Так, для описания преобразований существуют математические теории перестроек, теории катастроф, теории особенностей и бифуркаций. Точно также в миропереустройстве потребовалась архитектология как организационная наука. Основы ее также были заложены в тектологии А. А. Богданова.

Для того чтобы менять что-то с меньшими потерями и более цивилизованно, надо знать архитектонику культуры созидания пространства как целостности. Это предполагает построение как минимум трех

преобразовательных планов: архитектоники предметного мира, архитектоники человека и архитектоники гармоничного взаимодействия человека с миром. Попытка увидеть начало эвристических планов через пространственную культуру деятельности и визуальную архитектонику мирозидания и была предпринята в настоящем разделе.

7.2. Ноосферно-философская архитектоника культуры созидания

7.2.1. Ноосферно-философская парадигма

Отечественная философия в XX веке претерпела ряд серьезных испытаний. На этот процесс наложили свой как позитивный, так и негативный отпечаток самые разные события: две мировые войны, революции и реформы в стране. Значительным ударом для русских философов была высылка за границу в 1922 году крупнейших специалистов. По существу, они создали зарубежную русскую философию, отразившую в себе катаклизмы нации, русский дух и реорганизацию идеологических приоритетов. Социалистическая «плановая» экономика при всех ее плюсах значительных прорывов по векторам пятилеток и семилеток фактически выпестовала «усредненное нищенство» большинства членов общества. Любопытно, что и философия рядом своих основополагающих постулатов поддерживала «статус-кво» усредненного созидания, невыверенного экономическими критериями. Опыт коммунистического Китая, социалистической Швеции показал, где мы сильно просчитались или проигнорировали возможности развития.

Разного рода революционные преобразования всегда имели благие цели, но в своем развитии парадоксальным образом оборачивались против них. Происходила закономерная дегуманизация революций. В ряде случаев это было просто физическое уничтожение инакомыслящих. В послесталинский период в течение четырех десятилетий философия определялась административно-тоталитарными доминантами, сугубо идеологизированными ориентирами и стагнирующего строительства гигантских масштабов. Под знаменем абсолютно нового социалистического строительства рушилась преемственность отечественной культуры православной, дворянской, царской России.

Важной позитивной стороной гласности стало обращение к подзабытому прошлому. На исходе последнего десятилетия XX века открывались новые клакстоны для «инакомыслия». Стали широко публиковать изгнанных и отринутых от истины. Академический труд Н. О. Лосского «История русской философии» реабилитировал ряд ярких представителей русских философов, подлежащих запрету в СССР в период тоталитарного правления и даже во времена «оттепели». Крупный зарубежный исследователь Л. Р. Грэхем дает

достаточно беспристрастные и точные характеристики состояния нашей отечественной философской науки с позитивной оценкой диалектики как фундаментального научного метода.

Диалектический подход, являясь частью общепhilosophического подхода, исторически оказался наиболее эффективным и жизнеспособным. Диалектика в силу своей абстрагированной от конкретики всеобщности не может охватить все, а потому она опирается на другие более частные способы познания: общая теория систем, синергетика, синархия, ноосферистика. Они в свою очередь дополняются такими особенными подходами как средовой, деятельностный, информационный, технологический, архитектурный.

Парадоксальная противоречивость архитектурного подхода как некоего интегрального и поли-интерпретирующего начала заложена в искомом термине, так же как в самой реальности есть место тождеству противоречий. Первая буква этого слова «А» одновременно означает и некое позитивное начало, и отрицание, содержащееся в греческой букве «α». Далее специфика проявляется в «Арх» или «Архэ» – это источник и основание, а «Архи» – это вершина, взлет синхронизма начал топологии.

Тектология А. А. Богданова, как выясняется сегодня, была не только предтечей общей теории систем, первенство которой «благодаря» незадачливости наших отечественных «критиков» осталось за Л. Берталанфи. В богдановской тектологии в качестве одного из основных достоинств заложена потенциальная возможность связи философии как с различными уровнями познания, так и со всей тектоникой, или строем науки. А ведь в основе самого понятия тектология лежит категория тектоника.

Тектология в своем развитии призвана стать не только соединительным звеном философии и науки, но и самостоятельной организующей наукой, которая на высоком архитектурном уровне способна увязать организацию предметного мира и организацию социума в интегрированном пространстве. Подобная суперсложная система развивается по определенным циклам. Архитектурное начало самосопряжено в своих противоречиях иерархического и анархического, олигархического и демократического, патриархального и матриархального. Однако исторической задачей персонифицированной тектологии остается гуманная организация общей архитектуры человеческих пространств реального мира.

В связи с широким пониманием тектоники самим А. А. Богдановым была впервые высказана и аргументирована общая идея организационного процесса как начала особой науки. Он справедливо считал, что «у каждого человека есть своя, маленькая и несовершенная, стихийно построенная «тектология». В этом контексте тектология как протонаука существовала и будет жить в самых

различных вариантах. Упрощенный каркас самых общих начал в построении тектоники персональной судьбы человека может опираться на некое «Ё-моё». Как у фирм есть товарные знаки, отражающие их философию бренда, так и любого человека есть своя «фишка», хобби, увлечение.

Прообразы комплексной тектологии А. А. Богданова были у философов А. Локка, И. Канта, Г. Гегеля, Д. Юма, что является существенным доказательством ее истинности. Они подходили к решению своих исходных проблем с позиций общей методологии познания, гносеологии, универсальной методологии, диалектики или метафизики. В постановке вопроса об основных началах бытия Г. Спенсер шел через анализ приближения социальных оснований и опыт в биологии, психологии, социологии к универсальности, организованности и целесообразности. Бесконечность индивидуальных подходов в переходах от сложного к простому есть задача каждого в отдельности при взаимопереходах визуального и умозримого.

Задача тектологии виделась ее творцу в систематизации организационного опыта. Для него было ясно, что эта наука должна быть эмпирической, и к своим выводам она непременно должна идти параллельным путем дедукции и индукции. Отсюда появлялись специфические «тектологические законы» и возвратная в своей устремленности особая «тектологическая дедукция». Как и всякая наука она обретала свой аппарат. Если до А. А. Богданова это было делом каждого в отдельности, то с тектологией появлялось и нечто общее, закономерное. В единстве дедукцию и индукцию можно рассматривать как тектонически – своеобразную анимацию интегрирующую в себе схождение параллельных в невозможных фигурах.

Центральная концептуальная идея развертывания архитектурного в духе преемственности тектологического может быть обоснована следующим образом. В предметном мире существуют человек и вещи, социальные группы и общество, цивилизации и культуры. Человек как относительно устойчивая и целостная система всегда стремился к исследованию доминантного в каждом обобщении, одновременно отыскивая начало этих сущностей и прослеживая их диалектику всестороннего развития. В качестве подобного обобщения выступало субъектно-объектное отношение, где, как правило, в качестве глобального объекта была природа вне человека (И. Кант). Человек сталкивался с тем, что в субъектно-объектных отношениях он был всегда абсолют. Тезис «Человек – царь природы» бесцеремонно зачеркивался эпидемиями, где Природа становилась субъектом агрессии, направленной против человека. Исторически это случалось относительно редко в планетарных масштабах. Однако в целом все шло к тому, что человек медленно, но верно продвигался по пути возвышения в соревновании с природой. Но и теперь силы не равны.

7.2.2. Ноосфероцентризм срединной иерархии архитектоники

Изначально архитектурное больше означало продвижение людей к господству над природой искусственных форм и над собой. Апогеем на этом долгом и изнурительном для обеих сторон движении был расцвет техники. Но чем больше развивалась техника и наука, а «видимый» мир, окружающий человека, становился более гуманным, тем с большей силой возникали новые и новые препятствия. Шло увеличение «озонной дыры» над планетой, загрязнялась питьевая вода в реках, глобальные масштабы приобретал СПИД – «новая чума», распространялись гиподинамия и ожирение. Эти беды продолжают с нарастающей силой угрожать каждому из живущих на планете.

Достигнув максимальных успехов в борьбе с естественной природой, человек одновременно остро ощутил ее агрессивность по отношению к нему, не до конца осознавая ее агрессивность как ее защиту. Человечество стало перед незримой и опасной «чертой», на грани катастрофы. Идеи В. И. Вернадского о ноосфере, Тейяр де Шардена о феномене человека, А. И. Чижевского – основоположника гелиобиологии – о влиянии космических сил на людей весьма актуальны. Осознанная ими триада «коллективный разум – человек – мир» становится особенно злободневной и должна быть органично включена в открытые системы ноосферистической идеологии современности.

В этом плане старые проблемы возникают в новом качестве. На всех уровнях они обусловлены взаимодействием противоречивых начал: «человек – предмет», «объект – субъект», «человечество – природа». Они проявляются чрезвычайно многогранно и сверхсложно. Разумный вывод – люди должны отказаться от варварского покорения природы. Возникает новый тип осознанного взаимодействия. В деятельность человека пока еще гипотетично включается космический масштаб, не ограничивающийся солнечной системой. Человечество ищет информацию из космоса, посылает в межгалактическое пространство сообщения о себе, пытается определиться с логикой появления пришельцев и их сфероподобной морфологической представленностью (см. фильмы «Кокон», «Сфера», «Орешек»).

В деятельности общества архитектоника возникает и развивается на путях интеграции единства в синархической целостности артефактов и хронотопов. Нельзя уже решать проблемы вне их взаимной обусловленности. Архитектоника синархии проявляется как интеграл единого сообщества человечества с его социальными и национальными особенностями по ноосферным алгоритмам космоса.

Крах «всемирного коммунизма» снял явное двухполюсное противостояние двух общественных систем и первоначально казалось смягчил климат мирового

сообщества. С одной стороны, архитектурное дает обоснование созидательного единства, которому подчинены все составляющие комплекса. С другой стороны, моноцентризм Запада противостоит нарастающей мощи Востока. Возникают анархические тенденции, идущие от терроризма. Человек в неукротимой деятельности обретает космический масштаб и характер, достигает глубинных недр Земли, где правят законы геотектоники.

Доминантой архитектурного является интеграционное начало ведущее к логике синархии. В глобальном онтологическом плане оно выступает на уровне взаимодействия человечества и Земли, вместе с тем активно проявляясь в аспектах исследования: познавательном, гносеологическом (целостность познания) и аксиологическом, и одновременно выполняя роль прогнозирования всех видов деятельности. Архитектурное работает на спасение и выживание, т.к. в единстве гармонизируемых им элементов проявляется их относительная и абсолютная ценность.

В утверждении архитектурного как ценностного начала меняется и сам субъект. С окончанием «перестройки» и с преодолением анархической агрессивности олигархических и маргинальных социальных систем появилась возможность углубленного комплексного решения культурных, экологических и социальных проблем. Власть в России, казалось бы, обрела гуманную окраску в меру толерантности партий и представленности во власти людей с «забытых» мест. Ведь «АРХИ» – это еще и понятие, обозначающее власть, а властное начало организации мира никто не отменял. Вопрос в том, сохранит ли разумная власть элиты меру учета интересов народа, простых граждан России. Как известно, культура без волевого начала чахнет, а при его доминировании гибнет. Отсюда взвешенное решение проблем централизма.

Наиболее полно архитектурный принцип в его властно-организационных инстанциях реализуется в аксиологическом плане, в интеграции, например, христианских заповедей общечеловеческих ценностей и общественно необходимых потребностей. В этом глобальном взаимодействии архитектурное становится самым насущным, и его обеспечение важнее локальных проблем, например, построения островков коммунизма в отдельно взятой стране. Но оно выступает не только в глобалистике, но и на уровне регионологии и урбанистики, агломерациологии. Осознание организованных территорий восходит к особой универсальности – к синтетизму и специфическому соединению разобщенных начал не в плане господства и подчинения, а в их гармонии и единстве. И в этом главная цель архитектуры культуры созидания по критериям срединной иерархии.

Архитектурное взаимодействие, доведенное до единоположенности всех начал созидательного комплекса, – вот идеал деятельностного человека с его

выходом на предметный мир во всех его пространственных проявлениях. Этому способствует включение в процесс диалектики и теории познания, социальной философии и культурологии как базовых составляющих философии созидания. Последняя опирается на гипотезу всеобщего категориального статуса «архитектонического» и сквозную идею синархического единства человека и окружающих пространств предметного мира. Общая авторская трактовка исходных положений и принципов данного научного направления исследований архитектоники синархии опирается на традиции русской философской мысли, в частности, доктрину «всеединства» Соловьева В. С. и Флоренского П. А., естественно-историческую концепцию развития всего сущего – «Всемира» – Сухово-Кобылина А. В., философию неравенства Николая Бердяева, «архитектонику поступка» Бахтина М. М. Сюда же следует включить и системные подходы в фундаментальных науках: в тектологии как всеобщей организационной науке Богданова А. А., в учении о ноосфере В. И. Вернадского. Все они объединяются концептуальной идеей философии созидания – ноосфероцентристской архитектоники.

По некоторым пессимистическим прогнозам отечественных и зарубежных ученых человечеству осталось прожить жизнь нескольких поколений до разрушительного апокалипсиса, ускоряющего его приход резким превышением меры в различных аспектах: социальных, биологических, экологических, космических, технических. Возникает сакраментальный вопрос: как спастись? Достаточно ли исходить из того, что противостоит разрушению – из принципа созидания? Тем более, что он в своем противостоянии, целесообразно организуя деятельность, объединяет людей, социум, окружающую среду, архитектуру, технику. Предтечей интерпретации архитектоники как сущности и ядра созидания для нового и новейшего времени стало прогнозирование с выходом на теорию архитектурного и на гипотезу категориальности архитектоники.

Издавна синонимом строительства и организации всякой гуманной предметности выступала архитектоника. Об этом свидетельствует проведенный анализ более ста толкований «архитектонического». Большинство их стало достоянием различных наук, в связи с чем возникла потребность их интеграции. Первоэлементом для ее осуществления является категория «взаимодействие». Отсюда понятие «архитектоническое взаимодействие» углубляет ее значение, имманентно отражая в себе отношения и свойства низшей и высшей форм многомерного развития человека организующего и созидющего – *Nomo architectonicus*. Архитектоническое взаимодействие человека с предметным миром – это многоуровневые проблемы системных взаимодействий и ограниченностей человека с человеком, естественной и искусственной природы, окружающей человека среды и социума.

Человек культурный оказывается в центре всех противоречий данных отношений и, обладая архитектурной культурой, обеспечивает высокий миропорядок и мироустройство. Определяется главная цель его деятельности: обеспечение равновесного архитектурного взаимодействия человека и пространства предметного мира. В свою очередь, это определяет необходимость развития философии созидания как общественного знания о пропасти альтернативной реальности.

В геотектонике есть понятие «тектоническая жизнь Земли», а само понятие зодчество содержит в себе отголосок корня «жиздить» как жизненное обустройство жизни. В теории архитектуры и градостроительства разворачиваются понятия типа развитие «каркаса» и «ткани» градостроительного образования. Специальная терминология частных наук открывает возможность для широких категориальных обобщений фундаментальных наук. В общей архитектонике научно-философской картины мира терминологически отражено диалектическое единство архитектурной деятельности и ее сути – творческого созидания. Обоснование общекардинальной идеи архитектурного как целого заключается в его истоке («арх»), вершине («архи») и их сопряжении («тектоника»), собирающихся в срединной иерархии ноосфероцентризма.

Таким образом, естественные и искусственные тектонические процессы взаимодействуют уже в своей центробежной и центростремительной основе. Исторически разрастающиеся поселения и «плечные» города окутывают земной шар, тесня биосферу и обеспечивая «жизнь» для техносферы, человека технического, а не природного. Однако организованная особым искусственным образом «косная» материя, к которой относятся и технические объекты, в деяниях человека зачастую катастрофическим образом попирает все живое. Идея В. И. Вернадского о превращении биосферы посредством новой геологической силы – коллективной научной мысли – в ноосферу может быть преемственным образом развита сопряжением ее с концептуальной идеей архитектурного как равновесного целого – органического и неорганического, естественного и искусственного.

Гениальное предвидение Вернадского новой фазы развития оболочек Земли подкрепляется многочисленными фактами, фиксируемыми в экологии, урбанистике, глобалистике. Значение процессов пульсации градостроительных образований и планеты в целом наиболее полно предстаёт лишь по прошествии определенного времени. Тейяр де Шарден и Чижевский А. Л. по-своему интерпретировали эти процессы. Один – с позиций научного знания, другой – с позиций теологии. Если космический разум существует, то иная позиция, слагающая противоречия в единых действиях, обращена к его предчувствию. Современная научная элита в своих научных поисках близка к тому, чтобы,

фиксируя единым многофокусным взором из Космоса происходящее на Земле, разумно сопрягать его с бесконечностью путей возможного ансамблевого истинного.

Архитектоника как наука обеспечивает координацию частных целей через общую цель человеческих деяний системно и структурно объединять учения и их реализацию. Как человек не одним только зрением или осязанием познает и преобразует мир – для этого у него есть единый комплекс чувственных «обнаруживающих» органов, так и архитектоника в организации гуманного в своей целостности предметного мира пространства опирается на естественные тектонические процессы первой природы и искусственные второй.

7.2.3. Полевые сети ноосферного континуума синархии

Иерархически первичное тектоническое начало пронизывает все поле социальных отношений и институтов, быта, физиологию и психологию человека, заставляет корректировать деятельность людей по родовой, видовой и индивидуальной иерархиям. В человеческой деятельности идут многогранные архитектурные цепи взаимодействий. Анализируя начала и основания архитектуры как науки созидания, следует обратиться и к корневой основе слов, определяющих смысл терминологии. Знаковое и морфологическое причудливым образом переплетаются. В своих совпадениях они работают как оцифрованные символы, математизированная философия.

Новые грани разумного понимания архитектурного ярко проявляются в архитектуроведении и технической эстетике. Так, например, Минервин Г. Б. понимал архитектуру как надстройку над тектонической деятельностью, которая через чувственное восприятие человеком целого одухотворяется и эксплицируется. Тектоническая деятельность в своей утилитарности естественным образом выходит к основам мироустройства.

В мире философских и культурологических знаний есть много интересных и емких слов. Иногда они со временем забываются или претерпевают такие изменения, которые незаслуженно отодвигают их на второстепенный, третьестепенный или вовсе дальний план. Так, например, ученые высказывали сожаление о том, что наши современники не используют слово «калокагатия», в котором отражено единство нравственного и эстетического как характеристика гармонии добра и красоты. Или слово «хронотоп», в котором отражено единство времени и места, поднималось на щит М. М. Бахтиным и его последователями спустя тысячелетия со времени его возникновения в качестве двух относительно самостоятельных слов.

Нечто подобное произошло и со словом «архитектоника». Его разнесли по «ведомствам» частных наук: архитектуры, композиции, геотектоники и др. Это изначально очень емкое слово, состоящее из ряда категорий («арх» и «архи», «тектоника»), могло бы стать этимологическим основанием не только такого учения, как философия созидания, но и интеллектуальная методология, визуальная интеллектика. В квантовой теории есть идея о том, что основу мира составляют элементарные частицы. От того, какую форму они принимают и как организуются, зависит как и по какому типу организации будет развиваться весь мир. В чем-то сходные идеи были развиты и А. Эйнштейном в его теории относительности. Любопытны идеи отечественных физиков: Сахарова А. А. и Мигдала А. Б. о симметрии в физике, законах симметрии в мироздании, а также возможности их переноса в анализ социальных систем. По существу, поискам путей развития и доведения до реальности универсума этих возможностей и посвящена в максиме данная работа.

В Большой Советской энциклопедии слово «Архитектоника» определяется как строительное искусство. Существует и более широкое понимание этого слова в разных науках. С другой стороны, слово «Композиция», непосредственно выводится на понятие «архитектоника» и соотносится с терминами «строение», «связь», «гармония». Архитектоника и композиция тождественны, равны и различны, аналогично дао как пути и диалектике как методу следования определенным путем.

Греческое слово *tektonike* (строить, созидать, строительное искусство), как правило, не включают в философские словари в качестве необходимого понятия. Хотя именно через его привлечение появляется возможность развертывания многих положений современной философии по глобальным проективным преобразованиям ансамблевой жизни общества. Богданов А. А. один из первых использовал эту возможность. Он приводит ряд понятий, выходящих на тектологию в его понимании: «таттейн» – строить; «тектон» – строитель; «таксис» – боевой строй и вообще порядок; «технэ» – ремесло, искусство; «тектон» – дитя [22]. Для него тектоника – это не только синоним «строительства», но и «организации», а в некоторых пределах – «дезорганизации». В этом контексте просматривается связь тектоники с «тотемом» и «табу», рожденными на заре человеческой цивилизации.

Отвечая на критику его понимания тектологии, Богданов А. А. пишет: «Прав ли я, полагая, что тектология между прочим ликвидирует философию вообще, – это вопрос, другой; но ясно, что если тектология есть наука, то она обязана изучать только явления, их связи и закономерность, а прочее предоставить философии, она даже не опровергает этих философских понятий; но в решении ее задач их некуда поместить». Из его суждений можно сделать вывод,

что тектология, фактически предварившая общесистемный подход, является своеобразным иерархическим уровнем в человеческом познании, способным относительно самостоятельно функционировать и вне философии, и вне конкретного или прикладного научного знания. Из признания позитивности факта создания некоей новой значительной науки вовсе не следует вывод о ликвидации философии. Более того, философия и тектология вполне способны эффективно взаимодополнять друг друга. Максималистское утверждение Богданова А. А. о возможности замены философии тектологией не выдерживает критики. Скорее тектология была предвидением программирования.

По сравнению с архитектурой И. Канта в тектологии Богданова А. А. читатель спускается на ступеньку ниже в системе философских учений, и даже порывает с ними в силу их высочайшей абстракции. Иллюзии о ненужности философии на основании ее замены тектологией объясняются, во-первых, непрофессионализмом Богданова А. А. как философа, во-вторых, как практик-организатор он не видел в старой философии поддержки в реальных делах, в том числе в строительстве большевистской партии, имеющей сомнительные установки экспроприации экспроприаторов с использованием криминальных элементов в своем фундаменте.

Выделение универсальных организационных принципов позволило Богданову А. А. «совмещать» элементы разных иерархических уровней и рассматривать сквозь их противоречия судьбу целостности систем. Сам Богданов признавался, что «критика тектологии, вероятно, нужна», но это не значит, что любой критике позволено отрицать необходимость «научно организовать жизнь в целом» [22]. Однако такая трактовка тектологии сталкивает ее с рядом современных практических и прагматических дисциплин, таких как менеджмент, социальное планирование и управление, маркетинг, организация и управление производством и др.

У Богданова А. А. есть много явных и неявных последователей. Так, например, Анисимов О. С., анализируя создание исходных ориентиров в методологии, где тектоника отождествляется с архитектурой, считает, что «это выразилось и в содержании учебных курсов на кафедре методологии, и в архитектонике всего учебного процесса, а также во всей истории кружка с 1978 г.» [22, с. 294]. Далее он замечает, «что в коммуникации совместной жизни и деятельности проявляется вся архитектура языка: эталонная система (словарь), грамматика, самовоплощение всех требований построения» [22, с. 297]. В этой позиции для современной тектологии наблюдается уклон в сторону педагогики, герменевтики, семиотики.

Архитектоника модифицируется во взаимодействии человека с пространством многоуровнево и многопланово. На одном из ее высших уровней

рождается понятие «архитектоника человека» со множеством его смысловых аспектов: организация органов в целом, их гармонизированный рост, общая компоновка частей тела и т.д. Архитектоника тела человека начинается с генетических структур компонентов зачатия и с пропорций ребенка с его несоизмеримо большой головой по отношению к телу. Организация тела человека изменяется с возрастом. Она уменьшается к старости и завершается распадом после смерти. Более длительному сохранению подлежат костные элементы организма. Так сказать, его конструктивная антитектоника распадается в обратном порядке по отношению к росту и формированию. В общем виде морфологическая архитектоника человека может конструироваться как конституция человека – общий закон его построения.

Жизнь и смерть, созидание и распад имеют свое начало и конец. Если согласиться с тезой, даже в любви – величайшем движителе мира – присутствует архитектурное начало, в частности, в статическом плане любовных поз (тектоника сопряжения тел), и в динамическом процессе любовных игр, – архитектонику рождения новой жизни при соединении двух начал. Многие предметные, функциональные и генетические проблемы архитектуры личности в общей архитектонике наук о человеке и обществе еще не нашли своего разрешения.

Известно положение о том, что основные идеи человечеством уже высказаны, что начала всего уже есть. Это похоже на изобретение велосипеда. Проблема скорее в том, как организовать и архитектурно упорядочить полевые сети ноосферного континуума синархии в целостном мировоззрении. Ноосферогенез и техногенная цивилизация – это тоже архитектурные ракурсы мироздания. Дела современного человека не могут быть объяснены только из знаний прошлого, т. к. многие их результаты обращены к будущему. Существует достаточно много стереотипов о сущности и природе человека. Многие из них представляют собой идеологемы, мифологемы и архетипы, включенные в узлы сетевого континуума синархии научного знания.

Человек произошел не просто от обезьяны, как это однозначно утверждается в эволюционной теории происхождения видов, но и от взаимодействия с предметным миром в его освоении и приспособлении к собственным нуждам. Отсюда и понятие «труд создал человека». Хвостатый зародыш человека – тоже одна из подсказок. Не стоит упускать из виду разного рода космические вмешательства. Метаморфозы морфологии тела человека – есть ключи к ноосферной синархии.

Существуют религиозные мифы о том, как и зачем Бог создал человека. Есть и современная гипотеза о «человеке – пришельце из космоса». Гениальный собирательный архетип всеединого абсолюта создан русским православием: Бог

Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой, София (Личность и Лик). Для архитекторов, градостроителей и дизайнеров – аналогию этой дополненной троицы можно видеть в реалиях жизни – творце жизнеустройства, творце концепции – творце проекта – творце реализации. Наиболее яркими видами архетипов Д. Юнг считал сказки и мифы. Мечты и фантазии прошлого реализуются в настоящем и будущем. Продолжая этот ряд, гипотетически можно выделить своеобразные антиподы мифам и сказкам – программный архитектурно-градостроительный дизайн, концептуальное и сценарное проектирование.

Разные аспекты архитектоники как идеального и материального созидания проявляются в ее родственных модификациях, в архе- и архитектурных началах. Согласно представлениям Юнга: «Сюда же относятся образы природы, визуализированные в ее лучшем проявлении (Природа-мать), архетипические видения неба и рая» [44]. Заканчивая данный раздел, важно отметить обозначенные в нем контуры подходов архитектоники как культуры созидания, имеющие социально-философские основания.

7.3. Культурфилософия образования: хронотопия архитектурной культуры

7.3.1. Образовательная культурфилософия

Процессы архитектурного созидания самым непосредственным образом связаны с духовной и материальной культурой людей. В Древней Греции к строительству храмов их создатели под руководством архитекторов (мастеров высшей квалификации) пришли от мифической идеи приземления самого воспроизводства воображаемых ими богов и их деяний. В средние века храмовое строительство было канонизировано и символизировано. Требования принципиально новых идей мироустройства привели его творцов, в частности, к идее организации тайных обществ, поискам идеальных оснований единения и братства людей. Массонство, герметическая, кабалистическая и розенкрейцеровская символическая философия, сторонники магии и мистерии пытались сопрягать разнокачественность мира с учетом собственных и клановых интересов.

Предметно-идеальные и материально-предметные организационные формы культуры имели свои исторически подвижные доминанты. В определенные эпохи требовалось достраивать либо предметные формы, либо идеальные структуры какой-либо концепции, или то и другое перестраивать в связи с новыми потребностями общества. Шли художественно-эстетические и технико-технологические поиски путей визуализации смысловых структур, отражающих изменения в окружающем мире культуры.

Диалектику этого взаимодействия можно увидеть в «путинистических» глобальных процессах социальных взаимоотношений, в частности, «перестроечных», «постперестроечных», имеющих единую или сходную корневую основу со «строительством». В русском языке С. И. Ожегова имеются различные толкования этого слова. «Архитектоника – строительство – созидание – организация – преобразования – упорядочивание – создание» – все это разные грани не умоглядного или созерцательного, а деятельного взаимодействия человека с пространством. Следствием его является периодическая реформация государственного устройства, структурные и тектонические перемены. Если этого не происходит, то разрешение накапливающихся противоречий выливается в насилие и конфликты, имеющие революционную, а не эволюционную природу.

Долгое время в нашей стране созидательные силы находились под прессом царского тоталитарного или однопартийного давления. Богатейшие природные ресурсы России и творческие организационные возможности народа не использовались эффективно в полной мере. Огромный потенциал Отечества способен ускоренно реализовываться при условии правильной организации структуры созидательной деятельности как отдельного члена общества, так и его социальных групп. Триада – Отечество, Родина-Мать, государство имеют свои особенности для устойчивой целостности России.

Специфика архитектурной жизнедеятельности общества как раз и проявляется в принципиальной координации и субординации всех элементов, вступающих во взаимодействие. В плане конкретизации искусство согласования взаимосвязей проявляется в наиболее выгодных и благоприятных сочетаниях всего со всем. В узком смысле архитектоника выступает центральным моментом гармонизации и оптимизации системного развития отдельного в общем. В более широком смысле архитектурное взаимодействие совпадает с культурой целесообразной организации созидательной деятельности людей на планете, в околоземном пространстве и за его пределами.

Таким образом, предлагаемая концепция архитектурного взаимодействия человека с миром культуры становится тем ключом, который позволит организовывать структурные сопряжения всех родов и видов человеческого творчества. В своей развернутой форме архитектурный подход, базирующийся на предлагаемой концепции, лежит в русле идей тектонических искусств Г. Земпера и организационной науки (тектологии) Богданова А. А., архитектурной концепции Бахтина М. М., идеи Кагана М. С. об архитектурном творчестве человека. Понимание архитектуры как целостной философской методологии, обозначенной еще И. Кантом, в своей основе сопрягается с гегелевской концепцией «многообразия архитектурных форм».

Отсюда сверхзадачей в развертывании концепции архитектурного взаимодействия (понятие – идея – принцип – подход – теория) является реализация интегрального организационного потенциала духовных материалов человеческого созидания. Подобная позиция ведет к необходимости создания философски обоснованного учения об архитектурном взаимодействии человека с предметно-пространственным миром культуры в целом. Это междисциплинарное учение есть необходимое звено, связывающее философскую науку, системный подход и фундаментальные науки в единую информационно-коммуникативную сеть.

В русле отечественной философской мысли наиболее эффективным может стать развертывание архитектуры как учения, преемственного основным положениям тектологии Богданова А.А. Одна из концептуальных идей в развитии его положений определяет создание карт наук и философских учений о человеке. При помощи этих карт можно совершать увлекательные и полезные экскурсии проектных исследований по человековедению, техноведению, природоведению и обществоведению. Они могут иметь не только педагогическое значение, но и выполнять вспомогательные функции в превращении науки в непосредственную производительную силу. Посредником такого превращения может быть проектная деятельность и неограниченные возможности ее визуализации в коммуникативных пространствах информационных потоков.

В марксистско-ленинской философии как науке вере отводилось минимальное место. Сейчас ее еще меньше в поколебавшейся вере в саму эту науку. Основы старой науки потрясены, но без веры не может быть полноценных научных оснований. Важно отметить резко возросший в переходный период от советского к постсоветскому времени дефицит веры как таковой. На рубеже тысячелетий настоятельную необходимость ее реабилитации ощутили россияне. Частное ее проявление – вера в архитектуру как способ и как своего рода религию созидания, возможно, станет тем золотым ключом к разработке философии созидания культуры и преобразования на ее базе реформирования пространственной среды жизнедеятельности человека.

В нашем некогда монолитном государстве большинство важных организационных подсистем было поставлено под сомнение. «Отринулись» целые пласты фундаментальных аббревиатур: СССР, КПСС, КГБ, ВЛКСМ. Здравый смысл и национальное самосознание утрат и приобретений начинают входить в философию через новые убеждения ее творцов и новую культуру. Философия созидания культуры – это отдаленный идеал, к которому тяготеет вся философия, обращенная к творчеству человека в этом мире. Возможно, когда-то это развернется в целостный научно-философский цикл дисциплин, который будут преподавать, начиная со школы, одним из главных разделов которого обязательно

будет «архитектоника» – философия самоорганизации человека созидающего. В переходах от роли наблюдателя и «изменителя» пространства важно понять новую ступень – зачем и для кого менять?

В данном контексте разговор следует продолжать с тектонической культуры общества, о которой говорит Бачинин В. А. «Фундаментальные заповеди культуры утрачивают огромную долю своей императивности и табуальности. Оседают тектонические пласты общечеловеческой культуры, разламываются, рассыпаются ее ценностные слои ... Культура оказывается на пути к саморазрушению и вырождению» [16, с. 60]. Справедливо сказано здесь и о нашей отечественной культуре, пережившей лишь в последнем столетии несколько «тектонических разломов».

По образной характеристике Когана Л. Н. «культура может быть представлена в виде модели, напоминающей большой многослойный пирог». Не является ли это прообразом тектонической, каркасной, фахверковой многослойности социокультурной проблематики? Моделирование культуры как «пирога» есть дело и проектной архитектоники. Вероятно, именно проектная архитектоника социально-телематических преобразований и должна была прогнозировать «перестройку», чтобы ее замысел и концепция так разительно не отличались от полученных негативных результатов. Сказалось отсутствие общей программной архитектоники преобразований, в том числе в сферах культуры и экономики цивилизации находящейся в стадии переформатирования.

С этим словом с самого начала перестройки увязывались все реформы, изменения и преобразования, проходившие в стране. Перестройка как процесс общегосударственной реформации «выдвигала» своих лидеров. Появились так называемые «прорабы перестройки». Строительная лексика обогатилась новыми терминами: «партийное и хозяйственное строительство», «архитектура общеевропейского дома», «проект программы партии» и т.д.

Что же такое «перестройка»? Приставка «пере-» представлялась достаточно простой по смыслу и для понимания каждого. Однако она имеет в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова семнадцать значений. Казалось, дело обстоит гораздо сложнее с термином «стройка». Хотя в том же словаре за ним закреплено всего два смысла: «1) строить, 2) место, где производится постройка, а также само строящееся сооружение». Однозначно ясно, что только в первом значении слова и при его широком толковании, выходящем за рамки первых восьми значений слова «перестройка», можно охватить смысл происходившего в стране. Этот перестроечный процесс можно отнести с апреля 1985 г. по август 1991 г.

Интервал в 6 лет-это половина солнечного цикла активности. Из расчета 12-летнего срока полного гелиобиологического цикла новый виток неэффективных изменений совершился к 1997 году. После половины цикла с 2000 г. начинался

новый этап постпостперестройки Отечества и Родины, государства и страны. С 2018 года по итогам выбора президента В.В. Путина, вероятно, предстоит новая плановая шестилетка полифункциональной социалистической направленности.

7.3.2. Программирование хронотопов культуры

С точки зрения архитектурно-строительной деятельности как искусства, конечно же, является абсурдом, не закончив строительства, ломать и начинать «пере»страивать старое без ясного проекта нового. Но, видимо, абсурдность во многом изначально была запрограммирована для нашего некогда могущественного государства. Жесткая запрограммированность – обречена. Это так же естественно, как то, что испорченный ген зародыша должен так или иначе даже в его зрелом возрасте привести к болезни и в конечном счете к гибели, возможно, всего организма. Один из испорченных генов был, возможно задан для нашей страны еще в момент превращения из государства Российского в Российскую империю. Грань этого перерождения лучше знать историкам, а различные теории философии истории здесь лишь с той иной степенью достоверности объясняют закономерности фактов и итогов.

Войны, особенно нашего жестокого столетия, еще раз подтвердили могущество Западной цивилизации научно-технического толка по сравнению с традиционными Восточными культурами, культивирующими человеческую духовность. Это доказывалось весьма вульгарно и физически за счет укрепления могущественной силы техники. Сколько бы ни говорили о превосходстве духа над материальными силами, именно последние в конкретных случаях, например, убивали людей – носителей этого духа. Однако, с другой стороны, в условиях холодной войны более эффективными оказывались информационно-духовные начала.

Красивая фраза Н. А. Бердяева: «А поистине человек призван к царственной и творческой роли в мире» [18, с. 436], так же как и мысль А. М. Горького «Человек-это звучит гордо», превращаются попросту в изящные тезисы, постулаты, аксиомы. Царственность как высшее властное начало эхом отражается в «архи». Подавление одним человеком другого не есть идеал архитектурного возвышения человека. Не в примитивном возвышении человека над человеком, тем более за счет силы современного оружия, а в возвышении его над миром, благодаря синергии духа без ущерба ему и всем людям, заключена сущность гуманизма. В этом не царственная, а архиственная основа развития культуры подлинного созидания.

Нельзя однако уйти от вопроса о неравенстве людей. Ведь всегда было превосходство одних людей над другими. Это подтверждает, что корни здесь

глубже. Они и в природных началах: «Через любовь отчужденная женская природа воссоединяется с природой мужской, восстанавливается целостный образ человека» [18, с. 496]. Властное и ему подчиненное начало, соединяясь, образуют новую гармонию. В социально-национальных трансформациях хороший пример дает современная Америка под руководством Трампа. Чего только стоит снос памятников основателям, отцам, лидерам разных сторон гражданской войны, некогда бывших рабовладельцами.

Архитектоника ориентированных на интеграцию наук и искусств в структуре созидания неразрывно сопряжена с архитектурой творческой личности, и детерминирована, зависима от архитектурной культуры личности и общества. Ее отсутствие и неразвитость не позволяют действенно и целеполагающе направлять противоречивые процессы созидания и разрушения, идущие в обществе и прямо связанные с понятиями культуры и антикультуры. Дихотомически жесткое разделение на полярности не всегда корректно, так как явления культуры содержат в себе противоположности. Чтобы избежать логической ошибки в методологии и не разделять Человека на человека, проточеловека, псевдочеловека и античеловека нужно иметь предельные ориентиры, которые ограничивают абсолютизацию крайностей.

До самого запрета КПСС в ряде вузов страны преподавался предмет «Партийное строительство». Он трактовался как наука и учебная дисциплина. Были также и аналогичные предметы «Социалистическое строительство», «Советское строительство» [7]. Последний преподавался во всех юридических вузах страны и начинал свои истоки от декрета В. И. Ленина и СНК РСФСР от 11.02.1921 г. Крах многих организационных структур СССР в 1991 г. лишил строительство в ряде его институциональных форм самой предметности. Однако это вовсе не означает, что опыт подобного строительства вовсе бесполезен, особенно после клятвенных заверений М. С. Горбачева с цитатами по В. И. Ленину. Более того, отрицательные результаты есть лишь поворотный пункт для иных попыток строительства, перестроек и постперестроек, а шире – для формирования человеком организационных структур в морфологии развивающегося общества. Например, роль Народного Фронта в современной России влияет на политику четырех тектонически относительно устойчивых партий: «Единая Россия», «Справедливая Россия», «КПРФ», «ЛДПР».

Видимо, наряду с законами созидания, есть и законы, стагнации, разрушения. И те, и другие как проявления действенно-волевого позитивного и негативного творчества людей коренятся в социальной среде. Роль философии по-разному осознавалась классиками марксизма и ведущими представителями русской философской школы. Есть однако общая существенная черта – это, прежде всего, не созерцательное, а деятельностное и проективное отношение к

философии. Об этом прямо и недвусмысленно заявлял Н. Бердяев, когда находит сходство и у К. Маркса, и у Н. Федорова в стремлении преодолеть пассивное понимание апокалипсиса [19].

В визуальной архитектонике мирозидание с невидимыми планами и проектами приобретает зримые черты посредством моделирования и проектирования понятий, идей, концепций, теорий и наук. Даже такие явления, как управление армией, регулирование, организация государства, формирование и функционирование общественных организаций, благодаря визуально-графическим схемам приобретают зримые контуры. Как минимум визуальное и умозримое начинают работать в параллелях.

Проще говоря, модель атома и атом – это вещи разные. Можно, конечно, моделировать поведение атомов в синхрофазатроне, но это уже будет не естественный атом и не его модель, а нечто третье. На этом примере видны достоинства и недостатки рассматриваемого визуального подхода. Для пояснения соединения зримого и умозримого необходимо развернуть положения по ряду составляющих аспектов философских знаний как основы для концептуального проектирования, моделирования, программирования.

Даже самый хороший проект при его реализации может меняться. Это идет при схождении в одном человеке, с одной стороны, многогранности под знаком «Э» («этого, этих и это есть») = эстетического («красоты, гармонии и прекрасного»), этического («доброто, благополучного и достойного»), экономического («стоимости, оценки и ценности), а с другой стороны, многомерности под знаком «А» («альфа, архее и архи») = архитектурного («пространственно организованного»), архитектурного («материального, конструктивно выстроенного под идеал»), артефактического («системно пространственного целого»). Подобная логическая схема есть лишь одна из моделей переменного единства реальной и воображаемой личности, проходящей разные пики и падения с неизменными переменами во времени, дающем каждый раз новые еще более сложные модели архитектоники многолюдных пространств. Они также изменяются в многоликих зримых и умозримых хронотопах ансамблеобразований в быстроменяющихся городах планеты. Многомерное сфелторное проектирование по обновляющимся бизнес-планам, виртуальным программам, противоречивых прогнозов в противостоянии и взаимодействии парадигм экологического и технического еще усложняют теоретические построения по запросам практики. Реалии упрощений усложняющегося мира – это также иллюзии между человеком и предметом его интереса.

Анализ архитектурной культуры человека предполагает исследование противопоставляющих друг другу и неразрывно связанных отношений человека и предметного мира пространства. Рождение и жизнь есть переход от некоторой

безликой сублимации к разумному субъекту, а его становление и гибель – это превращение его в новую духовно-бездуховную предметность. Последняя может представлять в самых разных планах взаимосопрежений: рациональных и иррациональных, божественных и сатанинских, межпланетарных и космических. Мысли русских философов о божественном разрешении оппозиции «человек – предмет» лишь выводят нас в иные измерения, оставляя даже в богочеловеческой интерпретации возможность толкований Бога как некоторой абсолютизированной и сопряженной идеализированной сверхпредметности и сверхчеловечности. Интересны и современные интерпретации А. Меня («Бог – сын человеческий»), А. Мартынова («Бог – космический пришелец») и др. Для России, со своим путем развития, в быстроменяющемся мире важно не оказаться в тупиках фантастических утопий, разобраться в хитросплетениях возможного и невозможного, очевидного и невероятного с позиций «Живой этики» и «Русского космизма» (рис. 36, 37).

7.3.3. Образовательно-созидательные импульсы

Созидательно-разрушительное начало есть первейший признак проявления жизни в мире пространства, духа и материи. Например, в женщине сокрыта будущая, созидательная сила, способная претворить ее возможности в реальность. В мужском начале, наряду с активным созидательным потенциалом, заложен момент разрушения. Но не только в зарождении жизни идет поляризация созидания и разрушения. Диалектика их пронизывает действия всего живого: осетр идет на нерест, птицы улетаю на юг, человек изменяет свое окружение и меняется сам. Футуродизайн и архитектурное искусство ориентированные на быстрый успех используют тезис: «Обгоняй не догоняя» [135].

Созидание – это суперродовая деятельность человеческого общества. Оно совершается в двух формах: предметных и человеческих. Созидание человеком предметного мира рассмотрено авторами в монографиях «Архитектоника предметного мира», «Визуальная архитектура мирозидания», «Социокультурная антропоморфология городского ансамбля», «Архитектоническая культура человека» [126]. В человеческих формах созидание проявляется не только в организации жизни и деятельности субъекта, но и в самом его появлении на свет. Так, вынашивание плода женщиной по своей сути есть тоже процесс созидания.

Созидание несет в себе разные моменты, в том числе и процесс переработки. К. Маркс писал: «...Именно в переработке предметного мира человек впервые утверждает себя как родовое существо». Как бы продолжая эту мысль, Мартынов Ф. Т. утверждает: «Если в животном мире единицей переноса

опыта выступает биологическая особь, вместе со смертью которой умирают и ее индивидуальные «достижения», то в человеческом обществе единицей переноса достижений, опыта выступают не только отдельные индивиды, но и их предметный мир. Они – хранилища общественного достояния, общественной силы» [110].

Нормальный созидательный процесс двойственен в своей основе. С одной стороны, происходит техническое одушевление человека средствами объектов архитектурной культуры: радиоголос, телеизображение, информация на экране дисплея, движущееся голографическое изображение. С другой стороны, поступки человека, совершаемые в системе среды, формирующиеся средствами архитектурного, сопрягаются с искусством коммуникаций, управления, организации. Человек изменяет вещи, а те в свою очередь изменяют его.

По оценкам некоторых экспертов (отечественных и зарубежных) человеческой цивилизации осталось существовать от 50 до 150 лет, если не будут принципиально изменены механизмы и культура хозяйствования на Земле. Подобные пессимистические прогнозы в религии известны как «пришествие Антихриста», «конец света», грядущий «апокалипсис» и т. д. Современный кризис человеческой цивилизации усложняется, получает новые угрозы, а на условных часах «судного дня» осталось несколько минут.

Для мифических предчувствий человечества были свои веские основания, в частности, две последние мировые войны XX века. В разных уголках планеты идут перманентные «цветные революции» и локальные войны. Всем известны разрушительные возможности ядерного и термоядерного оружия, накопленного на планете. Эту демоническую всеуничтожающую силу вполне можно уподобить дьявольским началам, которые пока «стерегут» правительства, хотя и ценой огромных усилий. «Мирный атом» – идеальная метафора добренькой культуры. Рост количества членов «ядерного клуба» также не добавляет оптимизма даже при оптимизации общечеловеческих ценностей.

Семь лет (в эпоху «стареющих генсеков» Горбачева) люди в СССР жили под «знаком» необходимости перестройки того, что строили более 70 лет. По существу явно или неявно в качестве доминанты становления качественно «нового» общества признавалось утверждение всех важнейших форм взаимодействия человека с пространством культуры. В различных аспектах это было уже известно со времен Древней Греции в термине «архитектоника – строительное искусство».

Общепризнанным в понимании архитектурного является обращение к строительному искусству древних греков. Ведущим субъектом этой деятельности выступали главные строители или главные мастера, которые реализовали свои идеи в строительстве храмов и прочих городских сооружений. Диапазон

созидательного творчества был достаточно широким. Мужчина, добившийся расцвета и совершенства во всесторонней деятельности, назывался «архитектон».

Оппонентам архитектурного творчества как вида искусства, для того, чтобы доказать его недееспособность или вообще отсутствие такового, придется спорить не только с автором. Если с М. С. Каганом, который впервые аргументировано ввел этот термин, им можно еще поспорить, пользуясь аргументами и методами экспертов, представлявших все виды искусств в виде ранжированного строя по порядку расчета: первый, второй и т.д., то с Г. Земпером и Г. В. Ф. Гегелем распорядительными мерами не упрочить аргументацию. Стоит ли доказывать, что еще древние греки достигли в архитектонике (строительном искусстве) вершин мастерства. Скорее всего, именно они впервые использовали этот термин. Если оппонентам и этого недостаточно, то для авторов остается еще один аргумент мировоззренческого плана и практической убежденности их веры в то, что они делают с большинством народа как Общее Дело России [167, 52, 65].

Подтверждением эффективности архитектурного мышления могут стать исторические примеры деловой жизни Нижнего Новгорода. Нижегородская ярмарка была известна во всем мире как выставка и торговля вещами. Но мало кто помнит, что она была и ярмаркой идей и торговала помимо прочего своеобразным «Ноу Хау» тех лет. На ярмарке можно было купить и архитектурные, и технические проекты. Например, Савва Морозов купил архитектурный проект и построил по нему дачу под Москвой. Привлечь к работе по контракту специалистов, т. е. заполучить их идеи, знания, профессиональные навыки, пожалуй, не менее, а возможно более важно, чем купить готовый результат их труда. В прагматичную эпоху рыночных преобразований специалисты еще не получают должной оценки, и в ходу чаще купля-продажа вещей, а не идей. Хотя приоритеты и здесь меняются, но важно удержать достойные традиции [80, 171, 127] (рис. 40-49).

Ключевым вопросом интерпретации архитектурного взаимодействия человека и предметного мира пространства является выяснение того, как собственно архитектурное проявляется в жизни и деятельности человека. Иными словами, насколько слаженно идут разработки концептуальной идеи развития как позитивного созидательного процесса и как они реализуются. Хотя решение этого вопроса имеет глубокие исторические корни в критериях «целей» и «средств» их достижения, существо решения проблемы заключается в необходимости программирования хронотопов культуры.

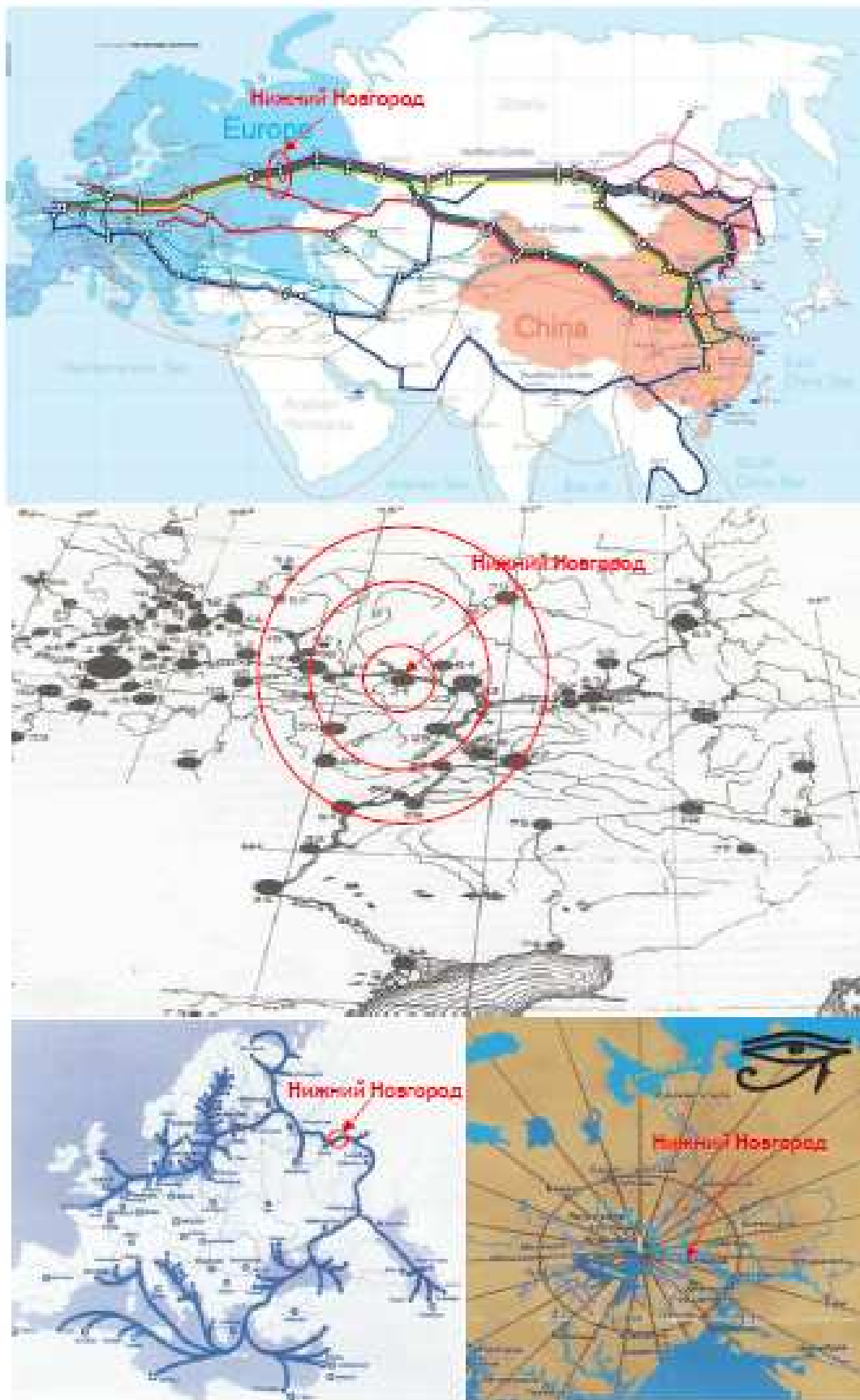

Рис. 47. Нижний Новгород в русской истории, агломераций, городов, водных путей и нового «шелкового пути»

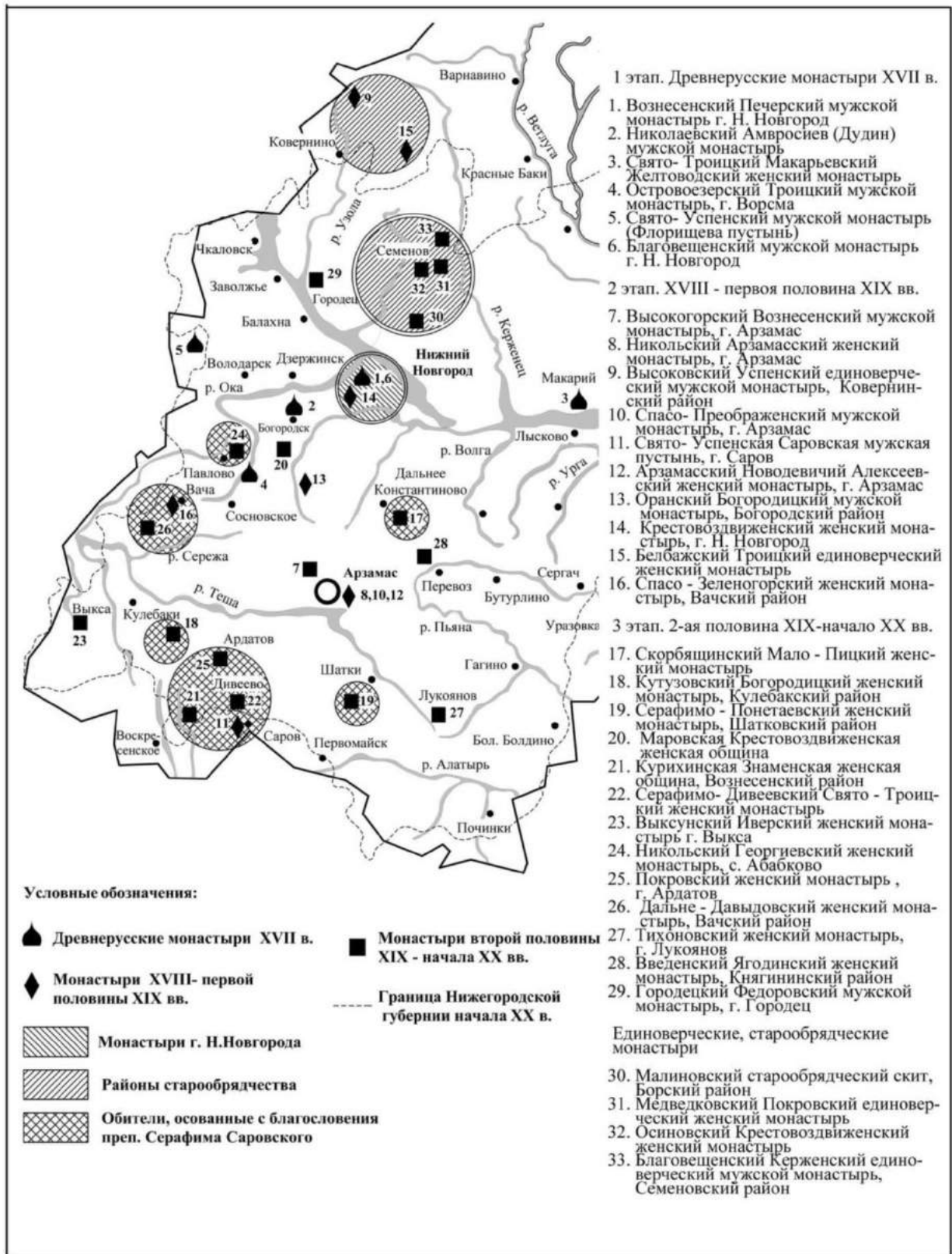

Рис. 48. Монастыри Нижегородской области
(в описании и графическом представлении архитектурной династии Шумилкиных)

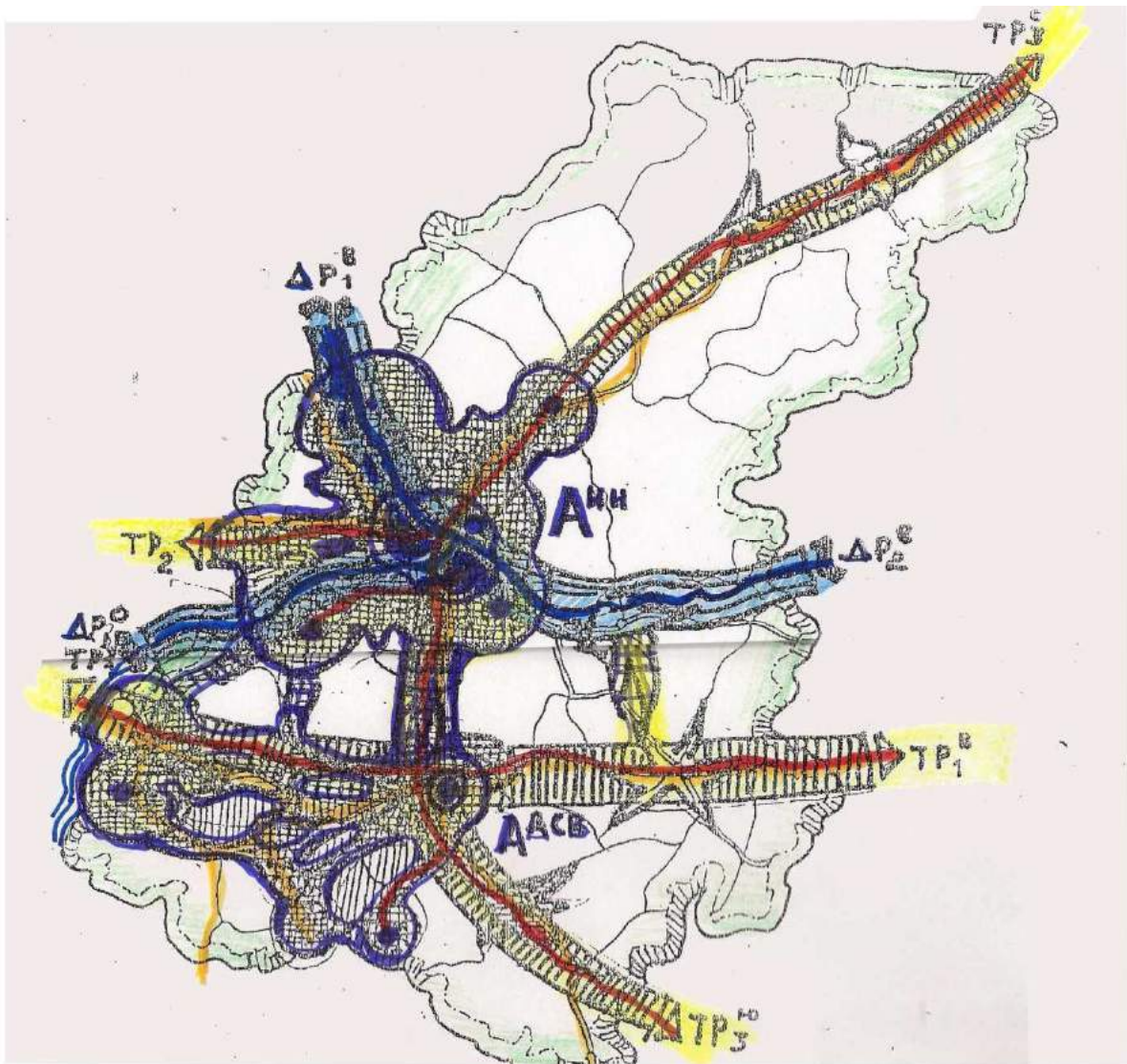

Рис. 49. Схема перспективной конфигурации Нижегородского мегаполиса с двумя агломерациями в XXI веке

АНН – Агломерация Нижегородская; **АСВМ** – Агломерация Арзамаско - Саровско - Выксунская - Муромская; **ТР 3 1** – Западный фрагмент трассы расселения (Муром – Навашино – Арзамас); **ТР В 1** – Восточный фрагмент трассы расселения (Арзамас – Перевоз – Сергач); **ТР2** – Трасса расселения (Вязники – Дзержинск – Н. Новгород); **ТР С- 3** – Северный фрагмент трассы расселения (Н. Новгород – Семенов – Шахунья); **ТР Ю -3** – Южный фрагмент трассы расселения (Н. Новгород – Арзамас – Лукоянов); **ДР В 1** – Долина расселения по р. Волга (Городец – Балахна – Н. Новгород); **ДР В 2** – Долина расселения по р. Волга (Н. Новгород – Кстово – Лысково); **ДР В 0** – Долина расселения р. Ока (р. п. Шиморское – Павлово – Н. Новгород)

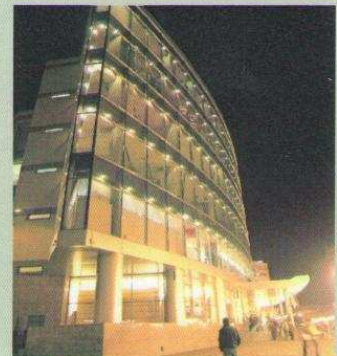

Рис. 50. Торговый центр «Республика» на площади Революции как пример «зеркального» включения в ансамбль объекта «без лица», но отражающего окружение

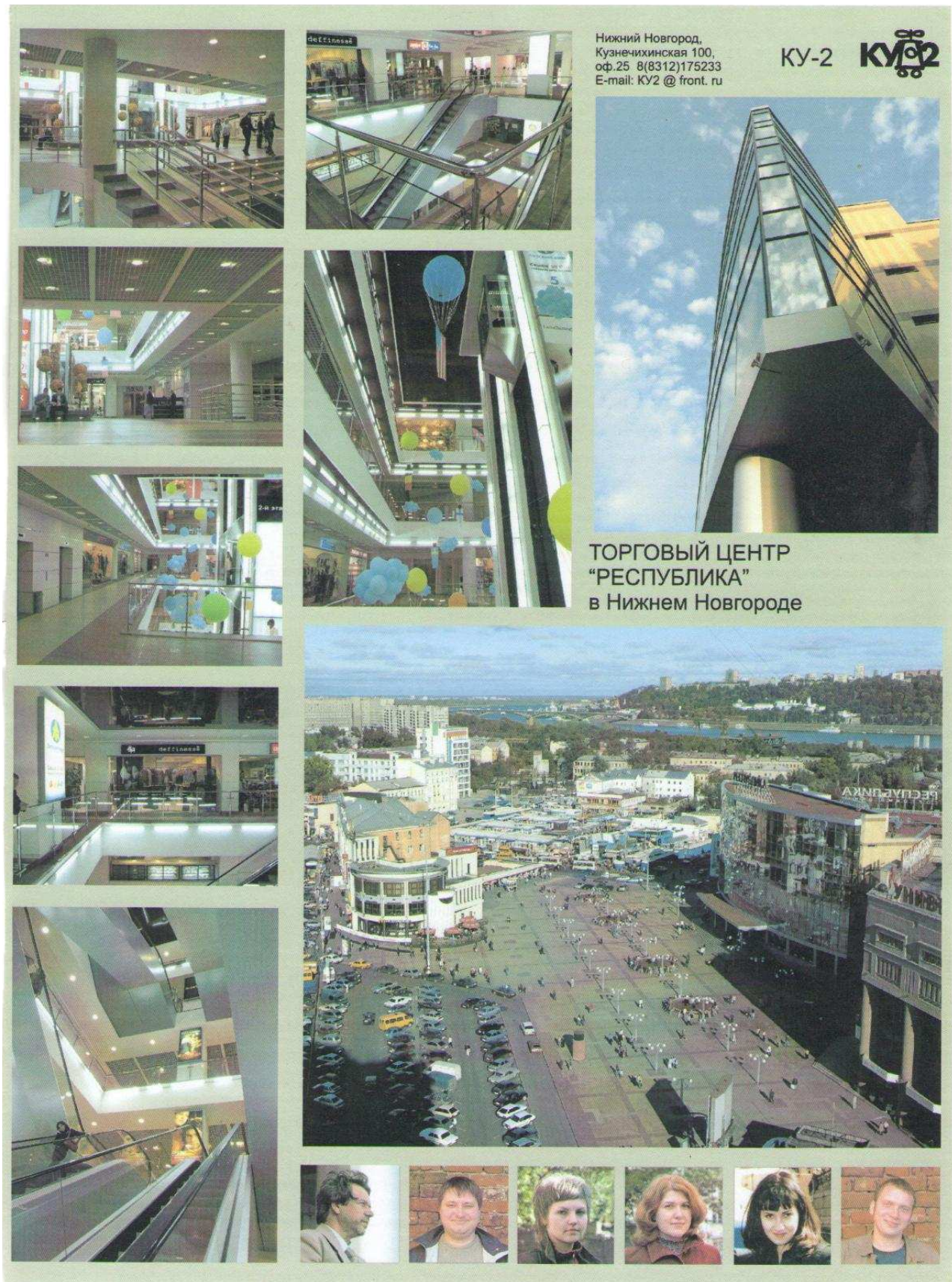

Рис. 51. Авторский коллектив проекта благоустройства площади Революции, Проекта ТЦ «Республики» и его интерьеров

Рис. 52 а, б. Проектные решения благоустройства площади Революции

Рис. 53 а, б. Проектные предложения по благоустройству Нижне-Волжской набережной, выполненные под руководством архитектора С. А. Тимофеева

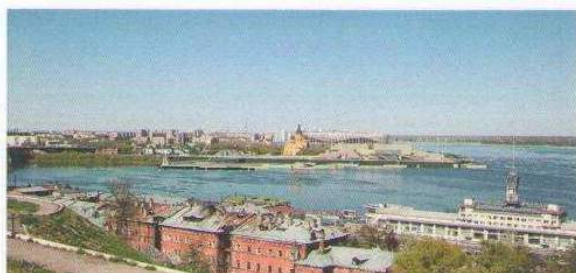
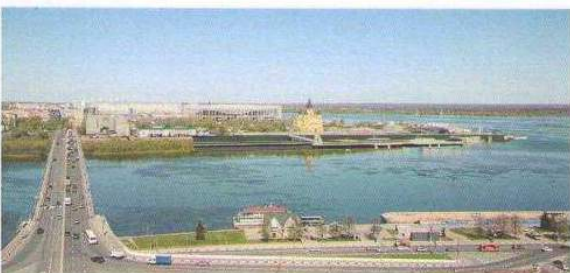
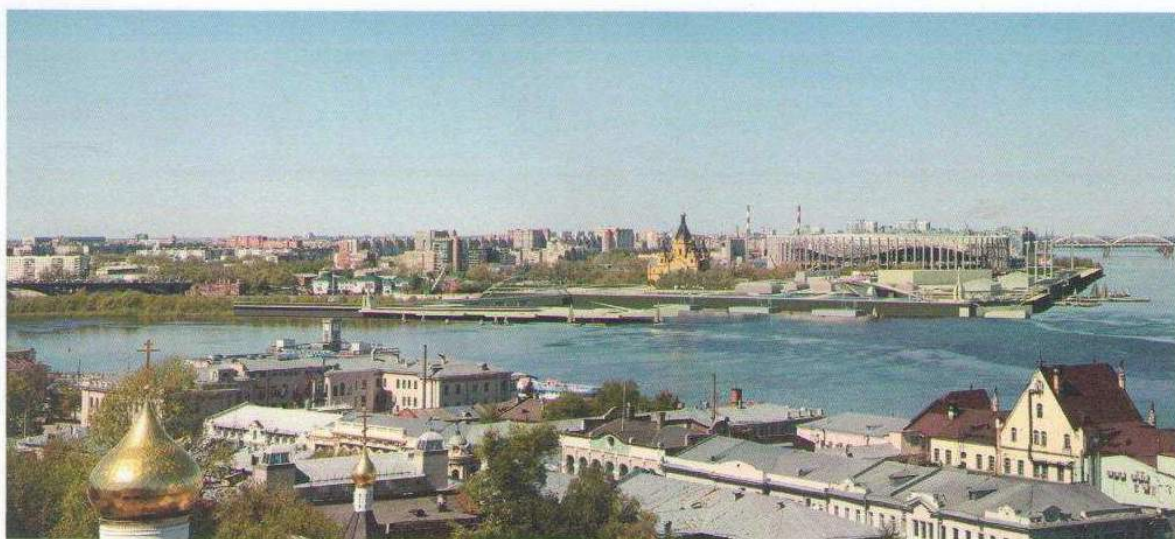

Рис. 54. Проектные предложения по благоустройству Нижегородской Стрелки, выполненные под руководством архитекторов С. Норенкова и О. Чеберевой, при участии А. Куликовой и Н. Фоминой

Идеальный перелет нефиксируемого человеческими органами и приборами объекта сегодня уже моделируется в лабораторных условиях. «Шапка-невидимка» становится реальностью. Если это так, то почему невозможно изобретение «наоборот»? С целью выявления того, что скрыто от глаз, «шапки-видимки» появятся со временем на свет в противовес тем, которые дают возможность скрыться, уйти. Реальность иллюзии увеличения и уменьшения предметов обеспечивают бинокли, телескопы и микроскопы. Обогатить бытие человека смогут и устройства не только умозримого или иллюзорного воссоздания, разрушения - созидания.

Процессы обозримого реального опредмечивания и распределмечивания – стержень всего архитектурного творчества человека. А если это так, то организация всякой материальной предметности должна соответствовать такому же иерархическому уровню сложности идеальной графической организации мыслительных структур. В этом отношении удивительная по пронизательности мудрости мысль была высказана Н. А. Бердяевым: «Нарушаются все твердые грани бытия, все декристаллизуется, распластовывается, распыляется. Человек переходит в предметы, предметы входят в человека, один предмет переходит в другой предмет, все плоскости смещаются, все планы бытия смешиваются» [18, с. 19].

Краткие выводы по седьмой главе

Если все видимое ускользает, превращается в прах и пепел, то как же разобраться в этом круговороте, настойчиво продолжая созидать архитектурную культуру как некоторую предметно-гуманизованную среду в системе расселения людей на планете и одновременно общую архитектуру просветленной, одухотворенной, человеческой культуры? Общая архитектура человекоцентристской методологии мирозидания; вопросы смысловой визуализации архитектурного подхода, способной помочь разобраться в сложнейших вопросах, возникающих при переходах «видимое – невидимое», – проблема следующих предстоящих научно-проектных исследований. Скорее всего здесь важны образы целесообразных целосно-ценостных соединений человек с предметом ради нравственно-идеологического более высокого. В качестве явного позитивного для авторов примером может служить уже традиционное шествие В. В. Путина с портретом своего отца – фронтовика с «Бессмертным полком» на 9-е мая по Красной площади столицы России. И тем не менее, завершая, хочется иметь ясность в главном по теме монографии должна же и бесконечность иметь свои истоки, начала, высокие идеалы, упорядочивания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специфика и новизна истолкования архитектурного, а также его проявления объединения и разъединения тектонических компонентов в гуманной организации хронотопов предметного мира пространства заключается в совокупном учете всех нижеперечисленных моментов.

1. В верховенстве гуманистического над предметным, в том числе и создаваемым самим человеком архитектурники пространственного мира.
2. Интегральности творческого начала, позволяющего гармонизировать отношения человека с пространством в ансамблевой целостности.
3. Универсальности созидания человеком всего, что его окружает и с чем он вступает во взаимодействие по архитектурным и синархическим закономерностям.
4. Особой иерархичности возвышения социогуманистического и общечеловеческого над индивидуально-личностным множества людей за счет иерархического выстраивания хронотопов предметно-вещного мира.
5. Организационном обустройстве гуманной предметно-пространственной среды по индивидуальной, групповой и родовой мерам человека и социума.

Совместное действие этих основных моментов, которые одновременно выступают своеобразными критериями эффективности и гармоничности архитектурных преобразований людьми пространства, определяет ориентиры в определении и фиксации культурфилософских границ самого архитектурного. В качестве своих субстратных и атрибутивных оснований архитектурное проявляется через архитектурное искусство, архитектуру как науку о создании гуманного предметно-пространственного мира, а также архитектурную культуру личности и общества.

Последнее есть особый срез любомудрой гуманизации культуры. В нем снимаются и сплавляются противоречия материального и духовного, этического и эстетического, субъективного и объективного, вещного и человеческого. В опредмеченных результатах человеческого труда реализуется архитектура нового и целесообразно организованных пространств. В конечном итоге в соответствии с иерархией архитектурного можно вести своеобразный отсчет в значительности приращения степеней свободы и необходимости человека по отношению ко всему сущему.

Человек является частью мира пространства. Однако, это такая предметная часть мира, которая не только рядоположена с другими его частями, но в своей универсальности иерархически своеобразно возвышается над ними. Это положение можно принять как следствие из факта иерархичности форм движения материи, роли и места в ней человека образованного и разумно созидającego.

Если человек универсально представляет все формы движения, то и в своей деятельности он воспроизводит подобную иерархию. Реализуется мудрое начало человека по отношению ко всему, что его окружает.

Архитектоническая культура общества все более проявляет себя в обеспечении любой деятельности человека как по ее собственным закономерностям, так и за счет совершенствования организации взаимосвязанных сфер пространства. Формирование упорядоченностей элементов пространства идет по последнему слову науки и с привлечением новаций сферы искусства. Искусство созидания и неразрывно связанная с ним архитектурная культура общества позволяют гармонизировать связи и ограниченности человека с окружающим его миром полей, сфер, сред.

Концептуальное осмысление решаемой проблемы, имеющей как культурфилософское, так и общенаучное значение, направлено на ускорение темпов социально-экономического развития России. Ценность дальнейшей исследовательской работы по архитектурному творчеству человека определяется необходимостью последующей разработки методологических проблемных комплексов науки, а также философии науки в их связи с решением вопросов интеграции науки, техники и искусства, с исследованием закономерностей истинно культурного формирования всего, что окружает людей современной ускоренно усложняющейся цивилизации.

Развертывание концепции архитектурной культуры пространства человека в данной работе обозначено в самых общих чертах. Ее продолжение намечается на стыке различных областей знания: философии и эстетики, диалектической логики и теории культуры на базе прикладного и фактического материала ряда общих, теорий архитектурного творчества: градостроительства и архитектуры, урбанологии и регионологии, технической эстетики и теории декоративно-прикладного искусства, менеджмента и теории искусства рекламы и т.д. Подтверждением необходимости дальнейших более глубоких исследований являются публикации учителей и кумиров рубежа тысячелетий, а также сама практика созидания и формообразования архитектурной культуры многих пространств, создаваемых людьми в разных странах и в разные эпохи.

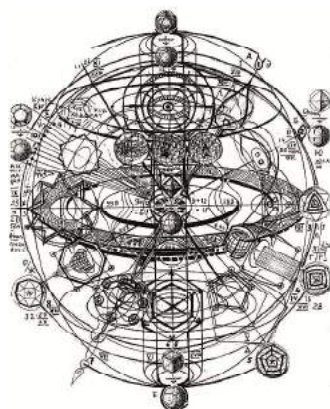
Человек без искусства и сферы творчества превращается в товар. Превращаясь в элемент технизированной машины, человеческое качество разрушается. Авторы стремились последовательно проводить архитектурный подход к пространству человека в аспекте его специфической интерпретации визуальных основ проектной культуры, чтобы сделать человека лучше. Поднимаемые вопросы привлекают внимание философов, культурологов, градостроителей, архитекторов, дизайнеров, экспертов, консультантов в сферах

проектирования и созидания. Стабильно и устойчиво развивающейся пространственной среды окружающей человека нет без человека как личности.

В дополняющих ракурсах системологической инфографики содержательно обсуждаемые разделы в тексте предстают в инфографических моделях приложения. По сути они представляют новый шаг становления современной неклассической науки. Аналогично периодической системе химических элементов Д. И. Менделеева они в перспективе должны привести к энциклопедическому картированию не только философии и науки, но и самой широкой практики бытия архитектоники пространства человека. В русле подобном персонализации медицины в перспективе следует ожидать многоликого мониторинга самой жизни хронотопов ансамблестроения.

Многое в обозримости реалий архитектоники пространства человека объясняется фразой: «То, что ты видишь – зависит от того, где ты стоишь». Абсолютная объективность «всевидящего ока» божественного уровня недостижима для отдельной личности даже обеспеченного бесконечно большим количеством камер и телескопов слежения. В компьютерной интерпретации множественность авторских, проектных, программных вариаций путей отражения налагает особые условия для сопряжения параллельных точек восприятия хронотопов ансамблеобразования.

Усложнение процессов получения итоговых решений в перспективе будет только добавляться, и это также проблема. Решение ее лежит на путях постижения наивысшего конфуцианского идеала: «Этот мир принадлежит всем». Ключи к данной величайшей мудрости мира в архитектонике, ноосферистике, синархии – их интеграция, синтезе, сопряжении. Сложности построения архитектоники современной науки отступают от принципиального вопроса всех людей о соотношении денег и духа. Ожидание ясного ответа на этот не простой вопрос от представителей искусства, которым не интересен человек не приходится. Понимание архитектоники пространства человека следует ждать от людей, которые ищут новые пути в процессах построения более перспективных хронотопов ансамблеобразования, но опять же для человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Анисимов, О. С. Основы методологического мышления в систематическом введении в методологию / О. С. Анисимов. – Москва : Внешторгиздат, 1989. – 412 с.
2. Антология медиафилософии / ред.-сост. В. В. Савчук. – Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2013. – 339 с.
3. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 1. Метафизика; О душе / Аристотель ; ред. В. Ф. Асмус. – Москва : Мысль, 1975. – 550 с.
4. Аронсон, О. В. Что остается от искусства / О. В. Аронсон. – Москва : Ин-т проблем соврем. искусства, 2015. – 341 с.
5. Асмус, В. Ф. Избранные философские труды. В 2 т. Т. 2 / В. Ф. Асмус. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 442 с.
6. Бакунин, М. А. Избранные философские сочинения и письма / М. А. Бакунин. – М. : Мысль, 1987. – 573с. : портр. – (Для научных библиотек).
7. Барабашев, Г. В. Советское строительство / Г. В. Барабашев, К. Ф. Шеремет. – Москва : Юрид. лит, 1988. – 560 с.
8. Батаева, Е. В. Видимое общество. Теория и практика у современной визуалистики / Е. В. Батаева. – Харьков : ФЛП, 2013. – 347 с.
9. Бахтин ; статьи, диалоги и его творчество : реф. на сб. // Общественные науки за рубежом. РЖ. Сер.7. «Литературоведение». – 1988. – № 8. – С. 32.
10. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – Москва, 1986.
11. Бахтин, М. М. Архитектоника поступка / М. М. Бахтин // Социологические исследования. – 1986. – № 2. – С. 112.
12. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984-1985. – Москва, 1986. – С. 137.
13. Бахтин, М. М. Проблема текста. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин // Вопросы литературы. – 1976. – № 10. – С. 122-151.
14. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Москва : Сов. писатель, 1979. – 363 с.
15. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1986. – 444 с.
16. Бачинин, В. А. «За человека страшно мне ...» (Искусство перед реальностью духовного кризиса) / В. А. Бачинин. – Москва. : Знание, 1961 с. – 64 с.
17. Безмоздин, Л. Н. В мире дизайна / Ташкент. политехн. ин-т им. Беруни. – Ташкент : Фан, 1990. – 311 с.
18. Бердяев, Н. А. Философия свободы / Н. А. Бердяев // Смысл творчества. – Москва, 1989.
19. Бердяев, Н. А. Человек и машина / Н. А. Бердяев // Проблема социологии и метафизики техники. – Москва, 1990. – С. 38-39.
20. Бесклубенко, С. Д. Природа искусства / С. Д. Бесклубенко. – Москва : Госполитиздат, 1982. – 168 с.
21. Библер, В. С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога) / В. С. Библер. – Москва : Политиздат, 1975. – 399 с.
22. Богданов, А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 2 кн. Кн.1-2 / А. А. Богданов. – Москва : Экономика, 1989.

23. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. О. А. Печенкина. – Тула : [б. и.], 2013. – 204 с.
24. Вавилонская, Т. В. История пространственных искусств. Архитектура постмодернизма / Т. В. Вавилонская. – Самара : СГАСУ, 2016. – 359 с.
25. Виньола. Десять книг об архитектуре / Виньола. – Москва : Стройиздат, 1939.
26. Витрувий, М. П. Десять книг об архитектуре : Т. 1 / М. П. Витрувий ; пер. Ф. А. Петровского. – Москва : Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1936.
27. Волкова, Е. В. Произведение искусства в мире художественной культуры / Е. В. Волкова. – Москва : Искусство, 1988. – 240 с.
28. Всесоюзная конференция по проблемам эргономического и психологического проектирования среды человеческой деятельности на промышленных предприятиях : тез. докл / под ред. З. И. Бигвава. – Тбилиси : ГФ ВНИИТЭ, 1983. – 402 с. : ил.
29. Гартман, Н. Эстетика / М. Гартман ; пер. с нем. Т. С. Батищевой [и др.] ; под ред. А. С. Васильева. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1958. – 692 с. – (Для научных библиотек).
30. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель // Гегель, Г. В. Ф. Сочинения. – Москва, 1959. – Т. IV, Ч. 1. – С. 3-256.
31. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. – Москва : Мысль, 1975. – 452 с.
32. Фихте, И. Г. Основы общего наукоучения / И. Г. Фихте. – Москва : Искусство, 1977. – 250 с.
33. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 3 / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Искусство, 1971. – 623 с.
34. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика. В 4 т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Искусство, 1968. – 330 с.
35. Гельфонд, А. Л. Архитектурное проектирование общественных пространств : учеб. пособие для вузов / А. Л. Гельфонд ; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2013 – 265 с.
36. Гидион, З. Пространство, время, архитектура / З. Гидион ; пер. с нем. М. В. Леонене, И. Л. Черня. – 3-е изд. – Москва : Стройиздат, 1984. – 455 с. : ил.
37. Гиндев, П. Философия и социальное познание / П. Гиндев ; пер. с болг. А. В. Федотова. – Москва : Прогресс, 1977. – 366 с.
38. Глазман, М. С. Проблема специфики эстетического в творчестве Бахтина / М. С. Глазман // Эстетика М. М. Бахтина и современность. – Саранск, 1989. – С. 77-81.
39. Гольдентрихт, С. С. О природе эстетического творчества / С. С. Гольдентрихт. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 241 с.
40. Гомбрих, Э. История искусства / Эрнст Гомбрих ; пер. с англ. В. А. Крючков, М. И. Майская. – Москва : АСТ, 1998. – 688 с. : ил.
41. Графические средства в курсе марксистско-ленинской философии / П. Е. Сивоконь, Л. Н. Самойлов, В. С. Лямин, Э. В. Гирусов. – Москва : Изд-во МГУ, 1978. – 128 с. : ил.
42. Грегори, Р. Л. Разумный глаз / Р. Л. Грегори. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
43. Григорьев, Э. П. Теория и практика машинного проектирования объектов строительства / Э. П. Григорьев ; Центр. науч.-исслед. и проектно-эксперим. ин-т автоматизир. систем в стр-ве "ЦНИПИИАСС". – Москва : Стройиздат, 1974. – 208 с. : ил.
44. Гроф, С. Трансперсональные опыты / С. Гроф // Человек. – 1991. – № 5. – С. 54-62.
45. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии : пер. с нем. / Э. Гуссерль // Ежегодник по философии и феноменологическому исследованию. – 1913. – № 1.

46. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – Москва : Академ. проект, 2010. – 229 с.
47. Делез, Ж. Кино / Ж. Делез. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2013. – 560 с.
48. Демин, Н. М. Системные методы исследования в архитектуре и градостроительстве : (Проблемы моделирования) : обзор / Н. М. Демин, Г. И. Лаврик, Ю. Н. Евреинов. – Москва : Центр науч.-техн. информации по гражд. стр-ву и архитектуре, 1970. – 40 с. – (Градостроительство).
49. Джинджихашвили, Н. Искусство и прогресс / Н. Джинджихашвили. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1977. – 402 с.
50. Добров, Г. М. Наука о науке : Введение в общее наукознание / Г. М. Добров. – Киев : Наукова думка, 1966. – 271 с.
51. Егоров, А. Г. Проблемы эстетики / А. Г. Егоров. – Москва : Сов. писатель, 1977. – 415 с.
52. Единая российская нация; проблемы формирования ее идентичности : сб. ст. участников Всерос. науч.-практ. конф. (25-27 окт. 2017) / науч. ред. Е. В. Валева, С. В. Намалков ; Арзамас. фил. ННГУ ; Фонд «Русский мир». – Саров : Интерконтакт, 2017. – 394 с.
53. Еремеев, А. Ф. Границы искусства : Социал. сущность худож. творчества / А. Ф. Еремеев. – Москва : Искусство, 1987. – 317 с.
54. Зеленев, Л. А. Город как архитектурное образование / Л. А. Зеленев, С. В. Норенков // Архитектурно-художественная организация городской и производственной среды. – Ленинград, 1983. – С. 19-25.
55. Зеленев, Л. А. Курс лекций по основам эстетики / Л. А. Зеленев. – Горький : ГИСИ, 1974. – 184 с.
56. Зеленев, Л. А. Методология человековедения / Л. А. Зеленев. – Нижний Новгород : МШЭУ : Универсум, 1991. – 76 с.
57. Зеленев, Л. А. Общая теория мировоззрения / Л. А. Зеленев, А. А. Владимиров. – Нижний Новгород : ВГУВТ, ОАЧ, 2017. – 144 с.
58. Зеленев, Л. А. Проблемы антропономии / Л. А. Зеленев // Проблемы антропономии. – Нижний Новгород, 1991. – С. 4-9.
59. Зеленев, Л. А. Процесс эстетического отражения / Л. А. Зеленев. – Москва : Искусство, 1969. – 175 с.
60. Зеленев, Л. А. Работы Нижегородского философского клуба / Л. А. Зеленев, А. М. Пищик. – Нижний Новгород : Издатель Гладкова О. В., 1970-2017.
61. Земпер, Г. Практическая эстетика / Г. Земпер ; пер. В. Г. Калиша ; сост. В. Р. Аронова. – Москва : Искусство, 1970. – 320 с. – (Проблемы материально-художественной культуры).
62. Зигель, К. Структура и форма в современной архитектуре : пер. с нем. / К. Зигель. – Москва : Стройиздат, 1965. – 267 с. : ил.
63. Иванов, А. К. Архитектура и общество : автореф. дис. ... д-ра архитектуры / А. К. Иванов. – Москва, 1967. – 18 с.
64. Илиади, А. Н. Эстетические потребности общества / А. Н. Илиади // Проблема потребностей в этике и эстетике. – Ленинград, 1976. – С. 64.
65. Ильин, И. А. Сильная власть. Русская идея / И. А. Ильин. – Москва : Э, 2017. – 704 с.
66. Исаев, А. П. Графическое моделирование в преподавании философии / А. П. Исаев, Н. П. Соколова // Философские науки. – 1990. – № 7. – С. 107-110.
67. Исторические города СССР : Новое и старое / ЦНИИ теории и истории архитектуры ; ред. Н. В. Баранов. – Москва : Стройиздат, 1987. – 270 с.

68. Каган, М. С. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа / М. С. Каган. – Москва : Политиздат, 1974. – 328 с.
69. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант // Кант, И. Сочинения : в 6 т. – Москва : Политиздат, 1964. – Т. 3. – 799 с.
70. Кант, И. Трактат. Логика. Пособие к лекциям 1800 / И. Кант // Кант, И. Трактаты и письма. – Москва, 1980.
71. Кедров, Б. М. Классификация наук. В 3 кн. Кн. 3. Прогноз К. Маркса о науке будущего / Б. М. Кедров. – Москва : Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1985. – 543 с.
72. Ким, В. В. Семиотические аспекты системы научного познания : Филос.-методол. анализ / В. В. Ким. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1987. – 223 с.
73. Киященко, Н. И. Теория отражения и проблемы эстетики / Н. И. Киященко, Н. Л. Лейзеров – Москва : Искусство, 1983. – 224 с.
74. Коган, Л. Н. Человек и его судьба / Л. Н. Коган. – Москва : Мысль, 1988. – 283 с.
75. Копалов, В. И. Общественное сознание: критический анализ фетишистских форм / В. И. Копалов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. – 221 с.
76. Косыгин, Ю. А. Тектоника / Ю. А. Косыгин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Недра, 1988. – 462 с.
77. Краткий очерк истории философии / В. Ф. Асмус, М. Т. Иовчук, А. О. Маковельский. – 3-е изд. – Москва : Мысль, 1975. – 798 с.
78. Крутиков, П. Г. Эрмитаж. Науки служат музам : [Об истории инж. и эксплуатац. служб музея] / П. Г. Крутиков, Н. А. Принцев ; отв. ред. Б. Б. Пиотровский. – Ленинград : Наука, 1989. – 171 с. : ил. – (Научно-популярная литература . Серия "История науки и техники").
79. Куницын, Г. И. Общечеловеческое в литературе / Г. И. Куницын. – Москва : Сов. писатель, 1980. – 583 с.
80. Купола Нижнего Новгорода. Образ мира в храме явленный... – Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2017. – 160 с. : ил.
81. Лакан, Ж. Тревога : пер. с фр. / Ж. Лакан, А. Черноглазова. – Москва : Гнозис : Логос, 2010. – 424 с.
82. Лебедев, Ю. С. Архитектура и бионика / Ю. С. Лебедев ; Центр. науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры. – Москва : Стройиздат, 1977. – 221 с. : ил.
83. Леггет, Р. Города и геология / Р. Леггет ; пер. с англ. В. З. Махлина. – Москва : Мир, 1976. – 559 с. : ил.
84. Лекции по истории эстетики. В 4 кн. Кн. 1 / М. С. Каган, Л. И. Новожилова, Т. Д. Верещагина ; под ред. М. С. Кагана. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 206 с.
85. Ленин, В. И. О социалистическом строительстве / В. И. Ленин. – Москва : Политиздат, 1987. – 463 с.
86. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 52 т. Т. 49 / В. А. Ленин. – Москва : Политиздат, 1978.
87. Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. В 2 т. Т. 2 / гл. ред. Т. Павлов. – София : Наука и искусство, 1981. – 756 с.
88. Лойфман, И. Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии / И. Я. Лойфман. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 111 с.
89. Лосев, А. Ф. Миф. Число. Сущность : сборник / ПА. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 1994. – 919 с.
90. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. – Москва : Сварог и К, 2000. – 492 с.

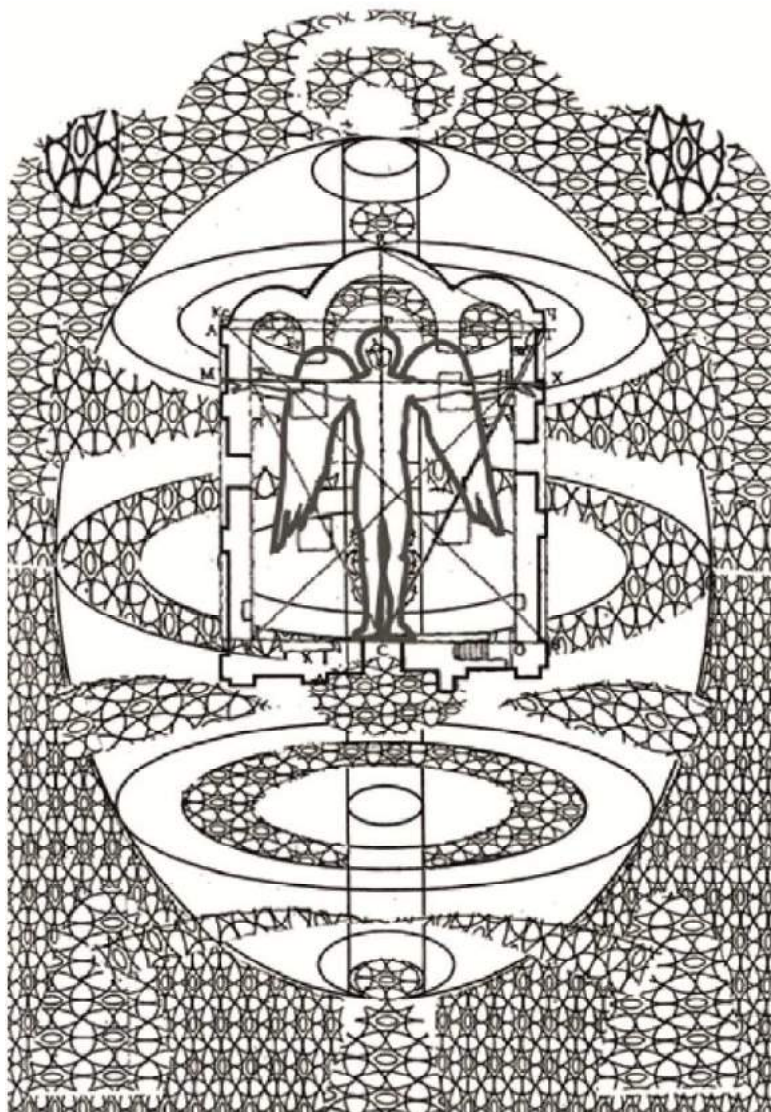
91. Лукач, Д. Своеобразие эстетического : пер. с нем. В 4 т. Т. 4 / Д. Лукач ; общ. ред. К. М. Долгова. – Москва : Прогресс, 1987. – 571 с.
92. Луначарский, А. В. Советское государство и искусство / А. В. Луначарский // Луначарский, А. В. Искусство и революция. – Москва, 1924. – С. 41–73.
93. Любутин, К. Н. Человек - мир - философия / К. Н. Любутин, П. П. Чупин. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1972. – 151 с.
94. Малахова, И. Г. Тектоническая корреляция : история идей / И. Г. Малахова ; ред. Ю. А. Косыгина и Л. М. Парфенова. – Москва : Недра, 1970. – 582 с.
95. Малахова, И. Г. Тектоническая корреляция : история идей / И. Г. Малахова. – Москва : Наука, 1989. – 111 с. : ил.
96. Малевич, К. Отъ кубизма и футуризма къ супрематизму. Новый живописный реализм / К. Малевич. – Изд. третье. – Москва : Искусство, 1916. – 171 с.
97. Малевич, К. С. О новых системах в искусстве : Статика и скорость / К. С. Малевич. – Витебск : Работа и изд. Артели худ. труда при Витсвомасе, 1919. – 32 с. : ил.
98. Мамардашвили, М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2010. – 288 с.
99. Маркс, К. Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Москва, 1957. – Т. 20.
100. Маркс, К. Введение (из экономических рукописей 1851-1858 годов) / К. Маркс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения : в 50 т. – 2-е изд. – Т. 12.
101. Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС. – Москва : Госполитиздат, 1956. – 689 с. : ил.
102. Маркс, К. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КП Сов. Союза. – Москва : Госполитиздат, 1952.
103. Маркс, К. Капитал. Т. 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения : в 50 т. – Москва, 1960. – Т. 23
104. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Москва, 1955. – Т. 3.
105. Маркс, К. Сочинения. В 50 т. Т. 13 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Госполитиздат, 1955.
106. Маркс, К. Сочинения. В 50 т. Т. 42 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Госполитиздат, 1955.
107. Маркс, К. Философско-экономические рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – Москва, 1955. – Т. 42.
108. Марксистско-ленинская эстетика. – Москва : Высш. шк., 1983. – 544 с.
109. Мартынов, Ф. Т. Магический кристалл : Эстет. восприятие и условность в искусстве : очерк / Ф. Т. Мартынов. – Свердловск : Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1971. – 172 с. : ил.
110. Мартынов, Ф. Т. Эстетическая деятельность и художественное отражение : Цикл лекций по марксистско-ленинской эстетике / Ф. Т. Мартынов. – Свердловск : Свердл. архитектур. ин-т, 1973. – 144 с.
111. Мастера советской архитектуры об архитектуре : Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов. В 2 т. Т. 2. Советская архитектура / под общ. ред. М. Г. Бархина [и др.]. – Москва : Искусство, 1975. – 584 с. : ил.
112. Материалы по тектонической терминологии / отв. ред. Ю. А. Косыгин. В 3 ч. Ч. 1-3. – Москва : ВЗИСИ, 1961-1964.

113. Мерло-Понти, М. История эстетики в памятниках и документах, Знаки / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. И. С. Вдовиной. – М. : Искусство, 2001. – 428 с. – (История эстетики в памятниках и документах).
114. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – Санкт-Петербург : Ювента : Наука, 1999. – 606 с.
115. Методика художественного конструирования. Дизайн-программа / В. Ф. Сидоренко [и др.]. – Москва : ВНИИТЭ, 1987. – 171 с. : ил.
116. Методологические рекомендации по использованию наглядности преподавания в вузе. – Свердловск : СГУ, 1977.
117. Методологические указания по оценке эстетических показателей качества промышленной продукции / Ю. Б. Соловьев, В. М. Мунипов, М. В. Федоров [и др.]. – Москва : ВНИИТЭ, 1975. – 79 с. : ил.
118. Методология и теория деятельности : тез. докл. к X Межзон. симп. – Горький : Издатель Гладкова О. В., 1982. – 202 с.
119. Минервин, Г. Б. Значение эстетических качеств в комплексной оценке предметно-пространственной среды / Г. Б. Минервин // Человек и среда : психологические проблемы. – Таллин, 1981. – С. 67.
120. Мичи, Д. Компьютер – творец / Д. Мичи, Р. Джонстон ; пер. с англ. Р. Н. Кравец, Э. Л. Напельбаума. – Москва : Мир, 1987. – 254 с. : ил.
121. Молчанова, А. С. На вкус, на цвет... : Теорет. очерк об эстет. вкусе / А. С. Молчанова. – Москва : Искусство, 1966. – 199 с.
122. Наглядные средства в преподавании философии / Г. М. Штракс, В. Н. Демин, Б. Колачек [и др.]. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 70 с. : ил.
123. Нижний Новгород. Иллюстрированный каталог объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения. В 2 кн. Кн 1 / отв. ред. А. Л. Гельфонд. – Нижний Новгород : Кварц, 2017. – 376 с. : ил.
124. Никола, У. Иллюстрированный философский словарь : от культа богини-матери до досократовских философов, от Платона и Аристотеля до Возрождения, от Канта до идеализма, от психоанализа до эстетики / У. Никола ; пер. с итал. Т. Н. Григорьева, Л. А. Подпятникова. – Москва : Бертельсман Медиа Москау АО БММ АО, 2006. – 583 с. : ил.
125. Новикова, Л. И. Эстетика и техника: альтернатива или интеграция? (Эстетическая деятельность в системе общественной практики) / Л. И. Новикова. – Москва : Политиздат, 1976. – 287 с.
126. Норенков, С. В. Синархия артефактов творчества : архитектоника ансамблестроения : монография / Е. С. Крашенинникова, С. В. Норенков ; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2017. – 298 с. : ил.
127. Орельская, О. В. Улица Большая Покровская : прогулки во времени / О. В. Орельская, С. В. Петряев. – Нижний Новгород : Бегемот, 2015. – 248 с. : ил.
128. Основы технической эстетики. – Москва : ВНИИТЭ, 1970. – 157 с.
129. Перро, К. Сокращенный Витрувий или Совершенный архитектор / К. Перро ; Перевод (посвящение и комментарии) архитектуры помощника Федора Каржавина. – Москва : Унив. тип. у Н. Новикова, 1789. – 230 с. : ил.
130. Петровская, Е. В. Теория образа / Е. В. Петровская. – Санкт-Петербург : Издат. центр РГТУ, 2011. – 281 с.
131. Проблемы современной теории архитектуры : сборник / Правл. Союза архитекторов СССР. – Москва : ЦНИИТИА, 1973. – 233 с.

132. Проблемы философской подготовки молодых научных кадров / И. Д. Андреев, В. И. Морозов, С. И. Гончарук [и др.] ; отв. ред. В. И. Морозов. – Москва : Наука, 1985. – 272 с.
133. Ребров, М. Ф. Путешествие в мир наук / М. Ф. Ребров. – Москва : Сов. Россия, 1978. – 160 с.
134. Рабинович, В. И. Основы теории советской архитектуры / В. И. Рабинович ; науч. ред. Г. Б. Пузик, В. И. Рабинович. – Москва : ВЗИСИ, 1958. – 222 с.
135. Рябушин, А. В. Архитекторы рубежа тысячелетий. Кн. 1. Лидеры профессий и новые имена / А. В. Рябушин. – Изд. 2-е. – Москва : Искусство-XXI век, 2010. – 432 с. : ил.
136. Савельева, Н. Т. Градостроительство : обзор. информ. / сост. Н. Т. Савельева, А. М. Журавлев. – Москва : ЦНТИ по гражд. стр-ву и архитектуре, 1982. – Вып. 3. Эстетическая организация архитектурной среды.
137. Савельева, Н. Т. Эстетическая организация архитектурной среды : обзор. информ. / сост. Н. Т. Савельева, А. М. Журавлев. – Москва : ЦНТИ по гражд. стр-ву и архитектуре, 1981. – 47 с. – Вып. 3.
138. Санкин, Д. Н. Марксистско-ленинская философия как система : Предмет, структура и функции / Д. Н. Санкин, Г. М. Штракс, Л. Г. Джахая [и др.]. – Москва : Изд-во МГУ, 1981. – 312 с.
139. Селецкий, В. И. Принципы наглядности и методика применения технических средств обучения в преподавании марксистско-ленинской философии : материалы к лекции / В. И. Селецкий ; Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. – Киев : Вища шк., 1976.
140. Система художественной сферы общества (образ Октября в искусстве) : материалы 45 Академ. симп. / Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Нижний Новгород : ННГАСУ : ОАУ : НФК, 2017. – 141 с.
141. Системный анализ и проблемы развития городов / Ю. С. Попков, М. В. Посохин, А. Э. Гутнов, Б. Л. Шмульян ; под ред. С. В. Емельянова. – Москва : Наука, 1983. – 512 с. : ил. – (Теория и методы системного анализа).
142. Справочник по тектонической терминологии / А. К. Башарин, Н. П. Башарина, Н. А. Берзин ; под ред. Ю. А. Косыгина, Л. М. Парфенова. – Москва : Недра, 1970. – 582 с.
143. Степанов, Д. Л. Общая стратиграфия / Д. Л. Степанов, М. С. Месежников. – Ленинград : Недра, 1979. – 423 с.
144. Су, Ши. О том, как хранятся книги в горном скиту ученого Ли / Ши Су // Зеркало мира : Писатели стран зарубеж. Востока о книге, чтении, библиотеках : Рассказы, отрывки из романов и повестей, эссе, памфлеты : [Переводы] / сост. В. А. Эльвов. – Москва, 1984. – С. 18.
145. Судьба России: альтернативы развития : в 2 ч. – Нижний Новгород : Общерос. акад. человековедения, 1997.
146. Тахтаджян, А. Л. Тектология : история и проблемы / А. Л. Тахтаджян ; И. Г. Малахова // Системные исследования. Ежегодник-1971. – Москва, 1971. – С. 205.
147. Ткемаладзе, А. А. Вопросы эстетического познания / А. А. Ткемаладзе. – Тбилиси : Хеловнеба, 1982. – 179 с.
148. Торшилова, Е. М. Можно ли поверить алгеброй гармонию? (Критический очерк экспериментальной эстетики) / Е. М. Торшилова. – Москва : Искусство, 1988.
149. Тофлер, А. Прогнозы и прогностика / А. Тофлер. – Москва : [б. и.], 1983.
150. Тофлер, А. Третья волна / А. Тофлер. – Москва : [б. и.], 1980.
151. Травин, Н. И. Материально-вещная среда и социалистический образ жизни / Н. И. Травин ; под ред. И. И. Леймана. – Ленинград : Наука, 1979. – 117 с.

152. Трубецкой, Е. Н. Три очерка о русской иконе / Е. Н. Трубецкой. – Новосибирск : Сибирь-XXI век, 1991. – 110 с. : ил.
153. Федоров, М. В. Потребительские свойства промышленных изделий / М. В. Федоров, Е. Е. Задесенец // Техническая эстетика. – 1977. – № 10. – С. 3.
154. Фейербах, Л. Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 1 / Л. Фейербах. – Москва : Госполитиздат, 1955.
155. Фейербах, Л. История философии. Собрание произведений. В 3 т. Т. 2 : пер. с нем. / Л. Фейербах ; под общ. ред. М. М. Григорьяна. – Москва : Мысль, 1967. – 544 с.
156. Фейербах, Л. История философии. Собрание произведений. В 3 т. Т. 3 : пер. с нем. / Л. Фейербах. – Москва : Мысль, 1974. – (Философское наследие).
157. Философия. Основные идеи и принципы : попул. очерк / А. И. Ракитов, В. М. Богуславский, В. Е. Чертихин, Г. И. Эзрин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Политиздат, 1990. – 367 с.
158. Фихте, И. Г. Второе введение в наукоучение для читателей, уже имеющих философскую систему / И. Г. Фихте // Фихте, И. Г. Избранные сочинения. – Москва, 1916. – Т. 1. – С. 441-505.
159. Флоренский, П. Столп и утверждение истины / П. Флоренский. – 2-е изд. – Москва : Академ. проект, 2017. – 908 с.
160. Фрагменты ранних греческих философов : перевод. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / изд. подгот. А. В. Лебедев ; отв. ред. И. Д. Рожанский. – Москва : Мысль, 1989. – 575 с.
161. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – Москва : АСТ ЕРМАК, 2007. – 588 с.
162. Хайдеггер, М. Время и бытие : ст. и выступления / М. Хайдеггер ; сост., пер. В. В. Бибихина. – Москва : Республика, 1993. – 445 с. – (Мыслители XX века).
163. Цай, А. В. Соотношение утилитарного и эстетического в продуктах материального творчества : автореф. ... дис. канд. филос. наук / А. В. Цай. – Ростов-на-Дону, 1966. – 16 с.
164. Человек и предметный мир : тез. докл. к межзон. симп. / науч. ред. Л. А. Зеленов. – Горький : Издатель Гладкова О. В., 1980. – 137 с.
165. Черников, Я. Г. Основы современной архитектуры : Эксперимент. исслед. работы / Я. Г. Черников. – 2-е изд., доп. – Ленинград : Ленингр. о-во архитекторов : Тип. им. Ив. Федорова, 1931. – 96 с. : ил.
166. Чернышевский, Н. Г. Статьи по эстетике / Н. Г. Чернышевский. – Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. – 316 с.
167. Чижов, М. П. Константин Леонтьев : единство в многообразии / М. П. Чижов. – Нижний Новгород : БИКАР, 2015. – 586 с.
168. Шептулин, А. П. Диалектический метод познания / А. П. Шептулин. – Москва : Политиздат, 1983. – 320 с.
169. Шефтсбери, А. Э. К. Эстетические опыты / А. Э. К. Шефтсбери ; сост. А. В. Михайлова. – Москва : Искусство, 1975. – 543 с.
170. Шпенглер, О. Закат Европы. Т. 1. Ч. 1 : Причинность и судьба : Введение. Гл. I-III / О. Шпенглер ; пер. с нем. и под ред. А. А. Франковского. – Москва : [б. и.], 1923. – 312 с. : табл.
171. Шумилкин, М. С. Нижегородское монастырское зодчество : монография / М. С. Шумилкин, С. М. Шумилкин, Т. В. Шумилкина ; Нижегород. гос. архитектур-строит. ун-т. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2018. – 195 с.

172. Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности : Методол. пробл. соврем. науки / Э. Г. Юдин. – Москва : Наука, 1978. – 391 с.
173. Юлдашев, Л. Г. Искусство: философские проблемы исследования / Л. Г. Юлдашев. – Москва : Мысль, 1981. – 247 с.
174. Яргина, З. Н. Градостроительный анализ / З. Н. Яргина. – Москва : Сройиздат, 1984. – 254 с. : ил.
175. Bakhtin: Essays a dialogues on his work / ed by J. S. Monson. – Chicago : Ohiv of Cnicago gress, 1986, XIII. – 191 p.

Норенков Сергей Владимирович
Крашенинникова Евгения Сергеевна

Архитектоника пространства человека:
хронотопы ансамблеобразования

Монография

Редактор
Н. В. Викулова

Подисано в печать ___ Формат 60x90 1/16. Бумага газетная. Печать трафаретная.
Уч.-изд. л. 17,9. Усл. печ. л. 18,4. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
603950. Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65.
Полиграфический центр ННГАСУ, 603950, Н.Новгород, Ильинская, 65
<http://www.nngasu.ru>, srec@nngasu.ru